

Клянусь Аполлону — врачу, Эскулапу, Гигее и Панацее, всем богам и богиням, взывая их свидетелями, что присягу эту и последующие обязательства сохраню строго по мере моих сил и способностей...

Образ жизни больных буду устраивать для их пользы, по мере моих сил и способностей, будучи далеким от всякого повреждения и всяческого вреда...

Если присягу сию сохраню свято и ни в чем ее не преступлю, да будет мне дозволено в счастье и уважении всех людей вести жизнь мою во все времена, и блаженными плодами моего искусства пользоваться обильно; если же присягу сию преступлю и стану вероломным, пусть тогда противной станет мне судьба моя...

Из клятвы Гиппократа 460-377 гг. до Р. Х.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

От чего должно быть
избавлено человечество

«Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице», — говорит Владимир Буковский в своем сухом и деловом обращении к крупнейшим психиатрам Запада, которым он переслал судебно-психиатрические экспертизы шести обреченных на такую страшную судьбу. Буковский, как мы знаем из мировой прессы, выслал в конце января 1971 года эти экспертизы вместе с письмами и другими документами, характеризующими этих людей. Отдавая себе отчет в том, что «заочно и не располагая клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания, либо утверждать отсутствие всякого заболевания», Буковский просит западных психиатров ответить лишь на один вопрос: «Содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества?»*

Буковский знает, о чем он говорит, так как сам подвергался насильственной госпитализации в психиатрической лечебнице, когда карательным органам советского государства было выгодно признать его невменяемым. Когда же им оказалось удобным

* См. стр. 471.

признать его абсолютно здоровым, ему пришлось заплатить за свое свободомыслие тремя годами исправительно-трудовых лагерей.

Буковский знает также, на что он идет, ставя этот вопрос перед мировой медицинской общественностью, прося обсудить его на международном конгрессе психиатров. Он знает, что ему грозит обвинение в «клевете на советскую действительность», и считает себя из-за этого «временно находящимся на свободе». Но он идет на это, надеясь, что сумеет, таким образом, поднять, наконец, этот вопрос на уровень, который столкнет его с мертвой точки. Ибо страшно подумать: уже десять лет, как мир знает об этой карательной практике советских властей, но еще не сделал ничего, чтобы положить ей конец!

Просачивающиеся на Запад отдельные сообщения об этой практике не пробивались даже в широкую печать: и обвинение, выдвигаемое против советской власти, слишком-де чудовищно, и источник-де (например, «П о с е в») — предвзятый, и человек, подвергающийся преследованиям, малоизвестный...

Лед молчания был в первый раз пробит на Западе делом Валерия Яковлевича Тарсиса, помещенного в психиатрическую лечебницу после опубликования на Западе его повестей «Сказание о синей мухе» и «Красное и черное». На книгу были хорошие отклики в английской прессе и из-за этого, когда пришло сообщение о заключении автора в сумасшедший дом (пресс-конференция «Граней» в Париже в феврале 1963 г.), мировая пресса подхватила это сообщение. Но настоящий шум поднялся только, когда Б. Я. Тарсис выслал за границу «Палату № 7» — романизированное описание своего пребывания в психолечебнице. Сенсация достигла своего апогея, когда Тарсиса выпустили в Англию, но отнюдь не привела к прин-

ципиальному обсуждению вопроса о заключении здоровых людей в сумасшедшие дома. Что же касается влияния, которое обсуждение вопроса в прессе оказало на советскую власть, то о нем мы узнали только позднее, когда В. Буковский сообщил, что своим неожиданным освобождением он был обязан выступлению Б. Тарсиса, назвавшего его среди заключенных в психобольницах.

Сообщения о дальнейших заключениях в психобольницы уже легче пробивались на страницы мировой печати, но возмущение с ее страниц прозвучало, пожалуй, только в случае известного биолога Ж. Медведева. Однако выпущен он был в результате действительно громкого протеста в самой России. В частности, помогло ему страстное выступление Солженицына («Вот как мы живем», см. стр. 403) и решительные голоса наших ученых. Отступила власть, вероятно, под давлением обращения наших ученых к своим коллегам за границей с призывом к научному бойкоту Советского Союза. Возмущение на Западе, однако, и в этом случае не вызвало никакой кампании против этого метода преследования как такового. Лишь один журналист написал большую статью, призывающую представителей мировой науки к решительному протесту (Виктор Зож в «Гардиан» от 8.6.1970, стр. 428). Но призыв оказался гласом вопиющего в пустыне. Стоило власти отступить в одном конкретном случае Жореса Медведева, как мир замолчал. Промолчал он и в ответ на крик души Зинаиды Григоренко: «Люди! Петру Григорьевичу Григоренко грозит смерть!» (стр. 435).

«Призыв 31-го» (стр. 173) выступать в защиту не только ученых, также остался без отклика, а на Западе — почти неизвестным.

Таково было положение, когда составители этой

книги поставили себе задачу собрать воедино весь поступающий из России материал об этом, самом от-
вратном виде советской репрессивной политики: о
бессрочном заключении душевно здоровых людей в
так называемые спецпсихобольницы (СПБ) или в
обычные психиатрические лечебницы, где они при-
нуждены находиться среди действительно душевно-
больных, находиться в строго тюремных условиях,
подвергаться истязаниям и «лечению» лекарствами,
влияющими на психику, делающими здоровых лю-
дей безвольными, а иногда и действительно сумас-
шедшими.

Составители отдают себе отчет в том, что собран-
ные данные не дают возможности увидеть эту со-
ветскую медицинско-юридическую (а на самом деле
просто криминальную) практику во всем ее объеме.
Тридцать пять «дел», описанных в первой части
книги, могут служить только как примеры из этой
практики и ни в какой мере не должны восприни-
маться читателем как описание всех случаев по-
литического преследования. Из-за этого составители
и не стремились представить эти «дела» в равном
объеме и не обращали внимания на число приложе-
ний и документов, иллюстрирующих каждое «дело».

Не берутся составители также утверждать, что
на основании материалов книги можно создать себе
полную картину того, в каких случаях политических
противников режима направляют в спецпсихоболь-
ницы, а в каких — в специальные палаты обычных
психиатрических больниц. Составителям известно
о существовании в стране семи спецпсихобольниц.
Это — существовавшая уже до войны СПБ в Каза-
ни, первая послевоенная СПБ в Сычёвке (Смолен-
ская область), открытая в 1952 году СПБ на Арсе-
нальной улице в Ленинграде, и четыре СПБ, откры-

тые в течение последнего пятилетия: в старой немецкой каторжной тюрьме в Черняховске (б. Инстербург в Восточной Пруссии) — открыта в 1965 г., в Минске — в 1966 г., в Днепропетровске — в 1968 г. и в Орле — открыта в конце 1970 г. О наличии других СПБ у составителей данных пока нет.

Известно также о существовании двух «спецпсихосанаториес» в Полтавской и Киевской областях, куда направляют политических противников режима, но нет данных, чем именно отличаются они от СПБ известного уже типа.

Нет также сведений о том, во всех ли обычных психиатрических больницах существуют специальные палаты. Благодаря В. Я. Тарсису прославилась описанная им в «Палате № 7» специальная палата «Канатчиковой дачи» (Психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. Кащенко, на Загородном шоссе 2, в Москве), куда часто направляют политических «больных». Неоднократно упоминается «Матросская тишина» (Психиатрическая городская больница № 3, на Матросской тишине 20, в Москве), «Столбы» (Психиатрическая городская больница № 5, ст. Столбовая Моск. ж. д., с. Троицкое), про которую говорят, что оттуда выносят только «ногами вперед», Рижская городская психиатрическая больница на Саркандаугаве (Краснодвинский район Риги) и др.

Все эти «больницы» формально подчинены Министерству здравоохранения, но в действительности их специальные палаты подчиняются также и КГБ. Подчинены ли спецпсихобольницы на самом деле целиком КГБ, или тоже лишь в какой-то мере, составителям не известно.

Всецело в ведении КГБ находятся психиатрические палаты, существующие во многих местах за-

ключения (Бутырки!) и в исправительно-трудовых лагерях («дурдома» — на лагерном жаргоне). Что они в большой степени используются в политических целях свидетельствует, например, А. Марченко (стр. 406-411).

Непосредственно от КГБ тянутся нити также к Центральному научно-исследовательскому институту судебной психиатрии им. проф. Сербского, (Москва, Г-34, Арбат, Кропоткинский пер. 23) и ко всем другим институтам судебной психиатрии. Институт им. Сербского — известное научное учреждение — приобрел дурную славу оттого, что именно в его стенах фабрикуются акты судебно-психиатрической экспертизы, на основании которых суды принимают решения о принудительном «лечении» здоровых людей. Особенно отвратительно, что таким образом порочится имя знаменитого русского врача-психиатра, профессора Владимира Петровича Сербского, прославившегося тем, что он «добивался прав о-в ы х г а р а н т и й для психических больных, а также правильной постановки и клинического ведения судебно-психиатрической экспертизы» (БСЭ, том 38).

Главную роль в фабрикации этих «экспертиз» играет доктор медицинских наук, профессор Даниил Романович Лунц, нагло появляющийся в Институте, а также в больницах, в мундире полковника КГБ. На его совести — муки сотен честных, абсолютно здоровых людей.

Составители книги не ставили перед собой цели особо осветить деятельность этой отвратительной личности, но она, как некая протоплазма, вновь и вновь появлялась на поверхности, зачастую даже в делах лиц, арестованных далеко от Москвы. По числу вынужденных упоминаний в книге от имени Лунца далеко отстают имена всех остальных вра-

чей-преступников. Но все-таки следует отметить, что второе и третье место в этом позорном списке занимают члены-корреспонденты Академии медицинских наук Г. В. и В. М. Морозовы. В книге есть и другие имена врачей — нарушителей клятвы Гиппократова, но и их список, к сожалению, не может претендовать на полноту.

Во второй части книги собраны свидетельские показания людей, сидевших или сидящих в СПБ (или в особых палатах ПБ). При подборке этих материалов составителями были исключены те документы, в которых нет возможности констатировать, не подписаны ли они псевдонимами. Сделано это для того, чтобы эта часть книги с правом могла рассматриваться в качестве подлинных свидетельских показаний.

В третьей части книги даны «сторонние свидетельства» в виде русских и иностранных статей или анализов советской практики использования психобольниц для борьбы с инакомыслием. Подбирая этот материал, составители с огорчением установили, что за границей принципиальных статей на эту тему написано не много. Тем ценнее вклад советских авторов в эту часть книги.

В приложении даны выдержки из Уголовного кодекса РСФСР со статьями, по которым обычно судят за инакомыслие, выдержки из популярной брошюры пресловутого Д. Р. Лунца «Советская судебная психиатрия» и список лекарств, применяемых в СПБ.

Особо для составителей встал вопрос о том, как документировать книгу, на какие источники ссылаться? С самого начала было, конечно, ясно, что книга рождается из российских документов, то есть из материалов Самиздата. Но Самиздат — недоста-

точно четко выраженное издательство, чтобы ссылка на него могла обеспечить будущему исследователю точность данных: размножаемые на пишущей машинке и ходящие по рукам в стране материалы невозможно пронумеровать и собрать в единую справочную библиотеку, а значит, и ссылка на них не предоставляет необходимой возможности проверки. Кроме того, Самиздатом — в чистом виде — следует считать материалы, размножающиеся для распространения по стране. Документ ли Самиздата, например, подписанное пятью лицами обращение к западному общественному мнению, переданное западным журналистам в Москве? Это же касается таких документов, как экспертизы, справки о пребывании в тюрьмах, концлагерях и психобольницах и т. п. материалы, передаваемые на Запад, но вряд ли ходящие в самиздатовской сети по стране.

Таким образом, составители пришли к заключению, что для читателей и будущих исследователей гораздо более ценны ссылки на заграничные журналы или газеты, откуда брался документ составителями.

Единственным исключением в этом плане следует считать «Хронику текущих событий» — периодическое издание Самиздата, выходящее в конце каждого второго месяца, начиная с 30 апреля 1968 года. К моменту составления книги, то есть к концу 1970 года, вышло 17 выпусков «Хроники», ставших одним из основных и притом поразительно достоверных источников информации, в частности, о преследованиях инакомыслящих в Советском Союзе. Пользуясь в книге цитатами из «Хроники», составители каждый раз давали ссылку на нее.

В своей работе составители полагались главным образом, на журнал «Посев» и его Специальные

выпуски, на журнал «Грани» и на архив самиздатовских материалов редакции «Посева», поскольку журнал «Посев», включая его Специальные выпуски, публикующие материал Самиздата и все «Хроники», — самый полный источник российских документов.

По мере того, как составители работали над книгой, количество материалов всё возрастало, и наконец пришлось поставить точку на материалах, датированных 1970 годом, включая сюда и информацию из «Хроники» № 17 от 31 декабря 1970 года. Исключение сделано лишь для обращения Владимира Буковского к иностранным психиатрам (стр. 470) (датировано 28 января 1971 г.), которое было передано западной прессе на пресс-конференции, данной от его имени Международным комитетом по защите прав человека в Париже 10 марта 1971 года. Это исключение составители считали тем более допустимым, что все приложенные к обращению документы датированы более ранними сроками (они в большой степени обогатили книгу). Это — обращение В. Файнберга из Ленинградской СПБ к организациям защиты прав человека (стр. 381); обращение Т. Великановой и В. Лашковой к советским психиатрам (стр. 467); судебно-психиатрические экспертизы Григоренко, Горбаневской, Файнберга, Борисова, Яхимовича и В. Кузнецова, включенные в книгу в выдержках при отдельных делах; уже упомянутый список лекарств (стр. 502) и др.

Если издание этой книги послужит не только более широкому ознакомлению с преступной практикой советских властей, но и поможет расследованию этой практики, к которому призывают Владимир Буковский и его друзья, то составители посчитают первую часть своей задачи выполненной.

Окончательно эта задача будет выполнена тогда, когда человечество будет избавлено от преступлений антимедицины.

Март 1971 г.

ЖЕРТВЫ

132357

Собранные в первой части книги трагические случаи людей, отправленных в сумасшедшие дома за свое несогласие с политикой режима, нисколько, естественно, не исчерпывают горестного списка жертв нового метода борьбы КПСС с политической оппозицией.

В книге они приводятся в алфавитном порядке, независимо от степени известности или положения. Под заглавием „Pro memoria“ в конце этой части приведены те, о которых не известно почти ничего, кроме имени. А сколько томится еще совершенно безвестных жертв по разным застенкам, именуемым, для удобства угнетателей, «психобольницами»?

В некоторых случаях, благодаря жертвенности целого ряда анонимных друзей, мы располагаем обилием подробностей, совершенно неразрывных в своей множественности. Это не обязательно самые страшные дела, но они позволяют нам уловить тайные замыслы палачей, раскрыть их методы.

Все эти известные и безвестные жертвы взывают к мировой совести, к совести каждого из нас.

БОПОЛОВ

Москва

«Б о п о л о в, студент Института иностранных языков, написал *письмо* в редакцию «Голоса Америки» с осуждением вторжения в Чехословакию. Письмо он не отправил, а потерял, после чего оно оказалось в институте. Курсовое собрание вынесло решение исключить его из комсомола и просить ректора исключить его из института.

Через 3 часа после собрания Бополов бросился в Москва-реку, но был спасен, после чего попал в психиатрическую больницу».

«Хроника текущих событий»

№ 5 от 25 декабря 1968 г.*

* В дальнейшем тексте дается сокращенно — «Хроника».

В. БОРИСОВ

Владимир

«Из двух номеров машинописного информационного листка *«Молодость»* стало известно, что 16 декабря 1968 г. в г. *Владимире* организовался *Союз независимой молодежи*, действующий легально на основе ст. 126 Конституции СССР. Организаторы Союза подали в горисполком заявление о его регистрации.

Согласно уставу, «Союз независимой молодежи» — «самостоятельная, независимая молодежная организация, хозяином которой является сама молодежь, самостоятельно направляющая всю деятельность Союза в рамках советской законности и самостоятельно руководящая этой деятельностью... Основная цель Союза независимой молодежи — всемерно способствовать развитию социалистической демократии и общественного прогресса в нашей стране».

Союз требует: «ввести подлинно свободные и демократические выборы», «настоящей свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и союзов де-факто», «не преследовать за убеждения», «издать все произведения, написанные советскими писателями», «ликвидировать незаконную, антиконституционную цензуру», «усилить борьбу с уголовной преступностью».

Кроме сообщения об организации Союза, листки содержат информационные сообщения из жизни страны и г. Владимира.

«Хроника» приводит отрывок из листка *«Молодость»* № 2:

«Во Владимире сотрудники КГБ тоже продолжают бесславные «традиции» сталинизма. Сотрудники Владимирского управления КГБ несколько раз угрожали лагерем Председателю Союза независимой молодежи В. Борисову и распускали про него гнусную клевету.

Владимирские КГБ-шники не брезгают даже воровать. Правда, они сами не воровали, а заставили двух малодушных людей выкрасть у В. Борисова два его рассказа (один рассказ был закончен, другой нет).

Даже среди партийных работников еще жив вредный дух сталинизма. Так, первый секретарь горкома КПСС *Лапшин* от имени КГБ и партийных властей, в присутствии секретаря парткома химзавода *Афанасьева*, запретил В. Борисову вообще говорить о политике, пригрозил ему концлагерем и сказал, что КГБ будет следить за ним всю жизнь.

Первый секретарь Владимирского обкома КПСС *Пономарев* отказался беседовать с В. Борисовым после того, как он узнал о том, что В. Борисов сказал, что он, Пономарев, «отгородился от народа МВД — высокой стеной, и народ видит только из окна машины, когда проезжает куда-нибудь». Обидчивый оказался Пономарев — не любит когда его критикуют.

В мае этого года Владимир Борисов, рабочий, по образованию филолог, подвергся обыску, после которого был насильственно помещен в городскую психиатрическую больницу. Через некоторое время в городе распространились *листовки*, рассказывающие о Союзе независимой молодежи и о судьбе его председателя. Гласность оказала некоторое действие.

Одного из организаторов Союза вызвали в горисполком и провели довольно мирную беседу о Союзе. Другьям Борисова разрешили видетсья с ним в больнице. Как они узнали при свиданиях, Борисову делали какие-то сильнодействующие уколы, хотя он был положен в больницу «на обследование». Администрация больницы, испуганная тем, что это стало известно, обещала выпустить Владимира Борисова 30 июня».

«Хроника»

№ 8 от 30 июня 1969 г.

В девятом выпуске «Хроники» (от 31 августа 1969 г.) сообщалось следующее:

«Под давлением общественного мнения, В. Борисов в начале июля был выпущен из психиатрической больницы. Его пребывание там оформлено как экспертиза для военкомата. Борисов признан здоровым».

Однако на этом молодого борца за права¹ и свободу в покое не оставили. О дальнейших его мытарствах мы кратко узнаем из десятого выпуска «Хроники» (от 31 октября 1969 г.):

«31 мая 1969 г. лейтенант милиции Шарый и с ним гражданин в штатском приехали на квартиру к Владимиру Борисову (г. Владимир) и, заявив, что ему необходимо явиться в военкомат, препроводили его в психобольницу. Зав. 9 отделением больницы Ю. А. Соколов насильно вводил Борисову аминазин и довел его до шокового состояния. После выхода из больницы Вл. Борисова вызвали в КГБ к В. И. Бузину, который сказал: «Прекрати мыслить, а то упрячем в тюрьму». Через месяц после этой угрозы В. Борисов был арестован».

После двухмесячного заключения В. Борисов был направлен на психиатрическую экспертизу, которая вынесла заключение о его невменяемости.

1 мая 1970 года Владимир Борисов повесился в больничном отделении Бутырской тюрьмы в Москве.

В. БОРИСОВ

Ленинград

Одиннадцатый выпуск «Хроники» от 31 декабря 1969 г. приводит характерный случай молодого члена Инициативной группы по защите прав человека в СССР* В. Борисова, однофамильца и тезки В. Борисова из г. Владимира:

«19 ноября состоялся суд над Владимиром Борисовым по ст. 190¹ УК РСФСР. В. Е. Борисов признан невменяемым; определением суда ему назначено принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа (т. е. в больнице-тюрьме). Одно из оснований уголовного дела против Борисова — его подпись под обращением в Организацию Объединенных Наций.

Борисов В. Е., 1943 г. рождения, электрик, член Инициативной группы по защите гражданских прав в Советском Союзе. С 1964 по 1968 г. находился в

* Инициативная группа по защите гражданских прав в СССР была создана весной 1969 г. в составе инженера Г. Алтуняна (Харьков), рабочего В. Борисова, (Ленинград), математика Т. Великановой, поэтессы Н. Горбаневской, рабочего М. Джемилева (Ташкент), биолога С. Ковалева, экономиста В. Красина, математика А. Лавут, церковного писателя А. Левитина (Краснова), переводчика Ю. Мальцева, математика Л. Плюща (Киев), научного сотрудника Г. Подъяпольского, лингвиста Т. Ходоровича, историка П. Якира, переводчика А. Якобсона.

психиатрической больнице-тюрьме в Ленинграде (Арсенальная, 9), (ст. 70 УК РСФСР). В мае 1969 г. Борисов подписывает обращение в ООН и письмо в защиту П. Г. Григоренко. В июне его вызывает гл. врач психоневрологического диспансера Выборгского р-на г. Ленинграда, где Борисов состоял на учете после выхода из спецбольницы весной 1968 г.

12 июня 1969 г. за Борисовым на работу прислали санитарную машину с двумя врачами из диспансера, отобрали у него имеющийся при себе Самиздат и увезли в диспансер. Никаких бесед с Борисовым не проводили. Один из врачей подошел к Ворисову и сказал: «Послушайте, Борисов, вы же нормальный парень, неужели вам в сумасшедшем доме хочется быть? Смените свои политические убеждения». Другой врач стал просматривать изъятую у Борисова литературу: «Это я видел, это видел, а вот это — что-то новое, надо посмотреть». Его окликнул коллега: «Оставь это, а то окажешься там же, где он».

Первым проявлением Инициативной группы была отправка, 20 мая 1969 года, в Комиссию прав человека ООН письма с просьбой поставить на рассмотрение вопрос о нарушении в Советском Союзе права на независимые убеждения и на их распространение любыми законными способами.

Члены Инициативной группы подверглись немедленно репрессиям со стороны КГБ. По сообщению «Хроники» № 11 от 31 декабря 1969 года семь из пятнадцати членов Группы были арестованы и отправлены либо в спецпсихобольницы, либо в концлагеря.

В диспансер приехала Джемма Квачевская, жена Владимира Борисова. Она просила отдать ей изъятую у мужа литературу, на что ей ответили: «Литература будет приложена к истории болезни».

Врач диспансера сказал Борисову, что «госпитализировал его не по собственной воле, а выполнял приказ», и отправил Борисова в 4-ю психиатрическую больницу г. Ленинграда (гл. врач больницы — одновременно главный психиатр г. Ленинграда — Беляев Владимир Павлович).

На следующий день с Борисовым беседовал В. П. Беляев в присутствии врачей и санитаров. Борисову задавались вопросы о его взглядах и убеждениях, о причинах госпитализации в 64 г. В конце беседы Беляев сказал, что судьбу Борисова будет решать комиссия, которая затребует документы из мест прежней госпитализации, что недели полторы Борисов будет находиться в этой больнице, что ему разрешается читать литературу, изданную в Советском Союзе, но нельзя ее комментировать больным, что можно иметь бумагу и карандаш, но все написанное Борисов обязан сдавать на проверку и не имеет права переписываться с волей. На вопрос Борисова: «На каком основании меня сюда привезли?» Беляев ответил: «К нам поступили сигналы, что у вас изменилось поведение: вы стали нервным, возбудимым». Беляев отказался сообщить, кто «сигнализировал».

23 июня Борисова пригласили в кабинет главного врача больницы, где присутствовала «высокая» комиссия: горпсихиатр В. П. Беляев, генерал-майор Тихонов, главный психиатр Ленинградского военного округа (несколько месяцев назад ушедший на пенсию; в 1965 г. комиссовал Борисова в Ленинградской тюрьме-больнице), зав. отделением 4-ой

психиатрической больницы и человек в штатском, отказавшийся назвать себя (как выяснилось позже, это был главный врач 3-ей психиатрической больницы г. Ленинграда *Случевский*). Вел беседу в основном *Тимофеев* — о прошлом, о причинах теперешней госпитализации. Борисову сообщили, что его привезли сюда за Самиздат и за подписание писем-протестов, которые могут (по словам человека в штатском) рассматриваться только как свидетельство психиатрического заболевания, либо хулиганства.

Тимофеев интересовался, каким образом Борисов познакомился с П. Г. Григоренко. Борисов ответил: «На Арсенальной» — т. е. в спецбольнице. Затем Тимофеев стал расспрашивать Борисова о других его московских знакомых, об их взглядах, о том, что и почему не нравится Борисову в советской действительности. Борисову был задан вопрос, как он собирается вести себя в дальнейшем, на что Борисов ответил, что никаких заверений давать не намерен: все будет зависеть от обстоятельств. На этом заседание комиссии закончилось.

Решение комиссии было объявлено не Борисову, а его жене: необходимо дальнейшее лечение. Борисов был переведен в больницу по месту жительства (3-я психиатрическая больница им. Скворцова-Степанова, 15 отдел.). В беседе с женой зав. отделением заявила, что Борисов нуждается в лечении, потому что ведет себя не так, как полагается нормальному человеку. На возражения жены, что это — не проявление болезни, а система взглядов, заведующая ответила: «Может быть, но ему не повезло: он состоит на учете. Поэтому то, что для нормального человека — система взглядов, для вашего мужа — проявление заболевания», и посоветовала жене по-

влиять на мужа, чтобы он образумился, а иначе ему придется постоянно лечиться.

В Самиздате имеется подробная запись о помещении В. Борисова в психобольницу — «Социально-беспокойный».

П р и л о ж е н и е

АМБУЛАТОРНЫЙ АКТ № 575

*по делу В. БОРИСОВА**

(дается сокращенно)

Мы нижеподписавшиеся, 14 октября 1969 г. в помещении 3-й психоневрологической больницы им. Скворцова-Степанова г. Ленинграда на основании постановления ст. следователя прокуратуры г. Ленинграда от 23 сентября 1969 г., свидетельствуем, что амбулатория освидетельствовала Борисова Владимира Евгеньевича 1942 года рождения, обвиняемого в преступлениях по ст. 190¹ УК РСФСР.

Обстоятельства дела: Борисов В. Е. работал в январе-июне 1969 г. в экспериментально-механических мастерских им. Калинина. Систематически распространял среди рабочих в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй, так и в печатной форме произведения такого же содержания.

* Стационарной экспертизы не проводилось. В. Борисов был сначала госпитализирован в больницу общего типа, без предъявления обвинения, а затем переведен в специальную больницу.

У Борисова были изъяты машинописные тексты девяти различных документов, содержащих ложные измышления. По делу установлено, что Борисов в 1964 г. был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступлений по ст. ст. 70, 72, 218 УК, однако судебно-психиатрической экспертизой от 23 января 1965 г. он был признан невменяемым.

Определением Ленгорсуда от 19 марта 1965 г. Борисов был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа, откуда был освобожден по заключению ЦСПЭК от 15 декабря 1967 г., признавшей, что Борисов в дальнейшем принудительном лечении в больнице специального типа не нуждается. В связи с вышеизложенным назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

По спецсправке Борисов ранее судим не был.

По показаниям свидетелей Петрова, Канорского Борисов у себя на работе показывал сотрудникам машинописные тексты в защиту якобы неправильно осужденного Григоренко, что Борисов якобы ездил в Москву, чтобы передать какие-то письма иностранному делегату Совещания Компартий. По показаниям матери испытуемого — Борисовой — она не считает его психически больным. В деле имеется акт стационарной судебно-психиатрической экспертизы, которую Борисов проходил в СПб МООП РСФСР в Ленинграде с 3 декабря 1964 г. по 23 января 1965 г. В акте имеется выписка из истории болезни № 117 ... 3758, где Борисов находился на обследовании с 10 января по 5 марта 1964 г.

Психическое состояние и поведение характеризо-

вались малоподвижностью, вялостью, замедленностью реакций, недостаточным контактом, выражением страха и злобы в жестах и мимике, нарушением ориентировки и неправильным осмыслением окружающего. Так, госпиталь принимал за концлагерь, врачей за садистов, рассматривал свою ладонь, водил по ней пальцем, «гадал», предсказывал всем «могилу».

Диагноз: «последствия органического заболевания головного мозга с шизофреноподобным синдромом»...

Заключение: Борисов В. Е. проявляет признаки органического поражения головного мозга с изменением личности (психопатоподобный синдром и снижение интеллекта), достигающие степени психического заболевания, и в настоящее время не может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В период совершения инкриминируемых ему деяний Борисов страдал тем же психическим заболеванием и был невменяем. Нуждается в принудительном лечении в больнице специального типа.

Согласно акту ЦСП комиссии от 15 декабря 1967 г. Борисов находился на принудительном лечении с 30 марта 1965 г...

Доставлен сантранспортом из 4-й ПБ Ленинграда. Был госпитализирован по неотложной госпитализации 12 июня 1969 г. В 4-й ПБ держался с переоценкой, без всякой критики, о прошлых госпитализациях говорил, как о намеренной симуляции, заявлял, что впредь будет бороться за свои убеждения. В 4-й ПБ был осмотрен комиссией в составе психиатра Беляева В. П., проф. Тимофеева Н. Н. и главврача 3-ей ПБ доцента Случевского Ф. И.

Диагноз: «Органическое заболевание головного

мозга с изменением личности, состояние декомпенсации».

12 марта 1969 г. был переведен в больницу им. Скворцова-Степанова. В приемном покое заявил, что не будет молчать, что «органы заинтересованы в признании его «сумасшедшим». На другой день при осмотре врачом сообщил о себе анамнестические сведения. Психических заболеваний в семье не было. В 7-летнем возрасте перенес грипп с менингальными явлениями. В подростковом возрасте получил травму головы без потери сознания при падении с крыши. Окончил 10 классов. В 1962-63 гг. служил в армии, демобилизован по диагнозу «Органическое поражение головного мозга», лечился в больнице г. Мурманска. Повторно находился в ПБ МООП, а затем в 3-й ПБ. После выписки работал. Последнее время стал активно посещать судебные процессы, высказывал свое мнение по поводу разбирательств на судебных процессах в многочисленных письмах, «агитировал против советской власти».

В 1969 г. женился, жена исключена из института за асоциальное поведение и выписана с его жилплощади. В больнице держался обособленно, с больными общался мало, много читал. С врачом разговаривал в снисходительном тоне, держался с некоторой рисовкой, намекал на какие-то «дела», которые он не «сделал», но не договаривал, заявляя, что это не входит в компетенцию врачей. Заявлял о намеренной симуляции в прошлом психического заболевания. Бреда и галлюцинаций не отмечалось. Обнаруживал некоторое снижение памяти и интеллекта. В больнице неоднократно пытался передавать письма недозволенного содержания через больных, посетителей. 11 октября 1969 г. был осмотрен главврачом д-ром Случевским Ф. И., который вы-

нес заключение, что Борисов обнаруживает последствия органического поражения головного мозга (менингоэнцефалит) с изменением личности по историческом типу...

Ориентирован правильно. Галлюцинаций нет. Обнаруживает выраженную переоценку собственной личности, с врачами разговаривает в снисходительно-насмешливом тоне. Заявляет, что никто не может поколебать его политических убеждений, но в чем они выражаются сформулировать не мог. Без критики относится к антигосударственным высказываниям психически больных, находившихся вместе с ним на принудительном лечении, уверен, что за связь с ними он подвергался слежке, однако далее идей преследования не развивает. Память, интеллект несколько снижены. Суждения поверхностные. С трудом воспроизводит элементарные сведения из программы средней школы, причем заявляет, что этого всего можно не знать, «я без этого могу вычислить схему для постройки моста». Держится со значительной рисовкой. Многозначительно не договаривает о себе и своей роли в каких-то «делах», намекает, что имеет сообщников, подчеркивает свое «особое» положение в больнице. Психически больным себя не считает.

Заключение:

Борисов В. Е. обнаруживает последствия органического заболевания головного мозга (менингоэнцефалит) со снижением интеллекта и изменением личности в степени, достигающей психического заболевания. Как психически больной в отношении инкриминируемых ему деяний невменяем.

Учитывая повторное и активное стремление к рас-

пространению антигосударственных измышлений, а также отсутствие критики к своему болезненному состоянию Борисов подлежит направлению на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

Подписи: Светланава Н. К.
Броверман Л. Б.
Щербатов

В. БУКОВСКИЙ

Москва

Имя Владимира Константиновича Буковского впервые появилось на страницах советской печати в начале 1962 года, в связи с выступлением на площади Маяковского авторов вольного литературного сборника «Феникс 61».

Весной 1970 года Буковский дал интервью корреспонденту американской радиокompании «Коламбия бродкастинг корпорэшен» («Си-Би-Си»).

О себе Буковский рассказал следующее:

Первый раз он был арестован 1 июня 1963 года за то, что у него на квартире были найдены при обыске две фотокопии книги Милована Джиласа. Продержав его в тюрьме несколько месяцев, следственные органы направили его в Институт имени Сербского, где его объявили невменяемым. В декабре того же года Буковский был заключен в специальную тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде, и пробыл там полтора года. В декабре 1965 года он был снова арестован за организацию демонстрации в защиту находящихся под следствием писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. Сперва его направили в обычную гражданскую больницу, а затем снова в Институт имени Сербского, где его продержали 8 месяцев. Однако, члены новой экспертной комиссии, назначенной для обследования Буковского, не смогли прийти к единогласному заключению о его психическом состоянии: двое заявили, что он болен, а двое других нашли его совершенно здоровым.

Тем временем был выпущен за границу его друг — писатель В. Я. Тарсис, который способствовал поднятию западного общественного мнения в защиту В. Буковского. В результате широкой кампании, организованной на Западе, в Москву приехал представитель международной организации «Амнести», которому удалось добиться освобождения Буковского безо всяких объяснений причин в августе 1966 года.

Однако через полгода он был снова арестован за организацию демонстрации протеста на Пушкинской площади в Москве против незаконного ареста органами госбезопасности Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой.

В результате нашумевшего процесса Буковский был приговорен к 3 годам заключения, которые он отбыл в Воронежском лагере для уголовных преступников.

Ниже — выдержка из «Обвинительного заключения по уголовному делу* по обвинению Буковского В. К., Делоне В. Н. и Кушева Е. И. по статье 190³ УК РСФСР»:

«...Буковский В. К., являясь противником коммунистической идеологии, еще в 1962 г. привлекался по ст. 70, ч. 1, УК за изготовление и распространение антисоветского документа и фотокопии части книги Джиласа «Новый класс». Тогда же он был признан душевнобольным и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Выйдя в 1964 г. из больницы, он установил связь с Тарсисом, а через него — с представителями НТС,

* По делу демонстрации протеста против ареста Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой.

которым он вместе со своими друзьями (Батшевым, Губановым) передавал машинописные сборники произведений молодых поэтов из числа так называемых «смогистов». Летом 1966 г. он совместно с Добровольским, Губановым, Делоне, Капланом встречался с эмиссаром НТС по имени Филипп, однако никакими враждебными действиями с его стороны эта встреча не сопровождалась...

Москва, 30 августа 1967 г.»

После освобождения, в январе 1970 года, он не отказался от своих убеждений и продолжал вести открытую борьбу за права и свободу, встречаться с иностранными корреспондентами и распространять вольную литературу, запрещенную в стране.

28 января 1971 года Буковский составил «Обращение к психиатрам»^{*} и приложил к нему материалы о психобольницах (более 150 страниц). Все эти документы были переданы западной прессе в Париже Международным комитетом по защите прав человека 10 марта 1971 года.

28 марта 1971 года В. Буковский был арестован и заключен в Лефортовскую тюрьму.

^{*} См. стр. 470.

Ю. ВИШНЕВСКАЯ

Москва

Первое сообщение о столкновении Юлии Вишневской с властями поступило из Москвы 12 декабря 1965 года. Извещая о состоявшейся 5 декабря на площади Пушкина демонстрации в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, иностранные корреспонденты сообщили об аресте трех участников: В. Буковского, Л. Губанова, а также шестнадцатилетней поэтессы Юлии Вишневской, которая была задержана непосредственно в школе, где училась.

Со слов В. Тарсиса, проживавшего тогда в Москве, все трое арестованных были отправлены в психиатрические больницы.

После своего освобождения Ю. Вишневская активно включилась в общественную деятельность и неоднократно заступалась за преследуемых властью инакомыслящих. Она подписала ряд писем протеста, в частности, призыв от 22 мая 1970 года правительству СССР и в ООН — «Свободу Андрею Амальрику!».

7 июля 1970 года Ю. Вишневская находилась перед зданием Мосгорсуда, где происходил процесс Натальи Горбаневской. Замеченная при попытках слушать суд у окон она была доставлена в милицию, а через два часа отправлена в Бутырскую тюрьму.

«Хроника» № 15 от 31 августа 1970 г. приводит описание столкновения с милицией и протесты друзей Ю. Вишневской против беззакония:

«Утром 7 июля 1970 г. у здания Мосгорсуда, где должен был происходить суд над Натальей Горба-

невской, собрались около 20 человек — друзья и знакомые Горбаневской, из которых в зал пустили только В. Чалидзе. В 11 часов собравшимся стало известно, что суд можно послушать у окон во дворе, так как заседание происходило в полуподвальном помещении. Человек 15 тихо стояли у окон во дворе, когда туда явился старшина милиции Кичкин, работающий постоянно в здании Мосгорсуда. Кичкин и прежде отличался грубостью в обращении с людьми, приходящими на политические процессы. На этот раз поведение его было беспрецедентным. Он сразу стал кричать и разгонять всех. Потом набросился на Юлию Вишневскую, схватил ее и бросил на землю. Владимира Тельникова, который обратился к Кичкину со словами: «Как вы можете так обращаться с женщиной?», Кичкин толкнул, порвав на нем рубаху, а затем сильно бросил на землю, так что Тельников поднялся, хромая. У Надежды Яковлевны Шатуновской, немолодой женщины, остались на руке ссадины и синяки — Кичкин выкручивал ей руки, толкнул на землю. Появившиеся тут же милиционер и двое дружинников — без повязок — схватили Тельникова и за волосы втащили в машину. Ю. Вишневская была задержана через час. Тельникова и Вишневскую отвезли в милицию. 9 июля им было предъявлено обвинение по ст. 191 — сопротивление властям, а 10 июля утром их отправили: Вишневскую — в Бутырскую тюрьму, Тельникова — в тюрьму на Матросской тишине.

Н. Шатуновская обращалась в милицию 7 и 9 июля, в прокуратуру 13 и 15 июля с *просьбой* направить ее для освидетельствования на судебно-медицинскую экспертизу, в чем ей было отказано. Заместитель прокурора Фролов мотивировал свой

отказ тем, что она якобы наставила эти синяки себе сама. 15 июля Шатуновская подала в прокуратуру Сокольнического района заявление о возбуждении уголовного дела против старшины милиции Кичкина.

7 июля, сразу же после инцидента, 16 человек направили письмо протеста председателю Мосгорсуда. В тот же день, после задержания В. Тельникова и Ю. Вишневской, в милицию были поданы заявления: П. Якира, Н. Я. Шатуновской, Т. Ходорович, Г. Подъяпольского, Н. П. Емелькиной. На следующий день было подано еще четыре заявления.

22 июля Ю. Вишневская была помещена на судебно-медицинскую экспертизу в Институт им. Сербского, где находится до сих пор. 24 августа Тельникову и Вишневской изменили меру пресечения: Тельников до суда находится на свободе, с него взяли подписку о невыезде; Ю. Вишневская по-прежнему в Институте им. Сербского, но изменили режим ее содержания — ей разрешили свидание.

Группа друзей Н. Горбаневской написала открытое письмо:

«В чем же все-таки действительная вина Тельникова и Вишневской, а также всех тех, кого швыряли и разгоняли во дворе суда 7-го июля?» — говорится в нем. — «В том, что они — друзья своих друзей. Не обязательно иметь неугодные начальству взгляды; можешь не защищать тех, кого преследуют за убеждения; но если ты лично, по-человечески сочувствуешь этим людям — жди расправы. Оказывается, криминальное дело — стоять во дворе, где судят твоего друга, преступление — подойти к окну... Человек может потерять все свои права, все свободы, но ему — чтобы остаться человеком — нужно сохранить за собой последнюю сво-

боду — право на любовь к ближнему. Нам остается одно: доказать, что мы еще люди».

22 июля Ю. Вишневскую поместили на судебно-медицинскую экспертизу в Институт им. Сербского, где продержали ее до 12 октября.

Экспертная комиссия признала ее невменяемой с диагнозом «вялотекущая шизофрения» и оставила на попечение родителей под надзором районного психиатра.

26 или 27 марта 1971 года Юлия Вишневская была снова арестована и направлена в психолечебницу (клиника № 58).

О. ВОРОБЬЕВ

Москва

12 сентября 1969 года у известного церковного писателя А. Э. Левитина-Краснова был произведен на квартире обыск с изъятием ряда его работ.

Перед обыском у него сидели его друзья Олег Воробьев и Вадим Шавров. Обыск начался как только оба вышли из дома, но сами они вскоре были задержаны милицией по подозрению в «краже чемоданов». Шаврова выпустили после того, как кончился обыск и А. Э. Левитина-Краснова уже увезли. Воробьева в милиции обыскали — без предъявления соответствующего постановления — отобрали у него «Письмо членам Политбюро» В. И. Ленина (о событиях в Шуе)* и отправили в буйное отделение психиатрической больницы № 15, откуда он был выпущен лишь 20 октября 1969 года.

24 сентября 1970 года он был снова арестован и обвинен по ст. 70 УК РСФСР.

Олег Иванович Воробьев родился в 1940 году. Ныне простой рабочий, он был в прошлом студентом филологического факультета МГУ. В январе 1966 года его исключили из университета за участие в

* Об этом письме В. Молотову, в котором Ленин требовал расстрела многочисленных представителей духовенства г. Шуя по вымышленному обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, сообщалось в «Хронике» № 9, от 31 авг. 1969 г., и № 15, от 31 авг. 1970 г.

демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года.

Как сообщалось в «Хронике» № 16 от 31 октября 1970 г. «с января по март 1966 года после беседы с уполномоченным ГБ по гуманитарным факультетам МГУ («Елена Борисовна») был помещен в Институт им. Сербского, где был признан психически полноценным. Затем, восстановившись на заочном отделении филологического факультета МГУ, работал учителем в г. Буй, Костромской области. Последнее время работал в Перми и в различных геологических партиях. О. Воробьев неоднократно подписывал письма протеста, поддержал обращение членов Инициативной группы в ООН».

Ю. ГАЛАНСКОВ

Москва

Юрий Тимофеевич Галансков, 1939 года рождения, широко известен, как один из самых принципиальных борцов за свободу, бросивший власти вызов своим «Человеческим манифестом» («Вставайте! Вставайте! Вставайте! О, алая кровь бунтарства! Идите и доломайте гнилую тюрьму государства!»), появившемся в «Фениксе» № 1* в 1961 г., и передовой статьей «Феникса 1966» «Можете начинать»,** в которой он предсказал: «Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию». Он широко известен, как главный обвиняемый «дела четырех» (Гинзбург-Галансков-Добровольский-Лашкова), по которому ему дали семь лет лагерей строгого режима.

Однако о Юрии Галанскове широко не известно, что уже с 1962 года его неоднократно подвергали пусть краткосрочному, но принудительному заключению в психиатрических больницах. В последний раз он находился там «на лечении» в марте и апреле 1966 года.

Во время суда над Галансковым в январе 1968 года*** эксперт профессор Лунц, неоднократно ранее утверждавший, что Галансков невменяем, категорически заявляет, что он абсолютно здоров, что прош-

* См. «Грани» № 52, декабрь 1962 г.

** См. «Грани» № 63, март 1967 г.

*** См. «Процесс цепной реакции», изд. «Посев», 1971. 488 стр.

лые экспертизы были неверны, что устарело его (Лунца) определение шизофрении.

В связи с тем, что всё «дело» Галанскова не типично «для «дел» лиц, заключенных в спецпсихобольницы, мы ограничиваемся здесь этой краткой справкой о нем.

В. ГЕРШУНИ

Москва

17 октября 1969 г. в Москве был арестован член Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР каменщик Владимир Гершуни.

«Хроника» № 11 от 31 декабря 1969 г. сообщила в связи с этим следующее:

«Гершуни Владимир Львович, 1930 г. рождения, племянник основателя партии социалистов-революционеров — Г. А. Гершуни.

В 1949 г. Владимир Гершуни был арестован и решением Особого совещания осужден на 10 лет спецлагерей за участие в антисталинской юношеской группе. Дело 1949 г. вел следователь МГБ *Никольский* (в настоящее время он пенсионер). Вл. Гершуни истязали на следствии. Он был в том лагере, который описан в повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», был вместе с автором повести.

Гершуни — человек с необычайно развитым инстинктом справедливости. Противодействие лжи, насилию, для него не часть жизни — а вся жизнь. Он непримирим к любым проявлениям сталинщины. В числе других, обличающих произвол документов, В. Гершуни подписал обращение в Комиссию по защите прав человека ООН.

За три недели до ареста В. Гершуни был задержан в метро (см. «Хронику» № 10 от 31 октября 1969 г.). У Гершуни на линейной службе милиции (обыском руководили лица в штатском) были изъяты материалы Самиздата (в том числе письмо В. И. Ленина

членам Политбюро от 1 февраля 1922 г. и рукопись сатирической повести «Дядя»).

На следующий день после ареста Гершуни — 18 октября 1969 г. — у него на квартире был проведен обыск. В протоколе обыска указаны два наименования: 1) самиздатовские рукописные и машинописные материалы; 2) П. Г. Григоренко, сборник «Памяти Костерина» — машинописный текст.

21 октября на квартире у Гершуни был произведен повторный обыск. В этот же день в Москве на квартире у Натальи Горбаневской, Татьяны Ходорович и Анатолия Якобсона также были произведены обыски — весьма возможно, что по делу Гершуни.

Следствие по делу Гершуни ведет следователь прокуратуры г. Москвы Н. В. Гневковская. Обвинение предъявлено по ст. 190¹ УК РСФСР.

После ареста Гершуни был помещен в Бутырскую тюрьму, через неделю он был переведен в Институт им. Сербского для психиатрической экспертизы, которая признала Гершуни невменяемым».

Обвинение, предъявленное ему следователем, почти полностью повторяло формулировку ст. 190¹. Владимир Гершуни отрицал, однако, за собой какие-либо преступные действия.

По делу Гершуни было вызвано не менее 15 свидетелей, все старых знакомых и людей с двух его последних работ (жировой комбинат и строительство). Большинство рабочих ничего дурного про Гершуни не сказали, но некоторые показали, что он допускал антисоветские высказывания.

Признание Гершуни невменяемым с диагнозом «хроническая шизофрения» основывалось на таких признаках «ненормальности», как отказ беседовать с врачами, обвинение их в том, что они действуют

по указанию КГБ и обещание разоблачить их и привлечь к ответственности.

Суд над Гершуни состоялся 13 марта 1970 г. «Хроника» № 13 от 30 апреля 1970 г. дала по этому поводу ряд ценных подробностей:

«13 марта в Московском городском суде слушалось дело Гершуни Владимира Львовича, каменщика 39 лет. Гершуни обвинен по ст. 190¹ УК РСФСР (клевета на советский государственный и общественный строй). Дело слушалось в отсутствии обвиняемого, так как психиатрическая экспертиза признала Гершуни невменяемым. Судья Байкова, прокурор Пискарева и адвокат Сафонов допросили сестру обвиняемого и троих свидетелей: Мальцева, Афанасьева и Буняева. Двое свидетелей не явились (всего на предварительном следствии было допрошено 20 человек. Следователь Гневковская).

Суд начался с 50-минутным опозданием, доступ был свободным. В течение заседания по требованию судьи у тех, кто вел запись процесса, отбирались блокноты.

Гершуни инкриминировался единственный документ — 20 экземпляров листовки в защиту Григоренко, изданной в Париже Международным комитетом защиты прав человека.

В процессе допроса свидетелей-сослуживцев судья и прокурор выясняли, какие разговоры вел Гершуни, какую литературу приносил на работу и производил ли впечатление психически ненормального человека. Свидетели показали, что Гершуни порицал ввод войск в ЧССР, приносил газеты, в том числе «Руде право», показали, что Гершуни хорошо образован, начитан и убежден в том, о чем говорит; рассказывали, что не один Гершуни вел разговоры на политические темы и не один Гершуни критиче-

ски относился к внутренней и внешней политике нынешнего руководства. Свидетели отрицали, что Гершуни психически ненормален и подчеркивали, что это хороший рабочий и морально стойкий человек.

После перерыва судья огласил заключение судебно-медицинской экспертизы, согласно которой Гершуни признается невменяемым (диагноз — хроническая шизофрения; форма шизофрении не указана), а затем

Заключение идеологической экспертизы:

«1. Материалы дела свидетельствуют об активном участии их автора и распространителя в группировке, ставящей целью борьбу против советского общественного и государственного строя.

2. Материалы свидетельствуют о систематической идеологической пропаганде их авторов и распространителей, главной целью которых является объединение тех, кто недоволен советским общественным и государственным строем, и организовать их на борьбу против советских законов (свобода слова, печати, собраний и т. п.) с тем, чтобы повести неустойчивые элементы общества на борьбу против советского правопорядка, социалистической демократии, а в конечном счете, к изменению советского общественного и государственного строя по буржуазным образцам.

3. Ставится и тенденциозно освещается ряд проблем, входящих в область государственной политики и законодательства.

4. Ознакомление с его рукописями позволяет сделать вывод, что это писания очернителя и клеветника».

Эксперты — кандидаты философских наук В. А. Мезенцев и Т. П. Гарковенко.

Прокурор в своей речи пересказал заключение обеих экспертиз и потребовал направить В. Гершуни в психиатрическую лечебницу специального типа.

Адвокат Сафонов просил назначить повторную экспертизу, ссылаясь на недостаточность и неточность последней; указал на тяжелое детство Гершуни (детдом), на то, что в сталинское время подсудимый был незаконно репрессирован, на то, что нелепо считать понижение успеваемости в 1947 г. признаком шизофренического заболевания и т. д.

Определение суда: Гершуни В. Л. направить в психиатрическую больницу специального типа и освободить из-под стражи по прибытию на место заключения. Определение суда вступит в силу через 7 дней после вынесения, если не будет опротестовано в этот срок кассационной жалобой.

16 марта Гершуни был помещен в Бутырскую тюрьму в одну камеру-палату с тяжелобольными преступниками. В знак протеста он объявил голодовку, которая продолжалась 14 дней, пока его просьба о переводе к политическим заключенным не была удовлетворена. Он оказался в одной камере с «политическими», среди которых находился Владимир Борисов из г. Владимира. Здесь же перед отправкой в Ригу некоторое время находился и И. Яхимович».

Н. ГОРБАНЕВСКАЯ

Москва

Наталья Евгеньевна Горбаневская родилась в 1936 году в Москве. В военный 1943 год она пошла в школу, сразу во второй класс. В 1952 году она окончила школу и вскоре поступила в МГУ, на филологическое отделение. Учась в университете, начала писать стихи, которые не вызывали одобрения власти, так как их считали «упадническими» и «оторванными от жизни». В 1960-61 годах она приняла участие в создании журнала «Синтаксис», а также журнала «Феникс 61».

Горбаневская окончила заочно филологический курс университета и некоторое время работала в одном из московских институтов в качестве редактора, занимаясь переводами. В 1965 году несколько ее стихотворений были напечатаны в журнале «Знамя» и в газете «Московский комсомолец».

Перед процессом Галанскова - Гинзбурга и после него, она выступала с требованием гласного справедливого суда и в защиту осужденных.

25 августа 1968 года Наталья Горбаневская, — мать двух детей, родившихся в 1961 и 1968 гг., — вышла на Красную площадь вместе с Ларисой Богораз, Константином Бабицким, Вадимом Делоне, Владимиром Дремлюгой, Павлом Литвиновым и Виктором Файнбергом. Демонстранты протестовали против оккупации Чехословакии советскими войсками. Тогда Горбаневская была признана невменяемой и отдана на поруки матери. Будучи единственной оставшейся на свободе участницей демонстрации, Наталья

Горбаневская составила книгу о событиях 25 августа 1968 года на Красной площади — «Полдень».*

Наталья Горбаневская — честный и мужественный человек и талантливая поэтесса, чьи стихи высоко ценила Анна Ахматова. Кроме того, она — член Инициативной группы по защите гражданских прав в Советском Союзе.

Вскоре после демонстрации на Красной площади, в ходе следствия, Горбаневскую подвергли амбулаторной «психоэкспертизе», о которой она рассказала в книге «Полдень» (стр. 118-122).

Комиссия состояла из трех человек, руководил экспертизой проф. Лунц. Диагноз: «не исключена возможность вяло протекающей шизофрении». На основании этого диагноза Лунц «бестрепетной рукой» — как пишет Горбаневская — выводит: «должна быть признана невменяемой и помещена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа», т. е. тюремную. Тем не менее прокуратура вынесла постановление о прекращении дела, ввиду невменяемости Горбаневской, и передала ее на попечительство матери.

Оставленная временно на свободе Горбаневская приняла активное участие в деятельности Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР и подписала множество петиций в пользу незаконно арестованных властью.

В августе 1969 года поступила в Самиздат ее книга «Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади».

Книга состоит из пролога и четырех частей:

* Наталья Горбаневская «Полдень». Изд. «Посев», 1970. 500 стр. Книга Горбаневской вышла также по-французски и выходит по-английски.

«Красная площадь», «Дело о нарушении общественного порядка», «Шемякин суд» и «Судьба Виктора Файнберга». Главную часть книги составляет полная запись суда над демонстрантами. В книге помещены, в частности, два ранее неизвестных документа: очерк Ильи Габая «У закрытых дверей открытого суда» и статья П. Г. Григоренко «О специальных психиатрических больницах (дурдомах)». В послесловии, где говорится, что демонстрация 25 августа не была единичным протестом против вторжения, широко использованы материалы из различных выпусков «Хроники».

24 декабря 1969 года Н. Горбаневская была арестована у себя на квартире.

Незадолго до ареста у нее был произведен обыск и изъяты стихи, личные письма, документы Самиздата. В день ареста у нее снова произвели обыск и опять изъяли стихи, личные письма и Самиздат.

Подробностей о ее дальнейшей судьбе известно мало. Две коротких информации, тревожных своею скудностью, появились в «Хронике»:

«Наталья Горбаневская, арестованная 24 декабря 1969 г., находится в Бутырской тюрьме, в общей камере. Следствие ведет ст. следователь прокуратуры г. Москвы Акимов. Ст. 190¹ УК РСФСР.

Сведений о состоянии здоровья Горбаневской нет. Ее дети находятся с бабушкой».

«Хроника» № 12 от 28 февраля 1970 г.

«В середине апреля экспертизой Института им. Сербского Наталья Горбаневская была признана невменяемой (диагноз неизвестен) и переведена до суда в лечебное отделение Бутырской тюрьмы».

«Хроника» № 13 от 30 апреля 1970 г.

7 июля 1970 г. в Мосгорсуде состоялся суд над Н. Горбаневской, в итоге которого подсудимая была приговорена к принудительному лечению в психиатрической больнице особого типа, подчиненной КГБ. Дело рассматривалось в отсутствие подсудимой. Не были допущены в зал суда ни иностранные корреспонденты, ни друзья Н. Горбаневской.

Двое из присутствовавших у здания суда Ю. Вишневская и В. Тельников были задержаны за попытку «подслушивания судоразбирательства».

В пятнадцатом выпуске «Хроники» от 31 августа 1970 г. дается подробный отчет о процессе Н. Горбаневской:

СУД НАД НАТАЛЬЕЙ ГОРБАНЕВСКОЙ

7 июля 1970 года состоялось заседание судейской коллегии по уголовным делам Мосгорсуда по делу Горбаневской Н. Е.

Председатель — Богданов В. В., народные заседатели — Андреев, Заславская, прокурор — Праздникова, адвокат — Каллистратова С. В., эксперт — проф. Луниц.

Начало судебного заседания 10.30, окончание 00.40.

Председательствующий, открыв заседание, спрашивает стороны о заявлении ходатайств. Защита ходатайствует об отложении дела, в связи с тем, что на изучение дела в четырех томах было предоставлено лишь два дня. Одновременно были заявлены ходатайства защиты:

1. о направлении дела для дополнительного расследования,
2. о проведении повторной судебно-психиатрической и дополнительной комплексной экспертиз, об

истребовании документов для приобщения к делу и о вызове свидетелей в судебное заседание.

В ходатайстве о направлении дела для дополнительного расследования указывается, что в нарушение ст. 114 УПК РСФСР в постановлении о привлечении Горбаневской в качестве обвиняемой от 25 декабря 1969 года не содержится никаких конкретных данных о том, какие именно деяния ей вменялись и когда они совершены. Постановление не содержит ничего, кроме почти дословного текста статьи 190¹, т. е. по существу обвинение предъявлено не было. Это грубейшее нарушение права на защиту, поскольку адвокат, изучая дело, не знал и не мог знать, какие действия Горбаневской следствие считает подпавшими под ст. 190¹.

Во втором ходатайстве адвокат Каллистратова заявила о необходимости проведения повторной судебно-психиатрической экспертизы, поскольку Горбаневская 19 ноября 1969 года была представлена на медицинскую комиссию под руководством психиатра Якушевского И. К., и эта комиссия на основании изучения истории болезни и катамнестического анамнеза более чем за 10 лет, а также данных освидетельствования, пришла к выводу, что Горбаневская душевным заболеванием не страдает и в направлении в психиатрическую лечебницу не нуждается. Между тем экспертная комиссия Института им. Сербского пришла к выводу противоположному, признав, что Горбаневская страдает хронической душевной болезнью — шизофренией, является невменяемой и нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице специального типа.

Наличие двух противоположных врачебных заключений о психическом состоянии Горбаневской, по мнению адвоката, требует особенно тщательного

исследования вопроса о вменяемости или невменяемости Горбаневской, тем более, что акт стационарной экспертизы вызывает обоснованные сомнения в правильности выводов экспертизы. Не указывается форма шизофрении, не приводится ни одного симптома расстройства психической деятельности. Все изложенное дает основание утверждать, что акт экспертизы составлен с нарушением закона, и настаивать на тщательной проверке заключения стационарной экспертизы, для чего защита ходатайствует:

1. о приобщении к делу писем Горбаневской своей матери и детям — эти письма следователь адресату не вручил;

2. об истребовании и приобщении к делу подлинной истории болезни Н. Горбаневской;

3. о вызове свидетелей, которые знают Горбаневскую на протяжении многих лет и могут свидетельствовать о характере, эмоциональности, интеллектуальных способностях, образе жизни и поведении Горбаневской;

4. о назначении по делу повторной судебно-следственной экспертизы.

В связи с тем, что Горбаневская пишет и переводит стихи, адвокат просит назначить комплексную дополнительную экспертизу для выяснения вопроса, свидетельствуют ли оригинальные стихи и переводы Горбаневской о каких-либо патологических изменениях в ее личности, о приобщении к делу списка ее опубликованных произведений и отзыва о творчестве Горбаневской, написанного поэтом Б. Слуцким по просьбе адвоката.

Обвинение возражает против отложения дела, так как считает, что у адвоката было достаточно времени, чтобы ознакомиться с делом. Обвинение запра-

шивает мнение эксперта о доставлении Горбаневской в судебное заседание.

Эксперт заявляет, что экспертиза, как правило, против доставления психически больного в судебное заседание, так как это не только объект исследования, но и больной человек, о котором врачи обязаны заботиться.

Защита задала эксперту вопрос, какие именно психические явления и конкретные изменения личности препятствуют участию Горбаневской в судебном заседании.

Эксперт *Луниц* ответил, что вялотекущая шизофрения, как диагностировала комиссия заболевание Горбаневской, не характеризуется грубо очерченными психопатическими явлениями, такими, как бред, галлюцинации и т. п. Болезнь протекает с сохранением трудовой способности и прежнего интеллектуального уровня и навыков.

Обвинение считает необоснованной мотивировку ходатайства адвоката о назначении повторной психиатрической экспертизы. Адвокат, по мнению обвинителя, не должен объявлять необоснованным экспертное заключение до того, как оно будет исследовано в судебном заседании, иначе он берет на себя функции эксперта. Экспертиза располагала всеми материалами дела и экспертам было известно, какие деяния вменяются Горбаневской. Экспертизе было известно, что Горбаневская распространяла клеветнические материалы и передавала их «нашим злопыхателям». Обвинение возражает против назначения комплексной экспертизы творчества Горбаневской, так как болезненное состояние не обязательно должно отражаться в таком творчестве, как переводы. По ходатайству адвоката о предоставлении *Е. С. Горбаневской*, матери Наташи, прав за-

конного представителя и о допуске ее на процесс у обвинения нет возражений.

Суд после совещания выносит определение о признании Е. С. Горбаневской законным представителем Н. Е. Горбаневской и о допуске ее на процесс. Остальные ходатайства суд отклонил.

Допрашивают свидетеля Форселя, проживающего в Карельской АССР. Председательствующий спрашивает, когда и при каких обстоятельствах он виделся с Горбаневской.

Свидетель Форсель заявляет, что видел Горбаневскую «пять минут плюс два часа» и поясняет, что летом 1969 года он побывал в Эстонии, в частности в Тарту, где навещал своих «солагерников и сотюремников», так как он недавно освободился из десятилетнего заключения, которое отбывал, в частности, во Владимирской тюрьме. В Тарту увидел Горбаневскую на квартире своего товарища, куда она пришла с мальчиком. Он видел ее всего пять минут и ему сказали, что она из Москвы. После этого он с двумя товарищами — Тарто и Никлусом беседовали с Горбаневской на другой квартире. Горбаневская интересовалась положением заключенных во Владимирской тюрьме, в частности политзаключенными. Свидетель рассказал об этом Горбаневской. Кроме того, ее интересовал случай с одним тартусским школьником, который расклеивал листовки в связи с годовщиной ввода войск в Чехословакию, был задержан и избит. Форсель сказал, что Горбаневская показала ему что-то вроде журнала, напечатанного на пишущей машинке. Там было 5-6 журналов и назывались они «Хроника событий». Свидетель взял один из них, который показался ему последним и стал читать. Другие тоже читали. Он помнит, что там было написано про та-

тар, про их «возвращение на родную землю», про какие-то отставки и увольнения с работы. Подробнее он не помнит, так как был немного «под мухой». Больше Горбаневскую он не видел и не слышал о ней.

Председательствующий спросил, какое впечатление произвела на Форселя беседа с Горбаневской. «Мне не понравилось, — сказал Форсель, — что человека, только что вышедшего из заключения, втягивают в какие-то авантюры, мешают спокойно жить».

Вопросы обвинителя: 1. Правда ли то, что Форсель показывал на предварительном следствии, будто его знакомый Никлус назвал Горбаневскую «важной особой» из круга Синявского-Даниэля и сказал, что материалы предназначены для передачи на «Запад», а также, что «материалов кипа»?

Свидетель подтвердил это.

2. Не создалось ли у свидетеля впечатления, что Горбаневская выясняла сведения о политзаключенных чисто информационного характера?

Свидетель подтвердил это.

Вопрос адвоката: Не сообщал ли кому-нибудь Форсель об этой беседе?

«Нет, в Тарту я никому не сообщал», — ответил Форсель.

Адвокат: «А где сообщили?»

Форсель: «Я сообщил об этом в Петрозаводске».

Адвокат: «Кому сообщили?»

Форсель: «Органам КГБ».

Адвокат спрашивает, не было ли известно свидетелю, что Горбаневская приехала в Тарту не для того, чтобы собирать информацию, а чтобы устроить на отдых своего ребенка.

Свидетелю это было известно.

Адвокат: «Утверждаете ли вы, что Никлус и Тарто в вашем присутствии также читали «Хроники» и ни вы, и никто другой во время чтения из комнаты не выходили?»

Свидетель подтверждает это.

Адвокат просит вызвать в судебное заседание свидетелей Никлуса и Тарто, которые были допрошены в предварительном следствии и показали, что никаких материалов Горбаневская в Тарту не привозила, не показывала и читать им не давала. Адвокат высказала мнение, что если об одном и том же событии три свидетеля дают противоречивые показания, то все они должны быть допрошены в суде для установления истины.

Обвинение возражает, так как свидетель Форсель в суде допрошен, а показания остальных свидетелей для дела несущественны.

Допрашивается свидетель *Шилов*, следователь Московской прокуратуры. Он показывает, что 24 декабря 1969 г. он производил обыск на квартире Горбаневской. Обыск уже подходил к концу, и он составлял опись изымаемых материалов, а Горбаневская сидела и безопасной бритвой точила карандаш. Для ускорения составления описи он предложил Горбаневской пронумеровать листы одной из изымаемых рукописей — это был «Реквием» Ахматовой. Горбаневская неожиданно бросилась отнимать у него эту рукопись и в последовавшей «секундной борьбе» порезала ему пальцы бритвой. В результате пореза большого пальца началось сильное кровотечение. О происшедшем был подан рапорт в прокуратуру, имеется акт судебно-медицинской экспертизы.

Обвинитель спрашивает, как следователь расценивает поступок Горбаневской.

Шилов отвечает, что поступок «явился сопротивлением представителю власти с причинением легких телесных повреждений». Свидетель уточнил, что Горбаневская после происшедшего извинилась перед ним и говорила, что порезала его нечаянно. Свидетель рассматривает поступок Горбаневской как мелкую месть за то, что она слабее его и не могла с ним справиться.

Адвокат интересуется, что было причиной изъятия стихов известного и признанного советского поэта А. Ахматовой.

Свидетель ответил, что следствию для всестороннего изучения личности необходимы сведения о мировоззрении, вкусах и привычках обвиняемого.

«Знаете ли вы», — спрашивает адвокат, — «почему Горбаневская проявила такое недовольство изъятием этой рукописи?»

Свидетель поясняет, что как ему стало известно, титульный лист этой рукописи был надписан Ахматовой и что, возможно, из-за этого рукопись была дорога Горбаневской.

Далее адвокат спрашивает, когда свидетель почувствовал порез: во время его нанесения или когда увидел кровь?

Свидетель поясняет, что в «секундной борьбе» он не мог установить момента пореза. Свидетель на вопрос адвоката сказал, что при этом инциденте присутствовали понятые и сотрудники милиции, а лишь после пришли И. Якир, Шрагин и Амальрик.

Адвокат просит вспомнить, не была ли И. Якир очевидцем инцидента. Шилов отрицает это.

Вопрос обвинителя Шилову: «Вы производили обыск у Амальрика?»

«Да, когда Амальрик пришел на квартиру Горбаневской, я просил его предъявить, что было при нем».

«Я имею в виду обыск на квартире Амальрика, — уточняет обвинитель. — Вы производили его?»

Свидетель подтверждает.

«А кто пришел на квартиру к Амальрику во время обыска у него?» — спрашивает прокурор.

Попытка адвоката опротестовать этот вопрос, как не имеющий отношения к делу, оставляется председательствующим без внимания, и свидетель отвечает:

«К Амальрику пришел американский корреспондент с женой».

«И что они принесли?» — спрашивает прокурор

«Бутылку виски. Они пришли, чтобы присутствовать на вечеринке».

Прокурор заявляет: «Вот круг знакомств Горбаневской».

Адвокат заявляет суду ходатайство о вызове И. Якир в качестве свидетеля, так как по утверждению Горбаневской Якир присутствовала во время инцидента. Адвокат обращает внимание суда на то, что до сих пор все ее ходатайства отклоняются.

Суд по совещанию отклонил ходатайство о вызове свидетеля И. Якир.

Рассматривается заключение судебно-психиатрической экспертизы. Председательствующий просит стороны передать вопросы эксперту. Адвокат оглашает одиннадцать вопросов. Суд выносит определение об утверждении шести вопросов адвоката эксперту.

Вопросы защиты в основном сводятся, во-первых, к выяснению того, в чем конкретно выражаются у

Горбаневской «специфические для шизофрении изменения мышления, эмоциональности и критических способностей, о которых говорит экспертиза, и в каких действиях, инкриминируемых Горбаневской следствием, экспертиза увидела признаки невменяемости; во-вторых, достаточно ли тщательным было медицинское обследование: проводились ли психологические исследования, например, тесты; исследовались ли художественные произведения и письма Горбаневской к матери и детям; опрашивались ли ее близкие знакомые, знающие ее долгое время. Последний вопрос защиты — какие методы лечения имела в виду экспертиза, рекомендуя содержание в больнице специального типа, и нельзя ли обеспечить это же лечение в больнице общего типа.

Председательствующий спрашивает эксперта, сколько времени потребуется для составления ответов на вопросы.

Эксперт ссылается на необходимость обратиться при составлении ответов к медицинской документации, хранящейся в архиве Института; указывает, что лишь с 10 часов следующего дня он может воспользоваться архивом, так как рабочий день уже кончается. Эксперт считает, что ответы на вопросы он может представить лишь к 13 часам следующего дня, то есть 8 июля.

В это время в зал вошла работница аппарата суда и сказала что-то секретарю заседания, после чего секретарь предложил председателю объявить перерыв на 5 минут и выяснить организационные вопросы.

Судья сказал, что заседание прерывается до следующего дня и нет смысла в пятиминутном перерыве. Однако секретарь продолжала настаивать.

Тогда был объявлен перерыв на пять минут. Он

длился около часа, в течение которого председатель и эксперт неоднократно выходили из зала и поднимались на верхний этаж. Кроме того, прокурор и эксперт долго находились в совещательной комнате вместе с составом суда.

Затем заседание возобновилось и проф. Лунц зачитал и представил суду в письменном виде ответы на вопросы.

Как сказал проф. Лунц, у Горбаневской установлена вялотекущая форма шизофрении, при которой «отсутствует яркая симптоматика», а имеются изменения эмоционально-волевой сферы, мышления и недостаточная критика к своему психическому состоянию, но отмечается сохранность памяти, прошлых знаний и навыков. Экспертиза считает, что у Горбаневской имеются медленно нарастающие изменения психики, которые «с теоретической точки зрения не могут квалифицироваться как ремиссия, — т. е. ослабление болезни, — хотя и имеет внешнее сходство с ней». Лунц заявил, что письменная продукция Горбаневской, приложенная к делу, знакома экспертам, но что «в случае вялотекущей шизофрении такая продукция далеко не обязательно непосредственно отражает болезненные расстройства психики». На вопрос защиты, зачем нужна больница специального типа, Лунц ответил, что кроме собственно лечебных средств, в больницах установлен режим, соответствующий задачам последующей адаптации больных к условиям, в которые они попадают, выписываясь из больницы. Сочетание патологических изменений психики с отдельными сохраненными ее сторонами повышает общественную опасность больного при отсутствии у него критики к своему поведению и сознания болезни, — сказал Лунц.

Адвокату так и не удалось добиться конкретных ответов на свои вопросы.

Председательствующий спрашивает законного представителя Горбаневской, ее мать.

Мать отвечает, что она понимает, что ее дочь ожидает наказание, но что она считает свою дочь здоровой и поэтому просит не помещать ее в психиатрическую больницу. Мать говорит о работоспособности своей дочери.

Обвинитель напоминает, что в сентябре 1968 года, когда прокуратура приняла решение не привлекать Н. Горбаневскую к уголовной ответственности за участие в событиях 25 августа на Красной площади, она была передана на попечительство матери, и спрашивает, не находит ли Е. Горбаневская, что плохо осуществила свои попечительские обязанности, если дочь «не прекратила преступной деятельности»?

Е. С. Горбаневская соглашается с этим и заявляет:

«Если моя дочь совершила преступление, приговорите ее к любому, пусть к тяжелому, наказанию, но не помещайте ее, абсолютно здорового человека, в психиатрическую лечебницу».

Адвокат спрашивает, правда ли, что обвиняемая враждебно относится к матери, как это говорится в заключении судебной экспертизы. Мать отвечает, что у нее с дочерью бывали разногласия и размолвки, но нельзя говорить о враждебности — дочь всегда была заботлива по отношению к ней.

Адвокат спрашивает, наблюдалась ли у Горбаневской эмоциональная холодность к своим детям, как об этом упоминалось в материалах экспертизы.

Е. С. Горбаневская сказала, что Наталья — заботливая мать, очень любит своих детей.

Окончание судебного следствия. Слово предоставляется обвинителю.

Прокурор в своей речи отметила, что Н. Горбаневская 25 августа 1968 года совершила преступление — приняла участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, за которое другие участники — Богораз, Литвинов, Делоне, Дремлюга и Бабицкий были осуждены и ныне отбывают наказание. Однако следствие, принимая во внимание невменяемость Горбаневской, воздержалось от возбуждения в отношении нее уголовного дела и передало ее на попечительство матери. Теперь, говорит прокурор, мы видим, и сама мать Горбаневская признает, что попечительские обязанности она выполняла плохо, и что Наталья продолжала свою преступную деятельность.

Так 28 августа она передала в редакции газет «Руде право», «Унита», «Морнинг стар» и другие свое письмо, в котором тенденциозно описывала события 25 августа на Красной площади. Прокурор цитирует часть этого письма: «Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прервать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием, которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнали или узнает народ Чехословакии. И вера в то, что думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, придает нам силы и мужество».

«Горбаневская, — говорит прокурор, — составила и распространила среди своих знакомых брошюру «Полдень», в которой тенденциозно освещены события на Красной площади 25 августа 1968 года и судебный процесс над участниками этих событий. Мы знаем, — продолжает обвинитель, — что и

событий-то никаких не было, а были действия, грубо нарушавшие общественный порядок, которыми участники этих действий привлекли внимание людей, бывших на Красной площади. Но Горбаневская, — по мнению обвинителя, — сама создает и раздувает эти события, чтобы привлечь внимание наших злопыхателей. Горбаневская тенденциозно освещает судебный процесс над нарушителями общественного порядка, представляя дело так, будто бы обвинение было сфабриковано следствием».

Далее прокурор указывает: материалами дела установлено, что Горбаневская являлась одним из составителей издаваемых в Самиздате сборников «Хроника текущих событий». В этих сборниках тенденциозно освещаются события в Советском Союзе, подбирается информация об арестах за антиобщественные действия, причем эти аресты представляются как незаконные. Горбаневская собирала информацию для этих сборников и для этого даже выезжала в другие города и республики Советского Союза. Так, Гендлер показал, что информация, переданная им лично Горбаневской, была затем помещена в первом выпуске «Хроники». Свидетель Форсель показал, что Горбаневская специально для сбора информации выезжала в Эстонскую ССР, а также то, что она распространяла эти материалы. Горбаневская размножала и распространяла эти сборники. Так, при обыске 24 декабря 1969 года у нее на квартире были найдены экземпляры этих сборников, напечатанные на принадлежащей ей машинке, что подтверждается заключением криминалистической экспертизы. В октябре 1969 года Горбаневская выезжала в места ссылки Богораз и Литвинова, и у них в январе 1970 года были изъяты выпуски «Хроники», напечатанные на машинке, принадлежа-

щей Горбаневской. Горбаневская написала очерк «Бесплатная медицинская помощь»,* в котором утверждается, будто работники КГБ насильственно поместили ее в родильный дом, а затем в психиатрическую больницу. Квачевский показал, что этот очерк ему лично передала Горбаневская. «В своей преступной деятельности, — продолжает прокурор, — Горбаневская не останавливалась ни перед чем — она передавала нашим злопыхателям свои работы — это и работами назвать нельзя. Эти работы использовались для антисоветской пропаганды за рубежом. Так, радиостанция «Свобода» передала очерк «Бесплатная медицинская помощь», шестой выпуск «Хроники». Таким образом, — говорит прокурор, — материалами установлено, что Горбаневская систематически изготовляла и распространяла клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй, т. е. совершала действия, предусмотренные ст. 190¹ УК РСФСР. Во время обыска 24 декабря 1969 года она пыталась помешать совершению следственных действий — изъятию рукописей — и оказала сопротивление следователю: нанесла ему легкое, но причинившее расстройство здоровья повреждение, порезав его бритвой. Следователь Шилов подробно пояснил суду обстоятельства этого деяния Горбаневской. Таким образом, установлено, что Горбаневская совершила деяние, предусмотренное ст. 191 УК РСФСР».

«Однако, — продолжает обвинитель, — в деле имеется заключение судебно-психиатрической экспертизы. Эксперт по делу, авторитетный психиатр проф. Лунц, подробно пояснил суду, что Горбанев-

* См. «Посев», № 6, 1969, и книгу: Наталья Горбаневская «Стихи». Изд. «Посев», 1969, стр. 139-176.

ская страдает психическим заболеванием и нуждается в лечении в психиатрической больнице специального типа. Следует прислушаться, — говорит прокурор, — к столь авторитетному медицинскому заключению и в соответствии со ст. 11 УК освободить Горбаневскую от уголовной ответственности. Но в соответствии со ст. 53 следует назначить принудительную меру медицинского характера, согласно рекомендации экспертизы, — лечение в психиатрической больнице специального типа».

Адвокат просит перенести ее выступление на следующий день, ввиду позднего времени и усталости — 11 часов работы и необходимость за один день изучить дело в четырех томах.

Председательствующий выражает надежду, что после пятиминутного перерыва адвокат будет готов к своей защитительной речи.

Адвокат начинает с того, что Горбаневская, арестованная почти 7 месяцев назад, — талантливый поэт и переводчик, — до самого дня ареста вела большую работу по литературным переводам. Адвокат ссылается на последнюю работу Горбаневской — перевод с польского трехтомного труда Татаркевича «История эстетики» и отмечает, что гонорар за эту работу еще и сейчас является источником существования двух маленьких сыновей обвиняемой, которых она воспитывает без отца. Убеждение, что Горбаневская трудоспособна, психически здорова и, следовательно, вменяема, заставляет защиту с тревогой думать о возможности судебной ошибки, в результате которой Горбаневская может оказаться на неопределенный срок в психиатрической больнице и будет лишена возможности работать, содержать и воспитывать своих детей.

Адвокат подвергает детальной критике заключе-

ние о невменяемости Горбаневской. Ссылка на авторитетность экспертизы — вместо тщательной проверки заключения комиссии судом — есть нарушение закона, так как вопрос о вменяемости или невменяемости в соответствии с законом решает суд, а не экспертиза. Адвокат заявляет, что отклонение всех ходатайств защиты, направленных на проверку и исследование заключения экспертизы, противоречит закону и нарушает право на защиту. Адвокат считает, что дефекты акта экспертизы дают право утверждать, что заключение о невменяемости Горбаневской необоснованно и должно быть судом отвергнуто.

Далее адвокат последовательно, пункт за пунктом, критикует постановление следователя о передаче дела в суд, утверждает, что эпизоды, приведенные в постановлении или не доказаны или не содержат состава преступления.

I. Ссылка прокурора на то, что Горбаневская в августе 1968 г. вместе с Литвиновым, Богораз-Брухман и др. совершила преступление, предусмотренное ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР и что дело на нее было прекращено только потому, что она была признана невменяемой, противоречит закону и принципу презумпции невиновности. Факты преступления и невменяемости могут быть установлены только судом, а Горбаневская суду предана не была. Поэтому упоминание об этом эпизоде следует исключить из обвинения.

II. Нет основания вменять в вину Горбаневской составление и отправку в редакции газет «Руде право», «Унита», «Юманите» и др. письма от 28 августа 1968 года, так как

1. это письмо было в поле зрения следственных органов к моменту прекращения 13 сентября дела,

2. в постановлении следователя это письмо квалифицировано как тенденциозное, а не как содержащее заведомо клеветнические измышления. Из содержания письма видно, что оно выражает лишь эмоциональное отношение автора к событиям. Поэтому письмо не может быть признано криминальным по ст. 190¹. Этот эпизод также должен быть исключен из обвинения.

3. Горбаневской не вменялась в вину передача ее работы «Полдень» для опубликования за границей, и нет никаких доказательств, что опубликование это произведено с ведома и согласия Горбаневской. Кроме того, опубликование произведения за границей само по себе не содержит состава преступления. Горбаневская не отрицает, что она является автором рукописи «Полдень», и что она распространяла это произведение среди своих знакомых. Однако защита считает, что в этом нет состава преступления, так как рукопись «Полдень» не является криминальной. Горбаневская в этой рукописи дала свою оценку ряду фактов. Оценочные суждения человека, основанные на его убеждении, могут объективно быть правильными или неправильными, полезными или вредными, но не являются субъективно заведомо-ложными, кроме того, в этом произведении содержится критика лишь одного судебного процесса — над участниками демонстрации 25 августа — и не высказывается никаких суждений о советском государственном и общественном строе. Поэтому защита считает, что и в этом эпизоде отсутствует состав преступления.

4. Горбаневской вменяется участие в составлении

и распространении сборников «Хроника текущих событий», выходящих в Самиздате. Сборники эти анонимные. В деле нет достаточных доказательств, что Горбаневская была их автором или распространителем.

Анализируя представленные следствием доказательства, адвокат указывает а) на недопустимость использования в качестве доказательства показаний Гендлера, допрошенного по другому делу в качестве обвиняемого и не допрашивавшегося по данному делу в качестве свидетеля; это показание тем более должно быть исключено из обвинения, что защитнику отказано в ходатайстве о вызове Гендлера в суд; б) показания свидетеля Форселя опровергаются показаниями Никлуса и Тарто, допрошенных в предварительном следствии; суд необоснованно отказал защите в ходатайстве о вызове Никлуса и Тарто в судебное заседание. Поэтому показания Форселя в суде проверены не были и не могут быть признаны доказательствами вины.

5. Горбаневская не отрицает того, что она подписала письмо, адресованное в Комиссию по защите прав человека ООН. Защита обращает внимание суда на то, что под этим документом стоят подписи более 40 человек и что почти все подписавшие к ответственности не привлечены. Считая, что этот документ не является криминальным, адвокат повторяет свои доводы, изложенные в связи с книгой «Полдень».

6. Горбаневская не отрицает, что ею написан очерк «Бесплатная медицинская помощь», и что она давала его читать своим знакомым. Защита считает, что очерк Горбаневской не является криминальным. В постановлении о направлении дела в суд неправиль-

но излагаются отдельные места очерка, что легко установить. Так, например, говорится, будто Горбаневская в своем очерке утверждает, что она была насильственно помещена в роддом органами КГБ. В этом очерке она протестует против насильственного перевода ее из роддома в больницу им. Кащенко и лишь высказывает предположение о причинах перевода. Самый факт необоснованности перевода Горбаневской в больницу им. Кащенко с очевидностью подтверждается тем, что Горбаневская на восьмой день была выписана с указанием, что в психиатрическом стационаре не нуждается. Тема очерка и его содержание не имеют ничего общего ни с какими-либо ложными измышлениями, и с опорочиванием советского общественного и государственного строя. В очерке резко и неприязненно говорится об одних работниках милиции, тепло и доброжелательно — о других. Адвокат считает, что этот эпизод должен быть исключен из обвинения Горбаневской за отсутствием состава преступления.

7. В постановлении следователя о направлении дела в суд сказано, что у Горбаневской изъято много клеветнических произведений и документов различных авторов, но не указывается, какие именно произведения и в чем их криминальность. Это неконкретное обвинение не может быть признано судом, так как никаких данных о распространении Горбаневской этих «произведений» и «документов» следователь не приводит, а хранение их не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 190¹ УК РСФСР.

Адвокат считает, что материалы дела не дают основания для признания каких-либо действий Горбаневской подпадающими под ст. 190¹.

Затем адвокат переходит к вопросу о сопротив-

лении, оказанном Горбаневской при производстве обыска у нее. Защита не отрицает того, что Горбаневская оказала сопротивление следователю Шилову во время обыска. Однако обвинение Горбаневской по ст. 191 УК предъявлено не было, и к моменту ознакомления защитника с материалами дела ст. 191 в деле не упоминалась. При таком положении рассмотрение дела по ст. 191 в суде вообще незаконно и нарушает право на защиту. Уже по этой причине ст. 191 должна быть из обвинения изъята. Но и по существу действий Горбаневской, они не подпадают под признаки статьи, так как не установлен умысел на насилие, а закон карает лишь сопротивление должностному лицу, сопряженное с насилием. Следователь Шилов изымал рукописный экземпляр произведения А. Ахматовой «Реквием» с нарушением закона, по которому изъятие должно быть строго ограничено предметами и документами, имеющими отношение к делу. Ссылка Шилова на то, что он изымал рукопись, чтобы выяснить мировоззрение, склонности и привычки Горбаневской — явно неосновательна, поскольку мировоззрение, склонности и привычки не являются объектом уголовного и уголовно-процессуального права. Горбаневская, как видно из ее показаний и показаний Шилова, чинила карандаш для своего сына лезвием безопасной бритвы. Взмолнованная тем, что следователь изымает дорогую для нее рукопись с автографом Ахматовой, она попыталась отнять рукопись. При этом в процессе «секундной борьбы» у следователя оказалось два небольших пореза на пальцах. Как подтвердил Шилов в суде, Горбаневская тут же извинилась и сказала, что причинила порезы нечаянно. При таких обстоятельствах нет основания счи-

тать, что у Горбаневской был умысел на применение насилия.

Заканчивая речь, адвокат напоминает суду, что нарушение закона при рассмотрении уголовного дела не может быть оправдано ссылками на необходимость борьбы с теми или иными преступлениями и просит прекратить дело Горбаневской, освободить ее из-под стражи и дать ей возможность вернуться к маленьким детям и престарелой матери, чтобы заботиться о них.

Суд вынес определение, что Горбаневская Н. Е. в состоянии невменяемости совершила действия, подпадающие под ст. 190³ и ст. 191 УК РСФСР и подлежит помещению в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения.

Адвокат Каллистратова подала на кассацию. Хотя кассация уже 1 октября 1970 года была отвергнута, Н. Е. Горбаневскую продолжали держать в больничном отделении Бутырской тюрьмы. Условия ее заключения настолько тяжелы, что с 10 декабря она провела пятидневную голодовку протеста.

9 января 1971 г. Горбаневскую перевели в Казанскую СИБ (см. стр. 439), где ей назначили «лечение» поражающее ее органы чувств. Друзья призывают заступиться за нее, говоря, что она похожа на за-
травленного зверя.

П р и л о ж е н и е

ПИСЬМА Н. ГОРБАНЕВСКОЙ ИЗ ТЮРЬМЫ*

Мамочка моя милая! К тебе в этом письме обращаюсь к последней — не обидься. Наоборот, я хо-

* Первое письмо к матери даем с некоторыми сокращениями.

тела написать всем, а тебе писать уже, так сказать, на просторе — не торопясь, вспоминая всё, что забыла спросить или сказать на свидании и т. д. Во-первых, я совершенно забыла спросить, как дела у Мишки. Поступал ли он, и куда, и поступил ли? Напиши мне обязательно. Кроме того, я только вернувшись со свидания сообразила, что не поняла толком, что с дядей Гришей. Ты мне только сказала, что его сбило трамваем и я так поняла, что его сбило, но он жив, но потом засомневалась. Напиши. Живу я, как и сказала тебе на свидании, невесело — печально и одиноко. Почти что не с кем слова сказать. Читать тоже почти нечего. В общем, умственной работы никакой, не знаешь, куда себя девать. Если бы я была в лагере, я бы всю занималась языками...

Мама! Пиши мне, пожалуйста, каждую неделю. Пусть Ясик пишет в субботу или воскресенье, а ты пиши в понедельник, отправив детей в школу. И если ты будешь отправлять письмо во вторник, я буду получать его в четверг или пятницу на той же неделе. Постарайся выяснить судьбу моих пропавших писем... И одновременно всем им скажи, что было бы хорошо если б они не забывали своего старого друга и писали бы ему. Пусть поймут, как здесь тяжело без писем. Взяли ли вы, наконец, энциклопедию? Она ведь так нужна Ясику. Я пока не кончаю письма, родная...

19 октября 1970 г.

Ждала до сегодняшнего вечера, всё надеялась: может получу письмо от тебя или хоть еще от кого. Но, видно, сегодня уж ничего не будет, а письмо скоро надо отдавать. Пожалуйста, пиши мне. Пись-

ма доходят, притом очень быстро, пиши подробно о детях и о себе, пиши обо всяких новостях, и пусть мне все пишут, и пусть пишут содержательнее — про все, про все. Мне интересно знать, как кто живет, очень хочется знать, что интересного было в журналах, пока меня нет, что вообще интересного есть почитать.

Мамочка, в двух последних письмах я тебя поздравила с днем рождения, а на свидании забыла, так как была занята Оськой и его выкрутасами. Так что теперь с опозданием поздравляю. Крепко целую тебя и детей. Будьте здоровы, не забывайте меня. Ваша мама Наташа.

16 октября 1970 г.

Ясинька, мой родной, продолжаю свое письмо. Очень жаль, что все мои предыдущие письма пропали — может быть, я кое-что вспомню и повторю из того, что я писала. В одном из писем я вспомнила как мы с тобой обедали после спектакля про царя Макса-Емельяна и мужчина, который сидел за нашим столом, спросил тебя: «А кто твой лучший друг?» И ты очень серьезно ответил ему: «Мама». Я и сейчас вспоминаю это с радостью. Я считаю, что ты и сейчас не переменил своего мнения и считаешь меня своим лучшим другом. Когда бы я ни вернулась домой, у нас с тобой впереди еще целая жизнь, — и я уверена, интересная жизнь. В ней будет всё: и книги, и музыка, и походы, и дальние путешествия. Мы побываем везде, куда собирались: в Ленинграде, в Новгороде, в Вильнюсе, в Крыму и, конечно, в Ярославле. Я очень рада, что ты ездил в Загорск. Был ли ты за это время в Коломенском? Ведь мы с тобой очень любим это место. Когда

Осинька подрастет, он тоже будет ездить с нами. А в Ленинграде мы обязательно побываем в Эрмитаже и в Русском музее, посмотрим там прекрасные картины — ведь в прошлую поездку ты был еще мал и я не решилась повести тебя туда. Сегодня день рождения Петра Григорьевича*), и я его вспомнила. Вообще я всё время вспоминаю всех, независимо от дней рождений, а вас — тебя, Осиньку и бабушку — всегда. Как ты помогаешь бабушке? Научился ли хорошо распоряжаться своим временем, чтобы его хватало на всё: на занятия, удовольствия и домашние дела? Знаешь что, вот тебе задание: к следующему свиданию (оно будет в декабре) сделай так, чтобы у тебя не было бессмысленных потерь времени. Пришел из школы — быстро переоделся, быстро сделал уроки, и пожалуйста, читай, гуляй, слушай музыку. И, конечно, помогай бабушке, особенно в заботах об Осике. А когда придешь на свидание, расскажешь, как выполнил мое задание. Договорились? Я уже жду этого свидания с нетерпением, я была так счастлива видеть вас и очень хочу скорее увидеть снова. Пиши мне письма каждую неделю, выбери для этого время в субботу или воскресенье. Присылай рисунки. Целую тебя крепко-крепко. Мама Наташа.

4 ноября 1970 г.

Милый мой Ясенок, мой славный мудрый Ярослав!

Поздравляю тебя со вступлением в пионеры. Бабушка писала, что собирались принять только тех, кому уже десять лет или скоро будет, но потом и

*) П. Г. Григоренко.

ты оказался среди тех, кого признали достойными. Смотри, не зазнайся. Ты, конечно, учишься неплохо, но по твоему уму, по твоим способностям можно учиться еще лучше. И ты знаешь, что тебе мешает: рассеянность, несобранность. Ну, я думаю, что теперь ты почувствуешь себя более взрослым и сможешь избавиться от плохих привычек.

Никак я не дождусь от тебя, мой дружочек, письма. И ни в одном из трех бабушкиных писем ни приписочки, ни строчки от тебя. Неужели у тебя уж настолько нет времени? Я тебе пишу каждый раз, и не моя вина, что письма не доходят. Сейчас, когда в твоей жизни произошло такое серьезное событие, я решила написать тебе отдельно. Кроме тебя, я написала еще несколько писем своим знакомым.

В прошлом письме я опять послала тебе сказку, но, как видно, письмо где-то застряло. Так что переписываю ее снова.

Маленький мой! Не забывай, что ты уже большой, что ты главный мужчина в доме. Смотри за бабушкой, чтоб она не плакала и не волновалась, береги ее покой, не огорчай ее. Будь заботливым старшим братом — и не только добрым, но и мудрым: играй с Осинькой, читай ему, жалея его, но при этом не балуй его, не потакай его капризам. Целую тебя, мое солнышко ясное. Целуй бабушку и Осиньку. Мама Наташа.

Мамочка, мне очень жаль, что письма мои к тебе не доходили. Попытаюсь кратко сказать самое главное. Я считаю правильным и оправданным все, что я делаю. Но страдаю из-за того, что расплачиваться за мою правильную деятельность приходится тебе и детям. Тяжесть, которая пришлась на тебя, эту

тяжесть я вполне ощутила только в тюрьме — раньше мне казалось, что будут только мои мучения, мои лишения. Поэтому поверь: когда бы и откуда бы я ни вышла, я сделаю всё, чтобы остаток своих лет ты дожила спокойно, и воздержусь (как ни печально) от всей этой деятельности. Я скучаю очень по дому и по детям, и по тебе. Думаю, что мне надо было быть во многих случаях терпеливей и терпимей. Но я теперь научилась терпению. Я сама здорова, и не холодно, не голодаю, вообще в полном порядке, а за твое здоровье очень беспокоюсь. Как только выйду, сразу поедешь в санаторий, по-настоящему лечиться. О детях очень-очень скучаю. Помнят ли они меня? Ося, наверно, забыл. Найдите для него какую-нибудь мою карточку. Мама, пожалуйста, не совсем не допускай моих друзей до ребят — особенно Веру, ведь она их так обоих любит. Не верь всему, чем тебя запугивают. Ваши планы на лето одобряю. Суд, вероятно, будет в июне, и Ясик еще будет в Москве, чтобы прийти ко мне на свидание. После суда можно будет писать, и пусть он мне из деревни пишет, а ты мне пересылай его письма.

Целую всех крепко-крепко.

Привет всем — всем — всем!

Мама Наташа.

В заключении Ин-та им. Сербского по делу Н. Горбаневской сказано, что она «обнаруживает недоброжелательное отношение к матери» и «не проявляет беспокойства по поводу... судьбы своих детей». Ее письма из тюрьмы в период после суда и в период экспертизы опровергают этот «симптом», и не случайно эксперты отказались исследовать ее письма.

П. ГРИГОРЕНКО

Москва

Петр Григорьевич Григоренко родился в 1907 году в селе Борисовка, Запорожской области. Получив образование сперва в рабфаке, а затем в Куйбышевской Военно-инженерной академии и отслужив 4 года в Красной армии, он был откомандирован в Ворошиловскую Академию Генерального штаба.

Во время Второй мировой войны, П. Г. Григоренко получил несколько ранений и был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного знамени, орденом Красной звезды и орденом Великой Отечественной войны.

После окончания войны П. Г. Григоренко был назначен преподавателем в Военную Академию им. Фрунзе, где после получения генеральского чина, получил кафедру военной кибернетики.

После XXII съезда партии, начиная с 1961 года, он неоднократно, устно и письменно, протестовал против возрождения сталинщины. За это был репрессирован, а 2 февраля 1964 года — арестован и отправлен в Ленинградскую спецпсихобольницу.

После освобождения, больше года спустя, ему объявили, что дело против него прекращается, полагая, по-видимому, что если человека, жившего до этого в достатке, заставить (вместе с семьей) бедствовать и голодать, то он откажется от дальнейших действий против режима. Но генерал Григоренко не прекратил борьбы за демократию и Россию. Он принял участие в защите А. Синявского и Ю. Даниэля, а затем резко протестовал против арестов молодых

литераторов А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и других.

5 марта 1966 года в Москве генерал П. Григоренко принял участие, вместе с писателем Василием Аксеновым, поэтессой Юнной Мориц, священником о. Димитрием Дудко и многими другими, в демонстрации против реабилитации Сталина.

Через два месяца после этой демонстрации, генерал П. Григоренко послал письмо Косыгину, требуя прекращения незаконных преследований, а затем написал обращение к избирателям, в котором объяснял, почему он на выборах будет голосовать против Косыгина и призывал их следовать его примеру. Копии писем он послал в советские газеты, а также за границу, с просьбой опубликовать их, в том случае, если он будет снова арестован или заключен в лечебницу для душевнобольных. В последнем случае он просил также, чтобы его дело было передано в ООН, в Комиссию по защите прав человека и в международные организации юристов.

ПИСЬМО П. Г. ГРИГОРЕНКО

*В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»*

Уважаемый тов. редактор!

Посылая для опубликования в Вашей газете прилагаемое к сему письмо, я почти на 100% уверен, что опубликовано оно не будет. Правда, это будет грубейшим нарушением конституции, положения о выборах и вообще коренных принципов социалистической демократии. Но, когда приходится выбирать между демократией и редакторским креслом, то...

тут даже я, пожалуй, оправдаю Ваш выбор. К несчастью для меня (а может быть и к счастью) я не обучился этой «житейской мудрости» и, когда мне приходится выбирать между гражданским долгом и личным благополучием, отдаю предпочтение первому. Так я поступаю и в данном случае. Поскольку имеется возможность опубликования размером хотя бы в электрон, я пытаюсь использовать эту возможность, хотя и знаю, что трехкратные угрозы мне вряд ли бросались на ветер.

4. 6. 66 г.

Григоренко П. Г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИЗБИРАТЕЛЯМ
МОСКОВСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА
ПО ВЫБОРАМ
В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Косыгин А. Н., как член правительства, возглавляемого Сталиным и как первый заместитель в правительстве Хрущева, несет всю полноту ответственности за деятельность обоих этих правительств, в том числе и за ошибки, совершенные ими. Последнее государственному деятелю можно, разумеется, и не напоминать. Но это допустимо лишь в том случае, если есть уверенность, что ошибки эти осознаны и впредь повторены не будут. К сожалению о Косыгине этого не скажешь. Он даже в том, что особенно компрометирует прежние правления, — в деле соблюдения социалистической законности — придерживается того, чему научился у Сталина и Хрущева. Он считает, что советские законы писаны не для него. Подтвержу это примером.

За выступления против неразумной, а в ряде слу-

чаев и вредной для страны, деятельности Хрущева и его приспешников, я, начиная с 1961 года, подвергался различным внесудебным репрессиям, а 2 февраля 1964 года был арестован. Не буду здесь разбирать, насколько законен был этот арест. Не стану также описывать те грубые нарушения процессуальных норм, которые были допущены в ходе следствия и судебного разбирательства. Скажу только, что дело мое получило, по крайней мере формально, законное завершение. Военная Коллегия Верховного Суда СССР, согласившись с заключением проведенной в ходе следствия экспертизы о моей психической невменяемости, 17 июля 1964 года прекратила мое уголовное дело и направила меня на принудительное лечение.

По закону определение о прекращении уголовного дела по своим юридическим последствиям равносильно вынесению оправдательного приговора. Несмотря на это, меня, сразу же после суда, подвергли жестоким внесудебным репрессиям. В тюремной психиатрической больнице до меня дошли слухи, что решением Совета Министров я разжалован из генерала в рядовые и уволен из армии без пенсии. Эти слухи официально не подтверждены и до сих пор. Но я склонен им верить. Полагаю, что в свое время такое решение было действительно принято по настоянию Хрущева. Незаконность этого решения настолько очевидна, что его держат в секрете и не объявляют даже мне. Вместе с тем, его и не отменяют, видимо, исходя из ложного понимания «чести мундира».

Однако, и не будучи объявленным, оно дает себя чувствовать весьма ощутимо. Со времени ареста мне не выплачено ни копейки, хотя по закону мне обязаны выплатить жалованье по день увольнения и

выходное пособие. Положенной по закону пенсии мне не дали. Не оформлено вплоть до сегодняшнего дня и увольнение из армии. Не имея же документов о службе в ней, я лишен возможности устроиться на работу. Таким образом меня и мою семью, состоящую из двух инвалидов, поставили в условия голодания. Смириться с этим я не мог и, выйдя на свободу, я начал жаловаться.

Я поставил перед правительством вопрос: «Кем вы меня считаете? Опасным государственным преступником или человеком, перенесшим самый тяжкий из недугов — психическую невменяемость — человеком, следовательно, нуждающимся в чутком отношении и в особой заботе? Если первое, то добейтесь отмены определения суда о признании меня психически невменяемым и судите как преступника. Одновременно предайте суду и тех, кто виновен в содержании среди психически невменяемых нормального человека в течение почти девяти месяцев. Если же второе, то немедленно отмените все незаконные репрессии и накажите тех, кто организовал их». Письма такого содержания я последовательно посылал на имя ряда государственных деятелей, в том числе лично Косыгину.

Вначале я не получал никаких ответов на эти письма. Затем, в конце декабря 1965 года, т. е. почти через два года после ареста, в ответ на одно из моих писем, прислали по почте, даже без препроводительной, пенсионную книжку на сумму в два с половиной раза меньше, чем положено по закону. Наконец, с февраля 1966 года, мне на письма начали отвечать угрозами. Угрожают, что лишат пенсии, вывезут из Москвы или заключат снова в психиатричку, если я не прекращу жалоб. Несмотря на трехкратное повторение таких угроз, я в мае с. г. послал еще од-

но письмо Косыгину. В нем я просил хотя бы сообщить, принимал ли Совет Министров решение о моем разжаловании. Но и на это письмо он не ответил. А это может свидетельствовать только о том, что и он в числе организаторов этого произвола, что угрожают мне не без его ведома. Но человек, способный на такое, не заслуживает доверия избирателей. Поэтому я буду голосовать против него и призываю всех избирателей последовать моему примеру и тем показать, что слугам произвола нет места в высшем органе страны.

3. 6. 66

Григоренко П. Г.

Год спустя, генерал П. Г. Григоренко обратился в Верховный суд с требованием пересмотра дела арестованного молодого писателя В. Буковского, а в январе 1968 года написал получивший широкую известность протест против осуждения Галанскова, Гинзбурга и их друзей.

Через несколько месяцев, совместно с бывшим председателем колхоза «Яуне гварде» И. Яхимовичем, П. Г. Григоренко передал в чешское посольство в Москве письмо с выражением симпатии новому курсу, проводимому в Чехословакии.

С тех пор П. Г. Григоренко протестовал против всех, ставших ему известными случаев произвола власти в отношении гражданских прав в СССР. Особое внимание уделил он крымским татарам, вывезенным по приказу Сталина после войны в Узбекистан и упорно борющимся за право вернуться на родину.

5 мая 1969 года вечером он был арестован в Ташкенте, куда приехал, чтобы выступить общественным защитником на суде над представителями

крымских татар, арестованных в конце года. Свое решение П. Г. Григоренко принял на основании письменных просьб с подписями 2000 крымских татар и вопреки угрозам органов террора.

П. Г. Григоренко выехал из Москвы вечером 2 мая. В Ташкенте он остановился на квартире у крымского татарина Дильшата Ильясова,* где и был арестован. Сотрудники КГБ при этом произвели на квартире Ильясова многочасовой обыск.

После того, как стало известно, что П. Г. Григоренко арестован и заключен в следственный изолятор, местные татары с плакатами начали пикетировать тюрьму. Работники КГБ задерживали пикетировщиков, отвозили их на грузовиках за город и там отпускали.

Сестра генерала, проживающая в Ташкенте, сразу после ареста брата пыталась добиться с ним свидания, но ей было отказано. Жена его, Зинаида Григоренко, у которой было несколько сердечных припадков, также ничего не добилась.

Как видно из записок П. Г. Григоренко** после ареста его подвергли двум экспертизам, из коих первая была проведена в Ташкенте и признала его совершенно здоровым***, а вторая — в Институте им. Сербского в Москве под руководством небезызвест-

* В текстах, полученных из России, существуют расхождения в написании имен и фамилий. В частности, в одних появляется Решат Илиасов, в других — Дильшат Ильясов, или в одних — проф. Детингоф, в других — проф. Детенгоф. Мы останавливаемся на одном, позднейшем и чаще встречающемся написании.

** См. стр. 300-333.

*** См. Приложение 1, стр. 92-102.

ного сотрудника КГБ проф. Лунца, после которой генерал Григоренко был объявлен невменяемым.

Адвокат Каллистратова ходатайствовала о проведении третьей, судебно-психиатрической, экспертизы ввиду расхождения мнений экспертов.* Ходатайство адвоката было отклонено.

Суд состоялся в Ташкенте в начале февраля 1970 года. «Хроника» № 12 от 28 февраля 1970 г. сообщила о суде следующие подробности:

«В самом конце следствия к обвинению по ст. 190¹ УК РСФСР были добавлены новые обвинения по ст. 191⁴ УК УзССР и по ст. 70 УК РСФСР, о чем адвокат П. Г. Григоренко С. В. Каллистратова узнала только на суде, который начался 3 февраля 1970 г. Перед судом было отказано в свидании с П. Г. Григоренко и его адвокату, и его жене. Председатель суда Романова отклонила ходатайства защитника о вызове П. Г. Григоренко в суд, о перенесении суда в Москву и о назначении третьей судебно-психиатрической экспертизы. Зинаиде Михайловне Григоренко было объявлено, что она может быть представителем мужа на процессе и допускается к ознакомлению с материалами дела. (На следующий день выяснилось, что З. М. Григоренко не разрешено знакомиться с делом без адвоката, а так как С. В. Каллистратова должна была возвратиться в Москву, — для ознакомления с делом мужа (21 том, 6000 листов) З. М. Григоренко имела лишь несколько часов 4 февраля.) Суд был отложен «до выздоровления экспертов» — Морозова и Лунца, вызванных, но не явившихся на суд. (Кроме того, по неизвестным причинам, не явились 22 свидетеля из 25, вызванных на суд.)

* См. Приложение 2, стр. 102-118.

26 февраля 1970 г. суд собрался снова. Председатель — *Романова*. Прокурор — *Мордовин*. Адвокат — *Каллистратова*. Пять свидетелей *Н. Г. Григоренко* — сестра *П. Г. Григоренко*, инженер, Ташкент; *Дильшат Ильясов* — врач, Ташкент; *Пичугин*, *Бейтагоров*, *Николаев* — все трое из Москвы. Эксперты — *Лунц* (московская комиссия), *Детенгоф* (ташкентская комиссия).

Н. Г. Григоренко на вопрос, кто, по ее мнению, брат — умалишенный или антисоветчик, ответила, что ни то, ни другое.

Д. Ильясов заявил, что считает *П. Г. Григоренко* нормальным человеком и дал ему положительную характеристику.

Николаев на предварительном следствии показал, что видел *П. Г. Григоренко* один раз — в Москве, у здания суда, где в октябре 1968 года слушалось дело о демонстрантах 25 августа 1968 г., причем *Григоренко* тогда произвел на него впечатление нормального человека. На суде же *Николаев* заявил, что *Григоренко* произвел на него впечатление человека ненормального.

Бейтагоров, который тоже видел *Григоренко* один раз — там же, где и *Николаев*, — заявил, что *Григоренко* произносил у суда антисоветские речи.

Пичугин показал, что гуляя около московского крематория 14 ноября 1968 г., он случайно заглянул туда и услышал антисоветское выступление *Григоренко* на похоронах *А. Е. Костерина*.

Проф. *Детенгоф* заявил, что отказывается от своего первоначального мнения о вменяемости *П. Г. Григоренко*, считает подписанное им заключение ташкентской экспертизы ошибочным и полностью присоединяется к мнению проф. *Лунца* о том, что *Григоренко* невменяем. (После первой экспертизы *Детенгоф*, естественно, не наблюдал *Григоренко*.)

Ходатайство адвоката о вызове хотя бы еще одного из экспертов, подписавших заключение первой комиссии, было отклонено (таким образом, заключение ташкентской экспертизы осталось даже формально неопровергнутым).

27 февраля суд вынес определение (приговор — только для вменяемых) по делу П. Г. Григоренко, признав его лицом, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 70 и ст. 190¹ УК РСФСР и ст. 191⁴ УК УзССР, в состоянии невменяемости; освободить П. Г. Григоренко от уголовного наказания и поместить его в психиатрическую лечебницу специального типа в Казани, до выздоровления.

Адвокат Каллистратова подала на кассацию».

О протестах против решения Ташкентского горсуда и Верховного суда УзССР, а также о дальнейшей трагической судьбе генерала П. Г. Григоренко «Хроника» № 14 от 30 июня 1970 г. сообщает следующее:

«13 мая к генеральному прокурору СССР Руденко с «Жалобой в порядке надзора» на определения Ташкентского горсуда и Верховного суда УзССР по делу П. Г. Григоренко обратились академики М. А. Леонтович, А. Д. Сахаров, доктор физ.-мат. наук В. Ф. Турчин и физик В. Н. Чалидзе.

Указав на «серьезные процессуальные нарушения, допущенные на стадии предварительного следствия и в судебном разбирательстве», как-то:

1) ведение предварительного следствия не по месту совершения инкриминируемых Григоренко деяний и безосновательная мотивировка этого прокуратурой УзССР «тем, что большинство свидетелей проживает в г. Ташкенте», тогда как на самом де-

ле «из 106 свидетелей, допрошенных по делу, более 80 проживает в Москве»;

2) противозаконное физическое воздействие на подследственного и унижительное для человеческого достоинства обращение с ним в предварительном заключении;

3) нарушение конституционного права на защиту, выразившееся в «неизменном, подчас немотивированном, отклонении ходатайств адвоката, направленных на исправление процессуальных упущений в следствии и на суде» (в жалобе перечислены случаи нарушения права на защиту);

4) отсутствие в суде полного и всестороннего исследования дела: значительная разница между числом свидетелей, допрошенных по делу (106), и вызванных в суд (30), из которых в суд явилось лишь 5; диспропорция в документах: признанных криминальными (300) — и исследованных судом (3); отсутствие разбора в суде вопроса о «субъективной стороне деяний, инкриминируемых П. Г. Григоренко»;

5) отсутствие обоснованного судом решения вопроса о вменяемости Григоренко и отвод ходатайств защиты о назначении третьей экспертизы «для разрешения противоречия» между первой и второй, —

авторы жалобы ходатайствуют о том, чтобы определение Ташкентского горсуда было опротестовано, исполнение этого определения было приостановлено, а П. Г. Григоренко освобожден из-под стражи.

На имя Подгорного 8 мая отправлено письмо Х. Гумирова с просьбой накануне Дня Победы и выборов амнистировать политических заключенных, в первую очередь П. Г. Григоренко. Это, по мнению

автора письма, должно быть сделано для соблюдения законности, укрепления социалистической демократии и «окончательной десталинизации в нашей стране».

С июня П. Г. Григоренко содержится в специальной психиатрической больнице в г. Черняховске.

В начале июня Петра Григорьевича Григоренко в больнице посетили двое в штатском, не назвавшие своих фамилий, предложили ему отречься от своих убеждений. П. Г. Григоренко отказался разговаривать с ними. После этого его стали выводить на прогулку с группой агрессивно настроенных больных.

15 июня у него была жена. Ее заставили ждать восемь часов. При свидании присутствовали представители больничной администрации.

Основной контингент этой специальной (т. е. тюремной) больницы составляют действительно психически больные люди, судимые за изнасилования и убийства.

Больничная палата — шестиметровая камера. В ней двое: Петр Григорьевич и его сосед, зарезавший свою жену и находящийся все время в бредовом состоянии. Свободного пространства — два шага, можно только встать и одеться. Прогулка — около двух часов в день, все остальное время — в запертой камере.

Бумаги и карандаша Петр Григорьевич лишен.

Вынужденная неподвижность, острые боли в раненой ноге, непрерывное воздействие на психику со стороны тяжелого душевнобольного — все это вызывает серьезные опасения за жизнь 62-летнего П. Г. Григоренко.

Его адрес: Калининградская обл., г. Черняховск, учреждение 216/СТ-2».

3 июля 1970 года на свидание к П. Г. Григоренко поехали его жена З. М. Григоренко, сын Андрей и его невеста. Хотя лечащий врач Бобылев по состоянию здоровья П. Г. Григоренко против свидания не возражал, начальник «спецпсихобольницы» майор Белокопытов в свидании отказал без мотивировки. На просьбу хотя бы о пятиминутном свидании для родительского благословения молодых он ответил: «Не просите, у меня чувств на работе нет, а только инструкции». На замечание З. М. Григоренко о высокой стоимости поездки майор Белокопытов возразил: «Я не так вас разорю! И научу, как жить». Лишь на второй день была принята передача.

8 августа 1970 года А. Григоренко вместе с женой снова поехали к отцу. Было разрешено свидание на два дня по часу каждый раз. На просьбу о свидании на третий день, как всем приезжающим, майор ответил: «Хватит, а то больно густо будет!»

Приложение 1

АКТ ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ П. Г. ГРИГОРЕНКО

«Акт № 40 Амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы Григоренко П. Г. 18 августа 69 г. в помещении КГБ, в присутствии следователя Березовского.»

17 апр. 64 г. Григоренко находился на стационарной судебно-психиатрической экспертизе в связи с обвинением в преступлении, предусмотренном ч. I ст. 70 УК РСФСР. Заключение комиссии НИИ судебной психиатрии им. Сербского признан был невменяемым, как страдающий психическим заболеванием.

ем в форме паранойяльного (бредового) развития личности с присоединившимися явлениями начального артериосклероза головного мозга. Констатировались идеи реформаторства, в частности переустройства государственного аппарата, в сочетании с идеями переоценки собственной личности, идеи мессианства, элементы параноидного толкования отдельных нейтральных фактов. В своих идеях испытуемый был непоколебим, излагал их с большой аффективной охваченностью, некритически воспринимал возражения собеседников.

Согласно определению 004/64 Военной Коллегии Верховного Суда СССР Григоренко в соответствии со ст. 11 УК РСФСР был освобожден от уголовной ответственности по части I ст. 70 УК РСФСР и на основании ст. 58 УК был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа, где находился с 14 августа 64 г.

16 марта 65 г. Григоренко был освидетельствован внутрибольничной судебно-психиатрической экспертной комиссией специальной психиатрической больницы МООП РСФСР в г. Ленинграде. Комиссией было подтверждено заключение экспертной комиссии Института им. Сербского, но в то же время указано, что к моменту освидетельствования 16 марта 65 г. Григоренко из болезненного состояния вышел, «находится в состоянии хорошей компенсации, не требующем стационарного лечения и обнаруживает лишь признаки склероза головного мозга». Поэтому комиссия сочла нецелесообразным дальнейшее пребывание Григоренко в условиях специальной психиатрической больницы и возможным выписать его под наблюдение психо-неврологического диспансера по месту жительства.

Определением 004/64 Военной Коллегии Верхов-

ного Суда СССР от 17 апреля 65 г. принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа прекращено. Однако в период 1965-69 гг. Григоренко, проживая в Москве, продолжал систематически заниматься изготовлением, размножением и распространением документов, содержащих измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, в связи с чем Григоренко вновь был привлечен к уголовной ответственности.

Из анамнеза, по данным дела и со слов испытуемого устанавливается:

Родился в крестьянской семье, с ранних лет участвовал в различных полевых работах. В школе обнаружил любознательность, был энергичным, способным учеником. После окончания сельской школы работал учеником слесаря, принимал активное участие в общественной жизни, вступил в комсомол, был инициативным, требовательным к себе, стремился расширить свой кругозор, знакомился с политической литературой, стремился к повышению общих знаний. Закончив рабфак, учился в Харьковском Технологическом институте. В 1931 г. мобилизован в армию и направлен в Военно-инженерную академию, которую закончил в 1934 г. Всегда был активным, участвовал в различных дискуссиях, боролся с «расхлябанностью», за разъяснением некоторых теоретических вопросов обращался непосредственно в ЦК. Окончил Академию Генерального штаба. В 1939 г. получил легкую контузию в битве при Халхин-Голе. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. В 1944 г. ранен в область голеностопного сустава, находился в госпитале. По возвращении на фронт контужен, на короткий срок терял сознание, в госпиталь не стационарировался. В годы войны характеризовал себя соб-

ранным, деловым, распорядительным. В первые годы войны получил выговор по партийной линии за резкие критические замечания о состоянии наших вооруженных сил.

После окончания войны работал в Военной Академии им. Фрунзе старшим преподавателем. В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию, но «защита» тормозилась ввиду критики им некоторых утвердившихся в практике положений. В 1951 г. перенес опоясывающий лишай, наблюдался парез лицевого нерва, отмечались скачки кровяного давления. С 1959 г. — начальник кафедры управления войсками, готовил докторскую диссертацию.

XX съезд вызвал у него много размышлений в отношении значения Сталина как личности; пришел к выводу, что во всем виноват не Сталин, а система, его породившая. В 1961 г. с критическими замечаниями и своими соображениями выступил на партийной конференции. После этого выступления был лишен мандата и отстранен от заведования кафедрой. Считал подобные действия неправильными. Обращался с жалобами в различные партийные и государственные учреждения. После разбора его дела на парткомиссии решил, что правительство отступило от «ленинских принципов». В 1962 г. получил должность начальника оперативного отдела армии Приморского края. Назначением этим был недоволен, считал его несправедливым. Решил бороться с существующим строем, «вести разъяснение в народе ленинских положений», распространять «ленинские принципы». Стал изготавливать листовки, размножать их на пишущей машинке. Исходили эти листовки якобы от «Союза борьбы за возрождение ленинизма». К изготовлению листовок привлек своих сыновей и племянника. В это время появились

головные боли, боли в области сердца, подозрение на инфаркт миокарда, четыре раза диагностировались микроинфаркты. Но оставался деятельным, энергичным, настойчивым. В имеющихся служебных характеристиках и отзывах сослуживцев отмечаются как положительные качества Григоренко (энергичный, дисциплинированный, исполнительный, трудолюбивый), так и отрицательные (вспыльчив, невыдержан, излишне самоуверен, склонен к переоценке своих знаний и способностей). Сам Григоренко характеризует себя как очень исполнительного и дисциплинированного человека, «всегда по приказу и зову партии шел работать туда, где было нужно, хотя иногда и очень трудно». Физически был всегда практически здоров. В детстве болел несколько раз тифами, малярией. Будучи взрослым, обращался к врачам по вопросам простудных заболеваний, фурункулеза, гастрита, радикулита, неврастенических реакций.

В 1961 г. находился в санатории по поводу «умеренно выраженного атеросклероза аорты и коронарных сосудов, атеросклерозного миокардосклероза».

Каких-либо значительных изменений в характере и в соматическом состоянии ни Григоренко, ни окружающие его не замечали.

Во время следствия и пребывания в 1964-1965 гг. в Институте им. Сербского активно протестовал против направления на экспертизу, обнаружил склонность к аффективным реакциям, объявлял голодовку, считал, что в Институте создается «особый режим», искусственная обстановка для вызывания «психических реакций», специально «подсаживали» людей, влияющих на его психику. В дальнейшем стал более спокойным, много читал, видел свое призвание в борьбе за возрождение ленинских

идей, за создание «поколения новых революционеров». Свою работу считал пока бесплодной, но не бесполезной, борьбу справедливой, а путь, на который он встал, единственно правильным. Собирался суд использовать как трибуну для своего выступления. Был многословен, с трудом переключался на новые темы беседы, обнаруживались явления слабодушия, склонность к слезам, недостаточно критично осмыслял ситуацию. В специальной больнице держался спокойно, был вежлив, сдержан. Однако, давая пояснения по делу, начинал волноваться, спорить, возбуждался, повышал голос, становился раздражительным, даже злобным. При перемене темы беседы легко овладевал собой, успокаивался. Обманы чувств отсутствовали. Мышление было обычного типа, без структурных нарушений, но несколько инертно, со склонностью к застреванию на одних и тех же фактах и волнующих переживаниях. Проявлял упрямство, был настойчив. В беседе стремился завладеть инициативой, навязать собеседнику свою точку зрения. Возражений не принимал, слушал их невнимательно, перебивал собеседника. Отмечалась тенденция к расширенному толкованию фактов и некоторая неправомерность их обобщения. Себя психически больным не признал. К своим способностям и возможностям продолжал относиться с повышенной оценкой, держался самоуверенно, был мелочно требователен и придирчив к персоналу. Критика к своим противоправным действиям была недостаточной. Соглашался, «что поступил глупо» и «наделал хлопот» семье, но по существу оставался по-прежнему убежден, что проводимый политический и экономический курс неправилен. Нарушений памяти и интеллекта не отмечалось. С семьей поддерживал теплые отношения. Постепенно свыкался с мыслью о невозмож-

ности возвращения его на прежнюю должность и о выписке без пересмотра вменяемости, появилось правильное критическое отношение к своим противоправным действиям, «исчез элемент жертвенности и мессианства». Соглашался с мыслью о возможности отдельных недостатков, о необходимости терпеливо и настойчиво работать по их преодолению. Отказ ему в военной пенсии считал незаконным, но уверял, что сумеет заработать на период времени до разрешения вопроса о пенсии. Планы на будущее были реальными. После выписки от получения пенсии отказался, работал грузчиком до 1967 г. Стремился наглядно показать, что «коммунист может вести себя не хуже, чем дьякон из купринской «Анафемы», что он так же, как этот последний, «лучше камни ворочать будет, чем поступится своими идеалами и своим человеческим достоинством». Многочисленные свидетели — единомышленники Григоренко, характеризуют его активным, принципиальным, образованным и высоко эрудированным человеком. С 1967 г. Григоренко начинает обращаться с письмами в высшие партийные и советские инстанции, в которых выражал в резкой форме свое несогласие с существующим порядком и политическим направлением. Считал, что имеет место отступление от идей ленинизма.

В настоящее время при обследовании обнаружено следующее:

Со стороны физической — высокого роста, достаточно... (неразборчиво) тоны сердца приглушены, АД (артериальное давление) — 180/90...

Нервная система:

зрачки равномерны, реакция их на свет, аккомодация живая. Глазные яблоки конвергируют достаточно. Лицо и оскал зубов симметричны. Язык по

средней линии, мягкое нёбо при фонации подвижно, симметрично. Двигательных расстройств нет. Сухожильные рефлексy с верхних конечностей живые, равномерные. Коленный рефлекс справа ослаблен. Ахиллов рефлекс справа вовсе не вызывается (ранение). Патологических рефлексов нет, расстройств чувствительной статики, координации — нет.

Психическое состояние:

сознание ясное, правильно ориентирован. В беседе держится вполне упорядоченно, естественно. Легко доступен к контакту. Речь связная, целенаправленная, несколько обстоятельная. Сообщает о себе подробные и последовательные сведения, обнаруживая при этом достаточное внимание, память, широкую и разностороннюю осведомленность в политических, общественных, общеобразовательных и специальных вопросах. Заявляет, что он всю свою сознательную жизнь интересуется общественными и политическими науками, «всегда был активным руководителем и агитатором, вел борьбу с расхлябанностью и беззаконием». Несмотря на то, что он по долгу своей службы занимался военно-техническими дисциплинами, считает себя более осведомленным в вопросах политических и общественных наук. Сам характеризует себя настойчивым и активным в достижении цели и когда «приходит к какому-либо заключению, уже не поступится в своих выводах».

В момент обследования достаточно синтонен, эмоционально жив. На вопрос о его противоправных действиях проявляет аффективную реакцию, раздражается, краснеет, в повышенном тоне стремится доказать правоту своих суждений. Критически оценивает свою преступную деятельность до 1964 г.,

когда продуцировал и распространял листовки и другие документы среди населения. Считает этот способ борьбы неправильным. В своих действиях, связанных с настоящим привлечением его к ответственности, ничего противоправного не усматривает, так как проводил их открыто, выступая от себя лично, и никаких организационных мер не предпринимал. Бреда, обманов восприятий не обнаруживает. Тяжело и адекватно переживает создавшуюся для него ситуацию. Себя считает психически здоровым, указывая, что был взволнован фактом назначения судебно-психиатрической экспертизы, так как больше всего боится признания его психически больным, помещения в психиатрический стационар и пребывания среди психически больных. Говоря об этом, проявляет очень живую эмоциональную реакцию, заплакал, но тут же смутился, опустил голову, пытался скрыть слезы, извинился «за свою слабость» перед членами комиссии.

На протяжении всей беседы сохранял вежливость, корректность в обращении.

На основании данных, полученных при изучении материалов уголовного дела, медицинской документации, имеющейся в деле, наблюдений Григоренко в следственном изоляторе (материалы личного дела), а также данных, полученных при его объективном обследовании, — приходим к заключению:

Григоренко признаков психического заболевания не проявляет в настоящее время, как не проявлял их и в период совершения (2-ая половина 1965 г. — по апрель 1969 г.) инкриминируемых ему преступлений, когда он отдавал отчет в своих действиях и мог руководить ими.

В содеянном вменяем.

1. Деятельность Григоренко имела целенаправлен-

ный характер, касалась конкретных событий и фактов, вытекала из его личных убеждений и во многих случаях из таких же убеждений его единомышленников и не содержала болезненных бредовых признаков. Григоренко на протяжении всей своей жизни правильно развивался в нервно-психическом отношении, хотя и обнаруживал всегда отдельные своеобразные черты характера, как высокую стеничность и настойчивость в достижении цели, некоторую склонность к переоценке своих возможностей, стремление к утверждению своего мнения.

Одновременно с этим он обнаружил хорошие интеллектуальные способности, добился неуклонно общего развития, трудового и социально-общественного роста. В коллективах хорошо уживался, являясь руководителем и воспитателем. Какого-либо заметного болезненного перелома и сдвига в развитии его личности не усматривается.

Не исключено, что Григоренко под влиянием создавшейся у него в 1964 г. неблагоприятной психогенной ситуации и имея отдельные своеобразные черты характера, перенес болезненную реакцию, расцененную в Институте им. Сербского как «паранояльное развитие». В дальнейшем, как видно из заключения судебно-психиатрической экспертной комиссии психиатрической больницы МООП РСФСР в г. Ленинграде, Григоренко из болезненного состояния вышел. При дальнейшем наблюдении его в психо-неврологическом диспансере г. Москвы признаков психического заболевания у него не отмечалось.

2. Григоренко в стационарном обследовании не нуждается, так как его личностные особенности и психическое состояние достаточно полно рисуется

материалами дела, данными наблюдения его в следственном изоляторе, а также данными, полученными его обследованием в амбулаторном порядке.

Сомнений в психическом здоровье Григоренко при его амбулаторном обследовании не возникло. Стационарное обследование в настоящее время не расширит представления о нем, а наоборот, учитывая возраст, резко отрицательное отношение его к пребыванию в психиатрических стационарах, повышенную его ранимость, — осложнит экспертизу.

Профессор Детенгоф

Главный психиатр Туркестан. воен. окр. Казан

Славгородская

Смирнова

Приложение 2

ХОДАТАЙСТВО АДВОКАТА С. Б. КАЛЛИСТРАТОВОЙ*

в Ташкентский горсуд в защиту П. Г. Григоренко (Ташкент), 2. 2. 70.

В Ташкентский городской суд по делу Григоренко Петра Григорьевича (ордер — в деле).

Об истребовании дополнительных медицинских документов и о проведении повторной судебно-психиатрической экспертизы на суде в судебном заседании 3. 2. 1970 г.

(Ходатайство)

Исходя из глубокого убеждения в том, что Григоренко психическим заболеванием не страдает и

* Опубликовано в «Хронике» № 14, от 30 июня 1970 г. См. также «Посев», 5-й спецвыпуск, ноябрь 1970.

является *вменяемым*, защита считает необходимым проведение в судебном заседании тщательного исследования этого вопроса, для чего необходимо истребование дополнительных медицинских документов и проведение повторной (третьей) экспертизы на суде.

Это ходатайство вызывается, прежде всего, тем обстоятельством, что в деле имеются *два диаметрально противоположных* заключения судебно-психиатрической экспертизы по вопросу о психическом состоянии Григоренко:

Первое — заключение амбулаторной экспертизы под председательством доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Узб. ССР Детенгофа Ф. Ф. от 18/VIII 1969 г.,* которым признано, что Григоренко «признаков психического заболевания не проявляет в настоящее время, как не проявлял их и в период совершения (от второй половины 1965 г. по май 1969 г.) инкриминируемых ему преступлений, и всегда отдавал отчет своим действиям и мог руководить ими. В *содеянном вменяем*».

Второе — заключение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, проведенной в Институте им. Сербского, от 19. 11. 1969 г., которым признано, что «Григоренко страдает психическим заболеванием в форме патологического (паранойяльного) развития личности с наличием идей реформаторства, возникшим у личности с психопатическими чертами характера и начальными явлениями артериосклероза сосудов головного мозга». Этим заключением Григоренко признан *невменяемым* и нуждающимся в принудительном лечении психиатрической больницы специального типа.

* См. Акт об экспертизе П. Г. Григоренко, стр. 92.

Такое нечасто встречающееся в судебной практике расхождение в заключениях высококвалифицированных экспертов-психиатров требует приобщения к делу исчерпывающей медицинской документации.

В соответствии со ст. ст. 50, 52, 65 УПК Узб. ССР, оба заключения являются доказательствами, подлежащими оценке судом, и ни одно из них не имеет заранее установленной силы. Оценка же лицами, не обладающими специальными знаниями, двух таких диаметрально противоположных заключений по глубоко специальному вопросу без назначения третьей экспертизы, по существу, невозможна.

Из материалов дела видно, что решениями СпецВТЭКа* Ленинского р-на г. Москвы Григоренко в июне 1965 г. был переведен из второй группы инвалидности в третью группу (том XIX, л. д. 18), а затем, 29 декабря 1965 г., группа инвалидности вообще была снята (том XIX, л. д. 20 и 23).

Еще в заявлении от 6 августа 1969 г. (том XIX, л. д. 165) Григоренко ходатайствовал об истребовании и приобщении к делу документации СпецВТЭКа Ленинского р-на. Такое же ходатайство было заявлено защитой при окончании предварительного следствия. Однако эти ходатайства удовлетворены не были со ссылкой на то, что к делу приобщена история болезни Григоренко из психоневрологического диспансера. Между тем, и их документация не является взаимозаменяемой. При наличии столь существенных расхождений в заключениях экспертов-психиатров приобщение к делу документов столь авторитетной организации, как СпецВТЭК, и их оценка действительно необходимы.

* Специальная врачебно-трудовая экспертная комиссия.

Заключением стационарной экспертизы отвергается заключение первой экспертизы со ссылками на данные, которые могли быть раскрыты только при стационарном клиническом наблюдении. Однако каковы именно эти «данные» — в акте стационарной экспертизы не указано. В силу этого защита считает совершенно необходимым истребование и приобщение к делу *подлинной истории болезни Григоренко* за все время его пребывания в Институте им. Сербского в октябре-ноябре 1969 г.

Кроме того, Григоренко, при свидании с ним защитника, утверждал, что он в Институте им. Сербского написал на имя эксперта-психиатра проф. Лунца заявление по поводу своего отношения к своим действиям до ареста и по поводу своих планов на будущее. Это заявление, несомненно, имеет существенное значение для решения вопроса о психическом состоянии Григоренко и также должно быть приобщено к делу.

Изложенное обязывает защиту ходатайствовать:

а) об истребовании и приобщении к делу всей документации СпецВТЭКа Ленинского района г. Москвы по делу Григоренко за 1965 г.;

б) об истребовании и приобщении к делу всей *подлинной истории болезни Григоренко* из Института им. Сербского за октябрь-ноябрь 1969 г. и

в) об истребовании и приобщении к делу письма, написанного Григоренко во время пребывания на стационарной экспертизе 1969 г. на имя Лунца Д. Р.

Заключение стационарной экспертизы от 19. XI. 1969 г. страдает дефектами, дающими основание признать взгляд о неменяемости Григоренко необоснованным:

1. В этом заключении по существу отсутствует точный диагноз психического заболевания.

В принятой в СССР международной классификации психических заболеваний есть шифр 297.0 — «паранойя». Однако стационарная экспертиза такого диагноза Григоренко не ставит, а говорит лишь о паранойяльном развитии у личности с психопатическими чертами характера, т. е. об одной из форм психопатии.

Психопатия целым рядом авторов, в том числе крупнейшим советским психиатром Ганнушкиным, не относится к числу психических заболеваний.

В работе В. М. Банщикова и Т. А. Невзоровой («Психиатрия», изд. «Медицина», М., 1969) говорится: «Психопатию надлежит рассматривать как патологический вариант формирования личности, а не как психическую болезнь. Отсюда следует, что психопатией не заболевают, а психопатические черты характера формируются в процессе жизни» (стр. 286).

В учебнике «Судебная психиатрия», написанном коллективом Института им. Сербского под редакцией профессоров Г. В. Морозова и Я. М. Калашника (М., изд. «Юридическая литература», 1967), говорится: «Психопатию следует отличать не только от психических болезней, но и от индивидуальных, обычно встречающихся вариантов характера» (стр. 348). И далее: «Судебно-психиатрическая оценка группы психопатий, как известно, определяется тем, что психопатия не является следствием прогрессирующего заболевания, которое изменяет личность... Психопаты не лишены способности правильно оценивать окружающую действительность и руководить своими поступками, так как у них нет тех изменений в психике, которые бывают у душевнобольных» (стр. 362).

Таким образом, современная психиатрия не считает психопатию психическим заболеванием, а психопатов — душевнобольными. Лишь в отдельных случаях, при наличии глубоких психопатических изменений личности, психопатия может приравниваться к психическим заболеваниям. По этому поводу в цитированной выше работе «Психиатрия» говорится: «Психопаты, не будучи психически больными, в большинстве случаев признаются вменяемыми. Иногда психопатические изменения личности бывают настолько глубокими, что исключают возможность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. В подобных случаях больные признаются невменяемыми» (стр. 292).

В учебнике «Судебная психиатрия», цитированном выше, написано: «... психопаты в большинстве случаев признаются вменяемыми и подвергаются обычным общим мерам наказания. Бывают и исключения. В некоторых случаях изменения характера психопатической личности бывают так глубоки, что по праву состояние психопатии можно приравнять к состоянию психической болезни и принять психопата невменяемым» (стр. 363).

В акте стационарной экспертизы отсутствуют данные о том, какие именно изменения личности дают основание приравнять состояние Григоренко к психическому заболеванию. Отсутствуют также данные о том, к какому периоду относят эксперты обострение, дающее основание для выводов о необходимости помещения Григоренко в психиатрическую лечебницу специального типа, и чем именно это обострение характеризуется.

2. В акте судебно-психиатрической экспертизы от 19. XI. содержится ряд неточностей, искажений и произвольных оценок.

а) В анамнестическом разделе акта Института им. Сербского указано, что испытуемый «рос слабым и болезненным ребенком», «по характеру... упрям», во время обучения в высших учебных заведениях «не любил возражений, много раздражался», в период службы в Приморском военном округе «страдал чрезмерным зазнайством, авторитетом не пользовался». — Этих данных нет ни в акте амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, ни в других материалах дела, хотя, безусловно, и та и другая судебно-психиатрические экспертные комиссии исследовали одни и те же документы.

б) При описании в анамнестической части состояния испытуемого в период наблюдения за больным Ленинского районного психиатрического диспансера г. Москвы, основанного на записях в амбулаторной истории болезни, указано: «продуктивной психопатологической симптоматики не было, однако отмечались вязкость, обстоятельность мышления, недостаточная критичность к сложившейся ситуации».

Характеристика состояния испытуемого, изложенная подобным образом, недопустима, так как вязкость и т. д. не являются психотическими проявлениями, поэтому употребление этих терминов после упоминания об отсутствии психопатологической симптоматики с помощью оборота «однако» — неправомерно.

Кроме того, изложены неточно сами записи в амбулаторной карте. Так, в записи от 27. X. 65 г. в диспансерной карте указано: «критически относиться к прежним действиям», т. е., в противовес записям в акте, недвусмысленно подчеркнута сохранность у испытуемого критики.

В диспансерной карте (запись от 29. IV. 65 года) есть указание на «вязкость и обстоятельность», од-

нако при этом добавлено: «несколько», что свидетельствует о том, что врачи диспансера не нашли эти симптомы выраженными. В анамнестической части акта от 19. XI. 69 г. эта смягчающая формулировка опущена.

в) При изложении того же периода (1965-1969 г.) в акте от 19. XI. 1969 г. указано, что, по словам испытуемого, он переносил физические лишения, считая, что «страдает за свои идеи», и что, после отказа в удовлетворении требований, у испытуемого «нарастали раздражительность, чувство злобы». Ни в материалах дела, ни в данных медицинской документации этих сведений нет.

г) При изложении сведений со слов жены испытуемого в акте от 19. XI. 69 г., наряду с констатацией, что, по словам жены, никаких странностей в поведении испытуемого она не усматривала, добавлено предваряющее эти сведения слово «якобы», говорящее только о субъективных сомнениях экспертов, хотя не показано, на чем они основаны. Такое включение оценочных формулировок в протокольную часть акта судебно-психиатрической экспертизы является совершенно недопустимым.

д) При изложении других материалов дела эксперты в акте от 19. XI. 69 г. заключают категорически: «имел диктаторские замашки», «много и горячо говорил, доказывая свою точку зрения, навязывая ее собеседнику».

При цитировании показаний свидетелей опущено, что слова о «диктаторских замашках» испытуемого относятся не к его поведению в жизни, а только к способу ведения спора.

е) При ссылке на показания неназванных свидетелей, видевших испытуемого один раз у здания суда в Москве, эксперты цитируют: «выделялся сво-

им поведением, был активен, собрал вокруг себя толпу... кричал, что будет бороться за демократию и правду». Очевидно, имеются в виду свидетели Николаев и Желоховский (т. XVIII, л. д. 129 и 218), дававшие показания об активном поведении Григоренко.

Однако эти показания свидетельствуют о том, что действия Григоренко носили целенаправленный характер. Свидетель же Николаев прямо показал: «Григоренко, на мой взгляд, — здоровый человек, никаких отклонений в психике за ним не замечал. Грамотно цитировал свободно Ленина по каждому факту» (т. XVIII, л. д. 129).

ж) В акте стационарной экспертизы без всяких комментариев указывается на то, что Григоренко на прогулках и в камере в период следствия кричал, оскорблял работников охраны, во время допросов был раздражителен, в течение некоторого времени отказывался от приема пищи.

Эти ссылки содержат неоправданные обобщения. В материалах дела отмечены только два случая нарушения Григоренко распорядка в следственном изоляторе. Из объяснений Григоренко (т. XVIII, л. д. 77) видно, что его поведение в этом случае носило целенаправленный характер и было адекватной реакцией на сложившуюся ситуацию.

О «раздражительности» Григоренко при допросах в деле никаких данных не содержится. Из заявлений Григоренко в томе XVIII, на л. д. 64, 74, 79, 87, видно, что «отказ от приема пищи», имевший место в июне 1969 г., являлся не признаком психического заболевания, а сознательным, мотивированным волевым актом, именуемым «объявлением голодовки».

з) При описании в акте от 19. XI. 69 г. психического состояния испытуемого, изложение поведения

и высказываний Григоренко в стационаре прерывается на стр. 7 акта анализом состояния, где употребляются термины («расстройство критики», «идеи реформаторства»), содержание которых не раскрыто и не конкретизировано отдельными примерами. Ссылка на письма, имеющиеся в материалах дела, не может считаться убедительной, так как листы дела не названы и непонятно, о каких письмах идет речь.

Тем самым нарушены правила написания актов судебно-психиатрической экспертизы, так как выводы должны следовать за описанием психического состояния, а не вкрапливаться в него и, тем более, не предварять его.

По этому поводу в руководстве «Судебная психиатрия» под редакцией Г. В. Морозова (М., 1966) говорится: «Следует считать неубедительным такой акт психиатрической экспертизы, в котором высказывания и поведение подэкспертного даются не в конкретной форме клинического описания, а в оценочных психиатрических терминах» (стр. 23).

«Эксперты, констатируя наличие тех или иных психопатологических отклонений, должны указать, в чем конкретно они выражаются» (там же).

и) В той же части акта (описание психического состояния испытуемого) сказано, он «старается держаться спокойно», хотя не приводится никаких примеров того, что спокойное поведение испытуемого — намеренное, или того, что у него были в то же время и иные цели. Тем самым допущено непозволительное психологизирование клинической картины, так как это бездоказательное утверждение экспертов просто логически, без учета фактов, выведено из уже высказанного ими (в нарушение существующих правил, — описательном разделе акта) мне-

ния о том, что испытуемый является психически больным.

Между тем профессор Д. Р. Лунц в монографии «Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии» (М., 1966) указывает: «Психологические произвольные построения при анализе болезненных психопатологических расстройств могут приводить, в одних случаях, к недооценке тяжести имеющихся болезненных изменений, а в других, — к чрезмерной их переоценке» (стр. 137).

Изложенное выше неопровержимо свидетельствует о том, что в акте судебно-психиатрической экспертизы, произведенной стационарно в НИИ судебной психиатрии им. Сербского, содержится произвольная трактовка экспертами данных медицинской документации, материалов дела, нарушены правила написания акта экспертизы.

Все это в значительной части лишает акт экспертизы характера объективного судебного доказательства.

3. Экспертное заключение стационарной судебно-психиатрической комиссии клинически не обосновано.

а) Не доказано наличия у испытуемого паранойяльного развития личности. Согласно существующим в современной психиатрии воззрениям, паранойяльное состояние образуется паранойяльными (бредовыми) идеями.

«Паранойяльный синдром исчерпывается нервичным бредом» (О. В. Кербиков, М. В. Коркина, Р. А. Наджаров, А. В. Снежневский, «Психиатрия», М., 1969, стр. 96).

Следовательно, эксперты должны были, прежде всего, показать наличие у испытуемого бредовых

идей. Однако в акте от 19. XI. 1969 г. этот вопрос обойден совершенно.

Говорится об «идеях реформаторства», причем не расшифровывается, какие именно идеи подразумеваются — обычные (т. е. результат процессов мышления нормальной психики), сверхценные или бредовые.

Обычные идеи не являются, конечно, признаком психического заболевания; при сверхценных идеях привлекаемые к уголовной ответственности лица, как правило, признаются вменяемыми. Для бредовых же идей характерно: «1) непоколебимое убеждение; сила неопровержимой истины, несмотря на явное противоречие с действительностью, — с невозможностью коррекций»; 2) «ошибочное обоснование» (О. В. Кербиков и др. «Психиатрия», стр. 45).

Пересказывая при описании психического состояния заявления испытуемого, эксперты не дают их оценки, не устанавливают их соответствия или несоответствия реальности, их обоснования, а ограничиваются указаниями, что разубедить испытуемого в неправильности суждений не удалось. Между тем, в отличие от акта стационарной экспертизы, члены амбулаторной судебно-психиатрической комиссии 18. VIII. прямо указывают, что высказывания Григоренко не имеют характера болезненных, бредовых, а являются убеждением, свойственным не ему одному, а ряду лиц.

Профессор А. В. Снежневский пишет в коллективном руководстве по психиатрии (цитированная выше «Психиатрия» О. В. Кербикова и др.) на странице 46: «Несоответствующие действительности убеждения с убежденностью в их достоверности встречаются также и у здоровых людей. Ошибки познания повседневны, отстаиваются часто с непо-

колебимым упорством, обосновываются с исключительной убежденностью и, тем не менее, их нельзя назвать бредом. Для установления бреда существенна не только констатация суждения, не соответствующего действительности, но и наличия патологического основания его возникновения, создающего «безумие со смыслом», «гениальную глупость».

Бредовые суждения психических больных всегда относятся к ним самим, развиваются из идей, также относящихся к ним. Этим они отличаются от ошибок здоровых, касающихся разнообразных объективных обстоятельств».

Экспертами в акте от 19. XI. 1969 г. совершенно не произведен имеющий решающее значение анализ, — можно ли назвать суждения Григоренко бредовыми, а заключение об этом сделано без каких бы то ни было доказательств. Обоснования же правильности выводов, которые стационарная судебно-психиатрическая комиссия приводит в акте от 19. XI. 1969 г., также не представляются убедительными.

В качестве первого аргумента выдвигается положение о перенесенном в 1964 г. «психическом состоянии с ярко аффективно окрашенными идеями реформаторства, преследования и отношения».

В то же время в акте амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы от 18. VIII. 1969 г. высказано предположение, что в свете анамнестических данных, документально подтвержденных картой амбулаторного наблюдения Ленинского районного психоневрологического диспансера, в 1964 г. Григоренко перенес болезненную реакцию, т. е. проходящее расстройство душевной деятельности. В акте стационарной экспертизы эти предположения

амбулаторной комиссии игнорируются нацело и даже не подвергаются обсуждению.

В качестве второго аргумента стационарной комиссией выдвигается безоговорочное утверждение, что «психотическое состояние в дальнейшем не обошлось», «периодически обострялось». Между тем, в данных медицинской документации, если рассматривать их объективно, нет на это никаких указаний, а материалы дела свидетельствуют только о том, что у Григоренко сохранялись убеждения, болезненный характер которых экспертами не доказан.

И, наконец, совсем уже странной выглядит в акте фраза о том, что «обострение» состояния у испытуемого вызывалось «различными внешними обстоятельствами, не имеющими к нему непосредственного отношения», так как в задачу судебно-психиатрической экспертизы входит только установление тех или иных болезненных проявлений у данной личности, оценка степени их выраженности, но отнюдь не ограничение круга интересов личности испытуемого.

Все вышеизложенное доказывает, что акт судебно-психиатрической экспертизы от 19. XI. 69 г. не обосновывает наличия у испытуемого паранойяльного (бредового) развития личности.

Относительно такого положения в уже цитированном руководстве по судебной психиатрии под ред. Г. В. Морозова сказано: «выводы в акте должны вытекать из данных психиатрического обследования и анализа материалов уголовного дела, согласовываться с другими доказательствами по делу и должны быть категорическими (утвердительными или отрицательными). Противоречивые, нечеткие и просто неправильные формулировки заключения,

не вытекающие из материалов дела и данных обследования испытуемого, осложняют работу правосудия и могут стать источником судебной ошибки» (стр. 24).

б) Не доказано наличия у испытуемого психопатических черт характера. Из анамнеза Григоренко, приведенного в акте стационарной экспертизы, видно, что Григоренко с детства на всем протяжении его жизни, включая службу в течение 30 лет на командных должностях в Советской армии, рос, развивался, учился и работал нормально, не проявлял каких-либо отклонений и свойств характера, свидетельствующих о развитии психопатических черт характера.

Григоренко всегда был хорошо адаптирован к окружающей среде и адекватно реагировал на ситуацию. По отзывам десятков свидетелей, в том числе и родственников, знающих Григоренко на протяжении всех периодов его жизни, он никогда не проявлял признаков не только психического заболевания, но и каких-либо странностей характера.

Таким образом, диагноз стационарной судебно-психиатрической экспертной комиссии не находит подтверждения ни в акте от 19. XI. 69 г., ни в материалах дела.

Иначе говоря, — *медицинский критерий невменяемости* (наличие душевного заболевания) у *испытуемого* экспертизой не установлен.

Поэтому и психологический (юридический) критерий невменяемости («исключается возможность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими»), приводимый в акте от 19. XI. 69 г., лишен всякого смысла, так как «оба критерия — медицинский и юридический (психологический) —

должны существовать в неразрывном единстве». (Цитирована выше работа Д. Р. Лунца, стр. 63.)

Все это вместе взятое дает полное основание утверждать, что вывод стационарной экспертной комиссии о невменяемости испытуемого — ошибочен.

Все изложенное дает защите основание настоятельно просить о назначении по делу третьей судебно-психиатрической экспертизы для разрешения вопроса о психическом состоянии и вменяемости Григоренко П. Г.

Учитывая, что Григоренко уже длительное время в период пребывания под стражей находился под наблюдением врачей-психиатров и в деле имеется достаточно данных обследования Григоренко, а также учитывая мнение амбулаторной экспертизы о том, что: Григоренко в стационарном обследовании не нуждается, т. к. его личностные особенности и психическое состояние достаточно полно рисуются материалами дела, данными наблюдения его в следственном изоляторе, а также данными полученными его обследованием в амбулаторном порядке. «...Стационарное обследование в настоящее время не расширит представления о нем, а наоборот, учитывая возраст, резко отрицательное отношение его к пребыванию в психиатрическом стационаре, повышенную его ранимость, — осложнит экспертизу» (том XX, л. д. 174).

На основании вышеизложенного прошу о назначении третьей повторной квалифицированной экспертизы (нестационарной) на суде.

В порядке ст. 144 УПК Узб. ССР прошу о включении в число экспертов:

1) Гл. психиатра Советской армии, профессора доктора медицинских наук генерал-майора м/с Н. Н. Тимофеева.

2) Доктора медицинских наук профессора Института психиатрии АМН СССР Штернберга Э. Я.

3) Заслуженного деятеля наук профессора Института психиатрии Минздрава РСФСР Рохлина Л. Л.

2. 11. 1970 г.

Приложение 3

ТРУДЫ П. Г. ГРИГОРЕНКО

(Выдержка из «Перечня некоторых научных трудов...»)

Между 1942 и 1961 годами П. Г. Григоренко написал множество трудов по военной теории, тактике и кибернетике. Ряд статей помещен в «Военном вестнике»: «Внезапная атака» (№ 1, 1946), «Закалка войск для действий зимой» (№ 21, 1946), «Атака схода» (№ 6, 1947), «Разбор — важная часть тактического учения» (№ 12, 1949).

В 1949 году П. Григоренко защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Особенности организации и ведения общевойскового наступательного боя в горах».

В «Трудах Военной академии им. Фрунзе» были опубликованы следующие его работы: «Методика работы научного руководителя военно-научного кружка слушателей» (№ 12, 1951) и «М. В. Фрунзе о подготовке и воспитании командных кадров» (№ 40, 1955).

Кроме того, П. Григоренко выпустил в качестве ответственного редактора следующие номера того же издания: № 21 за 1951 г., № 31 (1) за 1954 г.,

№ 32 (2) за 1954 г., № 35 (4) за 1954 г., № 37 (6) за 1954 г., № 47 за 1956 г., № 55 за 1957 г., № 56 за 1957 г.

Под его редакцией вышел также информационный сборник «Военно-научные работы Академии» (1956). Кроме того, следует упомянуть статьи П. Г. Григоренко — «Важный элемент в оценке обстановки», («Красная Звезда», 1957), «Школа красных генштабистов» («Молодая гвардия», 1958) и «Основные вопросы методики военно-научного исследования» (полтора авт. листа), («Военная мысль», 1959).

Наконец, П. Г. Григоренко выпустил несколько книг по военному делу, как, например, учебное пособие «Бой стрелковых соединений в окружении и выход из окружения» (163 стр., 1951), а также составил отдельные главы ряда других произведений, среди них:

1. «Стрелковый полк в основных видах боя». Учебное пособие (Введение, глава 1-я «Общие основы» и часть 2-я «Оборонительный бой»), 1949.

2. Учебник «Общая тактика». Книга 2-я (ответственная редакция), 1957.

3. Теоретический труд «Современный общевойсковой бой» (участие в разработке), 1957.

4. Теоретический труд «Методика военно-научного исследования» (научное руководство разработкой всего труда и составление 2-й главы), 1959.

5. Учебное пособие по военной кибернетике «Управление войсками в современном бою и задачи общевойсковых штабов», 1961, и др.

Всего в списке, озаглавленном «Перечень некоторых научных трудов Петра Григорьевича Григоренко по военной теории, тактике и кибернетике»

содержатся 67 наименований, причем указывается, что в него «не включены научные труды, не подлежащие оглашению».

Н. ДАНИЛОВ

Ленинград

«В ленинградской спецпсихобольнице находится Николай Данилов, арестованный по одному делу с Гендлером и Квачевским.

Данилов в 1959 году окончил юридический факультет Ростовского университета. С 1960 по 1963 гг. он работал в прокуратуре Сахалинской области по делам о реабилитации жертв сталинизма. По его словам, к 1963 году успели реабилитировать всего четверть всех погибших. С 1963 года живет в Ленинграде, работал рабочим, юрисконсультom. Печатал стихи в сборниках «Молодой Ленинград» и ленинградском «Дне поэзии».

Решение о его невменяемости и помещении в тяжкие условия спецпсихобольницы, вероятно, вызвано как его твердым поведением на следствии, так и особой ненавистью органов КГБ к бывшему следователю, добровольно ушедшему из следственных органов.

Сейчас к Данилову применяют сильное «лечение» — *инсулиновые шoki*, в результате чего он действительно приведен в тяжелое состояние».

«Хроника» № 8 от 30 июня 1969 г.

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Москва

Алексей Александрович Добровольский, 1938 года рождения, отбыл три года в лагерях строгого режима с мая 1958 до 1961 года. Он снова подвергается аресту 23 марта 1964 года и содержится в предварительном заключении до 17 октября 1964 года, когда, на основании определения Мосгорсуда от 25 июля, направлен на принудительное лечение в Ленинградскую психиатрическую больницу. Вторично его заключают в спецпсихолечебницу «Матросская тишина» за участие в демонстрации 5 марта 1966 года, организованной в знак протеста против реабилитации Сталина. Выпущенный оттуда он участвует в редактировании «Феникса 66» в котором помещает большую статью «Взаимоотношение знания и веры».*

19 января 1967 года он снова арестован и приговорен московским городским судом, как один из участников «дела четырех», (Гинзбург-Галансков-Добровольский-Лашкова), к двум годам лагерей строгого режима. В данном случае суд не посчитался ни с тем, что в 1964 году он подвергался принудительному лечению с диагнозом «шизофрения», ни с тем, что в 1966 году был выписан из «Матросской тишины» с диагнозом «шизофрения психоподобной формы», ни даже с тем, что психиатрическая экспертиза в начале предварительного заключения хоть и признала его вменяемым, но отметила, что

* См. «Грани» № 64, июнь 1967 г.

он «психопатическая личность».* Эксперт проф. Лунц категорически заявляет, что Добровольский здоров, признает прошлые экспертизы (одна из них с его участием) неверными, а свое прежнее определение шизофрении «устарелым».

* Произвольность объявления человека вменяемым или невменяемым в зависимости от требований следствия на примере Добровольского предельно ясна. Добровольский понадобился обвинению для свидетельства против своих сопроцессников (см. «Процесс цепной реакции», изд. «Посев», 1971 г.).

П. ЕГИДЕС

Ростов-на-Дону

Петр Маркович Егидес, 1917 года рождения, член КПСС, кандидат философских наук. С 16 лет работал учителем в деревне, добровольцем ушел на фронт. После войны был репрессирован и провел 6 или 7 лет в лагерях. После реабилитации шесть лет работал в колхозе, из них три года — председателем (избирался вопреки воле райкома партии).

Затем до 1969 года преподавал в Ростовском университете, потом уволился в связи с переездом в Москву. Имеет ряд печатных трудов, опубликованных в центральной печати. Среди них: «Марксистское решение проблемы смысла жизни» (журнал «Вопросы философии», 1963), «Принципы марксистской этики и проблемы нравственного отчуждения» (в книге «Актуальные проблемы марксистской этики» под редакцией Бендзеладзе, Тбилиси, 1967), «К структуре исторического материализма» (Москва, 1965), «Проблемы тождества бытия и мышления» (Москва) и многие другие.

22 марта 1970 года П. М. Егидес был арестован в Москве по постановлению прокуратуры Ростова-на-Дону и отправлен в Ростов. Были произведены обыски: у Егидеса и его сына — в Москве и по его бывшему месту жительства — в Ростове. Жене П. М. Егидеса — Тамаре Васильевне Самсоновой — сообщено, что дело возбуждено по ст. 190¹ УК РСФСР.

Дело П. М. Егидеса слушалось в закрытом заседании Ростовского областного суда 7-8 декабря 1970 года. Председательствовал на суде — Алексеев, об-

винение поддерживал — Заикин, защищал Егидеса — Сарри. Самого П. М. Егидеса на суде не было — экспертиза Института им. Сербского признала его невменяемым. В качестве свидетелей на суде были допрошены В. Е. Давидович (профессор, зам. секретаря партийной организации Ростовского университета), Кивенко (профессор), Л. Н. Дямант, А. В. Потемкин (доцент).

Потемкин показал, что в 1969 году он явился к Давидовичу и сообщил ему, что у Егидеса есть проекты устава КПСС и конституции. Давидович же обратился в КГБ. Там ему ответили, что сами займутся этим делом.

Суд установил, что Егидес изготавлял свои рукописи в Ленинградской области и в Ростове (на квартире Дяманта). В начале января 1970 года Дяманта задержала милиция, произвела обыск и изъяла чемодан с рукописями Егидеса (среди них уставы).

Свидетель Кивенко охарактеризовал моральный облик Егидеса.

Эксперт Ландау (Институт им. Сербского) показал, что Егидес является психопатической личностью с черепно-мозговой травмой и атеросклерозом, что правонарушение было совершено Егидесом в «состоянии паранойяльной реакции, с охваченностью бредовыми идеями величия и реформаторства». (Экспертизой были учтены показания родственников о замеченных ими ненормальностях в психике). В настоящий момент, заключила экспертиза, выход из реакции неполный, в связи с чем Егидес нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа.

Судом было признано, что рукописи: «К основным направлениям социализма» и «Единственный вы-

ход» содержат клеветнические измышления. Суд также признал Егидеса невменяемым и вынес определение о помещении Егидеса в психиатрическую больницу общего типа для принудительного лечения.

В настоящее время П. М. Егидес находится в больнице им. Кащенко в отделении для беспокойных.

«Хроника» № 17, от 31 декабря 1970 г.
а также №№ 13 и 14

А. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН

Москва

А. С. Есенин-Вольпин, ученый с международным именем в области математической логики, в 1949 году за написание стихов «Никогда я не брал сохи» и «Ворон», был арестован, признан невменяемым и заключен в тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде, а осенью 1950 г. сослан на 5 лет в Караганду, откуда был освобожден по амнистии после смерти Сталина. После амнистии Александр Сергеевич Есенин-Вольпин получил возможность снова заниматься научной деятельностью.

А. Есенин-Вольпин единственный сын Сергея Есенина (как известно, не выдержавшего все усиливающейся коммунистической диктатуры и покончившего в 1925 г. самоубийством) и его арест вызвал возмущение в среде московских деятелей культуры. Известно, что Московское математическое общество направило протест в высшие государственные и партийные инстанции, требуя освобождения А. Есенина-Вольпина.

А. Есенин-Вольпин считается самым талантливым учеником московского математика С. А. Яновской. С 1954 по 1962 год он руководил семинаром математической и научной логики. В публикациях Академии наук СССР, в математических журналах и в журнале «Вопросы философии» опубликовано несколько работ А. Есенина-Вольпина. В 1959 г. А. Есенин-Вольпин был приглашен международным математическим обществом и Математическим институтом Академии наук Польши на международный симпозиум в Варшаве, на котором он должен был

прочитать доклад по теории бесконечности. Однако советские власти не выдали ученому разрешения на выезд. Его доклад был прочитан одним из его коллег.

Через короткое время А. Есенин-Вольпин опубликовал на Западе свои стихи и Свободный философский трактат.*

В этой книге приводятся строки, написанные в 1959 году А. Есениным-Вольпиным о себе и своих произведениях. Мы приводим их ниже с небольшим сокращением.

«С 1947 года я пишу очень мало и то лишь в тех случаях, когда атмосфера духовного гнета выводит меня из равновесия.

В 1949 году я был арестован, главным образом, за стихи «Никогда я не брал сохи» и «Ворон». Об этих стихах доносили органам госбезопасности...

Я был признан невменяемым, заключен в тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде, а осенью 1950 года сослан на пять лет в Караганду, откуда, впрочем, был освобожден по амнистии, последовавшей за смертью Сталина.

В связи с официальной версией о моей невменяемости советую судить о моем интеллекте по моим научным работам и стихам. «Невменяемость» не мешала мне защитить кандидатскую диссертацию за несколько недель до ареста, как раз в то время, когда собирали против меня уличающий материал.

Впрочем, только морально и умственно неполноценный человек может не дойти в Советском Союзе до крайней степени негодования. Если бы это было не так, коммунистам незачем было бы наглухо за-

* Есенин-Вольпин А. С. «Весенний лист». — Нью-Йорк, Прегер, 1961. Изд. на русском языке с англ. переводом Джорджа Риви.

крывать границы. Иным способом они бы не могли сталинскими методами справиться со своей паствой. Теперь методы изменились, но не радикально. Главное состоит в том, что и та относительная свобода, которую мы приобрели (речь идет об уровне, который человеку другой страны должен казаться самым постыдным рабством), была не добыта самим обществом, а пожалована ему правительством — точнее, коммунистической церковью — в порядке заигрывания с народом и не в целях более цивилизованного управления, и то лишь потому, что у сталинских преемников не хватило фантазии и смелости следовать далее по пути их учителя.*

Вскоре после выступления Ильичева, в декабре 1962 года, А. С. Есенин-Вольпин был снова арестован и заключен в психиатрическую больницу до апреля 1963 года.

После своего освобождения А. С. Есенин-Вольпин пять долгих лет боролся с грозными признаками возрождающейся сталинщины. Он участвовал в демонстрациях, направленных на соблюдение основных прав и свобод. 5 декабря 1965 года его задержали на улице с плакатом: «Соблюдайте собственную конституцию!» Он протестовал против осуждения А. Синявского и Ю. Даниэля, дежурил перед входом в зал, где судили Ю. Галанскова, А. Гинзбурга и их друзей.

14 февраля 1968 года А. С. Есенин-Вольпин был приглашен на «разговор» в КГБ и не вернулся домой. Его друзьям и родственникам удалось узнать, что он был арестован и отправлен в психиатрическую больницу № 5 на станции Столбовая, около Москвы.

* «Весенний лист» стр. 2, 4.

«Хроника» № 1 от 30 апреля 1968 г. сообщила по этому поводу следующие подробности:

«А. С. Вольпин был взят 14-го февраля из дома с помощью милиции при участии дежурного психиатра Ленинградского района Альберта Матюкова. Основанием было названо то, что Вольпин давно не был в психодиспансере, где он состоит на учете (и куда он за предыдущие 4 года ни разу не был вызван). Он был помещен в третье отделение больницы им. Кащенко, где подвергся грубому обращению со стороны зав. отделением А. А. Казарновской и лечащего врача Лески Христофоровича (не назвавшего свою фамилию). 16 февраля, по распоряжению, подписанному главным психиатром г. Москвы И. К. Янушевским, Вольпин был переведен в больницу № 5 на ст. Столбовая в 70 км. от Москвы. (В этой больнице, в основном, находятся хроники, а также направленные на принудительное лечение мелкие уголовники). Обращение его родных к И. К. Янушевскому осталось без ответа. Только после обращения к министру здравоохранения СССР академику Б. В. Петровскому сначала академиков А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова, а затем еще 99 ученых (в том числе крупнейших советских математиков — академиков, профессоров, лауреатов Ленинской премии), положение Вольпина было несколько улучшено — в настоящее время он снова в больнице им. Кащенко, но в 32 отделении, более спокойном чем 3-е.

Единственным официальным основанием подобных действий может являться инструкция «О неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность» (сб. «Законодательство по здравоохранению», т. 6, М., 1963).

Но, во-первых, только официальным, а не законным, так как сам факт насильственной госпитализации противоречит ст. 58-60 УК РСФСР, по которой принудительные меры медицинского характера назначаются судом. Госпитализация же людей в качестве «общественно-опасных» прямо противоречит основному принципу законности — принципу презумпции невиновности, так как социально-опасным признается лицо, совершившее преступление, что может быть установлено только приговором суда. Во-вторых, и эта достаточно жестокая и незаконная инструкция грубо нарушалась. По прибытии в больницу, в течение 24 часов, направленного должна осмотреть комиссия из трех человек, чего не было ни в случае Вольпина, ни в случае Горбаневской. Не были извещены родные, что тоже обязательно по инструкции. Наконец, комиссия, назначенная после писем математиков, установила только, что Вольпин нуждается в лечении и частично улучшила ему содержание в больнице. По инструкции же эта комиссия и так обязана осматривать больного раз в месяц и при этом давать заключения не о том, болен ли он вообще, а о том, продолжает ли его заболевание носить «общественно-опасный характер», — если нет, больного выписывают на попечение родных. Очередная комиссия, состоявшаяся 17 апреля, также заявила о том, что Вольпину еще месяца полтора надо 'полечиться'».

Судьба А. С. Есенина-Вольпина, крупного математика, взволновала прежде всего научные круги. Большая группа видных московских ученых обратилась с письмом, известным в Самиздате как «Письмо 99 ученых» — в три инстанции, компетентных по вопросам незаконного заключения в сумасшедшие дома.

ПИСЬМО УЧЕНЫХ

*Министру здравоохранения СССР
Генеральному прокурору СССР
Копия: главному психиатру г. Москвы*

Нам стало известно, что крупный советский математик, известный специалист в области математической логики Александр Сергеевич Есенин-Вольпин был насильственно, без предварительного медицинского обследования, без ведома и согласия родных, помещен в психиатрическую больницу № 5 станция Столбовая, 70 километров от Москвы.

Насильственное помещение в больницу для тяжелых психических больных талантливого и вполне работоспособного математика, условия, в которые он по самому характеру больницы попал, тяжело травмируют его психику, вредят здоровью и унижают человеческое достоинство.

Исходя из гуманных целей нашего законодательства, и тем более здравоохранения, мы считаем это грубым нарушением медицинских и правовых норм.

Мы просим срочно вмешаться и принять меры для того, чтобы наш коллега мог работать в нормальных условиях.

Подписали: действительный член Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии П. С. Новиков; лауреат Ленинской и Государственной премий член-корреспондент Академии наук СССР И. М. Гельфанд; член-корреспондент Академии наук СССР и лауреат Государственной премии Лазарь А. Люстерник; член-корреспондент Академии наук СССР Андрей А. Марков; член-корреспондент и лауреат Государственной премии Дмитрий Е. Меншов; член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат

Ленинской премии С. П. Новиков; член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии И. Р. Шафаревич; лауреат Ленинской премии, профессор, доктор физики и математики Владимир И. Арнольд; лауреат Ленинской премии, профессор, доктор физико-математических наук Анатолий Г. Витушкин; лауреат Государственной премии, профессор, доктор физико-математических наук Александр Кронрод; лауреат Ленинской премии, доктор физико-математических наук Юрий И. Манин; лауреат Государственной премии, профессор, доктор физико-математических наук Н. Н. Мейман.

Далее следуют подписи профессоров, докторов физико-математических наук: Бакштейн Ф. Ф.; Бочвар Д. А.; Ефремович В. А.; Келдыш Людмила; Кириллов А. А.; Кондратьев В. А.; Курош А. Г.; Ландис Е. М.; Лодмич А. М.; Повзнер А. Я.; Зволинский Н. В.; Пятецкий-Шапиро И. И.; Паламадов В. П.; Смирнов Ю. М.; Фомин С. В.; Шилов Г. Е.; Яглом А. М.; Яглом И. М.

Далее следуют подписи научных сотрудников и преподавателей мехмата МГУ, всего 99 подписей.

9 марта 1968 г.

Видимо давление общественного мнения оказало свое влияние: 12 мая 1968 года, после трех месяцев пребывания в психиатрических больницах, А. С. Есенин-Вольпин был наконец освобожден.

ИЛЬИН

Ленинград

В январе 1969 года у Боровицких ворот Кремля, при встрече летчиков-космонавтов, было произведено несколько выстрелов по второй автомашине правительственного кортежа, в которой находились товарищи вернувшихся из космоса летчиков (а по первоначальному порядку второй следовала автомашина с Брежневым и Подгорным).

В опубликованном через день сообщении ТАСС коротко говорилось о «провокационном акте», а о действовавшем лице было только сказано: «Стрелявший задержан на месте преступления. Производится расследование».

В течение четырнадцати месяцев, власти хранили молчание, хотя по Москве с первых же дней пошли слухи, что речь идет об армейском лейтенанте Ильине, из Ленинграда.

Наконец, 21 марта 1970 г. в «Известиях» появилась следующая короткая информация:

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

Как уже сообщалось в печати, 22 января 1969 года в гор. Москве во время торжественной встречи летчиков-космонавтов неизвестный гражданин, находившийся среди публики, произвел несколько выстрелов по автомашине, в которой следовали летчики-космонавты тт. Береговой, Николаева-Терешкова, Николаев и Леонов. В результате водитель автомашины был смертельно ранен и легкое ранение по-

лучил мотоциклист, сопровождавший кортеж. Стрелявший задержан. Им оказался Ильин, 1947 года рождения, житель гор. Ленинграда. В процессе расследования была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в которой участвовали действительный член Академии медицинских наук СССР А. В. Снежневский, члены-корреспонденты Академии медицинских наук СССР В. М. Морозов и Г. В. Морозов и другие ученые-психиатры. Экспертизой установлено, что Ильин страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении. Рассмотрев материалы следствия, заслушав заключение экспертов и допросив свидетелей, суд признал, что Ильин совершил общественно опасные действия в состоянии невменяемости.

Учитывая, что Ильин является лицом социально опасным, суд принял решение изолировать его от общества и направить на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

А. В. Снежневский — директор Института психиатрии Академии медицинских наук СССР. В. М. Морозов — заведующий кафедрой психиатрии в Центральном институте усовершенствования врачей и консультант одного из главных управлений в Министерстве здравоохранения СССР. Г. В. Морозов — директор Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени профессора Сербского.

О. ИОФЕ

Москва

В конце ноября и начале декабря 1969 года КГБ произвело обыски и аресты среди московских студентов. Были, в частности, арестованы Вячеслав Вахмин, Ирина Каплун и Ольга Иофе.

Ольге Иофе — 19 лет, она — студентка второго курса вечернего отделения Московского государственного университета. При обыске у нее были изъяты некоторые материалы Самиздата, ее собственные стихи и бумаги, стихи ее отца Ю. М. Иофе и пишущая машинка.

Ольга Иофе окончила физико-математическую школу. Ирина Каплун — языковую спецшколу. В 1966 году обе девочки вместе с 9-ю ребятами из этой 16-й спецшколы (в то время никому из них не было больше 16-ти лет) расклеивали листовки против рестаилинизации. В разных районах Москвы они расклеили и разбросали около 300 листовок. Следователь майор Елисеев требовал от ребят назвать взрослых, которые, по его мнению, должны были ими руководить.

Уроки в школе чередовались с допросами по 4-6 часов. На допросах девочкам говорили: «Если вы считаете, что у нас не все благополучно, пришли бы посоветоваться с нами, в КГБ». Школьная администрация и райком комсомола пытались всячески выпытать у девочек: «Мне-то вы можете сказать, кто у вас там был взрослый?»

Арест Ольги Иофе и Ирины Каплун был, очевид-

но, связан с готовившимся протестом против празднования 90-летия со дня рождения Сталина.

Чтобы обосновать обвинение Ольги Иофе, КГБ понадобилось почти 9 месяцев — суд собрался 20 августа 1970 года. И все же девушку сломить не удалось. Тогда КГБ применил ставший уже обычным приём: «психиатры» КГБ признали Ольгу Иофе невменяемой с диагнозом «хроническая шизофрения».

Официально суд был открытым. Но в действительности вход в залу заседаний был перегорожен скамьей, около которой стояло 4 милиционера в форме и четверо в штатском.

Подробный отчет о процессе появился в «Хронике» № 15 от 31 августа 1970 г.:

СУД НАД ОЛЬГОЙ ИОФЕ

20 августа в Мосгорсуде состоялся суд над Олей Иофе.

О. Иофе обвиняется по ст. 70 УК РСФСР в том, что она принимала активное участие в изготовлении листовок антисоветского содержания в количестве 245 штук, хранении и распространении документов антисоветского содержания, изъятых у нее при обыске.

Состав суда: судья — Богданов, прокурор — Ванькович, адвокат — Ю. В. Поздеев.

Предварительная экспертиза, проведенная в ЦНИИСП им. Сербского — проф. Морозов, д-р мед. наук Д. Р. Лунц, врачи Фединская, Мартыненко — признала О. Иофе невменяемой с диагнозом: вялотекущая шизофрения, простая форма.

Адвокатом Поздеевым Ю. В. были заявлены 2 ходатайства:

1) о признании родителей О. Иофе, Н. Я. Шатуновской и Ю. М. Иофе, законными представителями подсудимой;

2) о доставке в суд подсудимой.

Прокурор возразил против второго ходатайства на том основании, что присутствие на процессе для больного человека тяжело.

Суд отклонил это ходатайство. Судья объявил, что по данному делу приглашены три свидетеля: И. М. Каплун, В. И. Бахмин, В. М. Тишинин.

Свидетель Бахмин показал, что знаком с Иофе, около полутора лет, что 7 и 8 ноября 69 г. он находился в квартире Каплун, где были Каплун, Иофе, Хромова и Дибцева. Он сам и Каплун печатали, а О. Иофе диктовала текст листовки. Эти листовки были переданы затем на хранение В. Тишину. Далее Бахмин заявил, что листовки печатались без определенной цели, так как еще не было решено, каким способом их распространять и распространять ли вообще. Печатались же листовки 7 и 8 ноября потому, что это были единственные свободные от учебы дни. Листовки готовились к 21 декабря. Впоследствии, 30 ноября, за несколько часов до ареста было решено уничтожить все листовки. Бахмину был предъявлен документ, на основании которого составлялась листовка, и он показал, что текст этого документа написан рукой О. Иофе, а правка сделана его рукой. С остальными, предъявленными ему документами, он знаком не был.

Показания Каплун, которая была дружна с Иофе с 1956 г., полностью совпали с показаниями Бахмина. И. Каплун заявила, что деятельность ее и ее товарищей никоим образом не была направлена на

подрыв советского государственного строя, а напротив на его укрепление, что они действовали согласно ленинскому принципу о том, что народу нужно говорить правду.

В отношении личности О. Иофе свидетели показали, что Ольга — человек сильной воли, последовательный, склонный к логическому мышлению, настойчивый, доводящий дело до конца, доброжелательный к людям, с чувством юмора.

Кроме того, по просьбе адвоката Поздеева были зачитаны характеристики с мест работы и учебы, которые характеризовали Иофе с лучшей стороны.

Третий свидетель Тишинин на суде не присутствовал, о его показаниях не было сказано ни слова. О Тишине известно, что он на свободе и что незадолго до ареста Иофе, Каплун и Бахмина написал в КГБ письмо-донос, что и послужило причиной их ареста.

По просьбе адвоката были допрошены родители Иофе. Н. Я. Шатуновская рассказала о дочери: Ольга развивалась нормально, ни в детстве, ни в юности не замечалось никаких отклонений от нормы. Она ласковая, спокойная, сдержанная, общительная девочка.

Председатель экспертной комиссии Мартыненко зачитала установленный диагноз. Адвокат Поздеев задал ей несколько вопросов.

Вопрос: Какие именно физиологические исследования были проведены для установления заболевания?

Ответ: Такие физиологические исследования проводятся для всех без исключения. Отсутствие признаков заболевания не может свидетельствовать об отсутствии самого заболевания.

Вопрос: На основании каких именно высказыва-

ний была установлена экспертизой разноплановость ее мышления. Приведите хотя бы один из тестов, дававшихся Ольге, при которых были установлены грубые нарушения мышления, или приведите хотя бы одно высказывание Ольги, свидетельствующее об этом.

Ответ: Конкретно я ответить не могу, если суду интересно, то надо послать за историей болезни в Институт им. Сербского. Примером же ее поведения может служить то, как она реагировала на доставку в Институт им. Сербского. Она знала, куда ее доставили, понимала, что это значит, но не проявляла никакой аффектации и у нее даже голос не был модулирован. (Примечание: Новодворская проявила аффектацию излишнюю. Результат экспертизы тот же.)

Вопрос: Не приписываете ли вы поведение Ольги ее выдержке, силе воли и спокойствию, о котором говорили товарищи и свидетели?

Ответ: Так владеть собой невозможно.

Вопрос: Как вы объясните тот факт, что наличие болезни, которая развилась у Иофе с 14 лет, как пишет экспертиза, — вероятно имеется в виду, что болезнь началась с 1966 г., когда Ольга с друзьями распространила в школе листовки, — не помешала ей успешно закончить математическую школу и поступить в университет?

Ответ: Наличие этой формы шизофрении не предполагает изменения личности, заметного для окружающих.

Адвокат Поздеев зачитал по монографии Морозова др. признаки заболевания, имеющегося, согласно экспертизе у О. Иофе: враждебное отношение к окружающим, отрешенность от мира, перескакивание мысли с одного предмета на другой, апатия,

вплоть до того, что человек целыми днями не встает с постели, — и попросил эксперта сказать, какие именно признаки, хотя бы один, наблюдались у Иофе. При этом он сказал, что наличие перечисленных признаков полностью опровергается характеристиками с мест работы, учебы и показаниями свидетелей.

Ответ: Все эти симптомы нельзя рассматривать отдельно, а лишь в совокупности.

Адвокат заявляет, что ответами представителя экспертизы он не удовлетворен, поскольку ни один ответ не был конкретизирован.

Просьбе адвоката о повторной экспертизе в ином составе отклоняется на том основании, что комиссия Института им. Сербского была предупреждена об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний или за дачу ложных показаний и кроме того, комиссия достаточно авторитетна.

Прокурор в своей речи сказал:

«Мы сегодня рассматриваем очень необычное дело, которое заключается в том, что по делу, которое мы рассматриваем, подсудимая отсутствует, так как страдает тяжелым душевным заболеванием, которое установлено авторитетной комиссией Института им. Сербского. Вина Иофе полностью доказана. Да, она совершила тяжкое преступление, предусмотренное ст. 70 УК РСФСР. Из показаний родителей мне ясно, что они не предприняли никаких мер надзора, чтобы предотвратить совершение тяжелых преступлений. Хотя, конечно, человек больной и не отвечает за свои действия. Обвинение просит направить Иофе на принудительное лечение в больницу специального типа».

Адвокат Поздеев говорит, что еще 2 декабря 1969 года, на следующий день после ареста, Иофе заяви-

ла, что свою деятельность она не считает антисоветской, она ни в коем случае не была направлена на подрыв советского строя. Можно считать доказанным на основании показаний свидетелей, что три документа никак не распространялись и являются изложением отрывочных мыслей, а один документ, как признала Каплун, написан ею и только переписан после обсуждения рукой Иофе. Оба свидетеля показали, что листовки решено было уничтожить 30 ноября. Таким образом, по ст. 70 УК нет состава преступления. Адвокат просит переквалифицировать ст. 70 на ст. 191¹. Далее адвокат говорит, что из своей беседы с Иофе он вынес впечатление, что она легко воспринимает доводы разума, что с нею легко наладить контакт, она склонна прислушиваться к чужому мнению и обдумывать его. Адвокат ссылается на молодость обвиняемой — 20 лет — и на некоторую присущую молодости безапелляционность суждений. Он говорит, что в молодости иногда трудно разобраться в потоке информации и сделать правильный вывод. Однако это не является преступлением. Учитывая возраст обвиняемой и наличие у нее простой формы шизофрении, по данным экспертизы наиболее легко поддающейся лечению, адвокат считает, что направление Иофе в психиатрическую больницу специального типа, предполагающую длительное лечение и тяжелые случаи заболевания, нецелесообразно, и просит направить ее в больницу общего типа.

Определение суда не содержит ни изменений по сравнению с первоначальным обвинением, ни дополнительных мотивировок — направить О. Иофе в психиатрическую больницу специального типа, под стражей содержать до доставки в больницу.

В. КАЙДАН

Москва

В отделе «Краткие сообщения» своего четвертого выпуска «Хроника» от 31 октября 1968 г. сообщила:

«Весной этого года студент филологического факультета Московского университета Кайдан *написал* своей жене в другой город письмо с описанием обстановки вокруг процесса Гинзбурга, Галанскова и др. с выдержками из обращения Богораз и Литвинова «К мировой общественности», а также с описанием антисемитских выходок, свидетелем которых он был на вокзале в Москве. Это письмо было «случайно» вскрыто и попало в КГБ. КГБ переслал письмо в деканат. В первые месяцы учебного года Кайдан был *исключен из комсомола, отчислен с военной кафедры и, наконец, исключен из университета*. В настоящее время он находится в *психиатрической больнице* после попытки самоубийства.

В следующем номере «Хроники» (№ 5 от 25 декабря 1968 г.) по этому же поводу были даны некоторые пояснения. Выяснилось, в частности, что В. Кайдан студент отделения математической лингвистики филологического факультета Московского государственного университета. Он был одним из нескольких студентов 3 курса, которые весной 1968 года отказались осудить преподавательскую деятельность изгоняемого за подписание «Письма 99»^{*} математика Шихановича. Студентам пригрозили отчислением. В это же время было перехвачено письмо Кайдана

^{*} См. стр. 132-133.

жене, в котором он описывал обстановку вокруг процесса Галанскова, Гинзбурга и других с выдержками из обращения Л. Богораз и П. Литвинова «К мировой общественности», а также с описанием антисемитских выходок, свидетелем которых он был на вокзале в Москве.

«Кайдана трижды разбирали, в том числе на расширенном активе с приглашением группы и на парткоме факультета. Группа, в которой он учился, осудила «действия» Кайдана, но просила не отчислять его, а отдать на поруки. Сам Кайдан письменно выразил раскаяние, но это раскаяние расценили как «лживое», так как он отказался назвать того, кто дал ему прочесть обращение Богораз и Литвинова. На всех разбирательствах было принято решение исключить Кайдана из комсомола и просить ректора исключить его из университета. Говорят, что тяжелее всего Кайдан переживал то, что написал покаянное письмо. Он действительно попал в больницу им. Кащенко. Но слух о том, что это произошло после попытки самоубийства, не поддается проверке».

Т. КАЛЛАС

Таллин

В начале ноября 1969 года в городе Таллин, ЭССР, был арестован двадцатисемилетний прозаик Теет Каллас. В редакции журнала «Лооминг», где Т. Каллас работал, был произведен обыск и изъят ряд редакционных материалов.

Согласно сообщению «Хроники» № 12 от 28 февраля 1970 г. Т. Каллас был судим в январе 1970 года и признан невменяемым.

В. КАРАСЕВ

Москва

«В один из первых дней после вторжения в Чехословакию выпускник физфака МГУ Владимир Карасев повесил в вестибюле главного здания МГУ плакат и стал собирать подписи против ввода войск. Когда довольно скоро пришли несколько работников охраны университета, у него было собрано не более четырех подписей. Так как Карасев отказался добровольно уйти с охранниками, они повалили его и потащили за руки и за ноги. Один из почтальонов п/о В-234, оказавшийся здесь, несколько раз ударил Карасева по лицу, выкрикивая политические ругательства: «Фашист, бандеровец!» и пр. В отделении милиции от Карасева потребовали написать объяснение мотивов его поступка и затем отправили в психиатрическую больницу, где он и пробыл около трех месяцев. После выхода из больницы Карасев устроился кочегаром на одну из подмосковных фабрик».

«Хроника» № 7 от 30 апреля 1969 г.

В. КУЗНЕЦОВ

Пушкино

20 марта 1969 года в городе Пушкино Московской области был арестован Виктор Васильевич Кузнецов.

Виктору Кузнецову 33 года. Его отец был репрессирован и погиб, мать работает продавщицей, жена — лаборантка, двое детей — пяти и восьми лет. В 1960 году Кузнецов окончил художественно-графический факультет МГПИ и до 1966 года работал в агентстве печати «Новости».

«Хроника» № 7 от 30 апреля 1969 г. сообщает:

«В марте 1965 г. Кузнецов выступил в МГУ на диспуте «Цинизм в общественной жизни»; диспут записан на магнитную пленку. После диспута оперотрядчики схватили Кузнецова на улице и противозаконно обыскали его, а найденные у него бумаги передали в КГБ, после чего его несколько раз вызывали в КГБ и требовали объяснений на работе.

В октябре 1966 года Виктор Кузнецов выступил в Доме дружбы на конференции Интернационального студенческого дискуссионного клуба «Время и мысль». Тема дискуссии была «Проблема свободы в современном мире». Кузнецову удалось только рассказать о последствиях его предыдущего выступления, высказаться по теме ему не дали, закрыв диспут. После этого выступления его принудительно поместили в психиатрическую больницу на обследование, где он пробыл 2 месяца».

Возмущенная вопиющим произволом жена Виктора Кузнецова направила в газету «Известия» пись-

мо, которое, как и следовало ожидать, газетой напечатано не было:

ПИСЬМО ЖЕНЫ В. КУЗНЕЦОВА

В редакцию газеты «Известия»

13 марта 1965 года мой муж, Кузнецов В. В., выступил на диспуте в МГУ. Кое-кому его выступление пришлось не по вкусу. Осенью его дважды вызывали в КГБ. Он был предупрежден, что его ждет суд по статье 70 Уголовного кодекса или дом для умалишенных.

И «возмездие настигло» моего мужа. Сначала 26 октября 1966 года его выбросили с работы в связи с «упразднением должности нештатного художника». «Упразднение должности нештатного художника»! Каково! А затем 1 ноября в 6 часов утра его схватили и в милицейской машине под конвоем милиционера и медсестры доставили в Московскую областную психиатрическую больницу на ул. 8-го марта.

В направлении говорилось:

«Направляется для консультации и уточнения диагноза Кузнецов В. В. 1936 года рождения, проживает: пос. Арманд, 16. Диагноз № 300

Врач (Войцехович)».

И вокруг фиолетовые печати.

С каких пор для установления диагноза стали хватать людей в такую рань?

С каких пор для установления диагноза стали доставлять людей в милицейских машинах?

В больнице растерянные и ошеломленные врачи не знали, как поступить. Наконец, решили позво-

нить (и куда!?) начальнику районного отделения милиции гор. Пушкино.

С каких пор врач-психиатр Колтунова М. Я. обязана обращаться к начальнику отделения милиции Дееву А. М., чтобы выяснить, задержать или нет направленного для обследования?

С каких пор врачи-психиатры подчиняются милиции?

Мало того, к направлению был приложен листок с машинописным текстом:

«Кузнецов Виктор Васильевич.

Высказывает бредовые идеи воздействия и отношения. Считает неправильным отношение родных. Развелся с женой по бредовой интерпретации отношения. На работе считает неправильным отношение к себе. По бредовому оценивает попытки окружающих говорить. Высказывает критические замечания в отношении правительства. Критикует различного рода государственные мероприятия. Меняет работу в связи с бредовым объяснением отношения на работе».

С каких пор к направлению для установления диагноза стали прилагать листки с таким безграмотным и лживым содержанием?

Это диагноз, который уже установлен, до обследования.

Читайте: «Разошелся с женой по бредовой интерпретации отношения».

Я, жена Кузнецова В. В. и мать двух детей, заявляю: это ложь! Это ложь, как и все остальное. От начала до конца ложь.

Я считаю — все это инспирировано КГБ, все это — величайшее недоразумение, все это — печальное эхо времен культа личности.

Освободите моего мужа!

Прошу опубликовать мое заявление.

15 декабря 1966 г.

В. И. Кузнецова
г. Пушкино, Московская обл.,
пос. Арманд, 16

По данным «Хроники» № 7 от 30 апреля 1969 г.:

«После возвращения из больницы В. Кузнецов работал инженером по эстетике на экспериментальном заводе в Софрино, маляром-оформителем управления Ярославской ж. д., последнее время выполнял графические работы по заказам «Интуриста» и «Совэкспорта».

В. Кузнецов имел обширную библиотеку Самиздата.

20 марта 1969 года у него был произведен обыск по постановлению, подписанному ст. следователем КГБ Украинской ССР, капитаном Кольчиком, следователем по делу Валентина Мороза. При обыске взято письмо «Репортаж из заповедника имени Берия», произведения Синявского, Даниэля и др. После обыска В. Кузнецов был арестован. На следующий день был проведен обыск у соседей Кузнецова. Жену и друзей В. Кузнецова вызывали на допросы в КГБ, но не объясняли причин ареста. Основные вопросы, задаваемые следователем, касаются распространения Самиздата.

21 марта 1969 года обыск по делу В. Кузнецова был проведен у его друга Бориса Ефимова. Были изъяты 16 экз. составленного Б. Ефимовым проекта новой Конституции СССР; письмо с 86 подписями в Верховный совет СССР с требованием ускорить

ратификацию пактов и Декларации прав человека; заявление с 8 подписями о создании Общества в защиту пактов и Декларации прав человека; работа *В. Турчина* «Инерция страха» и целый чемодан бумаг без описи».

Как сообщает «Хроника» № 9 от 31 августа 1969 года:

«16 июля 1969 г. Московский областной суд под председательством судьи *Макаровой* в закрытом заседании рассмотрел дело *Виктора Кузнецова*. Действия *Кузнецова* квалифицированы следствием по ст. 70 УК РСФСР. Содержание его действий: распространение произведений *Синявского*, *Даниэля*, *Тарси-са*, а также работы акад. *Варги* «Российский путь перехода к социализму» и письма *Мороза* «Репортаж из заповедника имени *Берия*». Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в составе экспертов *Лунца*, *Ландау* и *Печериной* признала *Кузнецова* невменяемым с диагнозом «вялотекущая форма шизофрении» и рекомендовала направить его на лечение в психиатрическую больницу специального типа.

Защитник *Кузнецова* адвокат *Э. Коган* ходатайствовал о том, чтобы заседание было открытым, чтобы в зал были допущены ближайшие родственники, а также о том, чтобы была назначена новая экспертная комиссия. Прокурор *Сорокин* предложил отклонить ходатайство. Суд отклонил ходатайство без объяснения мотивов.

Несколько свидетелей, выступавших в суде, подтвердили, что они читали названные произведения и что их давал им *Кузнецов*. Показаниями свидетелей не был подтвержден необходимый для статьи 70 «антисоветский умысел». Эксперт *Института им. Сербского*, выступавшая в суде и не видевшая *Куз-*

нецова, присоединилась к мнению предварительной экспертизы и заявила, что Кузнецов нуждается в длительном лечении в лечебнице закрытого типа.

Суд вынес определение о направлении Виктора Кузнецова в *психиатрическую больницу* специального типа.

26 августа Верховный Суд РСФСР рассмотрел дело Виктора Кузнецова по кассационной жалобе его защитника. Определение суда первой инстанции было оставлено без *изменения*.

Но еще до кассации, 23 августа, Кузнецов был отправлен в *Казанскую спецпсихобольницу*.

Надо отметить, что Виктор Кузнецов никогда ранее у психиатров не лечился и единственный раз до ареста попал в психобольницу принудительно, насильственно взятый работниками КГБ после выступления на диспуте осенью 1966 года».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ В. КУЗНЕЦОВА

16 июля 1969 года судебная коллегия Московского областного суда в составе: председателя Макаровой, заседателей Максимова и [фамилия неразборчива. — Р е д.], прокурора Сорокина и адвоката Когана, рассмотрев дело по обвинению В. Кузнецова в преступлении, предусмотренном ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, установила, что в течение ряда лет Кузнецов высказывал недовольство советским строем, говорил, что у нас произвол, народ забит и т. д. Поэтому он считал своим долгом распространять так называемую «правду», распространял самиздатовскую литературу, которую хранил у себя, в том числе (вредную клеветническую) Аржак «Говорит Москва», А. Терц «Что такое социалистический реализм», Варга «Рос-

сийский путь перехода к социализму», Тарсис «Палата № 7», Мороз «Репортаж из заповедника им. Берия».

Эта литература является клеветой на советский общественный и государственный строй. Эти действия он совершал умышленно, с целью нанести ущерб советскому строю...

(Далее следуют ссылки на показания свидетелей, которые указывают на то, что Кузнецов давал им читать вышеперечисленные произведения.)

У Кузнецова была картотека лиц, бравших у него литературу. При обыске было изъято 46, из них приобщено к делу 5.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что Кузнецов давно уже страдает вялотекущей формой шизофрении, что лишает его возможности отдавать себе отчет в своих действиях и нести за них уголовную ответственность.

Поэтому судебная коллегия постановляет прекратить дело по ст. 70, Кузнецова из под стражи освободить и направить в лечебницу специального типа.

Определение может быть обжаловано в семидневный срок в Верховном Суде РСФСР.

П р и л о ж е н и е

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ИМ. СЕРЬСКОГО

по делу В. Кузнецова, находившегося в стационаре
с 10. 4. по 12. 5. 1969 г.

К «Заключению» приложена характеристика Института психиатрии при Академии медицинских наук СССР, подписанная заместителем директора, про-

фессором доктором Наджаровым в качестве консультанта.

В этом документе говорится, что Кузнецов искал путей, чтобы стать лучше, проявлял критическое отношение к общественному строю, пытался раздать ученикам анкету о бытовом и материальном положении их семей, утверждал, что «никакого морального кодекса коммунизма нет, а заслуга его создания принадлежит библии», допускал высказывания, лишённые глубины и противоречащие здравому смыслу и логике. Со слов свидетелей в характеристике говорится, что Кузнецову «свойственна болтливость и пристрастие к разговорам на политические темы...», что он составлял неофициальный проект конституции, что выступал в диспутах и что высказывания его носили антисоветский характер.

Разъяснительные беседы положительных результатов не имели и с 1 по 4 ноября 1966 года Кузнецов был стационарирован в психиатрической больнице № 1* с диагнозом «шизофрения». Указывается, что он «был там малодоступен, напряжен, подозрителен, с недоверием относился к врачам, считал себя носителем правды», высказывал «отрывочные бредовые идеи реформаторства», обнаруживал «паралогичный характер мышления».

4 ноября 1966 года Кузнецов был переведен в больницу им. Яковенко, где содержался до 26 декабря. Тут он охотно вступал в беседу, рассказывал о своих увлечениях, говорил что «не сможет успокоиться, пока хоть один человек на свете будет

* 1. 11. 66 г. В. Кузнецов был насильственно госпитализирован. Вопреки желанию родственников и жены увезен милицией из дома ночью и помещен в психобольницу. — Р е д.

жить плохо», называл себя принципиальным человеком, спокойно относился к своему помещению в больницу, принимал участие в играх, изучал иностранные языки.

В данном «Заключении» ставится новый диагноз: «Паранойяльное развитие личности». Диагноз этот обосновывается следующей характеристикой:

«Держится с чувством собственного достоинства. Спокоен, улыбается. Охотно вступает в беседу. Склонен к рассуждательству. «Его роль в составлении проекта конституции невелика». «Не загорается идеями, поэтому не может быстро погаснуть». (По-видимому дано со слов самого Кузнецова. — Р е д.)

В поведении имеются черты амбивалентности, соглашается, что хранил литературу антисоветского содержания, но считает себя невиновным. Не осознает ситуации, беспечен... «Как оправдать еду, которую дают в институте».

Эмоционально уплощен, неадекватен. В 1966 г. говорил, что его взволновало лишь то, что не оплатили больничный лист. Формально проявляет заботу о жене и детях (семье), однако настроение приподнятое, улыбается, поет веселые песни, изучает язык. Ситуацией не обеспокоен. Критическая оценка ситуации отсутствует.

Не раз выступал на общественных диспутах в МГУ, Доме дружбы... Высказываемые идеи реформаторства носят неопределенный расплывчатый характер».

(Свидетели: Дир. школы Приходько [анкета, кодекс]; Рубцова [болтливость].)

На основании изложенного комиссия приходит к выводу, что

«Кузнецов страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении (вялотекущая

форма). Об этом свидетельствуют постепенно наступившие характерные для шизофренического процесса изменения со стороны эмоциональной сферы, сопровождающиеся ее уплощением, а также нарушения мышления, характеризующиеся расплывчатостью, отрывом от реальности, незрелостью и паралогичностью суждений.

Нарушения со стороны мышления и эмоциональной сферы сочетаются с наличием бредовых идей реформаторства и отсутствием критики к своему состоянию и создавшейся ситуации. Поэтому испытуемого душевнобольного в отношении инкриминируемого деяния Кузнецова следует считать невменяемым. По своему психическому состоянию он нуждается в принудительном лечении в больнице специального типа».

В. ЛУКАНИН

Рошаль

«В городе Рошаль Московской обл. 23-летний Валерий Луканин весной этого года выставил в своем окне плакат с протестом против пребывания советских войск в Чехословакии. Его отправили в психиатрическую больницу, где, не сообщая ему ничего, признали невменяемым с диагнозом «тяжелая форма шизофрении». От него скрыли факт следствия по его делу: действия Луканина были квалифицированы по ст. 70 УК РСФСР. Скрыли от него и то, что 23 июня состоялся суд, назначивший ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа. Матери Луканина пригрозили, что, если она скажет сыну на свидании о том, что был суд, ее в дальнейшем лишат свиданий. 18 июля Валерий Луканин отправлен в Казанскую спецпсихоболыницу».

«Хроника» № 9 от 31 августа 1969 г.

Ю. МАЛЬЦЕВ

Ленинград

5 февраля 1968 года ленинградский филолог Юрий Владимирович Мальцев направил в Нью-Йорк Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций У Тану письмо следующего содержания:

Уважаемый господин Секретарь,
я обращаюсь к Вам за помощью в то самое время, когда правительства стран, представленных в ООН, в том числе и советское правительство, торжественно объявили 1968 год Международным годом прав человека. Я возлагаю мою последнюю надежду на Вашу помощь, потому что вот уже четвертый год я безуспешно пытаюсь осуществить одно из основных прав человека.

Статья 13 пункт 2 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную», а в статье 15 пункт 2 говорится: «Никто не может быть произвольно лишен права изменить свое гражданство». Советское правительство официально признает эту Декларацию, более того, оно считает возможным протестовать, когда другие государства не выполняют Декларацию прав человека, один из таких протестов, в частности, появился совсем недавно в связи с нарушением прав человека военным правительством Греции. Орган советского правительства «Известия», постоянно высказывается за строгое соблюдение Декларации прав человека (см., например, «Известия» от 10 декабря 1965 года или

«Известия» от 9 декабря 1967 года). Но, несмотря на все это, меня вот уже четвертый год советские власти насильно удерживают в этой стране и четвертый год Верховный совет СССР заставляет меня насильно числиться гражданином СССР.

Еще 15 декабря 1964 года я заявил Верховному совету СССР о моем отказе от советского гражданства и о намерении эмигрировать из Советского Союза. Я хочу уехать из этой страны, так как будучи литератором, я лишен возможности заниматься здесь своим делом. Я не приемлю официальной советской идеологии, я не верю в коммунизм — он представляется мне нереальной абстракцией — и потому в стране, где провозглашен обязательный принцип коммунистической партийности в искусстве, я обречен на духовное уничтожение. Без возможности высказывать свои убеждения мне остается только рабское, чисто животное существование, недостойное человека.

Мои попытки выехать из страны в качестве советского гражданина тоже были безрезультатны. Я дважды, в 1960 и в 1966 годах, получал официальные приглашения посетить Италию от директора миланского Пикколо театра синьора Паоло Грасси, но оба раза мне было запрещено выехать из СССР.

Господин Секретарь, Организация Объединенных Наций, которую Вы возглавляете, при создании поставила себе благородную цель «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности», как объявили об этом двадцать два года назад представители свободолюбивых народов. В Уставе ООН, который ратифицирован также и советским правительством и положения которого являются нормами международного права, обязательными для всех его подписав-

ших, ясно и определенно говорится об «уважении и соблюдении прав человека и основных свобод для всех». (Статьи 55 и 56 Устава ООН.)

Если лично Вы, господин Секретарь, или при Вашем посредничестве Комиссия прав человека ООН не предпримете ничего для того, чтобы помочь мне осуществить мое право свободного человека, не будут ли тогда все слова о правах и свободах лишь чистейшей демагогией и даже просто надругательством над беспомощным, бессильным и бесправным существом, каким является на самом деле человек, находящийся в положении подобном моему?

Я надеюсь, что Вы, господин Секретарь, правильно поймете чувства, которые руководят мною: это не преувеличенное мнение о собственной персоне или чрезмерное самолюбие человека, бесцеремонно решившего обратиться в столь высокую международную организацию с личной просьбой. Нет. Я столкнулся с несправедливостью, насилием и произволом, прикрывающимся лживыми заверениями и ханжескими обещаниями, и у меня есть все основания полагать, что точно в такое же положение попадает всякий человек, который, подобно мне, захотел бы уехать из этой страны, потому что советские власти не придумали специально для меня одного свои правила, согласно которым они действуют. Я хочу на деле осуществить свое право, на словах признаваемое правительством, и я хочу, чтобы точно так же это право мог осуществить любой человек в этой стране. Борясь за себя и за мою свободу, я тем самым борюсь за свободу и за справедливость для всех. Защищая мое человеческое достоинство, я защищаю также и достоинство этой страны, потому что такая страна, в которой людей держат взапер-

ти, как скотину в загоне, может вызвать лишь презрение и отвращение.

Если Вы, господин Секретарь, все же не сочтете возможным предпринять какие-либо конкретные шаги по этому делу, не найдете удобным обратиться к советской делегации при ООН, то я прошу Вас, по крайней мере, придать гласности это мое письмо, потому что гласность это, в конце концов, тоже форма борьбы с несправедливостью.

При этом прилагаю копии моих двух писем, адресованных в Верховный совет СССР.

Примите, господин Секретарь, заверения в моем глубочайшем к Вам почтении.

Мальцев Юрий Владимирович

Москва, М-403

Бирюлево, 2-я Медынская, 15

5 февраля 1968 г.

К письму была приложена биографическая справка:

Мальцев Юрий Владимирович, 35 лет, окончил филологический факультет Ленинградского университета в 1955 году. В период с 1956 по 1962 год часто сопровождал в качестве переводчика приезжавшие в СССР итальянские делегации и отдельных деятелей итальянской культуры (среди них: Миланский Пикколо театр, «Римские виртуозы», Эдуардо Де Филиппо, Джузеппе Де Сантис, Джульетта Масина, Джина Лолобриджида и др.). За все время в советской печати мной опубликовано следующее: перевод киносценария Ч. Дзаваттини «Я продаю свой глаз» («Искусство кино» № 9 за 1958 г.), перевод рассказа А. Моравия «Концерт Бетховена» (в сборнике «Римские рассказы», изд. Иностранной литературы, 1957 г.), перевод киносцена-

рия Де Сантиса, Гверра, Петри «Человек без воскресенья» («Дружба народов» № 2 за 1959 г.), перевод рассказа К. Монтелла «Случай в министерстве» («Огонек» № 43 за 1959 г.), перевод киносценария Де Сантиса и К. Альваро «Мы те, кто выращивает хлеб» («Искусство кино» № 10 за 1960 г.), перевод пьесы Л. Скварцина «Романьола» («Театр» № 5 за 1961 г.), перевод пьесы Г. Рокка «Бумажная гора» (изд. «Искусство» 1962 г.), перевод рассказа А. Моравия «Ничего» («Литературная газета» от 30 ноября 1963 г.), перевод рассказа А. Моравия «Рекомендация» («Знамя» № 6 за 1964 г.), перевод брошюры о Миланском театре Ла Скала (к гастролям в СССР, изд. «Искусство», 1964 г.), перевод рассказов А. Моравия в сборнике «Дом, в котором совершено преступление» (изд. «Прогресс», 1964 г.), фельетон «О чародеях и близоруких людях» (газ. «Коммунист», Ереван, 17 декабря 1955 г.), статья «Познакомьтесь — театр Пикколо» (газ. «Советская культура» от 14 июля 1960 г.), статья «Мещане в раю» («Театральная жизнь» № 4 за 1962 г.).

24 мая 1968 года на квартиру к Ю. Мальцеву явился уполномоченный из милиции, учинил ему допрос и пригрозил судом на основании Указа Верховного совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

После нескольких безуспешных попыток найти защиту у начальника управления милиции г. Москвы, Ю. В. Мальцев обратился с письмом в Комиссию прав человека ООН и в Международную организацию труда.

ПИСЬМО Ю. МАЛЬЦЕВА

*В Комиссию прав человека ООН
В Международную организацию труда*

Месяц назад в Комиссию прав человека ООН поступило мое обращение на имя Генерального секретаря ООН г-на У Тана.* В этом обращении я, ссылаясь на то, что 1968 год объявлен международным годом прав человека, просил помочь мне осуществить право, которого я тщетно добиваюсь от советского правительства уже четвертый год — это право покинуть свою страну и право переменить гражданство. Оно закреплено в статьях 13 и 15 Декларации прав человека, а также в пактах о гражданских и политических правах. Я хочу эмигрировать из СССР, так как, будучи литератором, я не имею возможности заниматься в этой стране своим делом: я не приемлю марксистской идеологии, я не верю в коммунизм — он представляется мне абстрактной утопией — и в стране, где для каждого литератора принцип коммунистической партийности является обязательным, мое положение невыносимо.

После того, как мое обращение к У Тану стало известным, последовало следующее: 24 мая с. г. ко мне домой явился уполномоченный 95-го отделения милиции г. Москвы старший лейтенант Ключников и, учинив мне краткий допрос, потребовал, чтобы я явился в отделение милиции. Там вместе с майором Борсаковым они угрожали предать меня суду и отправить в ссылку, если я не оформлюсь на штатную должность. Я отвечал, что я живу литературным трудом, а также уроками итальянского языка,

* Обращение, датированное 5 февраля, очевидно, было передано в ООН с опозданием. — Р е д.

что литературный труд в этой стране дает мне ничтожный заработок и, возможно, мне, человеку с высшим образованием, придется заняться физическим трудом, но что я сделаю это тогда, когда это будет нужно мне, а не тогда, когда это мне прикажут. Я заявил также, что действия, применяемые по отношению ко мне, являются принуждением к труду с помощью угроз, что является нарушением Конвенции № 29 Международной Организации Труда о запрете принудительного и обязательного труда во всех его формах, которая ратифицирована советским правительством 4 июня 1956 года. Кроме того, действия эти являются явной расправой над инакомыслящим, посмевающим громко заявить о своем несогласии, и нарушают основные свободы и права человека: право свободно придерживаться собственных взглядов, право свободно избирать себе род занятий и право свободно выбирать себе место жительства. Тогда ст. лейтенант Ключников сказал, что через несколько дней он зайдет ко мне домой и поведет меня в больницу на медицинское освидетельствование для выяснения моей трудоспособности. Он спросил меня также, не обращался ли я когда-либо раньше в психиатрическую лечебницу. Я отвечал, что никогда не был там, что я здоров и с милиционером в больницу не пойду. «Поведем силой» — отвечал ст. лейтенант. Когда же я спросил, на каком основании он будет применять ко мне это насилие, лейтенант отвечал, что на основании указа от 4 мая 1961 года о борьбе с лицами, ведущими «антиобщественный образ жизни». Я возразил, что в указе ничего не сказано о принудительном медицинском освидетельствовании, но ст. лейтенант Ключников продолжал голословно утверждать, что это сказано в указе и что, если я не пойду с ним

добровольно в больницу, меня поведут силой. Эти угрозы имеют вполне определенный смысл: мне достаточно хорошо известны случаи принудительного заключения здоровых людей в психиатрические больницы: Вольпин, Горбаневская, Буковский.

Таким образом меня не только насильно и противозаконно продолжают удерживать в Советском Союзе, но мне грозит теперь к тому же еще ссылка или сумасшедший дом.

Я обращаюсь к Вам не потому, что придаю слишком большое значение собственной жизни, а потому что считаю, что моя судьба является ярким примером отношения власти к инакомыслящим.

У меня есть только один способ противостоять насилиям и глумлению, которые надо мной чинятся: информировать о происходящем общественное мнение. Именно это я и делаю.

С уважением

*Мальцев Юрий Владимирович,
Москва, М-403,
2-я Медынская 15.*

29 мая 1968 г.

О дальнейшей судьбе Ю. В. Мальцева в настоящее время известно только из «Хроники» № 10 от 31 октября 1969 г., поместившей о нем следующую информацию:

«17 октября 1969 г. член Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР Юрий Мальцев был вызван повесткой в военкомат. Там ему сказали, что ему необходимо пройти медицинскую комиссию и сразу же проводили в кабинет невропатолога, где присутствовали два психиатра (один — из районного диспансера).

Ю. Мальцева спросили, просил ли он разрешения о выезде из Советского Союза, почему он в 37 лет не женат, почему, имея высшее филологическое образование, работает разносчиком телеграмм на Центральном телеграфе. Ю. Мальцев в свою очередь спросил, какое отношение все эти обстоятельства имеют к состоянию его здоровья. Психиатры заметили, что эти обстоятельства — признаки странности. Затем офицер проводил Мальцева к военкому, который заявил, что Мальцева хотелось бы использовать как переводчика, а для этого необходима медицинская проверка. В кабинет военкома вошли санитары и увели Мальцева в 5 отделение психиатрической больницы им. Кащенко. Там Мальцев отказался переодеваться. Дежурный врач отвел его в сторону и сказал: «Выпустить отсюда мы неправомочны, так как все привезли сюда не по нашему требованию. Ваше сопротивление вынудит меня обратиться к помощи санитаров, которые переоденут вас насильно». 21 октября у Мальцева были взяты все анализы, в том числе анализ крови на сахар. По-видимому, предполагаются инсулиновые инъекции. Его оставили на месячную экспертизу. По заявлению врача, в течение этого месяца лечения проводиться не будет, так как это опасно для здоровья».

Ж. МЕДВЕДЕВ

Обнинск

«Хроника» № 14 от 30 июня 1970 года, сообщает:

«Вечером 29 мая из своей квартиры в г. Обнинске Калужской обл. был увезен в городскую калужскую психиатрическую больницу для «экспертизы» и «наблюдения» Жорес Медведев.

Группа работников милиции во главе с майором, главный врач Калужской психобольницы *Лившиц* и психиатр г. Обнинска *Кирюшин* вошли в квартиру и, не предъявив ни документов, ни заключения врачей, потребовали, чтобы Ж. Медведев поехал с ними в Калугу на психиатрическую экспертизу. Он отказался, сказав, что не будет оказывать сопротивления, но и добровольно не уйдет из своего дома. Находившиеся там коллеги Ж. Медведева стали упрекать работников милиции в нарушении законности, на что майор ответил: «Мы — орган насилия, а вы можете жаловаться куда угодно». На глазах жены, детей и друзей Ж. Медведеву скрутили руки и увели его. Ж. Медведев никогда никакими нарушениями психики не страдал и к психиатру не обращался.

Жорес Александрович Медведев — известный биолог и публицист. Его научные заслуги в области генетики признаны биологами всего мира. Он автор нескольких книг и более 100 научных статей. Ши-

По сообщению «Хроники» в изложении событий использованы подробные записи брата Ж. Медведева — Роя Александровича Медведева — Р е д.

роким кругам общественности в СССР и за рубежом Ж. Медведев известен своей работой по истории биологической дискуссии в СССР (первоначальное название «Кульм личности и биологическая наука»). Недавно им закончена большая работа «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» (см. «Хронику», № 12). В 1969 г. Ж. Медведев без соблюдения законных формальностей был уволен по требованию Обнинского горкома КПСС из НИИ медицинской радиологии, и в течение девяти месяцев ему не выдавали необходимых документов для устройства на работу. После трехкратного вмешательства прокуратуры Ж. Медведев получил весной 1970 г. необходимые документы и направил их на конкурс в Институт медицинской генетики в г. Москве. Конкурс должен был состояться в начале июня.

Ж. Медведева забрали в психобольницу вечером в пятницу, накануне двух выходных дней.

Его брат, Рой Медведев, крупнейшие биологи и другие ученые пытались обратиться в Минздрав СССР и РСФСР, в ЦК КПСС и КГБ, но безрезультатно. Везде отвечали: «Звоните в понедельник».

На воскресенье, 31 мая, была назначена психиатрическая комиссия из Москвы.

30 мая. Брату Ж. Медведева, его жене и друзьям удалось увидеть Жореса в больнице. Он был помещен в общую палату с действительно больными людьми.

Главный врач калужской больницы Лившиц не назвал никакого диагноза.

31 мая. Многие советские ученые и писатели (Капица, Сахаров, Астауров, Тамм, Энгельгардт, Твардовский, Тендряков и др.) направили главному вра-

чу Лившицу телеграммы с протестом против принудительной госпитализации Ж. Медведева.

Экспертная комиссия в составе председателя Шостаковича Б. В. (Ин-т им. Сербского), калужских врачей-психиатров Бондарева Г. П., Левченко Б. Н. и главного врача калужской больницы Лившица «не нашла у Ж. Медведева явных отклонений от психической нормы. Однако она нашла, что Медведев проявляет повышенную нервозность и поэтому нуждается в некотором дополнительном наблюдении в условиях больницы».

Жена Ж. Медведева отправила телеграмму с протестом на имя генерального прокурора СССР Руденко. Брат подал заявление в ЦК КПСС и направил Руденко телеграмму с требованием немедленно освободить брата и наказать виновных за допущенные беззакония.

2 июня. Многие ученые, писатели и другие представители интеллигенции продолжают направлять телеграммы с протестом против принудительной госпитализации Ж. Медведева. Большая группа старейших членов партии посетила в Минздраве РСФСР зав. отделом специальной медицинской помощи Н. А. Демидова. Выслушав посетителей, Демидов сказал, что ничего не знает о госпитализации Медведева. Связавшись по телефону с Калугой, Демидов запросил объяснение от Лившица. Тот не мог дать удовлетворительного объяснения, и Демидов приказал Лившицу приехать в Москву 3 июня.

3 июня. В Минздраве СССР у зав. отделом специальной психиатрической помощи Серебряковой З. Н. психиатры совещались по поводу событий в г. Обнинске и Калуге. Было решено созвать новую комиссию. Рой Медведев просил разрешения взять до

комиссии Жореса на поруки, что разрешается делать даже с больными. «Мы это сейчас не практикуем», — ответила Серебрякова.

4 июня. В новую комиссию, которая назначалась на пятницу 5 июня, были включены врачи-психиатры: Морозов, Наджаров, Лунц, и Портнов. Рой Медведев высказался за исключение Лунца: «Он пользуется среди моих друзей плохой репутацией». Лунц был исключен из комиссии. Рой Медведев просил отложить комиссию. Вечером выяснилось, что комиссия уже состоялась. В нее вошли Г. Морозов, В. Морозов, Р. Наджаров. Экспертиза продолжалась 20 минут. Вопросы задавались с телеграфной быстротой, члены комиссии не стремились даже выслушать ответы. Потом они долго совещались и уехали. Решения комиссии ни Ж. Медведеву, ни его жене не сообщили.

Ночной звонок Р. Медведева Лившицу тоже ничего не разъяснил.

4 июня. Группа научных сотрудников АН СССР обратилась к ученым, научным и творческим работникам всего мира с призывом организовать широкий и всесторонний бойкот научных, технических и культурных связей с официальными властями и учреждениями СССР, приостановить сотрудничество и отказываться от всех научных и культурных контактов, пока Жорес Медведев не будет освобожден и перед ним не извинятся за совершенное над ним насилие.

В тот же день группа из 20-ти ученых направила письмо-протест министру здравоохранения СССР, министру внутренних дел СССР и генеральному прокурору СССР. «Насильственная госпитализация, по-видимому, связана с общественной деятельностью

Ж. А. Медведева, проводимой им на строго законных основаниях (...). Ни один честный и принципиальный ученый не будет уверен в своей безопасности, если подобные основания могут повлечь репрессии в виде помещения в психиатрическую больницу на неопределенный срок с лишением всех человеческих прав (...)». Среди подписавших академики: А. Д. Сахаров, И. Е. Тамм, М. А. Леонтович; доктора физ.-мат. наук: В. Ф. Турчин, Л. В. Альтшулер; доктор биол. наук Г. А. Дворкин; канд. биол. наук С. А. Ковалев; логик-математик А. С. Вольпин; физик В. Н. Чалидзе.

5 июня. Утром брат Ж. Медведева с группой друзей выехал в Калугу. Только в 5 часов дня приехал в больницу Лившиц и объявил жене, что Жорес не будет пока выписан из больницы, что поступило распоряжение министра о том, что Жорес психически болен и что его нужно держать в больнице еще «несколько дней». Точного диагноза и решения вчерашней экспертизы не было сообщено.

6 июня. С открытым письмом к Брежневу обратился академик Сахаров. «Акция в отношении Ж. Медведева, — пишет Сахаров, — вызывает глубокое возмущение и озабоченность советской и международной научной общественности, она рассматривается не только как беззаконие в отношении лично Медведева, но и как потенциальная угроза свободе науки, советской демократии вообще.

Психиатрические больницы не должны применяться как средство репрессий против нежелательных лиц...».

Ж. Медведева продолжали держать в психиатрической больнице.

В разные инстанции был направлен еще ряд кол-

лективных и личных протестов против насильственного помещения психически здорового человека, крупного ученого в психобольницу.

12 июня. Министр здравоохранения СССР Петровский принял президента АН СССР Келдыша и академиков: Капицу, Астаурова и Сахарова, направлявших письма и телеграммы протеста. Во время беседы было заявлено, что Ж. Медведев болен и что врачи выполняют по отношению к нему гуманную миссию. Тем не менее стало ясно, что Ж. Медведева скоро выпустят.

13 июня. Главный врач Калужской психобольницы Лившиц сказал, что в среду 17 июня Ж. Медведева выпустят».

15 июня стало известно письмо А. Солженицына «Вот как мы живем»,* которое «Хроника» воспроизводит полностью, и далее продолжает:

«17 июня Жореса Александрович Медведева выпустили из психиатрической больницы.

Что же все-таки послужило основанием для принудительной госпитализации Ж. Медведева? По признанию главного врача Калужской психобольницы А. Е. Лившица — отрывки из рукописей Ж. Медведева, с которыми он, Лившиц, ознакомился и которые «вызывают у него сомнения в психическом здоровье Ж. Медведева». (Как позднее выяснилось, речь шла о двух работах: «Культ личности и биологическая наука» и «Международное сотрудничество ученых и национальные границы».)

Кроме того, лечащий врач Ж. Медведева Бондаренко заявила Рою Медведеву, что его брата заочно обследовал психиатр Лизненко, который присут-

* См. стр. 403.

ствовал при беседе Ж. Медведева с председателем Обнинского горсовета Антоненко. Беседа была об устройстве Ж. Медведева на работу. При этом присутствовал незнакомый Ж. Медведеву человек, назвавшийся представителем Калужского горсовета, который задал два вопроса о поведении сына Жореса. Этого было достаточно, чтобы Лизненко, приехав в Калугу, составил заключение о «болезни» Ж. Медведева и было дано приказание о его насильственной госпитализации.

После освобождения Ж. Медведева из больницы отклики на события в Калуге продолжались. В Открытом письме от 20 июня акцент ставится на главной угрозе — не потенциальной, а вполне актуальной возможности медицинской расправы именно лично с кем угодно, с любым человеком, независимо от его научных и общественных заслуг».

Ниже мы приводим текст этого письма:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Насильственное, незаконное помещение в психиатрическую больницу Жореса Медведева, ученого и публициста, вызвало возмущение у всех, кто еще способен возмущаться произволом.

Мы следим за мужественными выступлениями Роя Медведева в защиту брата. Мы прочитали открытые письма — двадцати ученых и отдельное А. Д. Сахарова — в защиту Ж. Медведева. Мы слышали, что многие крупные ученые послали телеграммы с протестом в Калужскую психиатрическую больницу. Надеемся, что имена прославленных деятелей науки оказали свое воздействие, и Ж. Мед-

ведев избежал участи тех, кто за свои убеждения обречен сидеть в сумасшедшем доме.

Все сказанное в письме двадцати и в письме А. Д. Сахарова нам представляется правильным. Однако мы хотим обратить внимание на ту сторону дела, которая кажется нам наиболее важной. А. Д. Сахаров пишет:

«Акция в отношении Ж. Медведева вызывает глубокое возмущение и озабоченность советской и международной научной общественности, она рассматривается не только как беззаконие в отношении лично Медведева, но как потенциальная угроза свободе науки, советской демократии вообще».

Мы бы несколько переставили акценты в этом справедливом высказывании. Разделяем тревогу академика Сахарова за состояние науки и понимаем его заботу о государственных интересах, но полагаем, что главная угроза — и угроза не потенциальная, а вполне актуальная — это возможность медицинской расправы именно *лично* с кем угодно, с любым человеком, независимо от его научных и общественных заслуг.

Если бы Ж. Медведев не был ученым, чьи достижения признаны биологами всего мира, если бы он не был выдающимся общественным деятелем — происшедшее с ним было бы не менее трагично. Научные заслуги Ж. Медведева — при том, что они действительно и велики, — к счастью, еще и признаны официально; и вот научная общественность ведет кампанию в его защиту. Мы всей душой радуемся этому обстоятельству, но мы бы хотели, чтобы общественность (научная, в частности, и не только ее считанные представители) проявляла такую же энергию в защите всех, чья совесть обуздывается средствами подсобной психиатрии.

Заслуги, например, П. Г. Григоренко в военной истории или Н. Горбаневской в русской поэзии не признаны у нас официально, но разве не заслуживают эти люди такой же поддержки, как Ж. Медведев? Ведь это все звенья одной цепи, и каждое звено — судьба человека, а цепь — наша общая. У мученика сталинских застенков Владимира Гершуни, допустим, и вовсе нет заслуг, аналогичных медведевским, но в личном благородстве и в гражданской доблести он не уступает никому. А если бы и уступил — разве в этом суть? Все люди одинаково ценны — в том смысле, что жизнь человека бесценна. Произведения Жореса Медведева учат не только биологии, но и человечности.

В письмах ученых отчетливо выражено понимание того, что чудовищна сама система использования психиатрических лечебниц для изоляции «нежелательных лиц» (А. Д. Сахаров), но повторяем, необходимо активнейшее вмешательство общественности при каждом конкретном проявлении произвола, кто бы ни был в данном случае этим «нежелательным лицом»; знаменитый ученый Жорес Медведев или студентка Валерия Новодворская, или студентка Ольга Иофе.

Корпорация ученых защищает Ж. Медведева. Мы всячески приветствуем корпоративные усилия такого рода. Это замечательное дело. Не худо бы, например, писателям последовать этому почину, отстаивая своих товарищей по ремеслу. Мы подчеркиваем только, что и те, кто не принадлежит ни к какой корпорации, нуждаются в столь же полной и горячей поддержке общества.

А. Алшутков, Т. Баева, В. Буковский, Ю. Вишневская, В. Гусаров, Ю. Диков, Н. Емелькина, Б. Ефимов, Л. Зиман, Ю. Иофе, Л. Кардасевич,

В. Красин, И. Костерина, В. Лапин, Л. Плющ,
Г. Подъяпольский, В. Пруссаков, И. Рудаков,
Н. Самсонов, Е. Строева, В. Тельников, Ю. Ти-
тов, Л. Терновский, В. Тимачев, М. Харитонов,
Н. Шатуновская, Ю. Штейн, А. Штельмах,
И. Якир, П. Якир, А. Якобсон.

20 июня 1970 г.

М. НАРИЦА

Ленинград

Скульптор и преподаватель Ленинградского художественного училища имени Репина Михаил Александрович Нарица, бывший заключенный советских концлагерей, в 1960 году переслал за границу рукопись своей автобиографической повести «Неспетая песня», которая была напечатана в журнале «Грани»^{*}, а затем переведена на многие иностранные языки. Одновременно он направил второй экземпляр этой рукописи Хрущеву с сопроводительным письмом, в котором писатель мужественно поднял голос в защиту свободы творчества, бесстрашно обличал тоталитарные порядки в СССР и просил разрешить ему выезд из страны. Его арестовали. В декабре 1961 года следственные власти сделали попытку объявить М. Нарицу умалишенным и перевели его на «соответствующее исследование» в тюремную больницу. По существу законодательства они могли держать его в тюремной больнице на подобного рода «исследованиях» не больше трех недель.

М. Нарица настаивал на открытом процессе, но ему в этом было отказано и 1 марта 1962 года, на «основании следствия и свидетельства врачебной комиссии» было вынесено судебное постановление, по которому М. Нарица был объявлен невменяемым и помещен в тюремное отделение, где содержатся душевнобольные заключенные. Сначала он был по-

^{*} М. Нарымов (псевд.) «Неспетая песня». Повесть. «Грани» № 48, 1960.

мещен с буйнопомешанным, но в результате протеста был переведен в другую палату.

Родные могли навещать М. Нарицу два раза в месяц, но свидания происходили в присутствии охранника. Дважды в месяц М. Нарица мог писать письма семье. Один из врачей возмущенно заявил, что эти письма пишет совершенно нормальный человек. Дело М. Нарицы стало быстро известно персоналу и охране и вызвало у многих открытое возмущение.

Компетентные лица из ленинградских юридических кругов полагали тогда, что наиболее обычным официальным путем освобождения М. Нарицы была подача, примерно через полгода после вынесения судебного постановления, прошения о пересмотре решения суда. В этом случае суд, по всей вероятности, был бы обязан назначить новую врачебную комиссию, которая вынесла бы свое суждение о психическом состоянии М. Нарицы. Однако, даже если бы врачебная комиссия определила, что он «выздоровел», суд мог отклонить это суждение и продолжать держать его в заключении. Один из адвокатов высказал мнение, что существенное влияние на решение суда может оказать общественная кампания за границей.

Кроме того выяснилось, что младший сын М. Нарицы Петр, сдавший экзамены в медицинский институт, не был принят в него на том основании, что «его отец ненормальный».

В конце 1967 года М. Нарице удалось переслать на Запад ряд документов о себе, среди которых находилось следующее письмо:

«Дорогие друзья, сообщаю коротко о своем положении. После трехлетнего пребывания в тюремном

сумасшедшем доме меня выпустили, хотя я и не раскаялся и не назвал себя клеветником. Однако меня старались связать круговой порукой с семьей: выпущен «под наблюдение родственников» (формулировка суда). На руки выдана справка: «выписан из больницы на попечение жены и под наблюдение психоневрологического диспансера по месту жительства». Жене было сказано, что я в любое время могу быть снова взят в тюремный сумасшедший дом.

Условия моей жизни и жизни моих близких — ужасны. Однако не верьте никаким возможным выдумкам о моем «раскаянии». 3 ноября 1966 года я (вместе с женой) послал председателю Президиума Верховного совета СССР повторное заявление с просьбой о разрешении выезда из СССР в любое государство. Нам пока ответили в местной милиции, что разрешить нам выезд не могут, потому что ни вызова от родственников, ни разрешения на въезд в какое-либо государство мы не имеем. Может быть, правительство Западной Германии может что-либо сделать, чтобы лишить наших чиновников хоть этой отговорки. Я прошу Вас сделать все возможное для этого, попытайтесь обратиться в ООН.

9 января 1967 года на меня было организовано нападение соседей (среди них есть члены КПСС) с участием неизвестного мне мужчины. Драка была жестокой и, если бы мы с младшим сыном защищались чуть похуже, я был бы либо убит, либо превращен в инвалида, ни для чего не годного. Мы живем здесь, как люди, объявленные «вне закона». При нормальных условиях жизни мое здоровье позволило бы мне жить, сохраняя работоспособность ума, еще не один десяток лет. Что бы со мной ни

случилось плохого, прошу это расценивать, как расправу коммунистов за мою литературную деятельность.

25 января 1967 г.

М. Нарича»

В. НОВОДВОРСКАЯ

Москва

5 декабря 1969 года, в день Советской конституции, во Дворце съездов была арестована Валерия Новодворская, которая разбрасывала и раздавала листовки перед началом оперы «Октябрь». Новодворская не пыталась скрыться и раздавала листовки до тех пор, пока к ней не подошли сотрудники КГБ. Листовки написаны в стихах:

ЮБИЛЕЙНО-КОНСТИТУЦИОННАЯ

Спасибо, партия, тебе
За все, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушия,
За лень, измену и двудушие
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За этот вымысел и ложь,
За все портреты и доносчиков,
За выстрелы на Пражской площади,
За все, что ты еще солжешь.

По материалам «Хроники» № 11 от 31 декабря 1969 г. и № 13 от 30 апреля 1970 г.

За рай заводов и квартир,
На преступлениях построенных,
В застенках старых и сегодняшних
Расколотый и черный мир.

Спасибо, партия, тебе
За наше горькое неверие
В обломки формулы, потерянной
В туманной предрассветной мгле.

Спасибо, партия, тебе
За нашу горечь и отчаянье,
За наше подлое молчание
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За тяжесть обреченной истины
И за боев грядущих выстрелы
Спасибо, партия, тебе.

При аресте на квартире В. Новодворской были отобраны три рукописные книжки ее стихов в нескольких экземплярах.

В. Новодворской 19 лет. Она окончила школу в 1968 году с медалью и блестяще поступила в Институт иностранных языков на французское отделение. К моменту ареста она училась на 2 курсе.

16 марта 1970 г. в Московском областном суде состоялся суд над В. Новодворской, обвинявшейся по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

Суд происходил в отсутствие обвиняемой, так как она была признана экспертизой Института им. Серб-

ского невменяемой с диагнозом: «Шизофрения. Параноидальное развитие личности».

Защищал В. Новодворскую адвокат Добужский. Он отказался встретиться с Новодворской до суда, так как якобы по закону адвокат не имеет права встречаться с подзащитным, признанным невменяемым.

Судом были допрошены пять свидетелей: милиционер, задержавший В. Новодворскую во Дворце съездов; билетерша Дворца; студентка из Иняза; а также родители Новодворской, которые были свидетелями на суде и не могли выступать как представители обвиняемой.

Прокурор в своей речи сказал, что действия В. Новодворской смыкаются с действиями террористов, стрелявших в космонавтов.

Адвокат просил суд о переквалификации ст. 70 УК на более легкую ст. 190¹.

Суд определил для В. Новодворской принудительное лечение в больнице специального типа (в Казани).

После суда при свидании с родными выяснилось, что В. Новодворская даже не была поставлена в известность о том, что был суд.

В середине мая 1970 года состоялось кассационное разбирательство по делу В. Новодворской. Верховный суд утвердил приговор Мосгорсуда. В середине июня В. Новодворская была отправлена в Казанскую специальную психиатрическую лечебницу.

В. ОВЕЧКИН

1904 - 1968

Писатель Валентин Владимирович Овечкин родился в Таганроге в интеллигентной семье. В его жизни и творчестве сплетаются две тенденции: коммуниста-идеалиста и народника-правдолюбца. Всё его творчество посвящено деревне. Посвящена ей и его жизнь.

В 1932 году Овечкин как секретарь райкома станции Темиргоевской самочинно раздал заготовленное зерно голодающим казакам. В своей первой повести (1944) «С фронтовым приветом» писатель ратует за откровенный разговор с народом. Повесть «Районные будни» («Новый мир», сентябрь 1952 года) предвещает ряд реформ хрущевского периода. На II съезде писателей в 1954 году Овечкин выступает с резкой критикой системы «премий за полит-агитки» и против засилия догматиков в редакциях журналов и газет. На страницах «Литературной газеты» (2. 10. 1956) он резко критикует трех министров за работу «тупо, не утруждая мозгов». В ответ ЦК осуждает газету и писателя.

В 1960 году в пьесе «Время пожинаать плоды» («Новый мир № 11) он говорит, что на 44-м году режима люди должны жить легче и «больше жать, чем сеять». В 1962 году, выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного совета СССР, он выступил перед избирателями с критикой нового культа личности, после чего кандидатура его была снята. Осенью он подал в ЦК записку с требованием колхозной реформы по югославскому образцу, за что

и был помещен в психолечебницу. Однако вскоре после того, как сообщение о заключении Овечкина в психолечебницу было передано на Запад, власти отступили и он был освобожден.

Продолжая еще числиться в редакции «Нового мира», Овечкин больше не печатался, особенно после того, как отказался написать очерк об успехах колхозников Калиновки (место рождения Хрущева).

По непроверенным слухам Овечкин вскоре после заключения в психиатрическую лечебницу попытался покончить жизнь самоубийством. Какой-то таинственностью покрыта и его кончина: в официальном некрологе не было даты смерти, а лишь дата похорон.

ПАРАМОНОВ

Таллин

В мае 1969 года в Палдиски под Таллиным было арестовано три морских офицера, среди которых и *Парамонов*. Они обвинялись в создании «Союза борьбы за политические права», который ставил себе целью осуществление в СССР демократических прав, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека. При произведенных впоследствии обысках была обнаружена типография предназначенная для печатания бесцензурной литературы. Арестованные офицеры были направлены в таллинскую тюрьму КГБ.

Как сообщила «Хроника» № 15 от 31 августа 1970 года:

«В Ленинграде Военный трибунал прибалтийского округа судил военных инженеров. Обвинение по ст. 70 УК РСФСР — создание «Союза борьбы за политические права». Суд приговорил: Геннадия Гаврилова — 6 лет лагерей строгого режима, Алексея Косырева — 2 года. *Парамонов* был признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу специального типа в г. Черняховске».

Р. ПИМЕНОВ

Ленинград

Одним из первых известных в СССР случаев заключения здоровых людей в психиатрические лечебницы по политическим мотивам был случай Революта Ивановича Пименова в Ленинграде.

1931 года рождения, Р. Пименов учился на мехмате Ленинградского государственного университета. В 1949 году он подал заявление о выходе из комсомола, что послужило основанием для немедленного его ареста и насильственной госпитализации в психиатрической лечебнице с диагнозом «шизофрения». Однако повторный консилиум во главе с профессором Голандом признал его вполне здоровым и единственное, на чем настаивал профессор при выпуске из больницы — это, чтобы Р. Пименов взял свое заявление обратно.

В марте 1950 года, под угрозой повторной госпитализации, он согласился остаться в комсомоле. Тем не менее судьба его от этого не облегчилась: в 1953 году он был исключен из комсомола и вынужден покинуть университет. Четыре года спустя его арестовали с обвинением в создании антисоветской студенческой группы и осудили на 6, а затем на 10 лет концлагеря. Несмотря на досрочное освобождение в 1963 году, что позволило ему защитить кандидатскую, а потом докторскую диссертации в Математическом институте АН СССР, он продолжает подвергаться всевозможным преследованиям.

С. ПИСАРЕВ

Москва

Дело Сергея Петровича Писарева представляет собой редкий случай партийного работника, которому совесть не позволила обходить молчанием царящий вокруг него произвол.

С. Писарев родился в 1902 году. В партию он вступил 16-летним юношей. Став затем партийным работником, он верой и правдой служил своей идее. Во время войны был политработником на фронте, за ранения и отвагу получил боевые награждения.

В январе 1953 года он направил на имя Сталина доклад о порочности работы органов МГБ. Вскоре после этого его арестовали и, после сорокадевятисуточного пребывания в Институте им. Сербского в Москве, направили в Ленинградскую тюремно-психиатрическую больницу, где его продержали почти полтора года.*

* См. также свидетельство С. Писарева. Стр. 334-344.

И. РИПС

Рига

В майском номере журнала «Посев» за 1969 год было опубликовано следующее воззвание, полученное из России:

«Мы, студенты-евреи г. Риги, обращаемся к студентам Израиля, США, Англии и всего мира с призывом о помощи.

Вчера, 13 апреля 1969 года, наш товарищ Илья Рипс — студент физико-математического факультета Латвийского Госуниверситета — поджег себя у подножья памятника Свободы в г. Риге. На груди у него был плакат протеста против дискриминации нашего народа и лишения нас возможности выехать в Израиль. Охваченный пламенем, не в силах от боли стоять на месте, Илья побежал по главной улице, крича: «Выпустите нас в Израиль!» Его сбили моряки, проходившие мимо, ногами погасили пламя и зверски избили. Подоспевшие милиционеры вбросили избитого и обожженного юношу в машину и увезли. До сегодняшнего дня его местонахождение неизвестно: очевидно, он во внутренней тюрьме Комитета Госбезопасности.

Илья Рипс выразил требование сотен тысяч евреев России. Поддержите нас! Молчание преступно! Протестуйте!

Студенты-евреи города Риги»

«Хроника» № 8 от 30 июня 1969 г. сообщила следующие подробности об этом событии:

«Илье Рипсу — 20 лет, только в декабре 1969 г. исполнится 21. В неполных 15 лет он стал одним из победителей Международной математической олимпиады школьников, в неполных 16 окончил школу и поступил на механико-математический факультет Рижского университета. Все годы учебы он был ленинским стипендиатом и гордостью университета. Его дипломная работа, по отзывам преподавателей, была готовой основой докторской диссертации. 10 апреля он получил отличное направление на работу — в Институт физики АН Латвийской ССР.

13 апреля он вышел на площадь Свободы с плакатом «Протестую против оккупации Чехословакии» и поджег на себе одежду, предварительно залитую бензином. Случившиеся здесь моряки быстро погасили огонь, но жестоко избили юношу. Ожоги, к счастью, оказались незначительными. В больницу, куда увезли Илью, пришли его товарищи по университету, предлагая себя как доноров кожи. По непроверенным слухам, эти студенты подверглись внутриуниверситетским репрессиям.

Илье Рипсу было предъявлено обвинение по ст. 65 УК Лат. ССР, соответствующей ст. 70 УК РСФСР. Действия Ильи Рипса в высшей степени трудно подтянуть под какую бы то ни было статью Уголовного кодекса, поэтому, вероятно, и была избрана статья об «Антисоветской пропаганде и агитации», во-первых, наиболее расплывчатая по формулировке, во-вторых, обеспечивающая наименьшую степень гласности — начиная с того, что требуется адвокат с допуском.* Кроме единственного факта попытки самосожжения, Илья Рипс не обвиняется ни

* Допуск — специальное разрешение, позволяющее адвокату заниматься особо важными делами.

в чем. Наоборот, само следствие установило, что единственный момент несогласия Рипса с советской политикой относится к одной единственной акции правительства — вводу войск в Чехословакию. В этих условиях доказывать вину по ст. 65 УК Латв. ССР, то есть доказывать умысел на подрыв существующего строя, слишком трудно. Гораздо легче изолировать Илью Рипса под маркой «невменяемости», так как, согласно укоренившейся практике, суды рассматривают дела о назначении принудительных мер медицинского характера чисто формально, не вдаваясь ни в суть дела, ни в суть экспертизы».

2 октября 1969 года в Риге Верховный суд Латвийской ССР рассмотрел дело по назначению принудительных мер медицинского характера к И. Рипсу. Было вынесено определение о назначении И. Рипсу принудительного лечения в психиатрической больнице общего типа. Интересы И. Рипса на суде защищал адвокат С. Л. Ария.

Как стало известно, И. Рипса дополнительно лишили права жительства в Риге, под предлогом, что он якобы выбыл из города на неопределенный срок.

Илью Рипса держали в больнице два года и, по еще непроверенным сведениям, выпустили в мае 1971 г. Ему разрешили подать прошение о выезде в Израиль.

В. СЕВРУК

Ленинград

Из рукописи озаглавленной «В силу самого факта» и переданной в Самиздат выясняется характерный случай отправки политического оппонента в сумасшедший дом за «манию марксизма»!

Автор произведения — Вацлав Леонович Севрук — младший научный сотрудник в секторе социологии отделения философии Института истории АН ЛССР.

«Хроника» № 15 от 31 августа 1970 г. дает следующие биографические подробности на основании книги В. Севрука:

«Чтобы попасть в суворовское училище, В. Севрук из среднеуспевающих становится отличником и в Суворовском он на самом лучшем счету. Но за два месяца до производства в офицеры покидает училище.

Действительную службу начинает рядовым солдатом, но быстро выделяется знанием службы, избирается комсоргом подразделения. За доклад, сделанный не по установленным образцам, лишается увольнительной. В ответ Севрук объявляет голодовку. Затем его через психиатрическую больницу комиссуют. Таким же образом и при сходных обстоятельствах его «отчисляют» из Вильнюсского университета. Любопытно медицинское заключение о невменяемости Севрука: «мания марксизма и правдоискательства».

В. ТАРСИС

Москва

Писатель Валерий Яковлевич Тарсис родился в 1906 году. Его отец — русский грек, мать — украинка. Окончив историко-филологический факультет университета в Ростове-на-Дону (в 1929 году), работал редактором в издательстве «Художественная литература» (до 1937 года). Первую книгу «Современные иностранные писатели» опубликовал в 1929 году. До войны печатался в «Новом мире» (рассказ «Ночь в Заречье» и повесть «Дездемона») и работал как переводчик. Всего вышло 34 книги его переводов.

Во время войны В. Тарсис был на фронте военным корреспондентом в звании капитана. Дважды тяжело ранен. Критическое отношение к советской действительности у Тарсиса появилось во время работы над большой эпопеей о сталинской эпохе — «Прекрасное и его тень».

В 1960 году Тарсис рвет с партией и руководством Союза писателей и передает за границу рукописи своих произведений. Он в это время — духовный возглавитель молодежной творчески-оппозиционной группы СМОГ, первый в Москве открыто критикующий советские порядки.

После опубликования за границей (по-русски и в переводах на многие языки) его повестей «Сказание о синей мухе» и «Красное и черное», Тарсис был 23 августа 1962 года арестован в своей квартире и заключен в психиатрическую лечебницу им. Кащенко. Под давлением мирового общественного мнения

освобожден в феврале 1963 года. О своем пребывании в психобольнице Тарсис написал автобиографическую повесть «Палата № 7», которую сразу же передал за границу, где она была опубликована на многих языках.

После его многочисленных мужественных выступлений в защиту творческой оппозиции, Тарсису 10 февраля 1966 года разрешают выехать для чтения лекций в Англию, а по выезде лишают его гражданства.

Выезд Тарсиса властями приурочен к началу суда над Синявским и Даниэлем, а организация выезда поручается КГБ еще не раскрытому тогда агенту. Однако провокация не удастся: показания Тарсиса, — особенно об использовании психолечебниц в борьбе с политическими противниками режима, — оказывают большое влияние на общее понимание положения в России.

За границей Тарсис поселился в Швейцарии, где продолжает писательскую деятельность и снабжает швейцарскую печать оценками положения оппозиции в России.

В. ФАЙНБЕРГ

Москва

В полдень 25 августа 1968 года несколько человек — Лариса Богораз, Павел Литвинов, Константин Бабицкий, Владимир Дремлюга, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг и Вадим Делоне — вышли на Красную площадь с целью провести мирную демонстрацию протеста против оккупации Чехословакии.

Через несколько секунд после того, как демонстранты развернули свои транспаранты, на них набросились «люди в штатском», вырвали из рук плакаты, осыпали ругательствами. Одному из них — Виктору Файнбергу — выбили зубы. Происшествие продолжалось всего лишь несколько минут. Когда раненого заталкивали в подкатившую голубую «Волгу», он успел выкрикнуть: «Да здравствует Чехословакия!»

Анализируя год спустя это событие, поэтесса Наталья Горбаневская писала в своей книге «Полдень»:^{*}

«Виктор Файнберг, 1931 года рождения, до окончания университета работал слесарем на заводе. В 1968 г. он окончил английское отделение филологического факультета Ленинградского университета, на «отлично» защитил дипломную работу о писателе Селинджере, летом 1968 г. работал экскурсоводом во дворце-музее в Павловске.

^{*} Наталья Горбаневская «Полдень». Изд. «Посев», 1970. Стр. 453-457.

Из-за травмы головы Виктор когда-то 6 лет был на инвалидности, но на психиатрическом учете не состоял и в психобольницах не бывал. В 1957 году он попал под следствие: подрался с милиционером, который обозвал его «жидом». Экспертиза признала его вменяемым и он получил тогда год тюрьмы условно.

У В. Файнберга классическая внешность несчастного еврея, кинуться на него с криком «Бей жидов!» — почти безусловный рефлекс черносотенца. Я почти не видела, как его били, увлеченная своим сражением за флажок, и только в «полтиннике» увидела его, с распухшими, в кровь разбитыми губами, в ладони он держал окровавленные зубы. Потом Татка рассказывала, как его били: по лицу и по голове, и ногами, не меньше шести ударов.

Ему выбили четыре зуба — все резцы верхней челюсти и, конечно, в этом виде он не годился для суда, на котором следовало доказать, что демонстранты нарушили общественный порядок, а те, кто бил нас, отнимал лозунги, кто пытался провоцировать толпу, — они-то и действовали в согласии с законом и в интересах закона. Все равно подсудимые и некоторые свидетели говорили о том, как били Файнберга, как выбили ему зубы, но слова бледны по сравнению с живым свидетельством, с видом искалеченного человека.

Самый простой путь не выпустить человека на суд — это признать его невменяемым. Я вообще удивляюсь, как они не решились признать невменяемыми всех семерых, объявить демонстрантов «кучкой сумасшедших», — кто же, кроме безумцев, среди кликов всенародного одобрения открыто скажет «нет». Но, видно, установка была такова, чтобы соблюсти некоторую видимость и законности,

и гласности. Поэтому и ограничились тем, что невменяемыми признали меня и Виктора. Насколько я знаю, в диагнозе у Виктора значатся «остаточные явления шизофрении», «остаточные явления сотрясения мозга», «базедова болезнь». Это последнее, отнюдь не психиатрическое заболевание — то, чем Виктор действительно болен. В условиях Лефортовской тюрьмы болезнь его обострилась. Одним из оснований диагноза шизофрении в экспертизе указали «бред реформ». Итак, всякое частное несогласие с существующей системой, всякое высказывание о необходимости изменить ее и улучшить — если вас захотят объявить невменяемым, будет истолковано как «бред».

Говорят еще, что в Ленинградской больнице лечащие врачи сказали Файнбергу, что у него диагноз «шизоинакомыслие». То ли скучающий врач проявил в разговоре с пациентом свое остроумие, то ли и правда в советской психиатрии существует такой диагноз? Я готова поверить в последнее.

Суд по назначению Виктору Файнбергу принудительных мер медицинского характера состоялся 2 декабря, председательствовал судья Монахов, которого потом мы видели во главе суда над Ирой Белогородской. Суд проходил без Файнберга: хотя по уголовному кодексу суд «вправе» вызвать его на судебное заседание, суд этим правом не воспользовался. По-моему, и не бывает случая, чтобы «невменяемого» — вернее, того, кого суд должен признать невменяемым, — вызвали в судебное заседание. Может быть, судьи боятся увидеть перед собой не бумажку, а реального — и вдруг здорового? — человека?

Защитник Виктора адвокат С. Л. Ария оспаривал и то, что действия Файнберга подпадают под соответствующие статьи уголовного кодекса, и то, что состояние здоровья Файнберга и общественная опасность его действий требуют помещения его именно в психиатрическую больницу специального типа: ведь статьи, по которым квалифицировались действия Файнберга, — те же самые 190¹ и 190³ — не входят в число ни особо опасных, ни тяжких преступлений.

И верно, я знаю случай — в Ленинграде — такого же суда по такой же статье, по 190¹, окончившегося тем, что человека признали невменяемым и — в согласии с рекомендацией экспертизы — отдали на попечительство родным и под наблюдение психодиспансера. Разница была только в том, что этот человек согласился с тем, что он действовал (писал «криминальное» письмо в ЦК) в состоянии возбуждения, аффекта, а Виктор, я уверена, отстаивал полную осознанность своего выхода на Красную площадь.

Суд, как и следовало ожидать, полностью повторил выводы экспертизы, признал Файнберга невменяемым и назначил ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа.

В начале февраля 1969 г. Виктор помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу на Арсенальной ул. О его пребывании там известно мало. В конце мая он был переведен из 11-го лечебного отделения, где ему лечили заболевание щитовидной железы, в более тяжелое, 4-ое. Санитары — а санитарами в этой больнице заключенные-уголовники — в кровь избили одного пациента.

Виктор слышал его крики, а на другой день встретил его, окровавленного: разбито лицо, и в крови пижама. Виктор начал писать жалобу на санитаров, и его тут же, не дав дописать, перевели в другое отделение, причем жалоба «пропала». Взмолненным родителями Виктора сказали, что он ни в чем не виноват, и обещали вернуть его в лечебное отделение.

С 1 июня над Виктором назначена опека отца. Может быть, это сможет ускорить его выход. Но вот уже комиссия, которая была в июне, не выписала Виктора из больницы. Следующая комиссия — через полгода, т. е. в декабре.

Жена писала Виктору в письме, что ему надо скорее выйти из больницы, чтобы обрести покой, которого там нет, и только тогда улучшится его здоровье, — это письмо до Виктора не дошло.

Пятнадцатилетнего сына не пускают к Виктору на свидания как несовершеннолетнего (и в лагерь и в тюрьму детей пускают на свидания). Виктора ограничивают в получении денег, так как он тратит их на выпуск газет и журналов.

Чтобы читатель мог себе представить, в каких условиях находится Виктор, я привожу два документа о принудительном лечении в спецпсихобольницах. Первый — это отрывок из периодического издания «Год прав человека в Советском Союзе продолжается. Хроника текущих событий», выпуск 3 (8). Второй написан Петром Григорьевичем Григоренко незадолго до его ареста.*

Еще я хочу отметить, что если бы Виктор был признан вменяемым, то при имевшемся подходе су-

* См. стр. 282-294 и «Обращение Виктора Файнберга», стр. 381.

да (сын на иждивении) он определенно получил бы не лагерь, а ссылку, т. е. оказался бы в куда более человеческих условиях.

Участь Виктора Файнберга — наиболее трагическая из всех демонстрантов. Но зато, мне кажется, это тот единственный случай, где могло бы помочь вмешательство мирового общественного мнения, вмешательство международных организаций — в первую очередь Международного Красного Креста. Если у этой книги окажутся читатели на Западе, я прошу их сделать всё возможное, чтобы облегчить пребывание Виктора Файнберга в стенах тюремной психобольницы и ускорить его освобождение».

П р и л о ж е н и е

ВЫДЕРЖКИ ИЗ АКТА № 35/С

о принудительной госпитализации В. И. Файнберга

Мы, нижеподписавшиеся, 10 октября 1968 года в Центральном НИИ судебной психиатрии им. профессора Сербского освидетельствовали испытуемого Файнберга Виктора Исааковича 1931 г. рожд., обвиняемого по ст. 190-1 и 190-3 УК РСФСР в нарушении общественного порядка на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. На судебно-психиатрическую экспертизу в Институте направлен по постановлению прокуратуры г. Москвы от 3-го сентября 1968 г. в связи с сомнением в психической полноценности испытуемого. По данному делу он 4 сентября 1968 г. прошел амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в Институте им. Сербского, которая рекомендовала направить его на обследо-

вание в стационар Института им. Сербского. В стационаре института им. Сербского находится с 9 сентября 1968 г.

.

Психическое состояние:

Испытуемый формально правильно ориентирован в месте, времени и окружающей обстановке. Он многоречив, старается представить себя психически здоровым человеком, обнаруживая при этом явно недостаточную критику в отношении перенесенных им в прошлом психотических состояний. Так, сообщая аналитические сведения, он отмечает, что в 14-летнем возрасте у него были якобы лишь повышенная возбудимость, повышенное самолюбие и повышенная реакция на драку, а также «неприятности внутреннего порядка». Все явления, по его словам, прошли, не оставив следа. На дальнейшем жизненном пути это, по его мнению, не отразилось. Отмечает у себя лишь повышенную утомляемость и некоторое снижение памяти, которые связывает с перенесенной им травмой головы и базедовизмом. Однако в настоящее время уверяет, что чувствует себя хорошо, никаких жалоб не предъявляет. Сообщает, что он рано начал интересоваться вопросами социологии, политики, философии и искусства. С удивлением и большой охваченностью высказывает идеи реформаторства по отношению к учению классиков марксизма, обнаруживая при этом явно повышенную самооценку и непоколебимую убежденность в своей правоте. В то же время в его высказываниях о семье, о родителях и сыне выявляется эмоциональная уплощенность, холодность, по существу он не проявляет озабоченности их положе-

нием, а при обращении его внимания на это обстоятельство заявляет: «В моем возрасте эмоции не играют никакой роли». Не вызывает у него озабоченности и своя собственная судьба, состояние своего здоровья, — «как-нибудь проживу, в раковину прятаться не буду». Наряду с этим отмечается и его эмоциональная неадекватность, которая проявляется, в частности, в том, что разговоры о фактах и обстоятельствах, которые должны были бы его травмировать, он нередко прерывает веселым смехом. В то же время он с увлечением рассуждает на отвлеченные темы, суждения его при этом носят резонерский характер; речь монотонная. В процессе бесед, при наступающем, даже незначительном, утомлении выявляется непоследовательность его суждений и соскальзывание. В отделении Института при внешне упорядоченном поведении можно отметить беспечность, равнодушие к себе и окружающим. Он занят гимнастикой, обтиранием, чтением книг, изучением литературы на английском языке. Критика к своему состоянию и создавшейся ситуации у него явно недостаточная.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Файнберг В. И. обнаруживает признаки психического заболевания в форме выраженных постпроцессуальных (шизофренических) изменений психики, осложненных травматическим поражением головного мозга и эндокринными нарушениями. Об этом свидетельствуют данные медицинской документации об имевших у него место массивной психотической симптоматике, оставившей, как это выяснилось при настоящем психиатрическом обследовании, выраженные специфические для шизофренического дефекта изменения психики в виде эмоциональных нарушений и расстройств мышления,

а также характерные для травматических поражений повышенная истощаемость психических процессов и некоторое ослабление памяти. Указанные психические изменения сочетаются с внешне упорядоченным поведением, сохранностью прошлых знаний и навыков при явно недостаточной критической оценке своего состояния и поведения. Отмеченные болезненные расстройства психической деятельности исключают способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, вследствие чего Файнберга В. И. в отношении инкриминируемых ему деяний следует считать невменяемым. По своему психическому состоянию он нуждается в направлении на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу.

Г. В. Морозов

Д. Р. Луц

Я. Л. Линдау

Г. ФЕЙГИН

Рига

Гирш Исаакович Фейгин, 1927 года рождения, проживающий в Риге, в течение многих лет добивался разрешения на выезд в Израиль на постоянное место жительства к своей матери и родной сестре. 4 мая 1970 года в знак протеста против немотивированных отказов майор Г. Фейгин публично отказался от правительственных наград, полученных им во время Второй мировой войны. 30 июля 1970 года Фейгин вместе с семьей своими товарищами направил в Президиум Верховного совета СССР заявление о выходе из советского гражданства. После этого Г. Фейгин неоднократно подвергался воспитательным «беседам» в различных советских органах и угрозам быть помещенным в психиатрическую больницу.

18 декабря 1970 года Гирш Фейгин был насильственно помещен в республиканскую психиатрическую больницу Латвийской ССР, г. Рига, ул. Аптекас, 1. Врач, проводивший госпитализацию Фейгина, сообщила его друзьям, что он ненормален, потому что «нормальный человек от правительственных наград не отказывается». («Хроника» № 17 от 31 декабря 1970 г.)

Однако, по-видимому, республиканские власти действовали на сей раз, не согласовав вопроса с центром, которому вряд ли хотелось привлекать внимание энергично протестующих против беззаконий заграничных евреев и к спецпсихолечебницам. В ян-

варе 1971 года Гирш Фейгин был неожиданно из лечебницы освобожден, и разрешение на выезд ему было дано.

2 февраля 1971 года Г. Фейгин прибыл в Израиль.

И. ЯХИМОВИЧ

Юрмала

24 марта 1969 года у себя на квартире в городе Юрмала (бывшее Рижское взморье) был арестован Иван Яхимович, бывший председатель колхоза «Яуна гварде» Краславского района Латвийской ССР.

Когда колхоз возглавлялся И. Яхимовичем, он считался «передовым» и о нем писали центральные газеты, как, например, «Комсомольская правда». После известного письма И. Яхимовича в ЦК КПСС в связи с судом над Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским и В. Лашковой, Яхимовича, несмотря на протесты колхозников, сняли с поста председателя. В нарушение устава КПСС его без согласия первичной организации исключили из партии. И. Яхимович с женой Ириной, которую отстранили от педагогической работы в школе, и с тремя детьми дошкольного возраста переехал в город Юрмала (Латвийская ССР, гор. Юрмала — 10, проспект Булдуру, 18), где, не получив прописки, не мог поступить на постоянную работу. Временно он работал истопником в санатории «Белоруссия». Жена Яхимовича работала воспитательницей в детском саду.

После вторжения советских войск в Чехословакию И. Яхимович вместе с генералом П. Г. Григоренко направился в посольство Чехословакии в Москве, чтобы заверить представителей Чехословакии в том, что народ Советского Союза — на стороне чехов и словаков.

Открытое письмо И. Яхимовича заканчивается

призывами: «Руки прочь от ЧССР!» и «Свободу политзаключенным!»

27 сентября 1968 года пять кагебистов в штатском произвели у И. Яхимовича обыск, причем в ордере на обыск было выдвинуто абсурдное утверждение, будто И. Яхимовича подозревают в соучастии в ограблении отделения госбанка в городе Юрмала. Однако фактически чекисты изъяли только записки Яхимовича, имеющие отношение к событиям в Чехословакии, в том числе номера газет «Правда» и «Известия», на полях которых И. Яхимович делал заметки.

Когда стало известно о самосожжениях в Праге, И. Яхимович и генерал П. Григоренко обратились к гражданам Советского Союза с призывом «не совершая поспешных и опрометчивых действий, всеми законными средствами добиваться вывода советских войск из Чехословакии и отказа от вмешательства в ее внутренние дела». Авторы письма-обращения напоминают советским гражданам, что «мы все несем долю вины за гибель Яна Палаха. Своим одобрением ввода войск, его оправданием или просто молчанием мы способствуем тому, чтобы живые факелы продолжали гореть на площадях Праги и других городов».

Следствие против Ивана Яхимовича в декабре 1968 года начал следователь прокуратуры Ленинского района гор. Риги *Какитис*. Прокуратура обвинила И. Яхимовича по ст. 83 ч. I УК Латвийской ССР, которая соответствует ст. 190¹ УК РСФСР.

5 февраля 1969 года И. Яхимовича вызывали к следователю, который интересовался, главным образом, путями распространения различных документов: откуда у И. Яхимовича статья П. Григоренко о книге Некрича? кому давал Яхимович свое

письмо, направленное ЦК КПСС на имя Суслова? Почему Яхимович распространял обращение Павла Литвинова и Ларисы Даниэль к мировой общественности (в связи с процессом Галанскова-Гинзбурга)? Следователь задал Яхимовичу вопрос и по поводу изъятого у него при обыске письма, адресованного Павлу Литвинову, но так и не отправленного. В этом письме Яхимович под свежим впечатлением демонстрации 25 августа писал Литвинову: «Горжусь, восхищаюсь и, если бы был в Москве, — был бы с вами на Красной площади». Следователь спросил: «Вы и сейчас так думаете?» — «Да», ответил Яхимович.

Обыск у И. Яхимовича, постановление о котором было подписано помощником прокурора города Юрмала Квиешоне, был произведен со ссылкой на мнимое подозрение Яхимовича в похищении 19.654 рублей из отделения госбанка. Это — пример «нового метода», который КГБ применяет не в одной только Латвийской ССР.

Сразу после ареста И. Яхимовича, в апреле, в стране начала распространяться «Белая книга» под заглавием *«Арест Ивана Яхимовича — расправа с инакомыслящими»*. Она состоит из шести документов, среди которых особую известность получили два последних. Один из них озаглавлен «Вместо последнего слова», — когда И. Яхимович твердо знал, что будет арестован. Датирован документ так: «24 марта 1969 г. (за несколько часов до ареста)». В нем И. Яхимович сообщает свою биографию, объясняя, что он вынужден говорить о себе, «...так как, возможно, вскоре поток лжи и лицемерия выйдет за пределы суда».

И. Яхимович сообщает, что ему 38 лет, что он по крови поляк, родился в г. Даугавпилс (Двинск) и с

детства знает польский, русский и латышский языки. Его мать — прачка, отец — поденный рабочий. И. Яхимович окончил Латвийский государственный университет, работал учителем средней школы на селе, затем инспектором школ, председателем колхоза «Яуна гварде». После открытых выступлений потерял место и был кочегаром в санатории «Велоруссия» в городе Юрмала. Затем И. Яхимович обращается непосредственно к философу Б. Расселу, к Л. Даниэлю, П. Литвинову, П. Григоренко, П. Якиру, А. Дубчеку, А. Солженицыну, А. Сахарову, к рабочим Ленинграда, Москвы, Риги, к грузчикам Одессы, Лиепай, Таллина, к крымским татарам. И. Яхимович выступает с коммунистических позиций, но считает, что у коммунистов «один повелитель — народ», права которого нарушаются от имени социализма и марксизма.

Другой документ составлен уже после ареста И. Яхимовича его друзьями. Приводим его полностью.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ИВАНА ЯХИМОВИЧА

Нас потрясло известие об аресте Ивана Антоновича Яхимовича и письмо, написанное им незадолго до этого. Для людей, знавших его лично или знакомых с его открытыми принципиальными выступлениями против беззаконий, творящихся в наше время в нашей стране, нет и не может быть никакого сомнения: карательные органы пытаются расправиться с человеком безупречной честности и высокого мужества, в невинности которого мы убеждены.

Мы никогда не примиримся с репрессивными ак-

циями, направленными на ущемление законных прав и достоинства наших сограждан.

Мы никогда не примиримся с арестом Ивана Яхимовича.

Поэтому мы считаем своим долгом заявить: оставаясь в рамках закона, мы не остановимся ни перед чем и сделаем все возможное для предотвращения позорной расправы над Иваном Яхимовичем.

Подписи: Баева Т. — служащая, Васильев Д. — юрист, Габай И. — филолог, Гершуни В. — рабочий, Емелькина Н. — служащая, Ковалев С. — биолог, Кожаринов В. — рабочий, Красин В. — экономист, Левитин-Краснов А. — церковный писатель, Лавут А. — математик, Мальцев Ю. — филолог, Ракитянский Б. — физик, Рудаков И. — рабочий, Самохина Г. — учительница, Тимачев В. — геолог, Якир М. — служащая, Якир П. — историк, Яшинов И. — океанолог.

О дальнейшей судьбе И. Яхимовича подробно сообщалось в «Хронике». Так, в № 9 (от 31. 9. 69) указывалось:

«В конце августа 1969 г. Верховный Суд Латвийской ССР рассмотрел дело Ивана Яхимовича. Действия Яхимовича квалифицированы следствием по ст. 183¹ УК Латв. ССР, соответст. ст. 190¹ УК РСФСР. Содержание его действий: распространение письма Богораз и Литвинова «К мировой общественности», изготовление и распространение письма в ЦК КПСС, письмо в защиту демонстрантов 25 августа, изъятое при обыске в единственном экземпляре и не распространявшееся, а также устные высказывания против ввода войск в Чехословакию.

Иван Яхимович никогда ранее не состоял на психиатрическом учете. Первое заключение о его нев-

меняемости поставила амбулаторная экспертиза: диагноз «шизофрения». Стационарная экспертиза поставила ему совершенно иной диагноз: «паранойяльное развитие психопатической личности, которое может быть приравнено к психическому заболеванию», — и также признала его невменяемым. В заключениях обеих экспертиз рекомендовалось направить Яхимовича в психиатрическую больницу специального типа.

Суд удовлетворил ходатайства, заявленные адвокатом С. В. Каллистратовой: о вызове дополнительных свидетелей, о приобщении дополнительных документов, о вызове Ивана Яхимовича в суд. Защита также выдвинула ходатайство о направлении Яхимовича на повторную экспертизу, так как заключение экспертизы не обосновано самими материалами экспертизы. Врач-эксперт в суде заявила, что она не может опровергнуть выводы стационарной экспертизы, но так как при допросе свидетелей, хорошо знающих Яхимовича, и при его допросе получены новые данные для характеристики его психического состояния, она считает необходимым направить Яхимовича на повторную экспертизу. Прокурор поддержал ходатайство адвоката о повторной экспертизе. Суд вынес определение о направлении Ивана Яхимовича на повторную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского. Председательствующий на процессе судья Лотко провел все двухдневное заседание с *полным* соблюдением процессуальных норм и уважением права на защиту. По свидетельству очевидцев, Иван Яхимович вызвал симпатии всех присутствующих, не исключая прокурора и конвойных солдат.

В декабре 1969 года И. Яхимовича подвергли повторной психиатрической экспертизе в Институте им.

Сербского. Он был признан невменяемым, но с оговоркой, что принудительное лечение может быть проведено в больнице общего типа.

«Хроника» № 13 от 30 апреля 1970 г. кратко сообщила о повторном суде, состоявшемся в Риге 15-18 апреля 1970 года:

«Суд подтвердил заключение (экспертизы) и определил И. Яхимовича к принудительному лечению в больнице общего типа. Жене Яхимовича не дали свидания с мужем и заявили, что он будет дожидаться очереди в одной из психиатрических лечебниц».

И. Яхимович был отправлен в Рижскую республиканскую психиатрическую больницу, где оставался до мая 1971 г., когда был, по еще непроверенным данным, освобожден.

Приложение 1

АКТЫ ОБ «ЭКСПЕРТИЗАХ» И. А. ЯХИМОВИЧА

Акт № 63/69. Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза Яхимовича И. А.

Мы, нижеподписавшиеся, 1 апреля 1969 г. в Республиканском неврологическом диспансере г. Риги амбулаторно освидетельствовали испытуемого Яхимовича Ивана Антоновича, 1931 г. р., который обвиняется по ст. 183¹ УК ЛССР.

На амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу испытуемый направлен постановлением Прокуратуры Ленинского района г. Риги от 25 марта 1969 г. в связи с возникшим во время следствия сомнением по поводу его психического здоровья.

Публикуется впервые.

Со слов испытуемого и по материалам дела известно следующее: испытуемый родился и воспитывался в многодетной семье рабочих. Среди родственников душевнобольных не знает. В детстве развивался нормально. В школе учился с 7 лет. Учился хорошо. Имеет высшее образование: в 1956 г. окончил факультет истории и филологии ЛГУ и работал преподавателем русского языка и литературы в Дагдском районе. С 1960 г. по призыву Правительства стал работать председателем колхоза. С 1963 г. учился в заочном отделении факультета агрономии при ЛСА.

По характеру считает себя энергичным, настойчивым, общительным. Алкоголь употребляет очень редко и в небольших количествах. Испытуемый с 1960 г. женат. Имеет троих детей — 1961, 1962 и 1964 гг. р. Отношения с женой хорошие. С 1961 г. до марта 1968 г. был членом КПСС. До этого 10 лет был комсомольцем и в партию вступил с комсомольской рекомендацией. Испытуемый говорит, что он всегда интересовался политическими событиями в нашей стране и в мире, много читал политическую литературу: газеты, журналы и работы классиков марксизма-ленинизма.

По объективным сведениям часто выступал на собраниях с критическими замечаниями по разным вопросам, иногда своеобразно, неуместно и мелочно. С января 1963 г. испытуемый стал заниматься распространением клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. В марте 1968 г. испытуемый за это был исключен из партии и снят с работы председателя колхоза. Однако испытуемый продолжает заниматься распространением клеветнических измышлений — писал соответствующего характера сочинения

и письма, которые в дальнейшем были переданы в зарубежные капиталистические страны и опубликованы там в газетах, а также передавались по радио на латышском и русском языках.

Испытуемый своей вины не отрицает, считает себя психически здоровым.

Соматическое состояние: со слов испытуемого он в 1964-1965 г. болел язвой двенадцатиперстной кишки. Во время экспертизы признаков острых заболеваний внутренних органов не констатируется.

Неврологическое состояние: функции черепно-мозговых нервов без отмечаемой патологии. Сухожильные рефлексy на руках и ногах живые, равномерные. Патологические рефлексy не вызываются.

Психическое состояние: испытуемый правильно ориентирован. Держится высокомерно. Несколько манерный. Внешность своеобразная — борода, одежда. Эмоционально монотонный — о содеянном говорит с пафосом. Память без расстройств. Мышление детализированное, склонен к резонерству.

В политических размышлениях много грубых противоречий. Свои действия недооценивает, не понимает их преступный, предательский характер.

Считает себя политическим деятелем мирового масштаба, которого будет защищать Комитет защиты гражданских прав при Организации Объединенных наций.

Заключение:

На основании вышеизложенного и материалов дела комиссия приходит к заключению, что испытуемого Яхимовича надо направить на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Рижскую психиатрическую больницу для уточнения диагноза и ре-

шения вопроса о вменяемости. Предварительный диагноз комиссии: «Шизофрения, параноидный синдром?» Об ответственности по ст. 174 УК Латв. ССР эксперты предупреждены.

Председатель комиссии главный врач психиатр
Бришке А. А.

Член комиссии врач-психиатр
Дигуре Л. А.

Докладчик врач-психиатр
Витенберг З. Р.

П р и л о ж е н и е 2

Акт № 33. Судебно-психиатрическая экспертиза на испытуемого Яхимовича И. А.

Мы, нижеподписавшиеся, 12 января 1970 года в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии им. проф. Сербского свидетельствовали Яхимовича, 1931 г. р., обвиняемого по ст. 183¹ УК Лат. ССР. На стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт направлен по определению судебной коллегии Верховного Суда Лат. ССР от 29 августа 1969 года в связи с сомнениями в правильности заключения предыдущей стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

В Институт поступил 10 декабря 1969 года. Со слов испытуемого ничем не болел. В школу пошел с 7 лет, учился хорошо. Был трудолюбивым, настойчивым, принципиальным, стремился в любых случаях «добиться истины, справедливости». С 7-8 класса стал проявлять особый интерес к философии, вопро-

Публикуется впервые.

сам экономики и политики. В 1951 году после окончания школы поступил в Латвийский университет на историко-филологический факультет, где наряду с учебой, по его словам, активно занимался общественной работой, писал статьи, которые печатались в студенческих изданиях.

В 1956 году после окончания университета испытуемый был направлен на работу в один из районов Латвии на должность учителя средней школы. Взаимоотношения с сослуживцами были «нормальными», хотя нередко, со слов испытуемого, он был несогласен с администрацией школы по ряду принципиальных вопросов и открыто заявлял об этом.

Однако в служебных характеристиках за этот период отмечено, что испытуемый, несмотря на хорошее знание предмета, методически считался недостаточно подготовленным, был неусидчив и неаккуратен, игнорировал указания администрации, отличался излишней самоуверенностью, периодически был грубым с товарищами по работе и вне школы. По неуважительным причинам совершал прогулы, а однажды на уроке хорового пения ударил по лицу ученика 6 класса. Вместе с тем отмечено, что испытуемый проявил много энергии и инициативы в общественной работе.

В дальнейшем испытуемый был назначен инспектором РОНО. С его слов первое время новая должность его «захватила», и он считал, что может путем борьбы с недостатками многое сделать для «народного образования». Был непримирим к замеченным недостаткам и всегда считал правильной только свою точку зрения.

Один из свидетелей отмечает, что испытуемый проявил «своеобразную активность»: его трудно было переубедить в чем-либо, он везде и всюду за-

мечал только недостатки, на пленумах и бюро пытался навязать свое мнение, создавал впечатление человека с «отклонениями в психике».

Испытуемый сообщает, что работать инспектором ему вскоре стало неинтересно, так как он «не находил возможности реализовать накопленные знания и опыт».

В связи с этим решил заняться вопросами сельского хозяйства и искоренить недочеты в этой области. Сам изъявил желание работать председателем одного из отстающих колхозов, так как считал себя человеком принципиальным, способным решать вопросы экономики и сельского хозяйства. Стремясь узнать колхозников, установить с ними контакт, завоевать авторитет, испытуемый попросил назначить ему низкую зарплату (30 рублей).

Считает, что с приходом его в колхоз жизнь колхозников сразу улучшилась. В то же время в имеющейся в деле служебной характеристике отмечено, что в колхозе, председателем которого был испытуемый, имелся незначительный рост экономики, испытуемый самовольно продал другому колхозу 40 куб. м. леса, получив вместо этого 20 тонн пшеницы и оплатил ею трудодни колхозников.

В 1960 году женился. Жена считает его человеком честным, справедливым, хорошим семьянином. Теща испытуемого отмечает, что он всегда был настойчив, поддерживал свою справедливость, свое мнение всегда отстаивал.

В показаниях свидетеля *Иганова* отмечено, что испытуемый к личной жизни относился «пренебрежительно», на собрания являлся в неприглядной грязной одежде, вместе с тем был энергичен, упрям. Как видно из материалов уголовного дела, испытуемый в 1963 году начал открыто высказывать свои

независимые суждения по поводу положения в сельском хозяйстве, в связи с чем 21 августа 1963 года решением бюро РК Партии исключен из партии, затем это решение было отменено и испытуемому был вынесен строгий выговор.

По словам испытуемого, он был «потрясен» выговором, считал его незаслуженным, а свои суждения правильными, но в то же время, переживая это, продолжал свои прежние высказывания. Как следует из протокола собрания ЛСХА, где учился заочно, он в обществе студентов пытался доказывать правоту своих взглядов, а на сделанные ему возражения реагировал злобно «вплоть до физических выпадов».

В январе 1968 г. он записал прослушанную им передачу Би-Би-Си и распространил ее частично по почте, знакомым и незнакомым студентам.

Наряду с этим написал письмо, которое содержит идеи реформаторства, касающееся чрезвычайно широкого круга вопросов государственной и общественной жизни, и направил его в ЦК КПСС.

По словам испытуемого, изложенные им идеи в его многочисленных статьях, письмах «захватили его», он не мог готовиться к экзаменационной сессии, не мог сосредоточиться, так как постоянно размышлял над вопросами государственного значения, испытывал прилив мыслей. Обстановка казалась ему «необычной», новой, и он писал по ночам, был уверен, что убедит людей в своей правоте.

Как следует из материалов уголовного дела, испытуемый в марте 1968 г. был исключен из партии и уволен с должности председателя колхоза.

С октября 1968 г. по 25 декабря 1969 г. работал кочегаром и характеризуется по работе формально положительно.

Все это время он не переставал думать о судьбе государства и в августе 1969 г. написал очередное письмо, в котором высказывал свое недовольство в связи с событиями в ЧССР, однако письмо не отправил.

При обыске на квартире испытуемого были обнаружены многочисленные рукописи. В записях и отдельных тетрадях испытуемый касался ряда событий, происходящих в стране, и, как сам отмечает, выдвигал ряд своих предложений об изменении внешней и внутренней политики государства.

В своих показаниях в период следствия испытуемый указал, что своими действиями он преследовал одну лишь цель — добиться того, чтобы восторжествовала правда, так как правду «надо сработать собственными мозгами, прощупать собственным сердцем, каждой клеткой своего тела», свои показания испытуемый закончил стихотворением Евтушенко.

По данному делу испытуемый проходил 1 апреля 1969 года амбулаторную экспертизу в республиканском психоневрологическом диспансере Риги. В психическом состоянии отмечено, что он в беседе держался высокомерно, был несколько манерен, говорил о содеянном с пафосом, был склонен к резонерству и детализации. Комиссия рекомендовала направить его на стационарную экспертизу, поставив предварительный диагноз «шизофрения, параноидный синдром?».

Стационарная экспертиза проводилась при Рижской психиатрической больнице. Из подлинника истории болезни видно, что поведение Яхимовича было внешне упорядоченным. Однако при этом он считал себя незаурядной личностью, заявляя, что в настоящее время занимается изучением «Философии раз-

личных преступников» и это дает ему духовную пищу.

Оставаясь равнодушным при беседе о семье и говоря, что забота о детях и семье — дело второстепенное и его она мало интересует, заявлял в то же время, что его волнуют только «мировые проблемы». При этом он с воодушевлением, подробно излагал свои взгляды, написанное им письмо называл «произведением», был убежден в своей правоте и справедливости. Высказывания испытуемого коррекции не поддавались.

3-го июня 1969 г. испытуемый был представлен на комиссию, где было вынесено заключение, что он обнаруживает паранойяльное развитие у психопатической личности. Был признан невменяемым.

В судебном заседании был допрошен ряд свидетелей, среди них родственники и знакомые Яхимовича. Всеми свидетелями испытуемый характеризуется положительно, они отмечают принципиальность испытуемого, его стремление к справедливости, энергичность и добросовестность.

Подчеркивая его добросовестность, один из свидетелей привел пример, как испытуемый при отсутствии автомашины «босиком обходил весь колхоз».

Присутствовавший в судебном заседании психиатр рекомендовал направить испытуемого на повторную судебно-медицинскую экспертизу.

При обследовании в институте установлено следующее:

Физические данные — нормальны.

Со стороны неврологической:

зрачки равномерные, реакция на свет живая, аккомодация и конвергенция сохранены. Правая носогубная складка несколько сглажена, правый угол рта опущен. Сухожильные и периостальные реф-

лексы живые, высокие. Патологических рефлексов нет. В позе Ромберга устойчив.

Психическое состояние:

испытуемый правильно ориентирован в окружающем, понимает, с какой целью направлен на экспертизу, и тут же подчеркивает, что он как «психически здоровый человек» в ней не нуждается. При беседе держится свободно, сидит в небрежной позе. Разговаривает несколько высокомерно, снисходительным, ироническим тоном.

Первое время он охотно, обстоятельно и подробно рассказывал о волновавших его проблемах, разработкой которых он занимается, обнаруживая при этом идеи переоценки собственной личности и реформаторства. Утверждал, что поднятые вопросы «государственной» важности будут приняты правительством и приведут к государственным переменам. Подчеркивал, что ради правды и справедливости он мобилизовал все свои возможности и это является целью его жизни. Свое поведение до ареста считал правильным. Заявлял, что он не мог не реагировать на окружающее, он считал своим долгом оценивать происходящее вокруг и часто по ночам критически анализировал в своей письменной продукции будто бы существующие ошибки в государственном управлении.

Суждения испытуемого по этому поводу были категоричными и при попытке ему возразить он заявлял, что такого рода разговор считает бесполезным.

В дальнейшем поведение испытуемого несколько изменилось. При беседе с врачом стал более настороженным, напряженным, с некоторой тревогой стал относиться к беседам, стремился уклониться от разговоров, связанных с его прошлой деятельностью, а при конкретных вопросах об этом формально на-

чал заявлять о том, что будто бы считает свое поведение в прошлом легкомысленным, что он пренебрег научным методом познания. Говоря о том, что он, видимо, запутался в своих делах, поторопился, в то же время заявляет, что занимался полезным для общества делом.

Фиксирует внимание врача на том, что его поступки не должны быть оценены, как поступки больного человека, при этом прямо заявляет, что опасается признания его психически больным.

С беспокойством рассказывает о том, что у врачей Рижской больницы он замечал особую «заинтересованность» в признании его душевнобольным. Доказательство этого он видит в том, что врачи часто менялись, при встрече с ним «опускали глаза», испытывали элемент «неудобства».

Поведение в отделении внешне упорядоченное, но он каждый раз с тревогой ожидает беседы с врачом. Опасаясь признания его психически больным, он в то же время заметной обеспокоенности по поводу предъявленного обвинения и последствий этого не обнаруживает.

Мышление несколько обстоятельное, с элементами резонерства, со склонностью к фиксации внимания на аффективно-окрашенных для него переживаниях. К своему состоянию относится не критично.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Яхимович является психопатической личностью, у которой возникло болезненное расстройство психической деятельности в форме патологического (паранойяльного) развития.

Как видно из данных материалов уголовного дела и настоящего клинического психиатрического обследования, испытуемому на протяжении всей его жизни были свойственны такие особенности психи-

ки, как аффективная неустойчивость, склонность к конфликтам, упорное стремление во всем доказать свою правоту, переоценка своих способностей.

Примерно с 1963 г. в условиях неблагоприятной ситуации у испытуемого развились болезненные идеи реформаторства, касающиеся вопросов экономики и общественной жизни, они сопровождались большой аффективной охваченностью, некритичной оценкой ситуации и своего поведения, при явно повышенной самооценке, что определило поведение испытуемого в целом.

При настоящем обследовании у испытуемого при внешней упорядоченности его поведения выявляется обстоятельность, ригидность мышления, склонность к патологической интерпретации отдельных фактов, стремление к диссимуляции имеющихся у него психических нарушений и некритичность в оценке своего состояния и сложившейся ситуации. В период времени, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, Яхимович вследствие указанного выше болезненного расстройства психической деятельности не мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, поэтому его следует считать невменяемым.

По своему психическому состоянию он нуждается в направлении в психиатрическую больницу общего типа на принудительное лечение.

Печерникова
Луниц
Тальце
Табанова

PRO MEMORIA

Точное число жертв нового, чудовищного метода борьбы с политической, культурной и научной интеллигенцией в СССР определить невозможно. О некоторых из них мы знаем лишь по двум, трем строчкам в «Хронике текущих событий» или в иных материалах Самиздата, о других — лишь по фамилии. Судьба их нам неизвестна.

Так, в восьмом выпуске «Хроники», от 30 июня 1969 г., указывалось следующее:

«Наиболее жуткий произвол царит в Сычевке и Черняховске, где больные, а равно с ними и политические, подвергаются ежедневным избиениям и садистским издевательствам со стороны надзорского состава и санитаров, права которых ничем не ограничены. Например, весной 1969 года в черняховской больнице был избит до смерти больной Попов; в медицинском акте записано, что он умер от кровоизлияния в мозг.

В ленинградской больнице с 1956 по 1964 годы содержался Н. И. Самсонов, лауреат Сталинской премии, геофизик, работавший в Арктике и написавший *письмо* в ЦК КПСС с критикой некоторых теоретических положений Сталина...

В этой же больнице сейчас содержатся политические ленинградцы Николай Данилов* и Евгений Шашенков, москвич архитектор Олег Смирнов и ряд других.

* См. стр. 121.

В черняховской больнице содержится бывший преподаватель Г. Форпостов из Минска — за попытку перейти советско-польскую границу и уйти на родину, в Польшу.

Там же до июля месяца 1968 года содержался *Иваньков*, радист с танкера «*Tuapse*», попросивший политического убежища в США и затем обманом заманенный в Советский Союз. С момента возвращения он не выходит из тюремных психиатричек, и врачи открыто говорят ему, что он там навсегда и останется. Замечательнее всего то, что в отделе репатриации госдепартамента США лежит письменное обязательство второго секретаря советского посольства в Вашингтоне в том, что *Иваньков* по возвращении на родину не будет подвергаться никаким репрессиям и преследованиям. За рассказы о себе и своей трагедии другим больным и политическим *Иваньков* в качестве наказания подвергался в черняховской больнице инъекциям аминазина и сульфазина в лошадиных дозах, а также избиениям. В июле 1968 года он переведен в днепропетровскую больницу аналогичного типа».

В больнице им. Кащенко за религиозные убеждения держали Г. Шиманова, 1937 года рождения. Свои переживания он подробно описал в «Записках из Красного дома».*

Два других случая приводятся в «Хронике» № 16 от 31 октября 1970 г. Что касается первого из них — *И. В. Лазуты* — члена общины евангельских христиан-баптистов из деревни Бородичи Зельвенского района Гродненской области — даже близким друзьям и родственникам не удалось выяснить, на

* Опубликовано в журнале «Грани» № 79, 1971.

каком основании он был помещен в Областную психиатрическую больницу в Жодишках.

Второй случай — Евгений Николаевич Николаев, научный сотрудник ВНИИ дезинфекции и стерилизации. Будучи беспартийным, он заявил во время переаттестации, что КПСС ему не указка. Ученым Советом он переаттестован не был и оказался без работы. В октябре 1970 года его насильно госпитализировали в 16 психобольницу г. Москвы. До этого он никогда к психиатрам не обращался.

За последние месяцы по политическим мотивам в психобольницы были направлены памфлетист Владимир Николаевич Гусаров, доктор Василий Никитенков с женой (посетивший американское консульство, чтобы узнать о возможности эмиграции в США), художник Юрий Титов и его жена Елена Строева, обратившиеся к ген. прокурору Руденко в защиту арестованных евреев.

Получены также данные, что следующие лица находятся (по политическим причинам) в психотюрьмах: в СПб в Ленинграде — Сергей Сергеевич Алексеев, М. Антонов, Николай Иванович Баранов, Николай Иванович Брославский, В. Быков, Евгений Евгеньевич Комаров, Петр Алексеевич Лысак, Владимир Васильевич Попов, Юрий Петрович Сапежко, Тимонин, Лев Константинович Федоров, Иван Леонтьевич Фролкин, Анатолий Григорьевич Чепула и Василий Иванович Чернышов; в других СПб — Павел Боровик, Борис Григорьев и Альгис Статкявичус.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Благодаря активизации оппозиции в Советском Союзе за последние годы появилась возможность получать информацию о бесчеловечных методах борьбы коммунистической власти не только от третьих лиц, но и в некоторых случаях от самих жертв так называемых «спецпсихобольниц».

Поступившие на Запад свидетельства были собраны в хронологическом порядке, что позволяет видеть рост числа инакомыслящих, которым уготова-на страшная судьба неумолимых, и варварское усовершенствование самих пыток, которым подвергают свои жертвы садисты в белых халатах. Большинство авторов приведенных материалов — не писатели. Однако непосредственность изложения придает всему описываемому еще большую реальность и еще больший трагизм.

П. Патрушев

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

О том, что и в начале шестидесятых годов советская власть широко применяла свой «медицинский» метод борьбы с оппозицией свидетельствовал, в 1963 году, Петр Патрушев.

Побывав в советской психиатрической больнице, он рассказал об этом в статье «Не могу молчать!», напечатанной в еженедельнике «Посев» (от 15 марта 1963 г.).

Автор родился в 1942 году. Окончив техникум, он работал на заводах и в спортивных организациях, сотрудничал в областных и районных газетах. Много занимался самообразованием — изучал философию, психологию, медицину, литературоведение. Написал автобиографический роман «Человек ищет будущее», который вынужден был уничтожить за несколько дней до побега за границу.

Петр Патрушев решил бежать за границу, когда обнаружил за собой слежку органов КГБ. При побеге ему пришлось проплыть 25 километров.

Статья «Не могу молчать!» приводится здесь с некоторыми сокращениями.

Известно много историй о гонениях на передовых людей всех времен, не желавших мириться с существующим порядком. пытки, казни, ссылки, расстрелы — все эти преступления против лучших представителей человеческого разума вопиют к нам со страниц истории, давней и недавней.

И вот фантазия современных палачей возвела в

систему еще один метод покорения протестующих, заимствованный ими у мракобесов позорных и, казалось бы, канувших в вечность времен.

Недавно имена М. Нарицы, А. Есенина-Вольпина стали известны, как имена жертв вопиющего беззакония, которых подвергли самой ужасной для мыслящего человека каре — объявили умалишенными и поместили в психиатрическую больницу.

Не успело еще улечься возмущение по поводу этой бесчеловечности руководителей СССР, как мы узнаем о новой жертве этого утонченного способа нравственного истязания людей.

По радио я услышал 17 февраля, что автор переданной на Запад повести «Сказание о синей мухе» В. Тарсис объявлен умалишенным и помещен в психиатрическую больницу.

Вряд ли кто-нибудь из людей, никогда не бывавших в психиатрических больницах, может представить себе, какие нравственные страдания испытывает нормальный человек, помещенный в среду помешанных только за то, что он хотел нести людям свет правды и открывать им глаза на творящиеся вокруг несправедливости.

И мне, имеющему личный опыт в этом отношении, совесть не позволяет молчать. Я должен открыть глаза людям на эту одну из самых темных сторон социалистической действительности.

К тому времени, когда я, живя у себя на родине, был призван в Советскую Армию, мое этическое и философское кредо не позволяло мне встать под знамя, про которое мне в школе говорили, что оно пропитано кровью рабочих и крестьян, «павших в борьбе за лучшую жизнь», но про которое я позже узнал, что оно пропитано также и кровью венгерских рабочих..

Я выбрал не легкий путь для того, чтобы иметь право впоследствии заявить, что я не осквернил себя выполнением слов присяги, которую повторяли потом солдаты, стрелявшие в рабочих Новочеркаска.

В течение четырех месяцев я симулировал тяжелое психическое заболевание — шизофрению, сражаясь каждый день с санитарями и докторами за право плюнуть в лицо тем, кто стрелял в демонстрантов Новочеркаска, Донбасса, Кемерово.

Хочу сразу же сказать, что своей победой в этом рискованном сражении я обязан не столько собственным познаниям в психиатрии, сколько степени той этической кастрации, которая незаметно проникла в СССР всюду, и даже в головы представителей самой гуманной в мире профессии — врачей.

На основании своего короткого жизненного опыта я сделал вывод, что человека, проповедующего мысли и идеи, считавшиеся во все времена, после возникновения на земле христианского учения, изумрудом общечеловеческой этики, власти в СССР безоговорочно признают умственно неполноценным.

На этой предпосылке я создал план, который тогда самому казался невероятно дерзким: преподнести врачам свои настоящие мысли, свою настоящую философию, лишь слегка прикрасив их патологической симптоматикой.

И план оправдал себя. После первой же беседы с психиатром, во время которой я излагал свои «еретические» взгляды — взгляды, которые я до этого проповедовал в среде оппозиционно настроенной молодежи, — я был помещен в психиатрическую больницу с предположительным диагнозом: «Паранойя. Бред преследования».

Фактически я был подвергнут той же самой чудо-

вищной несправедливости, что Нариза, Есенин-Вольпин и Тарсис, с той только разницей, что это входило в мои планы.

Для того, чтобы дать представление читателям, за какие взгляды в СССР тебя могут признать неизлечимо психически больным, я приведу те свои воззрения, которыми я шокировал врачей на многочисленных консультациях и которые дали им основание уволить меня в запас со снятием с военного учета.

Одним из основных тезисов, которые я выдвигал, был тезис о том, что научно-технический потенциал современного общества опережает развитие идеологической надстройки и не дает возможности для осмысленного представления о соотношении между различными сторонами этого потенциала...

...Эти мои высказывания обычно встречались снисходительными улыбками врачей. В то же время, если в них вдуматься и, приняв во внимание в форме поправочного коэффициента то, что человеку, их высказывавшему, не было еще 20 лет, и единственной доступной литературой по вопросам разоружения для него были Евангелие, труды классиков марксизма и «Путь жизни» Л. Толстого, можно принять эти положения, как спекуляцию на воззрениях последовательного марксиста, ставшего пацифистом, с целью симуляции психического заболевания.

А когда дело доходило до центра моих этических воззрений, бывших откровенно пацифистскими, когда я говорил о любви к ближнему, о заповеди «не убий», об общечеловеческом гуманизме, мои слова встречали чуть ли не хохотом.

Да, я отвоевал свою духовную свободу, проведя 4 месяца с людьми, заключенными в психиатричес-

кую больницу после того, как они попросили политического убежища у посольства какой-нибудь иностранной державы, с людьми, находящими в больнице приют после того, как самое гуманное в мире общество закроет перед ними все дороги, кроме этой одной, последней...

Я отвоевал свою физическую свободу, сбежав за границу, не дожидаясь ареста органами КГБ. Но кто сосчитает, сколько людей раздавлены на пути к свободе беспощадной машиной антинародной власти?

Не сосчитать и людей, вставших на смену убитым борцам за свободу. Уже одно то, что власть в борьбе с воззрениями передовых умов, питающих оппозицию в глубине народа, прибегает к примитивному и дешевому трюку, с целью уйти от столкновения с новыми растущими силами, говорит, что имя им — легион.

ПОКАЗАНИЯ В. Я. ТАРСИСА

При Хрущеве методы преследования свободолюбивых людей стали более коварными, чем при Сталине. При Сталине все знали, что преследования инакомыслящих кончаются обычно расстрелом или концентрационным лагерем. Хрущев же заявил, что люди, не согласные с советским режимом, пытающиеся противопоставить себя так называемому коммунизму, достойны лишь одного — помещения в сумасшедшие дома. Таких людей нельзя якобы считать нормальными. С этого времени и началось массовое преследование свободолюбивых людей, пытавшихся в той или иной степени оказать сопротивление режиму.

После XX съезда партии многие возымели надежды, что что-то меняется по существу. При Сталине эти люди тщательно скрывали свои мысли, а теперь, обманутые посулами Хрущева, начали высказываться открыто. У органов преследования сразу появились длинные списки людей, не согласных с режимом, и началась широкая кампания помещения людей в сумасшедшие дома.

Поначалу эта операция тщательно скрывалась от общественности. Даже московская интеллигенция была о ней очень слабо осведомлена. В наши круги

Составлено по опросу, произведенному после выезда В. Я. Тарсиса за границу. Давая свои показания, В. Я. Тарсис предупредил, что о больнице им. Кащенко говорит на основании собственного опыта. Остальные «психолечебницы» он описал по слухам, ходившим в то время в Москве.

первые сведения просочились в связи с делом А. С. *Есенина-Вольпина*. Это был первый известный нам случай перевода представителя интеллигенции из тюрьмы в сумасшедший дом. Именно тогда мы узнали, что сумасшедшие дома используются как своеобразные тюрьмы. Но по сути дела они значительно хуже тюрем, потому что в тюрьме каждый получал какой-то срок, после которого надеялся выйти на свободу, а в сумасшедших домах никаких сроков не было.

Вот что рассказывал А. С. Есенин-Вольпин о своем пребывании в Ленинградской психиатрической больнице особого назначения. Туда попадали люди, осужденные на принудительное лечение, там был тюремный режим и господствовал невероятный произвол. Порядок там был такой — заключенный, направленный на определенный срок (два, три, четыре года) в сумасшедший дом должен был вести себя таким образом, чтобы не навлечь никакого недовольства надзирателей и вообще обслуживающего персонала. После пребывания в течение года в этом доме заключенный проходил врачебную комиссию, которая каждый год повторялась. Причем, комиссия на самом деле была вовсе не врачебной. Она рассматривала только поведение заключенного. На это были специальные указания КГБ. И даже если заключенный, по мнению врачей, был совершенно здоров, но о нем были плохие аттестации, — его автоматически присуждали к продлению так называемого лечения и даже те врачи, которые сочувствовали заключенным, ничего не могли сделать, потому что в комиссии решающий голос имел представитель КГБ, что было всем хорошо известно. Знал об этом и Есенин-Вольпин. Его предупреждали врачи, которые к нему хорошо относились: «Алек-

сандр Сергеевич, ведите себя тише, не ведите такой агитации, потому что у нас не будет возможности вас освободить». Однако Вольпин не скрывал своих взглядов. Для него этот ленинградский дом был аудиторией, в которой он излагал свои мысли. Он не соглашался на уговоры врачей и его автоматически осуждали еще на год. После усиленных хлопот матери и некоторых влиятельных лиц Есенина-Вольпина удалось перевести в больницу им. Ганнушкина в Москву, где режим был не тюремный.

Психиатрические больницы, где содержатся оппозиционные элементы, можно разделить на три категории.

К первой относится уже упомянутая мной больница в Ленинграде, куда направлялись только осужденные на принудительное лечение. В других городах есть особые корпуса, где проводится так называемая экспертиза — это вторая категория. Содержатся там и безо всякой экспертизы люди, направленные туда КГБ. К таким больницам относятся: больница им. Кащенко, в которой держали меня, больница № 13 в Люблине, больница им. Ганнушкина, больница «Матросская тишина» в центре Москвы и больница им. Соловьева. Это самые крупные московские больницы, в которых имеются особые корпуса, предназначенные, по сути дела, для политических заключенных.

Третья категория — это так называемые изоляторы, за пределами Москвы. Из них самый знаменитый — «Белые столбы», находящийся приблизительно в 50 километрах от Москвы. Он, по сути дела, напоминает обыкновенный концентрационный лагерь: очень высокие ограды, колючая проволока, через которую пропущен электрический ток. Все жители, находившиеся поблизости, были пере-

селены в другие районы. Население изолятора — примерно 20-25.000 человек. Это самый старый из известных такого типа изоляторов для политических заключенных.

Мне известны еще два таких лагеря. Один, тоже крупный, под Казанью, и затем «Тропаревка», недалеко от Москвы. Различие между ними в том, что в «Тропаревку» отправляются преимущественно люди, уже покорившиеся судьбе, потерявшие надежду на освобождение, не оказывающие активного сопротивления.

В связи с этим надо сказать о тех особых методах лечения, которые применяются во всех этих больницах. В больнице им. Кащенко, всесоюзном институте и самом крупном учреждении такого рода в Советском Союзе, я имел возможность тщательно наблюдать и изучать эти методы лечения. В чем эти методы заключаются? Все заключенные получают усиленные дозы таких лекарств, которые понижают их психическую сопротивляемость и, главным образом, парализуют волю, парализуют активность, а мужчин, кроме того, делают импотентами. Эти лекарства действуют как угнетающие, как вызывающие депрессию, что ведет к понижению психической активности, к безнадежности, пассивности, и даже к желанию уйти из жизни.

Главное из этих лекарств, как мне нагло заявил заведующий 39-м отделением больницы им. Кащенко врач Кизила, — аминазин. Есть лекарства, которые носят другие названия, но они на той же основе — все это лекарства типа барбатулита, которые даются в шестерных и даже восьмерных дозах против нормального, в зависимости от того, насколько активно или агрессивно ведет себя тот или иной «больной». Обычно лекарства дают под пред-

логом успокоения больных, которые якобы страдают возбуждением нервной системы и плохо спят, что и записывается в соответствующих книгах во время обхода врачей. Специальное снотворное типа аминазина дают по шести таблеток, что просто убийственно.

У всех, кого заставляют принимать эти лекарства, полость рта становится совершенно белой, также и язык. Одновременно у них тускнеют зрачки. У них все время ужасный вкус во рту, они беспрерывно должны полоскать рот. Лекарства эти приходится принимать в обязательном порядке. Кто отказывается, тех переводят в отделение буйных, где их связывают и насильственно дают уже не таблетки, а делают вливание. Эти вливания действуют, естественно, еще интенсивнее, причем вызывают невероятные боли. Как правило, эти вливания делают в ягодицу, в результате чего, как я сам наблюдал, люди месяцами не могли сидеть. Им приходилось обедать стоя, а ночью лежать на животе. Они не могли спать, задыхались, во рту жгло. Вот так и лежали, держась за спинки кроватей, чтобы не задохнуться. Это была такая невыносимая боль, что они не в состоянии были ни сидеть, ни лежать, как нормальные люди. Поэтому большинство покорно соглашалось принимать таблетки. Многие пытались их сначала выплевывать, но потом назначили особых санитаров, которые следили за тем, чтобы так называемый больной проглотил лекарство.

Каков же был контингент больных, кого считали наиболее опасными оппозиционерами, кого отправляли в сумасшедшие дома?

Число их было очень велико и случаи были самые разнообразные. Главным образом, можно было

различить следующие категории. Первая категория, наиболее многочисленная, состояла из молодежи, которая активно выступала в университетах, на комсомольских собраниях. Вообще мне удалось подсчитать, что во всех сумасшедших домах и лагерях не менее 70-75% составляла молодежь в возрасте не старше 23-24 лет. Как-то на собрании, на котором врачи делали доклады, я задал вопрос, почему так много молодежи находится в этих домах. Ведь говорят, что молодежь — это наше будущее, что она идет за советской властью, за Лениным, а молодежи в сумасшедших домах 70-75%. На это мне профессор Ротштейн, один из наиболее неприятных людей, которых мне пришлось встречать в жизни, ответил: «Как человек культурный, интеллигентный и всем интересующийся, вы должны были бы знать, что психические заболевания распространяются, главным образом, среди молодежи». Раздался всеобщий хохот, так что мне не пришлось ему даже отвечать.

Значительный процент среди этой молодежи составляют самоубийцы. Установилось правило следующего рода: если человек недоволен жизнью и пытается покончить жизнь самоубийством, но неудачно, то есть остается в живых, его некоторое время лечат, скажем, от ожогов кишечника, порезов вен и так далее, а затем в обязательном порядке отправляют на срок от четырех до шести месяцев, а иногда и дольше, в психиатрическую больницу. Существует незыблемое правило: если человек, в особенности молодой, недоволен режимом, значит он ненормальный. Ведь провозглашено официально, что у нас самая счастливая молодежь в мире, у нас самая счастливая жизнь и т. д.

Следующая категория — это люди уже пожилые

и зрелые, которые позволили себе какие-нибудь поступки, раскрывающие или разоблачающие злодейскую сущность советской власти: страшный бюрократизм, волокиту, растраты, а главное разложение, которое наблюдается повсюду. Надо сказать, что разложение во всех крупных партийных комитетах, а также в КГБ, в последние годы приняло повальный характер. Здесь нет возможности, конечно, перечислить те многочисленные примеры, которые мне лично известны. Все крупные заправилы живут буквально роскошно, все они, начиная от секретарей горкома, райкома, не говоря уже о секретарях обкомов, министрах и главнокомандующих, имеют собственные дачи, великолепные усадьбы, бывшие помещичьи, живут в невероятной роскоши. Например, мне точно известен факт, что после войны для всех маршалов, крупных, отличившихся генералов, для крупных политических комиссаров были выстроены буквально дворцы в пятнадцать-двадцать комнат для каждой семьи, с великолепными усадьбами. Мне приходилось бывать в таких домах, которые потом перешли к другим бюрократам. Эта верхушка сильно разложилась. Ее образ жизни требует больших денег. Но часто находятся люди, которые не хотят своими подписями покрывать эти безобразия, пишут письма в соответствующие инстанции, или говорят об этом на собраниях. Тогда с ними расправляются.

Вот характерный пример: председателю ревизионной комиссии Волгоградского обкома Волкову, который впоследствии находился со мной в 39-ом отделении, дали на подпись отчет Волгоградского обкома за 1961 г. Как председатель ревизионной комиссии, он тщательно просмотрел этот отчет и, как он мне сам рассказывал, увидел, что там про-

ведены громадные, явно мошеннические суммы. Например, юбилей такого-то старого большевика. Юбилей фактически не отмечался и «юбиляр» даже не знал о своем юбилее, а в отчете указана сумма, скажем, в 5000 рублей и т. д. «Выдавались премии» каким-то лицам, которые их сроду не получали. Фактически на эти деньги кутило начальство. Волков мне говорил, что он хорошо это знал, слышал об этом, но у него не было документов и он не мог ничего доказать. Теперь, когда он получил документы, он объявил, что не подпишет такого мошеннического акта. Тогда срочно назначили врачебную комиссию. Врачебная комиссия, состоявшая из бесчестных, потерявших совесть врачей, вынесла суждение, что у Волкова тяжелая форма шизофрении. И так как в Волгограде не оказалось возможности его лечить, его отправили во Всесоюзный институт им. Кащенко. Когда я попал туда, Волков сидел уже второй год. У него не было никакой надежды когда-нибудь выйти из больницы. Он мне сам говорил: «Может быть, я и выйду, но, конечно, или в «Белые столбы» или в Казань». Волков — пожилой человек, больной, у него больные почки, и он сам говорил: «Что ж, все равно умирать! Знаю, что так или иначе жить мне не дадут! Так что лучше уж умереть!»

Приведу еще один характерный пример. Это майор Сторожевой Павел Николаевич. Этот офицер был очень здоровым, умным и интересным человеком и мне с ним часто приходилось беседовать. Он попал к нам в больницу из Северокавказского военного округа. За что? Ему стало известно, что командующий Северокавказским военным округом отправился с семьей в свое поместье в Сочи. Когда они приехали, обнаружилось, что дома забыли кошку.

Тогда по распоряжению командующего военным округом был послан не то бомбардировщик, не то истребитель, чтобы привезти кошку. Майор так мне рассказывал:

«Я уже видел много безобразий роскошной жизни и к этому привык. Наши командиры живут роскошнее, чем жил Наполеон или другие... Но это показалось мне таким, что дальше уж некуда. И я об этом написал в контрольную комиссию Ростовского обкома. Штаб округа находился в Ростове. И вот через некоторое время меня вызвали на комиссию. Когда даются определенные задания, то комиссия проверяет здоровье, и это обычная вещь. Но тут я поразился, так как начали явно психиатрическое обследование, и через некоторое время мне объявили, что меня отправляют на лечение в Москву, потому что у меня нашли серьезное психическое заболевание, хотя и не сказали какое. Ну, военное дело, вы знаете. Приказ есть приказ, надо ехать. Уже находясь в больнице, я получил приказ такого содержания: «Ввиду того, что здоровье майора Сторожевого почти не улучшается и предстоит очень длительное, даже, может быть, многолетнее лечение, майор Сторожевой увольняется из армии с назначением такой-то пенсии». Таким образом, я, совершенно здоровый человек, любящий военное дело, всю жизнь отдавший ему, потерял весь смысл своей жизни и вот теперь должен годами лечиться неизвестно от чего».

Как я уже говорил, таких примеров можно привести множество.

Третья группа — это так называемые «семейные» больные. Это особенно отвратительный вид работы КГБ. Это группа больных, которые попали в сумасшедшие дома по жалобам родственников, това-

рищей или соседей. Я приведу случай одного геолога. Этот геолог был ершистый, критиковал людей, правда не политически, но за невероятный бюрократизм, за кумовство и прочее. И вот решили от него избавиться таким оригинальным способом. Вызвали его жену, зная, что женщина она в высшей степени легкомысленного поведения. Ее уговорили подать жалобу в здравотдел, что муж замучил ее ревностью и даже угрожает ее убить, что она ни в чем не виновата и что поэтому он явно ненормален. Оказывается, существует такое распоряжение, что если жена, или сестра, или мать считают, что данный человек ненормален, то они имеют право потребовать, чтобы его обследовали.

И вот геолога увозят в сумасшедший дом.

Он никакой медицинской комиссии не проходил. За ним просто явились утром, когда он еще спал, санитары из сумасшедшего дома и сказали, что он должен с ними ехать. Когда он возмутился и хотел оказать сопротивление — жена его начала успокаивать: «Ну, поезжай, ничего особенного там тебе не будет, тебя обследуют, ты не совсем здоров». Тут и старшая дочка говорит: «Папа, ты лучше иди». И вот, тогда он понял всю эту комбинацию. Ему было известно, что такие штуки делают. Он начал ругать жену последними словами и даже пытался ударить ее. Его связали и повезли в буйное отделение. Он восемь месяцев мучился в сумасшедшем доме, после чего его выпустили. Но через шесть месяцев была комиссия и его признали нетрудоспособным, дали вторую группу. С работы его сейчас же уволили. Оказывается, его жене дали возможность открыть частную портняжную мастерскую, т. е. смотрели на это дело сквозь пальцы. Она зарабатывала большие деньги и были разговоры, что она

занимается не только этой мастерской и портняжным делом. Таким образом этот прекрасный человек, великолепный работник, хороший специалист-геолог пошел ко дну.

Таких «семейных» было довольно много в сумасшедших домах. Но не только семьи были виноваты в этом, но и соседи. В Советском Союзе очень часто живет по пять-шесть семейств в одной квартире. И вот соседи узнают, что такой-то человек — оппозиционер и т. д. Кто-нибудь из соседей, у кого по многодетности есть шансы на увеличение жилплощади, приходит и говорит — он ненормальный, он не дает жить, он встает рано, кричит. Результат — человека забирают в сумасшедший дом, а его жилплощадь отдают тому, кто на него пожаловался. Таких случаев — тысячи. Любопытно, что когда я приехал в больницу, дежурный врач-женщина, которая не знала в чем дело, сказала: «Вы что, с соседями ссорились?» «Нет, — говорю я, — я живу в отдельной квартире». «Так в чем же дело?» Я ей сказал кто я. «Ах, вы писатель, тогда все понятно!»

Очень многочисленная группа это те, кого в нашей больнице называли «американцами». Они или пытались передать письмо в иностранное посольство или подавали заявление в ОВИР (отдел виз и репатриации) о выезде за границу к своим родным. Таких у нас было много. Бывали случаи, что просто пройдет человек три-четыре раза подряд мимо посольства, и его уже посылают в сумасшедший дом. Даже был такой случай, что человек пришел в справочный киоск спросить, где находится такое-то посольство. Киоскерша, по-видимому уже проинструктированная, сказала: «Подождите немного, вот я позвоню по телефону и скажу вам». Она закрыла окошечко, позвонила по телефону и минут через

10-12 пришла милицейская машина и его забрала.

Вот четыре главные группы «больных», которые были со мной. В конечном счете все это люди, в той или иной степени недовольные режимом и каким-то образом открыто проявившие это.

Трудно назвать число заключенных. В больнице им. Кащенко их всегда было около шести тысяч. Из них настоящих больных, я думаю, было не больше тысячи человек. Причем больные эти, в основном, — безнадежные, такие, которых следовало бы держать не в больницах, а в специальных приютах. Это больные с последствиями менингита, с пляской святого Витта, совершенно неизлечимо пораженные кретинизмом еще с детства. У нас тоже был один такой. Говорили, что родители дали большую взятку, чтобы его взяли в больницу. Когда я был в больнице, он был в ней уже 13 лет, в нашем 39-ом отделении. Но его не лечили. Лечить его было невозможно.

Конечно, примеры можно было бы умножить. Были там молодые, тоже в группе семейного характера, матери и отцы которых настаивали, чтобы их туда поместили. Между прочим, мать Юлии Вишневской, боясь ее активности, настаивала, чтобы Юлию держали в сумасшедшем доме.

Прогресса в борьбе с этим страшным начинанием советской власти не заметно. Конечно, попытки борьбы со стороны больных бывали неоднократно, но они не могли привести к положительным результатам, потому что нет гласности.

Нет суда, нет приговоров, нет заключения, а есть «больные». Это связывает руки общественности. С этим трудно бороться. В больнице много говорили об этом. Когда я там был, к нам приезжали две иностранные делегации. Одна — американских вра-

чей, а другая — смешанная, швейцарских и французских. Я пытался с ними поговорить, но дело в том, что не только администрация не давала мне этой возможности, но и сами делегаты не обнаруживали к нам никакого интереса. Они буквально бегом пробежали по нашему корпусу, и когда я обратился и к одной, и к другой группе иностранных врачей — к одной по-английски, к другой по-французски — на меня лишь кто-то рассеянно посмотрел. Мне было очень стыдно за них — они слышали, что человек обращается к ним на их языке, и не пожелали говорить.

Надо добиться, чтобы комиссии по определению больных были смешанные — с участием иностранных врачей. Надо добиться, чтобы люди получили возможность защищаться. Я не знаю, как это можно осуществить. Больные, конечно, имеют возможность обратиться к адвокату. Заключение каждой неделю посещают родные и знакомые и они могут через них передать свое заявление.

Мне пришлось по этому поводу говорить с двумя адвокатами. Они мне сказали, что ничего не могут сделать: им предъявляют заключение советских врачей о том, что тот или иной — параноик или шизофреник. Оспаривать это заключение они не могут. На мой вопрос: «А что бы потребовалось, чтобы вы все-таки могли начать дело?» Они ответили: «Только иное заключение. Если бы какая-нибудь другая комиссия, советская или иностранная сказала бы «нет», пришла бы к другому заключению, тогда был бы налицо документ, благодаря которому мы могли бы начать дело. Конечно, не против КГБ или против советских властей, а против администрации больницы. Есть закон, согласно которому за незаконное содержание боль-

ного в больнице полагается до десяти лет тюремного заключения с лишением врачебного звания».

Что думают обо всем этом врачи? Это выяснить трудно. Врачей много и среди них, к сожалению, много трусливых и просто бесчестных людей. Наряду с этим есть и хорошие и честные люди. Например, известный мне врач Размахова, Зоя Григорьевна, или академик Андрей Васильевич Снежневский. Но, к сожалению, таких мало. Большинство, в особенности в провинции, — люди запуганные. Они боятся КГБ и в угоду чекистам, наперекор совести, признают здоровых людей больными. Запуганные люди есть запуганные люди. Но если можно было бы заключить какое-то международное соглашение или какой-нибудь международный договор, по которому можно было бы по жалобе врачей назначать смешанную международную комиссию — это было бы колоссальным делом. Мне думается, что наши врачи в присутствии иностранных ученых не посмели бы назвать здорового человека больным.

Помещение здоровых людей в сумасшедшие дома — это общественное бедствие. Сидят тысячи людей, тысячи самых ценных людей, лучших сынов родины, наиболее отважных. Это — огромное бедствие. Надо, чтобы им занялась мировая общественность. Советская власть совершенно не считается с несчастными советскими людьми, но с мировой общественностью она считается. Это я вижу на собственном примере. Меня по сути дела спасла мировая общественность, мои друзья за границей, которые приняли активное участие в моей судьбе. Им удалось меня вырвать, в то время, как другие, и очень многие, погибают. Я хотел бы, чтобы мировая общественность знала, что меня самого как-то грызет совесть, что я нахожусь среди своих друзей, в

то время, как люди не менее достойные, чем я, томятся в лагерях и сумасшедших домах. Это очень тяжело сознавать. Но сейчас, — и это очень важно подчеркнуть, — сила мировой общественности стала значительно больше, удельный вес ее возрос. Поэтому мне думается, что мировая общественность может добиться, чтобы ввели международные комиссии.

Бывают международные конгрессы, они имеют немаловажное значение. На них бывают и такие врачи, как академик Снежневский, который пользуется большим уважением на Западе. Они могут конкретно помочь в этом деле. И даже возможно, что отдельные крупные деятели советской власти, поскольку сейчас между ними уже нет единства, тоже поймут, что с практикой помещения здоровых людей в сумасшедшие дома пора покончить.

А. С. Есенин-Вольпин имеет гораздо больший опыт сидения в сумасшедших домах, чем я. Он сидел в самом страшном из них по приговору суда. И он мог бы дать много дополнительных сведений. Кроме того, ему известно то, что мне не известно, — фамилии людей, сидящих сейчас в Ленинградской спецпсихобольнице.

Выпускают заключенного из психобольницы только по решению комиссии. Врачебная комиссия заседает периодически и рассматривает дела, которые каждый врач представляет. Каждого больного ведет определенный врач, его, так называемый, лечащий врач. И вот, скажем, лечащий врач нашел, что я, Тарсис, уже «поправился». Он мое дело направляет на комиссию, со своим подробным заключением. Комиссия — она состоит из главного врача и других лиц — заседает. Он докладывает, что Тарсиса так-то и так-то лечили и что он, врач, считает, что Тарсиса

можно выпустить на свободу. Причем на свободу могут выпустить с разными вариациями: только взять на учет, объявив частично нетрудоспособным, т. е. инвалидом 3-ей группы, или же, объявив полностью нетрудоспособным, инвалидом 2-ой или 1-ой группы. Это применяется во всех спецпсихобольницах, также и в Ленинградской. Заключение врачебной комиссии обязательно. Комиссия решает выпустить «больного» или продолжать «лечение», если она не согласится с заключением лечащего врача. Решение комиссии окончательно и апелляции не подлежит.

В состав комиссии входит обязательно парторг отделения или секретарь парткома этого района. Официальных представителей КГБ не бывает. Но всем известно, — это секрет полишинеля, — что все парторги те же кагебисты. Поэтому можно сказать, что КГБ в комиссии участвует всегда и его голос в случаях политических заключенных имеет решающее значение.

Наталья Горбаневская

БЕСПЛАТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

«Пока этот произвол не остановлен и не осужден, никто не может чувствовать себя в безопасности».

Из письма по поводу процесса Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой

Это письмо, под которым стояло 170 подписей, я отправила 5 февраля Генеральному прокурору СССР, в Верховный суд РСФСР, а также Н. В. Подгорному, А. Н. Косыгину и Л. И. Брежневу. Обратным адресом на всех конвертах я поставила свой. Мой адрес был и в числе тех пяти, которые мы дали в конце письма как адрес для ответа, — там же был и адрес А. С. Вольпина.

Через день я заболела, а еще спустя несколько дней врач женской консультации предложила мне лечь в больницу. 12 февраля меня положили в родильный дом, в отделение патологии беременности, с диагнозом «беременность 25-26 недель, анемия, угрожающий выкидыш».

Из обеих больниц, в которых я провела следующие 12 дней, я писала своим друзьям записки. Они говорят как о ходе событий, так и о моем душевном состоянии в эти дни. Я приведу эти записки (полностью или в отрывках), добавив необходимые комментарии и дополнения. Записки были адресованы

«Посев» № 6, 1969. См. также книгу: Наталья Горбаневская «Стихи». Изд. «Посев», 1969, стр. 139-176.

разным людям, иногда я писала их, не зная заранее, кто именно ко мне придет, и лишь для удобства переписки выбирая в адресаты того или иного человека, — поэтому я сняла все обращения. Конечно, никто не мог подумать, что эти записки мне пригодятся, — первая из них потерялась. Поэтому вместо записки № 1 будет изложение того, как я почувствовала себя в больнице и как я пыталась выписаться (о чем я там, в основном, и писала).

Я почти не бывала в больницах. Единственный раз в жизни, в октябре 1959 года, в результате сильного переутомления (я тогда работала и училась) я пролежала две недели в психиатрической больнице имени Кащенко, и за эти две недели мне стало там настолько худо, что, выбравшись из больницы, я поклялась никогда больше туда не попадать. Надо сказать, что, несмотря на поставленный мне тогда диагноз «шизофрения», у меня за все последующие годы не было повода помыслить о подобном лечении (и, даст Бог, не будет), да и врачам не приходило в голову предлагать мне это.

И вот, так же как в 1959 году, я за две недели в больнице потеряла всякое душевное равновесие и нажила несвойственную мне бессонницу, сейчас в роддоме со мной начало происходить то же самое. Свет, разговоры — все мешало заснуть. Спать хочется — до боли в глазах. А уснуть не могу. Аппетит, который был плох почти всю эту беременность и только недавно наладился, пропал опять. Разговоры (в палате восемь человек) не только спать не дают, но и раздражают. Кто лежал в гинекологии, поймет меня, а остальные пусть представят круг тем и уровень этих разговоров. Рассказы о неправильных родах, о детях-уродах, детальное обсуждение истории 15-летней девочки, которая родила ре-

бенка от своего отца (девочка — в соседней палате), — все это тяжело выслушивать, особенно когда собираешься рожать. А когда от акушерско-гинекологических тем переходят к сексуальным — вовсе уши вянут.

Да и вообще больничная обстановка: необходимость пребывать в обществе, которого я не выбирала, выслушивать все, что говорится, и подавлять ответные эмоции, невозможность иного общения с близкими людьми, кроме обмена записками, — действовала на меня угнетающе. Помню, я писала в записке, что не роддом такой плохой — роддом обыкновенный, а я, видимо, не гожусь ни для какой больницы. Другое дело — лежать после родов. Я уж не говорю о психологической разнице, но там и записку не успеваешь написать — успеешь выспаться между кормлениями. Там и разговоры иные, и все добрее друг к другу.

А здесь мне в первый же вечер стало очень плохо. Я засовывала голову под одеяло и плакала, стараясь, чтоб не было слышно. Это трудно, и один раз мне сказали: «Не плачь — давление повысится». Я не люблю выслушивать чужие советы и совсем не выношу, когда кто-то замечает мои слезы. И огрызнулась: «Разговаривали между собой — и дальше разговаривайте!» — «Подумаешь, какое остроумие», растерянно отозвалась советчица. Но это был единственный случай за четыре дня, когда я вступила хоть в какой-то конфликт с женщинами в палате. Остальное время мои с ними отношения были ровные.

В общем, поплакала я, поплакала, а потом стала обдумывать спокойно: что мне делать и где будет лучше? Выходило, что лучше будет дома: что я могу взять отпуск, лежать, гулять (кстати, здесь гу-

лять не выпускали, а из-за форточки шли вечные споры), пить лекарства, есть, спать, что все обо мне будут заботиться, носить продукты и т. д. Все это я изложила утром на обходе врачу, прося выпустить меня «под расписку». «Ну, что ж, — сказала она, — по собственному желанию вас должны выписать, насильно держать не будут, но сегодня нет зав. отделением. Я передам врачу, который завтра будет делать обход, она поговорит с зав. отделением, и вас выпишут. *Подождите до завтра*».

Я расстроилась, но что делать — жду. Назавтра на обходе другой врач — ей, правда, ничего не передали, но, выслушав меня, она повторила точно то же: «Насильно вас здесь держать не станут» и обещала поговорить с зав. отделением. И пропала. Когда я, наконец, встретила ее в коридоре, она спокойно ответила: «А зав. отделением считает, что вас не надо выписывать». — «Но как же? — пытаюсь понять я. — Ведь и вчера, и вы сегодня сказали мне, что выпишут, если я прошу. Дайте мне самой поговорить с зав. отделением». — «А она уже ушла. *Подождите до завтра*». Я разволновалась и тут же наткнулась на зав. послеродовым отделением, на этаже которого находилась наша палата (в патологии палат не хватало). Но я-то в этих завах не разбираюсь. Я спрашиваю: «Вы — зав. отделением?» — «Я». — Тогда я ей жалуясь, она говорит, что ничего не знает, что выяснит, и, видимо, в результате этого днем со мной беседовала зам. главного врача. Она — опять — просила меня подождать до завтра, но обещала, что, если я сама не передумаю, они меня выпишут. Поэтому я позвонила в один знакомый дом — попросить, чтобы назавтра мои друзья звонили и узнавали, выписывают ли меня, и если да, то приезжали бы за мной. Один из тех, кого я там заста-

ла, предложил прийти и поговорить с врачом — они уже получили мою первую записку и, зная меня, не сочли мое желание капризом, а, наоборот, были уверены, что мне надо помочь.

Начало следующей записки написано до этого телефонного разговора, конец — после.

Адресат записки — один из активных участников движения протестов против нарушений законности. Этим объясняется и мое беспокойство за него, и слова о «гражданском кресте». Кстати, беспокойство оказалось не совсем напрасным: из записки, полученной мною на следующий день, я узнала о том, что нескольких хорошо мне знакомых людей буквально в эти два-три дня вызывали в КГБ и что утром 14 февраля забрали и насильно увезли в психиатрическую больницу А. С. Вольпина.

ЗАПИСКА № 2

14/II, совсем вечером.

Меня сегодня совершенно оглоушили, не выпустив. Оставили до завтра, уговаривают остаться на несколько дней хотя бы: «Не можем мы выпустить вас с таким гемоглобином». Я говорю: «Он здесь не повисится». Не знаю, читал ли ты мое длинное, в течение двух дней сочинявшееся письмо, — там я подробно объясняла, почему не хочу лежать в больнице.

Я, конечно, завтра буду добиваться выписки, но, несмотря на то, что я два дня слышу от врачей фразу: «Ну, насильно вас здесь держать не станут», — я им все меньше верю. Могут и насильно. Или они считают «насильно», если я буду физически убежать, а они меня физически ловить?

Главное, от всего этого я теряю сон и желание есть. Сегодня не обедала, не ужинала, и только недавно, движимая разумными побуждениями, поела кой-чего из принесенного мне. И все стоит поперек горла.

Ну, чего они меня здесь держат? Живот не болит, от анемии не лечат. Даже если бы начали, от анемии мало одних лекарств — важно, какая еда, а далеко не все возможно принести. И, главное, нервы: ни тишины, ни покоя, ни занятости ума. Выслушиваю разговоры, кому чего и в какую цену свекровь подарила. Или переживания 21-летней слонихи в первую брачную ночь (и в последующие). Или про то, как в магазинах обманывают. И так далее.

Это не презрение к народу. Это не народ. И моего христианства хватает лишь на то, чтобы терпеливо молчать.

Да, ничего у меня не может прийти в решительный порядок, покудова я без креста и без моего спасительного образка. Тем более, надо выходить, чтобы скорее залучить их обратно. Одно утешение: нянечка и сестра, принимавшие вещи, очень умилялись («Умница какая», — сказала Нянечка; их, видимо, особенно трогает, что вот, мол, молодая, образованная, а поди ж ты, от веры не отступает) и, когда я сказала: «Лишь бы это не пропало», ответили: «Что вы, разве такие вещи пропадают!» Утешение не в том смысле, что не пропадут, а в более важном.

А ты, значит, решительно оставил мысли о кресте? Или, возложив на себя крест гражданский, счел это достаточным для Спасения? Дело твое. Я слишком высоко (выше всех свобод) ставлю свободу совести. Так что и сожалеть о твоём безхристианстве не буду активно. (Я написала сознательно с ошибкой

«безхристианство», так как иначе получается нечто ужасное и, кстати, явно существующее, но к тебе не имеющее отношения).

Да, так почему же *при царе* стенограммы важнейших политических процессов печатались?*

15/II, утром.

Вчера, после телефонного разговора, я успокоилась: не только потому, что надежда на твой разговор с врачом усилила надежду на выписку (легко им обманывать меня одну, когда за мной — никаких заступников), и даже не только потому, что я почувствовала себя не заброшенной, а, наоборот, утопающей во всеобщей заботе.

Главное-то вот что. Ты в первый день собирался приехать и не приехал. Вчера приехала А. и ни слова про тебя не сказала. «Ну вот, — думаю я, — так оно и вышло: я в больнице, а там в это время...» И тогда я стала писать это письмо так, будто и нет у меня этой мысли, — будто невысказыванием ее я тебя из этой вероятности выколдовываю. И когда я позвонила — тем более, что звонила я из ординаторской и мне велели разговаривать быстро, — я не стала о тебе и спрашивать (вдруг им, бедным, придется врать), и тут, только я собралась развернуть свою поспешную речь, как мне позвали тебя. Ох, как мне сразу же полегчало. И потом я, после разгово-

* Эта фраза — результат чтения книги «Государственные преступления в России в XIX веке. (Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений.) Том I. (1825-1876 гг.)», СПб., 1906. Этот сборник, составленный Б. Базилевским (В. Богучарским), включает большое число подробных отчетов о политических процессах.

ра, подошла, так славно разговаривала с пожилой сестрой, говорю: «Ведь я поела, через силу, а поела» (а она приходила, уговаривала меня поест, и я обещала, только после ужина, как и сделала). Потом она спросила, как я сплю, и дала мне бром с валерьянкой, и то ли от брома, то ли от валерьянки, то ли от внутреннего покоя (надолго ли его хватит? — ведь опять меня обманут, и всё) спала ночь хорошо, и снился мне один из лучших снов, какой может быть, — потому что это одна из моих лучших явей: как будто я еду на попутных из Тарту в Ленинград, но еще по Эстонии, подъезжаю к городу Мустве, а там, справа от меня, прекрасное Чудское озеро. Сколько я ездила, а ничто не помнится нежнее, чем путь вдоль Чудского озера. Там рыбацкие деревни с милыми эстонскими именами: Ая, Рая... В одной из них кладбище, красивое, сосновое, с железными могилами лютеранское кладбище, а не доходя до него, у каких-то ворот меня собака облаяла. Это не во сне, это в 1964 году, когда я первый раз путешествовала в сторону Тарту. Это было в октябре, когда после сумасшедших дождей и холодов настала уже неожиданная золотая осень. Перед тем я прожила три дня в Тарусе, совершенно безумея — днем от золотой осени, вечером от «Пепла и алмаза»* (я тогда еще плохо читала, но прочла толстую, страниц 400, книгу за три вечера и, возвращаясь в Москву, ловила себя на том, что думаю по-польски).

А дорога до Тарусы — одна из худших. До Серпухова дорога скучная, да быстро проходит: шоссе людное, много машин. А за Серпуховым — час, два, три можно идти, и машины нет, а кругом пусто и

* Jerzy Andrzejewski, „Popiół i diament“. — Wwa, „Czytelnik“, 1956. — Р е д.

голо. И, главное, видишь вперед, какие крюки и завороты делает дорога, и хочется спрямить по целине, да только это и быстрее не будет, и машину можно прозевать. Впрочем, дорогу всю, по заворотам, видно и назад, и видно, что машин нет, — не то что на обычном шоссе, где каждую минуту можно ждать, что сначала тихо заворчит мотор, а там и грузовик долгожданный выкатит.

До последнего года попутные были почти самой большой радостью в моей жизни. А теперь мне ждать, пока мой маленький детеныш будет настолько большой, что поедет с яслями или детским садом на дачу, а я тогда — уже с Ясиком, ему будет 9 или 10 лет — отправлюсь по своим старым маршрутам.

...

Ну, ладно, хватит этих попутных эмоций.

Да, если ты придешь разговаривать с врачом, то лучше даже не с лечащим, а с зав. отделением патологии (но это неважно — лечащий все равно тебя к ней переправит), а вообще сегодня мой вопрос должен решать главный врач.

С зам. главного врача мы вчера вроде бы по-человечески поговорили. Она, видимо, связалась с консультацией и узнала о моей «шизофрении». Так что я ей и про шизофрению объяснила, и про то, почему я надумала второго ребенка, и почему я не боюсь, что мои дети будут психопатами, и не боюсь, что у меня самой в результате беременности наступит обострение. Объяснила, как хорошо я живу и буду жить одна и какие у меня роскошные возможности прокормить детей переводами.

Конец записки.

Следующая записка была написана после того, как мой товарищ поговорил с врачом. Сначала с ним говорили неопределенно, но потом точно обещали, что з а в т р а выпишут. Я получила от него записку о том, что он уходит, что приедет завтра в 11 часов утра и просит (на случай, если вдруг снова не станут выписывать) написать все мои аргументы. Его записка пришла, и я уже не успела переправить ему то, что написала (записка № 3). Записка № 4 — ответ на просьбу о подробном изложении сути дела. Записка № 5 — продолжение событий.

ЗАПИСКА № 3

Я пропала с горизонта, потому что у нас обход (может быть, с этим-то врачом ты и говорил?). Дело не в том, что я думаю, что у меня все в порядке, — конечно, не в порядке, но в порядок привести можно только дома, а здесь каждый день меня губит. Они сегодня скажут: «До завтра», а завтра скажут: «У вас вчера взяли анализ, он будет готов только завтра, так что до завтра». После каждого «до завтра» я падаю, как сноп. Если мне сегодня скажут «до завтра», я уже не поверю и не успокоюсь.

А вопрос о выписке еще не решен — не уходи, ради Бога. Мне совестно, что ты из-за меня столько здесь торчишь, но уж что поделать, потерпи еще.

Да, если тебе уже точно скажут, что не выписывают, попроси разрешения поговорить с главврачом и попробуй все-таки нажать.

15/II, днем.

Ну, вот, видишь, ты ушел. Я только что изготавила записку с просьбой, чтоб ты не уходил, а ты

ушел. Наверно, тебе сказали, что меня сегодня не выпишут, а мне потом скажут: «Мы бы вас выписали, да вас не дождались, а одну мы отпустить не можем».

Ну, хорошо, на случай, если и сегодня не выпишут, и завтра опять будут манежиться, вот тебе суть дела, чтобы ты мог с ними разговаривать.

1. Анемия. Гемоглобин 54%.

В консультации мне выписали гемостимулин, который я забыла взять, и настойку яблочнокислого железа, которую я брать не стала, чтобы не разлить дорогою. К тому же, я была уверена, что мне здесь всех лекарств дадут вволю (и до сих пор рада, что хотя бы самые простые вещи — поливитамины и глюконат кальция — захватила с собой). Кроме пресловутой бром-валерьяны, мне пока ничего не выписывают.

Кроме того, мне сказали есть: яблоки, которые я могу есть и здесь, и пить яблочный сок; морковь, которую следует тереть и выжимать, чего никто здесь делать не станет; печенку чуть поджаренную, полусырую — здесь печенки вовсе нет; капусту сырую и квашеную — ну, квашеной еще можно принести, а сырую же я не стану просто обгрызать с кочана, дома я ее готовлю с луком (который тоже нужен), с майонезом и дома это приготовить очень легко, а здесь невозможно.

Потом здесь, вообще, мало еды и, в частности, мяса, которое при анемии необходимо. Здесь же, в основном, женщины на последних месяцах, с отеками или повышенным давлением, которым надо сбрасывать вес, а гемоглобин у них у всех и так по 70 с лишним, так что меню не рассчитано и не может быть рассчитано на мою анемию.

2. Угрожающий выкидыш.

Еще во время суда, в те дни, когда я подолгу ходила, у меня изредка побаливал живот. Потом вроде ничего.

Знаешь, сейчас пришла кастелянша(?), спрашивала: «Вещи ваши у нас? Пальто у вас какое? Мне надо подготовить, а то вас к выписке готовят». Я спрашиваю: «Сегодня или завтра?» Она не знает, но я все равно утешилась. Но я продолжу свою историю болезни, даже если она тебе завтра не понадобится.

В начале прошлой недели пару дней подряд (после зарплаты) я бродила по магазинам, искала всякие мелочи. Вечер — по «Детскому миру», вечер — по Ленинскому проспекту. Я уставала очень, да еще было скользко, и я все время чувствовала, как все в животе сжимается и давит вниз. Но я думала, так и надо. И потом, как раз на третий день, в среду, я пошла к врачу и получила оба диагноза. Но о больнице она и слова не сказала. Велела все время лежать, а два-три часа гулять. Я гуляла, после долгого гулянья живот побаливал, но ведь можно и не ходить, как я, а сидеть на скамейке. Витамин Е, единственное лекарство от угрожающего выкидыша, мне достали только накануне того дня, когда меня вздумали госпитализировать. Здесь мне его два дня по разу кололи, а теперь дают пить, потому что в ампулах больше нет. А у меня дома — как раз в ампулах (а инъекции полезнее, чем просто пить).

Так что даже в смысле чистого лечения мне дома будет лучше, не говоря уже о нервах.

Свет, правда, все-таки на ночь гасят, но довольно поздно, и дома я сплю гораздо больше. Во-первых, сон мне очень нужен. Во-вторых, когда я не сплю, я трачу миллион усилий на то, чтобы отключиться

от глупых разговоров, от жалких анекдотов, от страшных медицинских историй. Ведь и когда я сейчас сосредоточенно пишу, я почти все слышу. А чтение и вовсе не заглушает их. Да и устаешь только читать, писать, глаза устают. Дома я, даже не включая свет, кручу свою «Спидолу» — успокоительнейшее занятие. Послушаю, послушаю, глаза слипаются, в полусне выключу, сплю. Ни минуты напряжения, опасного и для моих нервов, и для бедного моего детеныша.

А торчать здесь в коридоре у окошка в ожидании, не придет ли кто, — это полезно? Дома-то у меня телефон около постели: позвоню — кого хочу, позову, с кем хочу, поболтаю, чего хочу, попрошу.

Все остальное о нервах — как я плачу и как я есть не хочу — я уже писала. Дома-то я лежу — как проснусь, тут же и поем.

ЗАПISКА № 5

15/II, еще позже, в ужасе.

Мне сказали совсем страшную вещь, причем лечащий врач, которая это сказала, даже не поняла всей ужасности. Она заходила по другим делам, и диалог был таков:

— А как со мной? Чем кончилось?

— Вы знаете, главврач еще не ушел, и, по-видимому, вас выпишут или переведут в другую больницу. Я даже карты вашей не видела — карта у главврача.

В ДРУГУЮ БОЛЬНИЦУ

Ты понимаешь, что это значит?

А консультативный осмотр был не осмотр, а раз-

говор — я потом только догадалась, что с психиатром,* очень неприятным мужиком белесо-безликого гэбешного типа.

Теперь я вижу, что они, не исключено, задумали запихнуть меня туда же, куда Алика.** При всех событиях этих дней это было бы слишком странным совпадением. Во всяком случае, если теперь ко мне придут и скажут, что меня выписывают сегодня, я не уйду, прежде чем не дозвонюсь, чтоб меня кто-то встретил. Если завтра, то уже ты придешь и им не удастся меня куда-то сплавить, да и вообще, наверно, если они назначат выписку на завтра, то это без обмана. Если же они прямо заявят мне, что переводят, я откажусь — пусть тащат силой. Господи, как я нервничаю. Главное: и эта моя записка может не дойти, и никто не будет знать, где я. Господи, пронеси!

Мое писание было прервано ужином, а потом — то ли от сытости, то ли от невозможности вполне поверить в такую нелепицу — я вдруг преисполнилась хладнокровия и вместе со всеми смеюсь над одной

* Как потом оказалось, это был дежурный психиатр Тимирязевского района. В довольно коротком разговоре он спрашивал не столько о моем состоянии, сколько о том, когда я лежала в больнице, в каком психодиспансере я состою на учете, одна ли я живу или с родителями и т. п. Относительно же моего состояния он спросил, в частности, почему я накануне «отказывалась от пищи». Я сказала, что я просто расстроилась и не хотела есть, но потом поела. Об этом же я говорила и вечером сестре, и в это утро заведующей отделением.

** Имеется в виду А. С. Вольпин. — Р е д .

дурой, которая устраивала долгие перекрики в окошко, получила за это тьму выговоров ото всех, а теперь кричит мужу: «Кричать нельзя!» И затем еще долго переговаривается с ним с тою же громкостью — ничто ее, видимо, не проняло. Это та самая, 21 года, 90 килограммов веса.

Нет, действительно, вряд ли они применяют ко мне обман или силу. Уже седьмой час, а никто мне ничего не объявляет, а завтра ты придешь в 11, и тогда мне ничего не страшно. Я не буду сегодня звонить: во-первых, неизвестно, застану ли я кого-нибудь; во-вторых, у меня ничего определенного; в-третьих, очень трудно выпрашивать позволения позвонить.

Конец записки.

На следующий день, 16 февраля, двое моих друзей приехали в роддом с уверенностью, что сейчас отвезут меня домой. Среди назначенных к выписке моей фамилии не было. Но и в роддоме, сказали им, — такой нет. Не значится. Никто не хотел с ними разговаривать, никто ничего не объяснял. Все отводили глаза. Наконец, они добились разговора с зам. главного врача, которая и сообщила им, что меня накануне вечером перевезли в психиатрическую больницу имени Кащенко.

— Почему?!

— Ну, знаете, она себя несколько странно вела.

С большим трудом удалось добиться разъяснений — что значит «несколько странное» поведение. «Она просила о выписке и отказывалась от пищи». На таком-то основании консилиум с участием главного врача (которая меня вообще не видела) и дежурного психиатра постановил перевести меня с диагнозами, из-за которых они не хотели отпустить меня ле-

читься дома, — перевести в психиатрическую больницу, где не могло быть обеспечено необходимое лечение. А зам. главного врача мимолетно и спокойно бросила такую фразу: «Там разберутся — может быть, вообще придется делать прерывание...»

В тот же день в роддом приехала моя мать и тоже узнала о моем «переводе».

Я сама предприняла попытку известить о происшедшем. Женщине, которая утром выписывалась из Кащенко, я дала несколько номеров телефонов и попросила дозвониться по любому из них и сказать, где я.

В этот день я написала две записки — вторую после того, как у меня побывала мама и целая куча друзей. Мы разговаривали через закрытую дверь: я в коридоре, а они на лестнице, но слышно хорошо. Я отдала им все предыдущие записки (те, что не успела передать из роддома, и ту, что написала утром).

ЗАПИСКА № 6

16/II.

Я даже не знаю, придет ли кто-нибудь, но пишу все-таки, решила заранее написать. Нигде меня к телефону не подпустили — даже матери позвонить. Позвали вчера вечером в смотровую — «дежурный врач хочет вас посмотреть». А там — два дюжих санитаря с видом лагерных надзирателей по призыванию. Я не буду сейчас ничего писать подробно — от одних воспоминаний уже реву.

Отсюда меня, наверно, может вытащить только мать. Но мне не дают ей позвонить — в приемном покое обещали, что сами позвонят, но я уже нико-

му не верю. Если она так и не появится, то к ней надо послать кого-нибудь из девочек.

У меня здесь отобрали даже поливитамины и глюконат. Я боюсь, что они будут насильно впихивать в меня какие-нибудь лекарства, а тогда моему детенышу придется совсем худо.

Меня надо вытаскивать срочно, потому что я верю в возможность любого изуверства.

...

Я отправлю все, что успела там написать, — из записок видно, как я ждала этого и не ждала.

Шариковых и вообще ручек держать не велют. Карандаш у меня чужой.

...

Ну вот, поговорила я с врачом. Она просила, чтобы мама пришла завтра (или послезавтра, в воскресенье), а решить вопрос о выписке, хоть и под расписку, можно только в понедельник, когда будет старший врач. Если нет ничьей «руки» и нет исходной точки, с которой началось мое нынешнее хождение по больницам, то все, может быть, будет в порядке. Но так как я уверена в наличии «руки», причем такой, которой надо не просто убрать меня, а именно в сумасшедший дом, то они найдут отговорку и не выпустят меня.

Большой шум пока поднимать не стоит, но если бы прийти кому-то из вас и тоже поговорить с врачом, имело бы смысл.

А может, под наружностью нормальных разговоров — подводное течение каких-нибудь страшных, злых намерений? Так ведь было вчера, там.

Я здесь менее защищена, чем одна на Сивцевом Вражке.

Я здесь вправду сойду с ума.

16/II, вечером.

Какое зрелище! Здесь есть комната отдыха: телевизор и радиола. И вот я заглянула туда — может, телевизором отвлекусь. Телевизор еще не включен, а под радиолу, под какое-то послевоенное танго движутся две пары. Бедные женщины, несчастные, в жутких халатах, шерочка с машерочкой, томно бедрами поводят. Господи Боже, какие малые радости людям достаточны.

Как это ни дико, но я здесь морально оправилась. Там меня каждый день мучили этими «до завтра», а здесь сразу сказали «не раньше понедельника», и это показалось мне реальней. Ведь с психическим лечением дело как обстоит? Будь я даже действительно больна сейчас, мне нельзя пить никаких лекарств, то есть все равно нельзя лечиться. И вообще под расписку родным они обязаны отдавать — тем более, когда и лечить-то нельзя. Ну, все это вилами по воде писано.

Я поняла, насколько важен завтрашний разговор с врачом. Ведь мое намерение родить — для большинства врачей — тоже чуть ли не симптом шизофрении. Одна! Сама! Второго! Как можно?! Да как вы справитесь? Другие себе и в лучших условиях не могут этого позволить! И тому подобное. К счастью, я сегодня не чересчур нажимала на то, что одна. То есть, конечно, сказала, что одна и что справлюсь, но, спрошенная, случайно ли решение об именно этом ребенке, с важным видом сказала, что нет, не случайно, очень серьезно, но что больше я не хотела бы об этом говорить. И вот в это последнее можно включить все, что угодно: скажем, что до сих пор это вопрос не вполне решенный, но что

я всегда имела и буду иметь «моральную и материальную поддержку».

...

Живот мой вроде бы окреп. Может, мне и не понадобится брать отпуск. Не дадут больничный — пойду работать. Я думаю, что меня уже не посмеют терзать дисциплинарными строгостями.

...

Я что-то разболталась, а надо бы — по мере приближения ночи — вострить уши. А то — при диагнозе «угрожающий выкидыш» — утащат, выскоблят, а потом скажут, что выкидыш сам начался. И ничего не докажешь: «псих-шизофреник». Вдруг меня для этого сюда заманили?

...

Ведь вчера я тоже была к вечеру спокойна и весела, а во сколько слез мне это обошлось. Но это еще только слезы, а что может быть? Только врачам этого говорить нельзя, а то они скажут, что у меня навязчивые страхи, мания преследования (и про ГБ потому же нельзя, даже если они сами отлично все знают). А мне здесь только до понедельника, еще три ночи.

Да, но если это затеяло ГБ, то ничего не выйдет? Алика же не могут вытащить. Правда, он не беременный.

Когда выйду, наверно и вправду наконец начну ругаться матом.

17/II, утром.

...

А знаете, почему они так легко решились переволочь меня сюда? Когда я там говорила с психиатром, с тем странным и подозрительно не похожим на врача, он меня спрашивал, с кем я живу, и я сказала, что одна, отдельно от мамы. Может,

будь я прописана отдельно, мама и не имела бы права меня отсюда забрать. Они, видно, решили, что я одна, что никто за меня не вступится и что можно упечь меня безнаказанно и держать тут сколько угодно.

Конец записки.

17 февраля лечащий врач сказала моей маме и друзьям, что я в *лечении не нуждаюсь* и что не позже четверга меня выпишут. Итак, «не раньше понедельника, не позже четверга», выписали меня все-таки в пятницу, 23 февраля, но зато не под расписку родных, а обычным порядком, то есть практически признав ошибочность моего направления сюда. Насколько я понимаю, выписка затянулась на неделю ради перестраховки: врачи дожидались такого момента, когда их будет как можно больше — и старший врач, и зав. отделением, и мой лечащий врач, и еще один из этого же отделения. Они изучали мою историю болезни 1959 года, разговаривали со мной и с удивлением спрашивали: «Так почему же вас к нам прислали?»

— Я сама хотела бы это узнать.

Но тут они умолкали.

Не шла речь и ни о каком прерывании беременности.

— Что вы, — сказали моим друзьям. — Это делается в самых редких и крайних случаях: если заболевание протекает в буйной форме, а лечение таково, что все равно повредит ребенку.

Я была спокойна эти дни. Я вся внутренне собралась, чтобы и ребенку не повредить, и себя не потерять, надрывая душу и болезненно нервничая. Когда я думала о том, что меня могут не выписать, продержат еще недели или месяцы, я с неожиданной выдержкой сама себе отвечала: «Ну, а в тюрь-

мах — рожают? Ничего? И без свиданий, без передач, без яблок и апельсинов». Так что, если бы меня не выпустили, то есть открыто объявили мне войну, я вышла бы из нее с честью и с победой. К счастью, воевать не пришлось.

Записок я больше не писала: я разговаривала со всеми через дверь, а в воскресенье было двухчасовое свидание. Но по-прежнему не находя сил подробно рассказать о том, как меня перевозили, и боясь, что я все позабуду, кроме ощущения ужаса, а потом никому не смогу растолковать, чем же это было так ужасно, я в субботу вечером и в воскресенье утром написала последнюю записку.

ЗАПИСКА № 8

17/II.

То, о чем я не писала, а только коротко рассказывала. (Спешу записать, пока все помню.)

В тот вечер — это было в четверг, 15 февраля, — я уже совсем успокоилась. Только потом я вспомнила, как отводили глаза на мои вопросы и врач, и сестра, и кастелянша.

Часов около девяти (я не знаю точно, так как все часы в коридоре стоят) пришла нянечка и сказала, что меня зовут в смотровую, «дежурный врач хочет вас посмотреть». И я, все еще спокойно, ничего не предчувствуя, вошла с ней в лифт и спустилась на первый этаж. И через смотровую меня сразу позвали в приемную — в дверях ее я остановилась. Там было несколько сестер и нянечек, дежурный врач, узел с моими вещами и два достаточно зверского вида человека, которые, как видно, ожидали меня. И кто они — я в первый момент не поняла. Дежур-

ный врач сказала мне: «Одевайтесь» и заявила, что мое лечение решено продолжать в другой больнице «Поедете в Боткинскую больницу». Я сказала: «Я не поеду» и пошла обратно к лифту, понимая бессмысленность этого, но в общей бессмысленности всего происходящего решив, по крайней мере, не сдаваться сколько можно. Более жуткий из пары санитаров (я уж поняла, что это были санитары — эти два мужика, выделявшиеся своими пальто и шапками на фоне столпившихся белых халатов) сделал вслед мне несколько шагов, завернул мне руки за спину — я повернула обратно. Сопrotивляться всерьез? Конечно, была бы прекрасная сцена: маленькую, больную, беременную женщину скручивают два санитарных бугая. Но я боялась и за ребенка, и за то, что на основе этого сопротивления меня засунут в какое-нибудь страшное буйное отделение (что меня везут не в Боткинскую, я была уверена).

Поэтому все дальнейшее сопротивление было чисто словесным.

— Раздевайтесь.

— Не буду.

— Раздевайтесь.

— Я никуда не поеду.

— Раздевайтесь.

— Я должна позвонить, известить моих родных.

— Оденетесь, тогда позвоните.

Дежурный врач в негодовании кричит:

— Вы что, хотите, чтоб вас силой раздевали? Сейчас вас мужчины разденут!

Сестры и нянечки молчат и взирают с ужасом, особенно та, что привезла меня с четвертого этажа. Когда я в какой-то момент (кажется, почти в начале разговора) сказала врачу:

— Меня здесь со дня на день обманывали, обещали выписать, и сейчас обманом зазвали, будто бы врач хочет меня посмотреть, — нянечка горестно сказала:

— Я же тоже не знала.

— Я понимаю, — сказала я ей. И потом, когда уж я совсем уходила, у нее было лицо человека, про которого говорят: «сердце разрывается». Я попыталась улыбнуться ей утешающе, но боюсь, что вышло несколько жалобно.

В конце концов, я перешла в смотровую, и все стали помогать мне одеться (не врач, конечно).

Да, вот еще что, по-видимому, заставляло этих простых женщин быть на моей стороне. Еще пока я была в приемной, там передавали «ценности», которые находились на хранении: часы, деньги и — главное для меня, образок и крестик. Образок Черниговской Божьей Матери и мой крестильный крест. И вот это попало в лапы санитаря, в толстую лапу с толстыми и, как мне казалось, сальными пальцами. Я все дни тосковала без образка и креста, чувствовала свою без них незащищенность и до сих пор считаю, что, будь они при мне, они бы меня уберегли. Я резко протянула через стол руку схватить их, но он отодвинул свою лапу, а когда я крикнула что-то вроде: «Как вы смеее это брать своими руками!», он, увидев, насколько мне это больно, с довольной усмешечкой стал перекачивать и мять образок и крест в своих пальцах, приговаривая: «А нам это все равно, мы неверующие...»

Я пишу все это сейчас довольно хладнокровно: во-первых, если я сейчас начну реветь, я ничего не смогу написать (как не могла я писать вчера); во-вторых, у меня все равно нет достаточных слов, чтобы передать то, что я испытывала. Помню, что

я много раз повторяла: «Это обман и насилие». И дежурному врачу сказала: «Вы участвуете в обмане и насилии». Ее-то это не проняло. Высокая, довольно красивая, молодая (примерно моя ровесница), она явно считала меня, маленькую, всклокоченную, близорукую, в нелепом больничном халате и шлепанцах, существом низшего разряда. Тут не только физическое неравенство, но и столь частый у наших врачей взгляд, что больной целиком в их власти и что с ним надо обращаться, как с несмышленным младенцем, не признавая за ним ни ума, ни собственной воли. Раньше я думала, что этот взгляд распространен только среди психиатров, — оказалось, что нет. Словом, только попади им в руки. (Впрочем, я должна оговориться, что и среди психиатров я встречала людей гуманных, лишенных жажды властвовать и страсти подавлять.)

Кажется, на протяжении всей этой долгой, очень долгой, гораздо более долгой, чем выглядит в рассказе, сцены я не заплакала. Когда я стала раздеваться-одеваться, кто-то из женщин сказал: — Вся дрожит.

У меня, действительно, от волнения дрожали и не слушались руки. Мне помогли, застегнули длинный ряд пуговиц, а мне главное было не то, что помогают одеться, а что кто-то меня жалеет — не весь мир озверел.

Одеваясь, я говорю врачу:

— Вы же знаете, что меня не в Боткинскую везут.

— Ну, если вы сами это понимаете, так тем более. (Тем более — не сопротивляйся, не высказывайся, иди, куда гонят, — договаривает ее презрительное молчание.)

Конечно, мне не дали позвонить и тогда, когда я

оделась («Некогда! Машина ждет! Приедем — позвоните. Я вам обещаю».) Это тот, главный, что пострашней, — весь круглый, огромный, кругломордый. Я все пыталась определить его по типу и в первой записке отсюда определила как «лагерного надзирателя по призванию». Но, видимо, меня это не удовлетворило, потому что я продолжала об этом думать. Это, наверно, вот что: он похож на тех бла-тарей, которых ставили в лагерях командовать над политическими. Внешне преступный тип с большими садистскими наклонностями. Он мог быть и чином в КГБ, и любым начальником везде, где есть возможность поизмываться над человеческими душами и телами. Своей работой открыто наслаждается.

Второй — просто рядовой бандит. С ним мы «беседовали» уже в машине. Первый сидел с шофером, за стеклянной перегородкой, а этот приставал ко мне с такими примерно разговорами:

— Это вы что, в Бога веруете?

— А я с вами на эту тему говорить не собираюсь.

— Ну как же так, — с ухмылочкой в голосе, — объяснили бы. Ведь удивительно: культурный человек, с высшим образованием — и в Бога верует.

— А мне вот удивительно, когда не веруют.

Причем я, конечно, зло огрызаюсь, а он выглядит таким любознательным товарищем.

Или (уже позже и в ином тоне):

— Муж-то у тебя есть?

— Не ваше дело.

— Муж, говорю, у тебя есть?

Молчу. Он все допытывается.

По дороге заехали в Старопетровский проезд, забрали (с постели уже) маленькую, жалкую, несчастную старушечку — ей тоже сказали, что в Боткин-

скую. Она все жаловалась на соседей — наверно, они ее и пристроили в психиатрическую.

Я в машине (темно ведь) всю дорогу ревела (беззвучно), повернувшись к окну, вцепясь в стальные прутья и время от времени протирая потеющее окно и заливаемые слезами очки. Когда мы стали подъезжать к Боткинской, я все-таки забеспокоилась, и только когда мы проехали прямо по Ленинградскому проспекту, не сворачивая в сторону больницы, я сквозь потоки слез злорадно улыбнулась: «Думали меня провести! Что уж, я не знаю, где Боткинская, а где Кащенко?!» А потом я ехала мимо домов или улиц, где живут мои друзья, и при мысли о каждом новый ливень растекался по моим щекам. А потом с Садового кольца поворот на Люсиновскую, повороты, развороты, Загородное шоссе, Кащенко.

(На сегодня хватит. Я пишу лежа, простым карандашом, да и душой устала все это вспоминать.)

Нет, все-таки еще забытая деталь. Когда санитары ушли за старушкой, я обследовала обе двери в машине, боковую и заднюю. Если бы была возможность одну из них открыть, я бы убежала. И шофер не догнал бы меня! Но из этой машины не сбежишь. Я не нашла даже щели, чтобы выбросить наружу записку.

18/II.

Спешу закончить, пока вы не пришли.

Еще одна деталь, упущенная вчера, а прежде я о ней все время помнила — и когда начинала вчера писать, помнила.

В машине, на какое-то очередное пристаивание санитаря (второго, «рядового бандита») я сказала:

— О том, что со мной сделали, будет знать весь мир.

— Весь мир! — захохотал он издевательски. — Да кому вы нужны?!

Ладно. Итак, мы приехали, вышли из машины. На крыльце какой-то уж вовсе дебил (но не больной-дебил, а дебил-санитар) сказал:

— Заходи сюда!

Как это бывает со мной в подобных случаях, я вскипела и потребовала, чтобы ко мне обращались на «вы»:

— Не заходи, а заходите, — и осталась на месте.

Как они развеселились! «А мы невоспитанные, непривычные, а нам переучиваться поздно!» И тому подобное.

В машине нас было трое: кроме меня и несчастной старушечки, девица, которая ехала еще прежде меня и с которой у меня в отсутствие санитаров произошел примерно такой диалог:

— Куда идет эта машина?

— А вам куда надо?

— А мне никуда не надо, меня силой везут, а вы, я вижу, сами едете.

— Меня тоже везут, но я сама согласилась ехать в больницу.

В ее тоне было и болезненное самолюбие (больницу она мне так и не назвала), и сознание превосходства над моими слезами, сопротивлением, шариванием дверей машины: она сознательная, она сама едет, а тут человеку добра желают — и такая неблагодарность и неразумие.

И потом, в дороге, уже на подъездах к больнице, санитар грозился, что меня за мое поведение посадят в «плохое» отделение, а вот девушку — в хорошее.

— Все они одинаковы, — сказала я зло.

— Нет, почему же, — возразила девушка, — вот тридцать третье хорошее, у... (она назвала имя, отчество и фамилию врача, которые я запомнила неточно и поэтому не буду называть.)

— Вот, — радостно подхватил санитар, — вот мы вас туда и положим, а ее (то есть меня) — в буйное.

Мы сидим в приемной, и плачет старушка, которая, наконец, узнала, куда ее привезли.

— Ах, бабушка, — говорю я, — обеих нас обманули, только я с самого начала знала, что меня обманывают, а вы и не знали.

И вот я разговариваю с врачом, и объясняю, что со мной, и требую, чтобы мне дали позвонить, — как об стенку горох.

Раздеваюсь, моюсь, одеваюсь, в это время разбирают мою сумку, я без очков (очки мне отдали только в отделении), не могу понять, что они оставляют мне, что сдают на хранение. Потом оказалось, что отобрали даже поливитамины и глюконат кальция.

Больничная одежда! Еще один способ унижения и подавления. Штаны («трико») до колен, чулки без резинок, спускаются, дыры на чулках не заштопаны, а зашиты через край, отчего чулки уменьшаются и становятся разными. Халаты вообще невозможные. И — ни в коем случае — ничего своего. Или они боятся, что кто-то здесь будет модничать? И вот все ходят одинаково страшные, потерявшие человеческий и, прежде всего, женский облик. Нужны большие усилия, чтобы иногда разглядеть торчащие из чучельной одежды милые, приятные женские головки.

Я оделась и попыталась вернуться к врачу — к телефону. Дебил схватил меня за локти и вытолкал обратно. Я подняла крик («Как вы смеее до меня

дотрагиваться, выталкивать меня!»). К телефону, конечно, не подпустили, но отводить меня в отделение вместо дебила послали молодого мальчика, который был вежлив и обращался на «вы».

По дороге я стала отставать и сказала, что не могу идти быстрее.

— Почему?

— Во-первых, мне ботинки размеров на пять велики, во-вторых, я беременна.

— Ну, не спешите, — и пошел помедленней.

В-третьих, было скользко, в-четвертых, я несла тяжелую сумку (банки с соками и с компотами, перекочевывавшие со мной), но об этом я постеснялась говорить. Не надеяться же, что кто-то возьмет у беременной женщины тяжелую сумку да еще и поддержит ее на скользком разъезженном снегу.

Меня уложили в коридоре на диване (утром, после чьей-то выписки, перевели в палату), и тут я, опять без свидетелей, несколько часов, почти не переставая, проплакала. Но я плакала не как Весли Джексон — обо всем по порядку и получая облегчение. Нет, я плакала о своих несчастьях, о своих детях, о Юре Галанскове, которого два года назад мучили в Кащенко же, вспомнила стихи и еще больше заплакала, и чем больше я плакала, тем тяжелее мне становилось. И все-таки, в конце концов, я уснула.

Конец записки.

Стихи я вспомнила свои. В марте 1966 года, вскоре после процесса Синявского и Даниэля, перед самым XXIII съездом, Юру Галанскова с помощью милиции увезли в эту же больницу. Вероятно, чтоб он не вздумал демонстрировать у Дворца съездов (как демонстрировал когда-то перед американским по-

сольством). Я редко пишу стихи «по поводу», но когда мне рассказали, как измучен Юра, как он еле держится на ногах от «лечения» стеллазином, то под влиянием этого рассказа и всего тяжелого настроения той весны я написала стихи.

Ю. Галанскову

В сумасшедшем доме
выломай ладони,
в стенку белый лоб,
как лицо в сугроб.

Так во тьму насилья,
ликом весела,
падает Россия,
словно в зеркала.

Для ее для сына —
дозу стеллазина.
Для нее самой —
потемский конвой.

А теперь «потемский конвой», лагерь в Потье ждет самого Юру, а я столь же внезапно и насильно помещена в ту же больницу имени Кащенко.

Конечно, мне повезло больше, чем Юре Галанскову два года назад или Алику Вольпину теперь.

— Почему же они тебя выпустили? — спрашивают многие.

И правда, думаю, может, не было никакого указания? Может, сами врачи роддома дошли до такого безумного решения? Это, кстати, было бы еще страшнее: неограниченный произвол, который выглядит почти естественной принадлежностью орга-

нов госбезопасности, оказался бы естественным и для целого коллектива врачей — то есть людей самой гуманной профессии. Врачей родильного дома — в их руках жизнь наших нарождающихся детей! Это слишком дико.

Гораздо вероятней, что на них нажали (прямо или деликатным намеком), а дежурному психиатру дали прямое указание. Возможно, действовать дальше, давать указания врачам в больнице, никто не стал, считая, что машина уже пущена в ход. Возможно, что на врачей роддома, не имеющих опыта в таких делах, легче было оказать давление, чем на психиатров, которые знают, в каких случаях они обязаны подчиниться, а в каких это зависит только от их порядочности (мне, кажется, попались врачи — порядочные люди).

Не будь я беременна, дело могло бы сложиться хуже. Когда меня собирались увозить, я слышала обрывок телефонного разговора санитар с больницей: «Семь месяцев! Нет, нет, не семь месяцев — 26 недель!» А второй санитар в машине сказал мне: «Вот для вас так старались, еле выпросили, чтоб вас приняли, а вы...» Видимо, больница не очень хотела связываться с этим сомнительным делом. И скандал, если бы меня продолжали там задерживать, вышел бы намного скандальнее, чем в любом другом случае.

Но не будь я беременна, меня и забирали бы не из роддома, а прямо из дому, грубо и откровенно, как Вольпина. А сейчас я не могу поймать их за руку, и все, что высказываю, остается чисто предположительным.

Не знаю, убедительна ли для других моя убежденность в том, что органы госбезопасности здесь замешаны. Но так это или не так, произвол очеви-

ден и вопиющ, кто бы ни был его вдохновителем.

И последнее, что я должна сказать. Если меня хотели запугать, выбить из колеи, психически травмировать — из этого ничего не вышло. Я спокойна, я спокойно жду ребенка, и ни ожидание, ни рождение его не помешают мне заниматься тем, чем я пожелаю, — в том числе участвовать в каждом протесте против каждого проявления произвола.

Москва, март 1968

П. Г. Григоренко

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ («ДУРДОМАХ»)

Товарищи просили меня коротко рассказать об этих учреждениях на основании личного опыта. Выполняю эту просьбу.

Идея психиатрических специальных больниц сама по себе ничего плохого не содержит, но в нашем специфическом осуществлении этой идеи нет ничего более преступного, более античеловеческого.

Дело в том, что метод расправы с неудобными людьми путем признания их сумасшедшими и помещения на длительные сроки или на всю жизнь в психиатрические лечебницы начал применяться с тех пор, как появилось понятие сумасшедших. Учитывая это, передовая общественность издавна боролась за то, чтобы лечение психически больных проходило под действенным контролем общественности. Общественность боролась также за то, чтобы люди, совершившие преступление в состоянии психической невменяемости, уголовному наказанию не подвергались, а направлялись на психиатрическое лечение. Боролись за это и выдающиеся русские психиатры Бехтерев и Сербский. Советское законодательство пошло по пути удовлетворения этого требования передовых людей общества.

Впервые напечатано в книге Натальи Горбаневской «Полдень», появившейся в Самиздате осенью 1969 г., и в изд. «Посев» в 1970 г.

Но беда в том, что все это дело одновременно было полностью изъято из-под надзора общественности, отдано в руки специально подобранного аппарата, в том числе и врачи назначаются только по специальному подбору, в котором квалификация врачебная роли почти не играет. На первое место выдвигаются другие качества, главное из которых — умение подчиняться, не проявлять своего медицинского «я».

Если начать разбирать всю систему лечения психических больных, совершивших преступление, то основной ее порок — не в самих специальных психиатрических больницах. И если бы я описал только условия содержания больных в СПБ,* как меня просили, то из этого еще ничего ни страшного, ни противозаконного не вытекало бы.

Больные в Ленинградской психиатрической больнице содержатся в большинстве в условиях менее строгих, чем тюремные. Только в пяти отделениях содержатся камерные. В остальных камеры от подъема до отбоя открыты. Большинство больных работает в мастерских. Одно отделение санаторного типа, там имеется радио и телевидение. Имеется библиотека — и очень хорошая. Правда, многие книгоноши не любят освежать фонд, находящийся в отделении, но тот, кто пожелает, может добиться, чтобы ему принесли всё, что ему нужно. Кроме того, книги, газеты, журналы разрешается передавать с воли. Два раза в неделю бывает кино. Свидания дважды в месяц местным и три дня подряд приезжим. Одновременно со свиданиями принимаются и продуктовые передачи. Питание значительно лучше, разнообразнее и вкуснее, чем в тюрьме. Дается белый хлеб. Нуждающиеся в диете получают ее. В

* СПБ — спецпсихобольница. — Р е д.

меню входит масло сливочное, молоко, иногда фрукты. Мяса дают значительно больше, чем в тюрьме. Медицинское обслуживание (я не боюсь переоценить) образцовое. Думаю, что обычным психиатричкам далеко до такого обслуживания. Бросается в глаза очень высокая квалификация среднего медицинского персонала (видимо, дают знать себя значительно более высокие оклады содержания). Поэтому такие больницы, как ЛСПБ, в экскурсионном порядке можно показывать кому угодно, даже интуристам. Наиболее доверчивые могут даже восхищаться. Но не будем торопиться. Давайте посмотрим всю систему.

И начать надо с истока, т. е. выяснить — действительно ли туда попадают психически больные люди. И не заложены ли в самой системе условия для грубейшего произвола. Человек попадает на психиатрическое обследование в скандально знаменитый «Институт судебной психиатрии имени проф. Сербского» на основании постановления следователя. Институт этот номинально входит в систему Минздрава СССР, но я лично неоднократно видел зав. отделением, в котором проходил экспертизу, проф. Лунца, приходящим на работу в форме полковника КГБ. Правда, в отделение он всегда приходил в белом халате. Видел я в форме КГБ и других врачей этого института. Какие взаимоотношения у этих КГБистов с Минздравом, мне установить не удалось.

Говорят, что КГБистским является только одно отделение — то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Мне лично думается, что влияние КГБ, притом решающее влияние, распространяется на всю работу института. Но если дело обстоит даже так, как говорят, то возникает вопрос — может ли психиатрическая экспертиза по политическим

делам быть объективной, если и следователи и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны и военной дисциплиной?

Чтобы долго не гадать над этим вопросом, расскажу о том, что видел сам. Прибыл я во второе отделение (политическое) Института им. Сербского 12 марта 1964 года. До этого я даже не слышал о таком приеме расправы, как признание здорового человека психически невменяемым, если не считать то, что мне было известно о Петре Чаадаеве. О том, что в нашей стране существует система «чаадаевизации», мне и в голову не приходило. Я понял это лишь когда мне самому было объявлено постановление о направлении на психиатрическое обследование. Состоялся следующий разговор со следователем.

Я, прочтя постановление, посмотрел на следователя и спросил: «Что, нашли выход из тупика?» (до этого я неоднократно говорил следователю, что если следствие и дальше будет продолжаться с соблюдением всех процессуальных норм, то следствие очень скоро зайдет в тупик). На этот вопрос следователь, находившийся в большом смущении с самого начала, стал сбивчиво и путано говорить:

— Петр Григорьевич, что вы подумали! Да нет, это простая формальность. Вы человек абсолютно нормальный. Я в этом не сомневаюсь, но у вас в медицинской книжке имеется запись о контузии, и в этих случаях психиатрическая экспертиза обязательна. Без этого суд не примет дело.

На мое замечание, что для передачи куда бы то ни было дела надо сначала иметь само дело, он продолжал заверять, что после окончания экспертизы следствие будет продолжаться и дело оформят. Но для меня становилось все яснее, что никакого следствия не будет, что мне обеспечена психиатричка на

всю жизнь (так я в то время думал). Логически придя к этому выводу, я впоследствии рассматривал все явления под углом зрения этого вывода.

Когда я прибыл в отделение, там находилось 9 человек. В течение последующих пяти-шести дней прибыло еще двое. Руководствуясь своим пониманием цели назначения экспертизы, я предсказал всем 11-ти, кого какое ждет заключение. Исходил я при этом только из характера дела каждого — из доказанности или недоказанности преступления, а не из психического состояния каждого. Да собственно даже и без медицинского образования было ясно, что психически неполноценным является среди нас один только Толя Едаменко, но именно ему я предсказал обычный лагерь. «Дурдом», по-моему, ожидал только трех: меня, Боровика Павла (бухгалтер из Калининграда) и Дениса Григорьева (электромонтера из Волгограда). У всех этих людей следственное дело было пустое, и не было никакой возможности наполнить его содержанием.

Все остальные, по-моему, должны были быть признаны нормальными, хотя трое очень искусно «ломали ваньку», изображая из себя психически невменяемых, а один и в действительности был таковым. Один был у меня под сомнением — Юрий Гримм, крановщик из Москвы, который распространял листовку с карикатурой на Хрущева. Ему я сказал: «Не раскаешься, пойдешь в дурдом, раскаешься — в лагерь». Это заключение я сделал на том основании, что к нему несколько раз в неделю приезжал следователь и, обещал ему всякие блага, убеждал в необходимости «раскаяться». В конце концов, Юра «раскаялся» и получил три года лагеря строгого режима. Полностью оправдались и все другие мои предсказания. Особо следует обратить вни-

мание на пример с Гриммом. Когда я требовал прокурора и следователя, мне ответили, что в период экспертизы они не могут иметь доступа к подэкспертному. В отношении Гримма это не соблюдалось, что наилучшим образом свидетельствует о том, что так называемый институт — всего лишь подсобный орган следствия. И врач-эксперт, и следователь говорили с Юрой только об одном — о раскаянии. При этом врач вел себя хамовитее следователя и картинно живописал, как его упрячут на всю жизнь среди «психов», если он не раскается.

Уже в Ленинграде я тоже встретился с теми, кто попал в психиатричку, не будучи психически больным. Особенно тягостное впечатление произвел на меня инженер Петр Алексеевич *Лысак*. За выступление на собрании студентов против исключения нескольких из них по причинам политического недоверия, он попал в спец. психобольницу и к моменту моего прибытия находился там уже 7 лет. Злоба за эту страшную расправу, за всю свою искалеченную жизнь затопила его мозг, и он ежедневно пишет самые злобные послания, которые, естественно, никуда не идут, а ложатся в его медицинское досье и служат основанием для дальнейшего его «лечения» (из СПб не принято выписывать тех, кто не признал себя больным). Я попытался ему втолковать эту истину. Но он, имеющий абсолютно нормальные суждения по всем вопросам, в этом пункте, что называется, «непробиваем». Хуже того, он соглашается с убедительностью моих доводов, но, когда я задаю наконец решающий вопрос: «Ну, так как, с завтрашнего дня писать прекращаем?» — он вдруг снова загорается — «Нет, я им сволочам все равно докажу!» — Однажды во время такого разговора, когда Петр особенно увлекся мыслью о том,

как он докажет, я с раздражением сказал: «Вы настолько нереально рассуждаете, что я начинаю сомневаться в вашей нормальности», он вдруг остановился, посмотрел на меня взглядом, который нельзя забыть до смерти, и тихо, очень тихо, с какой-то горькой укоризной спросил: «А неужели вы думаете, что здесь можно пробыть 7 лет и остаться нормальным?»

И в этом его вопросе — вся суть нашей античеловеческой системы принудительного лечения. Очевидно, что если бы случаи содержания нормальных людей среди психически невменяемых были даже единичными, то и в этом случае надо было бы поднять самый решительный протест. Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он сам начинает понимать, что со временем может превратиться в одного из тех, кого он видит вокруг себя. Особенно это страшно для людей с легко ранимой психикой, страдающих бессонницей, не умеющих самоизолировать себя от посторонних звуков, а они там распространяются с невероятной силой.

Ленинградская СПБ находится в здании бывшей женской тюрьмы, рядом со знаменитыми «Крестами». Здесь, как и в обычных тюрьмах, нормальные перекрытия имеются только над камерами. Середина же здания полая. Так что с коридора первого этажа можно видеть стеклянный фонарь крыши над пятым этажом. В этом колодце звуки распространяются очень хорошо и даже усиливаются. Именно на этом была основана одна из психических пыток заключенных этой больницы в сталинское время.

Создана она была в 1951 году. И тогда даже не скрывали, что создана она для того, чтобы без суда содержать в ней людей, неугодных режиму. Тогда и

врачей в этой «больнице» было столько же, сколько и в тюрьме, и права их ничем не отличались от прав тюремных врачей. Здесь в те времена смена постов производилась так: на первом этаже сменяющийся надзиратель во весь голос выкрикивал — «Пост по охране самых опасных врагов народа сдал», и заступающий вторил — «пост по охране самых опасных врагов народа принял»...» Это слышно было во всех камерах всех этажей. Затем то же самое повторялось на втором этаже, потом на третьем, четвертом, пятом. И так изо дня в день, при каждой смене. Теперь этого нет. Теперь это учреждение возглавляется врачами, и врачи во всех делах, связанных с содержанием тех, кто попал в больницу, играют решающую роль. Однако и они не в силах изменить звукопроводность здания, созданную при его постройке. Поэтому все происходящее на всех этажах прекрасно слышно было и при мне.

Но для меня лично это обходилось благополучно. Возможно, условия профессии, а может железное здоровье, которым наградили меня родители, позволили быстро приучить себя к самоизоляции от всего, что не имеет непосредственного отношения ко мне. Я мог не слышать, чем жила вся тюрьма в течение более чем двух часов — ловлей буйнопомешанного, которому удалось каким-то образом вырваться у санитаров и в голем виде носиться по всем этажам. Я мог привыкнуть не замечать непрерывную чечетку, отбиваемую у меня над головой почти круглыми сутками (перерывы наступали только на те короткие промежутки времени, когда танцор падал в полном изнеможении). Я не замечал и многого другого. И в этом отношении мое пребывание в этой больнице прошло без особого вреда для моей психики. Единственно, чего я не могу забыть, от чего

иногда просышаюсь по ночам, — это дикого ночного крика, смешанного со звоном разбитого стекла. От этого я изолироваться не мог. Во сне, видимо, нервы не защищены от таких воздействий. Но я представляю, что должен переживать человек, который все окружающее воспринимает прямо на открытую нервную систему, у кого не развиты, как у меня, защитные нервные функции.

Если бы в такую обстановку люди могли попадать только иногда, случайно, то и в этом случае каждый такой факт надо было бы расследовать самым тщательным образом и безусловно с соблюдением самой широкой гласности. Но это не случайность, а система. Притом широко практикуемая. Я уже указывал, что только в течение месяца, когда я был на экспертизе, Институт Сербского произвел трех здоровых в сумасшедшие и отправил одного безусловно психически ненормального человека в лагерь. Последнее тоже, ведь, система. Правда, я это понял только после прочтения книги Анатолия Марченко «Мои показания». Оказывается, такие люди нужны в лагерях для того, чтобы делать жизнь здоровых людей еще невыносимей.

Насколько широко пользуется следствие методом лживой психиатрической экспертизы, можно судить по следующему факту. В ЛСПБ я встретился на прогулках с очень интересным собеседником, обладающим незаурядной памятью и умением увлекательно рассказывать. Причем ему и было о чем рассказывать. Он, несмотря на свой не очень большой возраст, уже успел перешагнуть за десяток лет пребывания в местах заключения. Большую часть этого срока — в детских. В СПБ он попал при следующих обстоятельствах. Его арестовали за мелкую кражу и, вполне вероятно, выпустили бы, не отдавая

под суд, если бы его следователю не вздумалось с его помощью закрыть одно «дохлое» дело — нераскрытое убийство. От рассказчика требовалось немного — показать, что один из его ближайших друзей в момент совершения убийства находился в том населенном пункте, где оно произошло. Рассказчик знал, что это неправда, и потому отказался дать такие показания. Тогда следователь заявил: «Ах, не хочешь помогать следствию! Ну тогда я тебя упеку в такое место, что ты меня всю жизнь не забудешь!», и... направил его на психиатрическую экспертизу, которая не замедлила признать его невменяемым. С тех пор он и борется с этим заключением.

Володе *Пантину* (так назывался этот человек) повезло. Ему попалась умная, честная женщина, которая сумела повести дело таким образом, что заключение экспертизы было отменено. Очень хорошо относившийся ко мне врач сказал, что это исключительный случай. Как правило же, отменить заключение экспертизы невозможно, так как на отмену обязательно необходимо согласие врача, поставившего первичный диагноз. Володя прошел через все это, но прошло *шесть* долгих лет.

Когда диагноз был отменен, дело пошло в суд для рассмотрения за преступление, совершенное психически здоровым человеком. И суд, зная, сколько уже лет находится в заключении подсудимый, дал ему максимум, предусмотренный соответствующей статьей (4 года), и освободил из зала суда. Два года, выходит, пересидел за отказ «помочь следствию».

Очень страшна психиатричка психически здоровому человеку тем, что его помещают в среду людей с деформированной психикой. Но не менее страшны полное бесправие и бесперспективность.

У «больного» СПб нет даже тех мизерных прав, которые имеются у заключенных. У него вообще нет никаких прав. Врачи могут делать с ним все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие его жалобы или жалобы тех, кто с ним находится, из больницы никуда не уйдут. У него остается лишь одна надежда — на честность врачей.

Мне мой лечащий врач так и сказал, когда я при первой нашей беседе нарисовал ему картину моего полного бесправия, полной незащищенности. Глядя на меня честным, открытым взглядом, он спросил:

— А честность врачей вы ни во что не ставите?

Я ответил:

— Нет, на нее я только и рассчитываю! Если бы я перестал верить и в это, то мне пришлось бы искать только пути к самоубийству.

Мне никогда не пришлось раскаиваться в том, что я поверил в честность врачей, но я и сейчас продолжаю настаивать на том, на чем настаивал и тогда — *никуда не годна та система, при которой у тебя остается надежда только на честность врачей!* А если врач попадется нечестный? Это не только не исключено, а сему есть убедительные подтверждения, хотя бы в практике признания психически невменяемыми вполне здоровых людей. За это же говорит и логика. Если властям потребуется ухудшить положение здоровых «психов», они начнут изгонять из этой системы честных людей и набирать вместо них таких, кто ради денег и положения на все готов. Нельзя же думать, что среди врачей-психиатров такого добра меньше, чем среди других профессий.

Особо тяжело сознавать полную неопределенность времени, на какое человека определили в это положение. У врачей существуют какие-то минимальные нормы. Мне они неизвестны. Однако достоверно

знаю, что совершивших убийство держат не менее пяти лет. Говорят, что политические в этом отношении приравнены к убийцам. Но их, если они не раскаиваются, могут не выписать и после этого.

Кстати, и честность врачей не поможет. Дело в том, что и в этом учреждении КГБ держит своих секретных агентов и их донесения играют не менее важную роль, чем заключение врачей. Могут быть случаи, когда суд не утверждает решение о выписке из больницы, принятое медицинской комиссией на том основании, что «срок лечения не соответствует тяжести совершенного преступления».

В общем, обстановка сумасшедшего дома, полное бесправие и отсутствие реальной перспективы выхода на свободу — вот те главные страшные факторы, с которыми столкнется каждый, кто попадет в СПб. В этих условиях у людей с ранимой психикой может быстро начаться психическое заболевание, прежде всего подозрительность к врачам — боязнь того, что в отношении тебя умышленно проводится лечение, направленное на разрушение нормальной психики. Хуже всего, что в условиях отсутствия прав у больных и при полном отсутствии контроля со стороны общественности такое логически вполне допустимо.

В связи с этим общественности надо бороться за коренное изменение системы экспертизы и содержания больных в СПб, за предоставление общественности действительной возможности контролировать состояние содержания и лечения больных в этих условиях. А пока это не достигнуто, тем, кто попадает туда, — больше веры в лучшие стороны человеческой сущности врача. Надо верить ему и соответственно относиться с доверием. Это будет только полезно. И тем полезнее, что подозрительность во-

обще никакой пользы принести не сможет. Уж если к вам решат применить незаконные методы лечения, то результат будет одним и тем же и для подозрительных и для доверчивых. А может, для последних даже лучше.

ПСИХЭКСПЕРТИЗА

*Глава из книги Натальи Горбаневской
«Полдень»**

Экспертизу, насколько я знаю, проходили все обвиняемые, но для всех, кроме Виктора Файнберга, ограничились амбулаторной экспертизой: по-моему, ребят даже не возили в Сербского, а эксперты приезжали в Лефортово. Виктора после амбулаторной экспертизы положили на стационарную.

Я проходила только амбулаторную экспертизу. За мной приехали 5 сентября, в одиннадцатом часу утра, конечно, без всякого предупреждения, и следователь Лопушенков стоял под дверью, пока я кормила и собирала малыша, пока дозванивалась ребятам, чтоб кто-то приехал проводить меня в Институт Сербского, а кто-то — побыть с Ясиком,** пока бабушки нету дома. Потом я пошла в школу встречать Ясика, разминулась с ним, а машина со следователем ездил за мной и за детской коляской — чтобы я не сбежала. Наконец, Ясик нашелся, и приехали ребята. «Вы пришли ко мне на день рождения?» — спросил он их радостно и так же радостно остался играть с ними в футбол.

Ребята обещали, что Галя Габай приедет прямо в Сербского. Потом она действительно приехала, но не могла туда попасть: вход по пропускам. И лишь случайно встретила Акимову, которую хорошо знала с

* Наталья Горбаневская «Полдень». Изд. «Посев», 1970, стр. 118-122.

** Старший сын Н. Горбаневской.

того времени, как Илья* сидел в Лефортове по делу Буковского. Акимова вывела меня к выходу и я отдала Гале Оську.** Но это было уже перед заключительным этапом экспертизы, после длительной беседы с врачом-ординатором, перед беседой на представительной комиссии. Кстати, все это время малыш был спокоен, ел, спал, и Акимова была несколько удивлена.

Врач-ординатор, молодая приятная женщина, недавно вернувшаяся на работу после того, как год просидела дома со своим маленьким сыном, разговаривала со мной очень долго. Мне кажется, ей было даже интересно — не медицински интересно, а просто так, и я ей даже понравилась, но вот то, что я предполагала, что меня могут арестовать, и все-таки пошла на демонстрацию, вселяло в нее ужас. Мы разговаривали так долго, что Акимова, несколько раз проходя через этот кабинет, нетерпеливо спрашивала, скоро ли мы кончим.

Перед ординатором лежала моя история болезни из районного диспансера. Я не была там с осени, с того момента, когда врачи кричали на меня, требуя, чтобы я не смела рожать. Имел ли диспансер прямое отношение к тому, как меня в феврале принудительно положили в больницу им. Кащенко, я точно не знала. Дело ведь обстояло так: 12 февраля врач женской консультации внезапно потребовала, чтобы я легла в больницу — с диагнозом «анемия, угрожающий выкидыш», а 15 февраля меня насильно перевезли из родильного дома, где я лежала, в психиатрическую больницу. И вот теперь, разговаривая с врачом Института Сербского, я увидела

* Илья Габай, учитель.

** Младший сын Н. Горбаневской.

последнюю запись в диспансерной истории болезни: «беседа с представителем К. Г. Б.» и дата: 12. 2. 68 г. Так я получила наглядное доказательство, что вся эта история с больницей была прямым делом рук КГБ.

Потом я долго ждала, пока со мной будет разговаривать комиссия. Вероятно, в это время там читали результат беседы ординатора и заслушивали ее выводы.

Комиссия состояла из трех человек: ординатор — она, видимо, уже доложила свою точку зрения и теперь не задала ни одного вопроса; белокурая пожилая дама, которая задала мне только один вопрос: «Почему вы взяли ребенка на площадь? Вам не с кем было его оставить или вы просто хотели, чтоб он участвовал в демонстрации?» — «Не с кем было оставить, — сказала я честно. — Да еще мне в два часа надо было его кормить». — «Ну, до двух часов было много времени, вы могли оставить его где-нибудь у знакомых». Я пожала плечами. Оставить трехмесячного ребенка у знакомых? Да и не думала же я, что к двум часам смогу прийти к знакомым.

Из трех человек, написала я и поставила двоеточие, я назвала пока только двух. Третьим был — и руководил экспертизой — небезызвестный профессор Лунц. Я прекрасно знала, кто такой Лунц, и прекрасно знала, что ни от каких моих ответов не будет зависеть результат экспертизы, но вела себя лояльно, отвечала на все вопросы — и о давней своей болезни, и о Чехословакии, и о том, нравится ли мне Вагнер. Вагнер мне не нравится. Какое значение этот вопрос может иметь для экспертизы? Кого можно считать вменяемым — кому нравится Вагнер или кому не нравится? Нет, это я сейчас задаю во-

просы. Лунцу я просто сказала: нет, не нравится. — А кто нравится? — Моцарт, Шуберт, Прокофьев.

Через неделю, 12 сентября, в день окончания следствия, я узнала результат экспертизы и свою странную судьбу. Заключение экспертизы, подписанное профессором Лунцем, гласит, что у меня «не исключена возможность вяло протекающей шизофрении», — замечательный диагноз! Хотела бы я знать, многим ли лицам, особенно интеллигентам можно твердо написать «исключена возможность и т. д.» И после этого проблематичного диагноза той же бестрепетной рукой написано, что я «должна быть признана невменяемой и помещена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа».

Я не знаю, оказалась ли прокуратура города Москвы гуманнее профессора Лунца или просто высшие сферы скомандовали избежать чрезвычайного скандала (впрочем, посадить мать двух маленьких детей в тюремную больницу — скандал большой, но не больший же, чем ввести войска в Чехословакию), но только прокуратура вынесла постановление о прекращении дела ввиду того, что я невменяема, и ввиду того, что у меня двое детей. Меня передали на попечительство матери.

«Не исключена возможность», что вынесенное Лунцем заключение еще аукнется в моей жизни. Кстати, сразу, после суда над демонстрантами меня вызвали в диспансер. Главный врач диспансера Шостак, не спросив даже, как я себя чувствую, задала мне один-единственный, весьма медицинский вопрос: считаю ли я правильным свое поведение.

— Да, — сказала я.

— И ваш поступок в августе? — слово «демонстрация» она произнести не решалась.

— Да, — сказала я.

— Ну, вам нельзя оставаться дома.

Я пожала плечами. На этом мы расстались. Пока что я дома.

ЗАПИСКИ П. ГРИГОРЕНКО

Краткая хроника

3 мая* утром прибыл в аэропорт Ташкент. Билет был взят не на мое имя. С аэропорта приехал к сестре, но ее дома не оказалось и я поехал к Ильясову, у которого и остановился. Сразу установил, что мой вызов сюда, якобы на суд в качестве общественного защитника, — провокационный. Решил сразу уехать. Ночью поднялась температура до 40°, обложило горло, появился астматический кашель, поднялось давление, начались сердечные перебои.

4 мая днем хозяева заметили слежку за квартирой. «Пусть следят. Мы же не преступники», — сказал я. Но ташкентских друзей это беспокоило.

Ночью с 5-го на 6-е на своей машине приехал один крымский татарин и предложил уехать с ним на другую, более безопасную квартиру. Я от переезда отказался. И потому, что болен, а главное, потому, что скрываться мне незачем. Но, учитывая тревогу друзей и свое болезненное состояние, решил уехать домой.

6 мая боролся за снижение температуры.

7 мая утром мне взяли авиабилет до Москвы, не на мою фамилию, а вечером за 2 часа до отлета на квартиру Ильясова пришли с обыском. Первым вбежал один из постоянных моих московских филёров и с радостью отметил: «А, Григорий Петро-

«Посев» № 4, 1970 г.

* 1969 г. — Р е д .

вич!» — это как раз тот, что во время обыска 19/XI-68 г. у меня на квартире также перевирал мое имя и отчество. Его присутствие и тот факт, что постановление на обыск выписано именно на ту квартиру, где я находился, — а я, собираясь уехать, в милиции не регистрировался, — указывает на то, что я все время находился под платным наблюдением. После обыска, ничего не давшего «искателям», меня арестовали, предъявив постановление на арест по ст. 191⁴ УК УзССР (аналогичной ст. 190¹ УК РСФСР).

8 мая подал заявление прокурору УзССР Рузметову, с копией прокурору СССР Руденко, в котором мотивировал просьбу об изменении меры пресечения. В тот же день, будучи вызван к следователю на допрос, заявил, что никаких показаний давать не буду, пока не будут созданы нормальные условия следствия.

15 мая предъявлено обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР. «Первый провал следствия, — отметил я про себя. — Рассчитывали изъять что-то во время обыска и обсчитались. А теперь юридический казус: «преступление» совершено в Москве, а узбекские органы правопорядка арестовывают «преступника»; не задерживают по просьбе Москвы для переправки, а сами предъявляют обвинение, приняв позу: «Нет у вас в Москве порядка. Преступники на глазах творят преступления. Вот мы возьмемся и наведем в Москве порядок». — Прямо-таки курам на смех».

26 мая. В связи с молчанием Рузметова (я получил пустую бюрократическую отписку за подписью зам. нач. следственного отдела Уз. прокуратуры Никифорова, даже без ссылки на решение прокурора), подаю жалобу Руденко.

30 мая подаю заявление Рузметову, в копии Руденко, в котором требую изменить меру пресечения или перенести следствие, по принадлежности, в Москву, а если в том и другом будет отказано, дать свидание с женой. Если ни одно из этих требований не будет удовлетворено, объявлю голодовку.

2 июня со мной ведется разговор по заявлению от 30/V. Возглавляет группу зам. нач. следственного отдела Никифоров. В группу входят прокурор по надзору Наумова и следователь Березовский. Я настаивал на изменении меры пресечения, т. к. скрываться не могу по характеру, известному всем, а главное, потому, что не считаю себя виновным. Я не написал ни одного анонимного письма, а что подписано мною — правдиво, и я это заинтересован доказать. Не могу я помешать следствию, т. к. все документы, написанные мною, в руках следствия. Что касается места ведения следствия, то УПК прямо указывает: по месту совершения преступления. Никифоров обещает доложить прокурору, который и поручил ему этот разговор. До получения прокурорского ответа, но не более установленного на ответ времени, я обещаю голодовку не начинать.

9 июня. Получен ответ за подписью Никифорова, в котором сообщается: 1) изменить меру пресечения нельзя, т. к. я могу помешать следствию; 2) предоставить свидание с женой не представляется возможным; 3) следствие в Узбекистане, потому что здесь большинство свидетелей.

11 июня посылаю заявление Рузметову, с копией Руденко, о том, что голодовку начинаю с 13. Руденко пишу просьбу о перенесении следствия в Москву и изменении меры пресечения. Показываю смехотворность мотивировки содержания под стражей и

причин ведения следствия в Ташкенте (большинство свидетелей).

13 июня с утра отказался от пищи.

15 июня начали принудительное кормление. Сначала удивился, почему так быстро, потом понял: решили сразу сломить. Пока упаковывали в «смирительную рубашку», били и душили. Потом началась мучительная процедура — вставление расширителя. Мучительность процедуры усиливалась тем, что два зуба оголены, без эмали. Мне их перед отъездом обточили под коронки, но одеть не успели.

16-19 июня — ежедневно процедура кормления. Сопровствляюсь, как могу. Меня снова бьют и душат, вывертывают руки, специально бьют по раненой ноге. Особенно жестоко издевались надо мной 17 июня — в день подписания документов Международного совещания коммунистических и рабочих партий в Москве. Ведущую роль в издевательствах надо мной занимали «лефортовцы», специально для меня присланные из Москвы. После каждого «кормления» писал заявления с описанием зверств.

17 июня написал заявление, что дальнейшая голодовка будет в знак протеста против зверского обращения со мной.

18 июня написал, кого считать виновником моей смерти. После этих двух заявлений жестокости прекратились. Стали просто силой упаковывать в смирительную рубашку. Я сопротивлялся. Число наваливавшихся на меня с пяти в первый день возросло на 19 июня до 12 человек. Борьба продолжалась долго, и я обычно сваливался со страшными болями в сердце. Но я продолжал сопротивляться все настойчивее, надеясь, что сердце не выдержит. Изму-

ченный, я уже желал смерти, рассчитывая, что она поможет разоблачению произвола.

20 июня пришла в камеру прокурор по надзору Наумова и дала понять, что они, собственно, надеются на мою смерть и ждут ее. Меня как током ударило: «Зачем же я им помогаю? Зачем иду на встречу их желаниям?» Когда она ушла, мне совсем в новом свете представилось высказывание в беседе со мной, перед началом моей голодовки, начальника изолятора майора Лысенко В. М.: «Вы не думайте, что Вы заработаете громкие похороны. Нет, их не будет — таких, как у Костерина. И тело Ваше родственникам не выдадим. Они даже не узнают точную дату смерти. Им сообщат может через три дня, а может через три месяца, а может и через полгода. И точного места вашего захоронения не укажут».

Обдумав все это, я заколебался в своем решении «держаться курс на смерть».

24 июня получил сообщение от Березовского, что в связи с моим арестом семья лишена пенсии. Поняв эту информацию как усиление моральной пытки, я, озлобившись на палачей, принял решение.

25 июня послал заявление Руденко с просьбой (еще раз) изменить меру пресечения, т. к. арест повлек за собой лишение пенсии, следовательно, старая, больная жена и сын-инвалид с детства остались без средств к существованию.

27 июня вечером сделал заявление, что с завтрашнего дня голодовку снимаю.

2 июля написал Руденко еще одно письмо, в котором на опыте истекшего времени еще раз показал, сколь незаконно ведение следствия в Узбекиста-

не. До этого 26 июня я пожаловался ему, что узбекские законоблюстители не изволят отвечать на заявления. В связи с этим я прекращаю им писать.

3 июля написал Косыгину обо всех жестокостях и беззакониях против меня и спросил, чем вызвано перенесение этих гонений на семью. Их наказали более жестоко, чем меня, оставив без средств на хлеб. Просил решить вопрос о пенсии старой, больной жене и сыну-инвалиду с детства.

6 августа. Объявлено постановление о назначении амбулаторно-судебно-психиатрической экспертизы. Написал заявление, чтобы от меня включили докторов Клепикову, Мисюрова, Ильясова.

11 августа ознакомился с постановлением об отказе включить моих представителей в состав экспертной комиссии.

18 августа. Судебно-психиатрическая экспертиза. Состав: доктор наук Детенгоф, Каган, Смирнова.

27 августа. Ознакомлен с актом экспертизы: признан вменяемым.

28 августа. Сделал заявление, что в целях ускорения следствия буду давать показания.

С 28 августа по октябрь. Вызывали на допрос 8 раз. По сути был задан один вопрос, правда, к разным документам: «Не Вами ли составлен этот документ, не на Вашей ли машинке напечатан, и распространяли ли Вы этот документ?» Были, правда, вопросы, касающиеся других лиц, но это я сразу отбивал, заявляя, что на любые вопросы, касающиеся меня, отвечаю, о действиях других молчу. Следователю после нескольких неудавшихся попыток пришлось принять это мое заявление к руководству.

Я обратил внимание, что интереса к допросам у следователя нет. На допросы приходит неподготовленный, по несколько раз хватается за одни и те же документы. Из этого я сделал вывод, что мне надо ждать еще одной психо-экспертизы. Срок подходил к концу, а дело явно неподготовленное. «Или, может, собираются продлить срок до 9 месяцев, затем и больше, чтобы просто держать в тюрьме». В общем, мучительные сомнения человека, полностью изолированного, которому не дают свидания, ни переписки с родными (просил не раз), и даже не отвечают на жалобы и заявления.

В октябре следователь не приглашал ни разу.

21 октября вдруг вывезли самолетом в Москву, в Институт им. Сербского. Там продолжал сидеть и после комиссии. Не говорят о заключении и не увозят.

4 декабря поднимаю вопрос, что у меня еще 6 ноября кончилась санкция на арест. Поднимается паника. В тот же день везут в Домодедово на самолет.

5 декабря я снова в изоляторе следственного КГБ УзССР. Здесь тоже заявляю, что без предъявления мне санкции на продление в камеру меня доставят только силой. Находят санкцию, данную еще 21 октября зам. ген. прокурора сроком по 31 декабря. И вот я снова в той же камере, где находился во время голодовки. И снова у камеры лефортовская охрана.

НЕКОТОРЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

1. Физическое воздействие во время так называемого «кормления» — не единственный способ физи-

ческой пытки. Применяли ко мне и другие, более изощренные, но и более замаскированные способы, имеющие ту же цель: лишить меня здоровья.

2. Главное, однако, заключается не в физическом воздействии, а в моральном. Ниже привожу основные приемы подрыва морально-психического состояния.

Незаконный арест в Узбекистане, служащий изоляцией меня трехтысячекилометровым расстоянием от родных и друзей, одновременно явился сильным морально-психическим ударом: «Понимай, мол, законы для нас не писаны. Что хотим, то с тобой и сотворим».

Заключение в подвалах КГБ, хотя по данной статье положено содержать в тюрьме. Этим путем ухудшены условия содержания и питания. Последнее — не менее, чем второе по калорийности и, особенно, витаминности.

Двойная охрана: общая для всего изолятора и персональная, из лефортовских надзирателей, непосредственно у моей камеры.

Режим полного беззакония, даже в мелочах. Меня, например, лишили возможности пользоваться УК и УПК. Ни на одно свое заявление, жалобу, адресованные Рузметову, Руденко (их было 15), ответа не получил. Начиная с октября, перестал отвечать и следователь Березовский. С семьей меня лишили какой бы то ни было связи. В 1964 году я был арестован по ст. 70, и все же следователь информировал меня о семье почти ежедневно. Письмо жены я получил через 2 недели. Первое свидание мне дали через 5 дней после судебно-психиатрической экспертизы. Сейчас мне от жены не передали ни одной даже простой записки о здоровье. 16 декабря в день нашего рождения (у нас день рожде-

ния в один день) жена, напрягаясь материально и физически, приехала за 3 тыс. километров, и ей отказали даже в пятиминутном свидании. После экспертизы в Институте Сербского я пробыл в Москве 15 дней, но свидания тоже не получил. Ежедневные передачи, получаемые всеми находящимися на экспертизе, мне были запрещены. Заключение ташкентской экспертизы мне объявили только через 9 дней. Заведомо зная, как я жду решения, тянули, мучили. На вторую экспертизу привезли без постановления, опять по той же тактике — «что хотим, то и творим». Заключение второй экспертизы вообще не объявили, а на каждом шагу подчеркивают: «ты сумасшедший».

Готовя меня в «сумасшедшие», Березовский распространял клеветнические сведения обо мне. Случайно я узнал о таких сообщениях следователю КГБ Обушаеву и следователю Узбекской прокуратуры Рутковскому. Прибегал Березовский к прямой провокации: 25 сентября, когда Березовский, не подготовив вопроса для меня, рылся в бумагах, у нас с Обушаевым завязалась частная дискуссия. Вдруг Березовский, перебивая Обушаева, на самых высоких нотах закричал: «Что ты ему доказываешь? Ведь он готов на любом суку повесить нас с тобой!» С криком он долго варьирует это утверждение, ясно рассчитывая на мою вспышку. Но я переждал, пока он кончит, и спокойно сказал: «Могу ответить на это только несколько перефразированными словами Лидии Чуковской: Вы, может, и заслужили повешения, но наш народ не заслужил, чтобы его продолжали кормить повешениями. Уважая наш народ, вешать Вас отказываюсь».

Мне очевидно, что вся обстановка создана для того, чтобы внушить чувство безвыходности, безна-

дежности, отчаяния. Сказанное начальником изолятора о последствиях моей смерти преследовало ту же цель, так как подчеркивало: «Ты в полной нашей власти, и не только теперь, но и после смерти». И не удивительно, что в такой обстановке идут на смерть. Меня от смерти спас случай.

Только теперь я по-настоящему понял, в чем был особый ужас положения тех несчастных, которые миллионами гибли в застенках сталинского режима. Не физические страдания, — их можно перенести. Но людей лишали каких бы ни было надежд, убеждали их во всевластии произвола, в безвыходности. И это непереносимо.

3. Весь ход следствия по моему делу указывает, что искали не доказательств совершения преступления, а способ так обойти законы, чтобы меня можно было бросить в заключение как бы на законном основании. А чтобы я каким-нибудь образом не помешал этому, то искали пути, следуя которым можно было бы не допускать меня к ознакомлению с делом. В общем, наказание за убеждения путем ложных и лживых обвинений, изоляции, а затем пожизненной тюремной психобольницей.

ВТОРАЯ ЭКСПЕРТИЗА

21 октября перед ужином вдруг открывается дверь моей камеры (№ 11) в Ташкентском следственном изоляторе КГБ. Входит начальник изолятора майор Лысенко Виктор Моисеевич. За ним дежурный старшина и еще двое надзирателей.

— Петр Григорьевич, Вам ничего не снилось?

Пожимаю плечами.

— Так вот, Вас приказано отправить в Москву.

Не спеша одевайтесь, соберите свои вещи. Что у Вас сдано на склад?

Отвечаю. Все уходят. Начинаю одеваться. Минут через 20 я уже с вещами в дежурке. Туда же доставлены вещи из кладовой. Все упаковывается вместе для отправки со мной. Из этого заключаю, что отправляют меня «насовсем». Если бы на время, да еще в Институт Сербского, то брать вещи из склада было бы бессмысленно. Ведь в институте отбирают даже надетое на тебе.

Короткая процедура передачи меня караулу — четверо во главе с майором Малышевым — и я в «воронке», а затем и в самолете. Настроение хорошее. Что бы меня ни ожидало, перебросить меня в Москву — это уже отступление беззакония. А видеть произвол отступающим всегда приятно, даже и в моем положении.

Первый конфликт на аэродроме в Домодедово. Несмотря на то, что нас встречают два тюремных микроавтобуса: один для меня и «моего» караула, второй с дополнительной, московской охраной, мне предлагают залезть в бокс — в клетушку, в которой при моем росте можно сидеть только скрючившись и плотно прижавшись спиной и боками к железной обшивке. А на улице уже холодно и железо основательно остыло. На мне даже нет легкого осеннего пальто. Мои «опекуны» об этом не подумали вовремя, и я еду в легком летнем костюме. Первая и, я думаю, вполне естественная реакция — отказаться от столь «комфортабельного купе». Небольшая заминка. Встречающие меня, натолкнувшись на мой решительный протест, растерялись. У них ведь нет другого выхода, кроме как затолкать меня в этот «бокс». Но ведь мы на аэродроме — кругом народ.

Значит, не избежать шума. Это понимают и они, и я. Им шум невыгоден, нежелателен. А мне?!

Они вряд ли поняли, почему я, только что решительно заявивший, что не поеду в «боксе», вдруг молча полез в него, без какого бы то ни было вмешательства с их стороны. Для них это полная неожиданность. Они не сомневались, что я, затевая скандал, хочу привлечь внимание окружающих. И это был бы с моей стороны разумный, справедливый шаг. Но я вовремя вспомнил, что меня, вполне вероятно, везут в Институт им. Сербского. А там скорее всего заинтересованы в получении поводов для признания меня психически невменяемым. Скандал на аэродроме вполне может послужить таким поводом. Я решил такого повода не давать.

Поездка была до крайности мучительной. К неудобному положению и холоду, о чем я уже говорил, добавились выхлопные газы, которые каким-то образом пробивались в мой «бокс». В результате я прибыл в Лефортовскую тюрьму в полубессознательном состоянии. По прибытии — обычный обыск, сдача вещей на склад, получение постельных принадлежностей. До камеры (№ 46) добрался лишь около часу ночи (4 часа по Ташкенту). Несмотря на это, подняли меня, как всех, в 6 утра.

После завтрака снова сборы, сдача казенного, ведут из камеры, обыск. Зачем все это, — никто не говорит. Но по тому, как смотрят на меня надзиратели, твердо решаю: Сербский. Сомнение внес начальник тюрьмы полковник Петренко, который изволил лично проводить меня. На вопрос «Куда меня отправляете?» он без запинки ответил: «В прокуратуру. Там хотят с Вами поговорить. И я от души желаю, чтобы Вы сюда не вернулись»... «Вы меня поняли?» — спросил он, когда я уже сел в «во-

ронók». Я ничего не ответил, но в голове мелькнула радостная мысль: «Неужели прекращено дело?»

Но мысль эта продержалась недолго. Несмотря на то, что путь наш был виден мне только позади машины и в чрезвычайно узком секторе, я, хорошо зная Москву, быстро обнаружил, что направляемся не в сторону прокуратуры. Когда же промелькнули площади Маяковского, Восстания, Смоленка, сомнений не осталось — Сербский.

В этом для меня, собственно, ничего нового не было. Я давно потерял веру в разум творцов произвола. Поэтому я и не надеялся на прекращение дела. Знал я и то, что любой преступник боится гласности. А суд — гласность. Значит, и на суд меня не пустят. Значит, остается одно — признать меня сумасшедшим. В Ташкенте с этим произошла ошибка. Березовский, — самовлюбленный кретин, — всерьез поверил, что сможет создать дело против меня. Поэтому он не мог понять заключение психиатрической экспертизы и не озаботился подбором такого ее состава, который обеспечивал бы безотказное признание меня невменяемым. В результате создалось положение, потребовавшее вмешательства Москвы.

Я ждал этого вмешательства с тех пор, как прочитал заключение Ташкентской психоэкспертизы (18/VII). Убеждало меня в этом и поведение Березовского. Видимо, получив нагоняй от начальства, он скис после экспертизы и утратил всякий интерес к моему делу. Поэтому я все время ждал второй экспертизы и знал, что на этот раз рисковать не станут и направят меня в то учреждение, которое для этого и существует, чтобы превращать неудобных КГБ людей, которые преступлений не совершали и являются психически нормальными, в «опасных для

общества неувменяемых». Подчеркиваю: я знал это. Но кто не надеется, где-то в тайниках души, на лучший исход! Для меня лучшим исходом был бы суд, или прекращение дела. Слова начальника Лефортовской тюрьмы пробудили надежду на последнее. Очень быстро я понял, что сказанное им — ложь. При этом ложь подлая, направленная на то, чтобы созданием временной иллюзии сделать реальность еще более тяжелой.

Естественно поэтому, я выходил из машины озлобленным на тюремщиков всех рангов и специальностей и отказался разговаривать и с майором, возглавляющим лефортовский караул, и с дежурным офицером охраны института, и с принимавшим меня врачом Майей Михайловной. Так началась моя вторая экспедиция в Институт им. Сербского. Ничего хорошего я от нее не ожидал. И первые шаги показали, что самые худшие мои опасения имеют под собой основание.

Меня, что называется «с ходу», загнали в одиночку, закрыли на замок и к двери приставили специальную охрану, которая не пропускала сюда никого из «политиков». Чтобы суть сказанного могли понять и те, кто никогда не был в отделении, где оказался я (в 4-ом), мне придется дать краткое описание планировки отделения.

Если входить в 4 отделение с лестничной клетки, ведущей к прогулочным дворикам, то вы окажетесь в одном из торцов широкого длинного коридора, упирающегося вторым торцом в дверь комнаты дежурной сестры. Из этой комнаты есть и второй выход — к кабинетам врачей и на другую лестничную клетку. По обеим сторонам коридора — палаты уголовников, или, как их здесь называют, «бытовиков», процедурная, ванная, уборная. Последняя дверь сле-

ва, — в самом конце коридора, — ведет в отсек для политических, т. е. обвиняемых по статьям в государственных преступлениях. Открыв эту дверь, попадаем в небольшую прихожую. Прямо напротив, через прихожую, вход в палату на 4 койки, через эту палату проходим в другую — на 3 койки. Слева от двери из коридора — микроскопическая уборная с раковиной для умывания, вправо — сама прихожая. В конце нее (слева) дверь в еще одну небольшую палату. Вот в нее-то меня и поместили. Предъявленная мне статья не входит в главу «Государственные преступления». Поэтому обвиняемые по этой статье проходят экспертизу в палате для «бытовиков». Меня поместили в отсек для политических, но изолировали от них. В отделении я был единственным человеком, который находился на камерном режиме. Все остальные общались между собой свободно: бытовики с бытовиками, политические с политическими. Не допускается только общение между бытовиками и политическими. Меня не допускали ни к тем, ни к другим. Вскоре мне стало известно, что я, кроме того, нахожусь на положении «поручика Кижже». Все в отделении, — и бытовики, и политические, — жили под своими фамилиями. Мою же фамилию знали только врачи. Сестрам и остальному персоналу сообщили только мое имя и отчество.

Все это, естественно, не могло не насторожить. Но я твердо решил не давать поводов для психиатрических прицепок и вел себя спокойно. Однако на каждом обходе задавал вопрос: долго ли меня еще будут держать в строгой изоляции, и чем таковая вызвана? Ответы приводить не буду. Они совершенно несуразные и лживее один другого. Не скрывал, что не верю сказанному, но и не спорил. Обычно я спокойно говорил: «Ну и считайте, что я поверил».

На восьмой день мою палату, наконец открыли; что к этому понудило, — сказать трудно. Или не получили от изоляции результатов, на которые рассчитывали, или уже нечем было объяснить особенность моего положения и, в частности, то положение, что я оказался лишенным прогулок, или же были получены новые указания по режиму моего содержания. Так или иначе, но я, наконец, смог познакомиться с политиками. Правда, поговорить с ними пока не было никакой возможности. Санитарки, видимо, специально проинструктированные, настойчиво мешали нашему общению. Когда же я, наконец, смог познакомиться с этими людьми поосновательнее, то понял, что контингент подобрали специально для меня. Кстати, заканчивалась эта процедура в дни моей изоляции. Подобрали, видимо, с таким расчетом, чтобы впоследствии можно было сказать: «Вот видели, кто выступает против нынешних порядков». Но это — тема особая. Если судьба сохранит меня, надеюсь рассказать о тех, с кем я столкнулся в этот период. И полагаю, что выводы из этих рассказов, будут диаметрально противоположные тем, которых хотели добиться, подобрав такой контингент.

За время моего пребывания в изоляции никаких медицинских обследований не было, если не считать обычных анализов крови и мочи. Правда, один раз пригласила меня на беседу Майя Михайловна. Но беседы не получилось. Все закончилось моим заявлением о том, что я не желаю, чтобы мои ответы на вопросы врача излагались в его вольной записи. «Я могу вести любую беседу, — сказал я, — но лишь с тем условием, что содержание моих ответов будет записано мной лично». В необходимости этого меня убедил прошлый опыт.

Наблюдавшая за мной в 1964 году врач — Маргарита Феликсовна — записывала мои ответы невероятно извращенно. И делала это не только потому, что ей страшно хотелось представить меня невменяемым, но и в силу своей полной политической неграмотности и обывательской психологии. Последнее, пожалуй, было самым главным, что мешало ей понять меня правильно. Был, например, с ее стороны такой вопрос: «Петр Григорьевич, Вы получали в Академии около 800 рублей. Что же Вас толкнуло на Ваши антигосударственные действия? Чего Вам не хватало?» Я взглянул на нее и понял, что любой ответ бесплоден, что для нее человек, идущий на материальные жертвы, невменяем, какими бы высокими побуждениями он ни руководствовался при этом. Поэтому я ответил кратко:

— Вам этого не понять. Мне дышать было нечем. — И надо было видеть, как радостно блеснули ее глаза, как быстро чиркнула она в блокноте мой ответ, вероятно, свидетельствующий, по ее мнению, о том, что перед ней — сумасшедший маньяк.

Так было в 1964 году. И поскольку у меня не имелось оснований рассчитывать на то, что истекшие годы в политическом и моральном облике психиатров Института им. Сербского произошли изменения к лучшему, я счел за благо для себя не давать им права производить вольную запись моих ответов на их вопросы.

Кончилась изоляция — начались и обследования. В первый же день после открытия палаты я был приглашен на беседу с зав. отделением профессором Лунцем Д. Р. Присутствовала и Майя Михайловна. Содержание беседы излагать не буду. Во-первых, потому, что после ее окончания, я, согласно достигнутой с Лунцем договоренности, письменно изложил

содержание сказанного мною. Следовательно, эта запись должна быть в деле и при надобности сможет говорить сама за себя. Во-вторых, беседа по своему содержанию аналогична излагаемой ниже беседе с председателем экспертной комиссии. Единственное из этой беседы, что я не осветил в письме Лунцу и о чем не было разговора с председателем, — это вопрос о причинах незаконных правительственных репрессий, обрушенных на меня в 1964 году и в последующие годы. Я сказал Лунцу, что я могу объяснить это только тем, что Институт им. Сербского дал на меня два заключения. Одно, признающее меня невменяемым, — для суда, другое — для правительства. В последнем, полагаю, указывалось, что невменяемость мне дали из гуманистических соображений, учитывая мои заслуги, возраст и здоровье. Фактически же я вменяем. Второе заключение, — сказал я, — могло быть и устным. Лунц горячо доказывал, что я ошибаюсь, что институт дал только одно заключение — для суда. Когда он закончил свои уверения, я спросил: «А чем же Вы объясняете тот факт, что психически невменяемого человека лишили заслуженной пенсии и подвергли другим исключительным по своей жестокости гонениям? Ведь на такой поступок могли пойти только люди, которые сами с травмированной психикой. Но мне не хочется думать, что нами правят бешеные люди, и потому я настаиваю: у правительства имелось иное, чем у суда, заключение. Вы со мной не согласны?» Но он только угрюмо проворчал: «Никакого другого заключения институт не давал».

Беседа с Лунцем мне досталась очень дорого. Еще в день приезда в институт я почувствовал неизвестную мне до этого боль в затылочной области. В тот же день я заявил об этом. Мне сказали: «Завтра

принимает терапевт и мы покажем ей Вас». Но почему-то не показали. А так как терапевт принимает один раз в неделю, то я должен был продолжать привыкать к непривычной для меня боли. Первое напряжение, вызванное беседой с Лунцем, доконало меня. Боль в затылке стала невыносимой, и я свалился. Ночная сестра, измерив мое давление, сделала укол магнезии, и мне удалось уснуть. Днем боль снова усилилась, и меня стало тошнить. В этот день (30 октября) меня, наконец, осмотрел терапевт. Было назначено лечение. Через пару дней боль стала меньше, и обследование продолжалось.

Серьезным обследованием, наряду с беседой Лунца, здесь считают психологическое. Проводил это обследование очень прятный и рыхлый мужчина, примерно моих лет. Майя Михайловна, присутствовавшая при этом, называла его профессором. Присутствовала и еще одна женщина, — видимо, ассистент, — которая безотрывно строчила в свой блокнот. Беседа с этим профессором была глупейшей по содержанию. Подобная беседа, возможно, и нужна, когда имеешь дело с кретином или выжившим из ума, впавшим в старческий маразм человеком. Но в данном случае не надо было большого ума, чтобы сразу понять неуместность такой беседы. Профессор, несомненно, понял это и все время держался и чувствовал себя смущенно. Я смущался, пожалуй, не меньше. Еще по прошлой экспертизе я знал, в чем суть психологического обследования, и я хотел отказать от него. Но та же мысль — не давать повода для прицепок — погнала меня и на эту беседу. Мне было страшно неловко, особенно за профессора. Я не буду пересказывать весь наш разговор, но чтобы незнакомые с таким обследованием люди могли получить хоть поверхностное представление о нем,

приведу два вопроса психолога, которые я считаю самыми умными из всех заданных мне.

1. Мне было предложено последовательно вычитать из двухсот — семнадцать, называя после каждого вычитания вслух остаток. Я проделал это, но когда дошел до последнего остатка (13), мне показалось, что это неверно, и я сказал:

— Я кажется ошибся где-то.

— А проверить можно? — спросил профессор.

— Да, конечно, — ответил я. И тут же поделив 200 на 17, убедился, что конечный результат последовательного вычитания правилен.

2. Мне показали рисунок, видимо, из «Крокодила»: стол, за которым сидят — с одной стороны женщина, а напротив нее мужчина, оба смотрят на мужчину, стоящего у председательского кресла, в поднятой руке которого курортная путевка. Под рисунком подпись: «Кому четвертую?» Профессор спросил, в чем суть вопроса. Чтобы не обижать читателей, своего ответа на этот вопрос приводить не буду. Подчеркну лишь, что отвечал серьезно, как ученик на уроке в школе. После этого меня дважды вызывала Майя Михайловна; о чем она хотела поговорить со мной во время первого вызова, не знаю, т. к. ее пригласил к себе Лунц, когда она еще не закончила словесной разминки. Меня отправили в отделение. Во время второго вызова она сообщила мне о предстоящей комиссии. На этом мои предварительные встречи с врачами и закончились, если не считать врачебных обходов, проводившихся дважды в неделю. На всех обходах задавали один и тот же стереотипный вопрос: «Как себя чувствуете?» Ответ был под стать вопросу: «Как обычно». На этом мы и расставались.

Кроме бесед с врачами и, упомянутых выше, ла-

бораторных анализов, были проведены следующие инструментальные обследования: рентген грудной клетки, рентгеновский снимок позвоночника (по моей жалобе) — на предмет обнаружения отложения солей — и энцефалограмма (дважды). Причем, второй раз съемка продолжалась свыше часа (обычно на это уходит не более 15 минут). Прекратили лишь после того, как я заявил, что больше терпеть не могу. Мне и действительно было невтерпех. Образовались глубокие вмятины от зажимов на моем безволосом черепе, и началась сильная головная боль от этого. Мои ноги сантиметров на 20 выходили за габариты лежака и, свисая с него, сильно затекали.

Таким образом, за 28 дней т. н. клинического обследования, т. е. со дня моего прибытия в Институт (22 октября) и до дня заседания комиссии (19 ноября), в руках последней, дополнительно к тому, что имела Ташкентская комиссия, оказалась только моя последняя энцефалограмма (у Ташкентской имелась энцефалограмма 1964 года). Стоит ли из-за этого доставлять в Москву 5 человек? Или права Ташкентская комиссия, записавшая в своем заключении, что стационарная экспертиза не только ничего не даст нового, но даже может деформировать картину в связи с болезненным реагированием обвиняемого на обследование его в условиях психиатрического судебно-экспертного учреждения. У меня нет никаких сомнений, что у Московской комиссии не было никаких данных, каких не имела бы Ташкентская комиссия. Тем важнее для меня возможно более точно осветить ход заседания судебно-психиатрической экспертной комиссии в институте им. Сербского.

Большая комната, плотно заставленная канцелярскими столами. Один из них посреди комнаты. За ним сидят четверо. На председательском месте —

довольно молодо выглядевший, упитанный шатен со слегка вьющимися волосами. Это, как я узнал впоследствии, директор Института судебной психиатрии им. Сербского член-корреспондент АМН* СССР Морозов. Слева от него — Лунц, справа — человек в коричневом костюме, единственный в комнате без халата. Поэтому я его с ходу окрестил ЧБХ (человек без халата). Напротив председательствующего — Майя Михайловна. Мне показывают место в стороне от стола — вблизи председателя. Сажусь. Осматриваюсь.

— Что, много знакомых?

— Да. Но из старых — только Даниил Романыч** и врач, что сидит вон там у окна. С ним встречался в Ленинграде, когда в 1964 году решался вопрос о моей выписке из ЛСПБ.*** Остальные, — указываю я на врачей 4-го отделения, — нынешние знакомые.

Я понял, что за центральным столом — комиссия, остальные присутствуют, учатся. Они расположились за столами, стоящими у стен в такой последовательности, если перечислять от левой руки председательствующего: Зинаида Гавриловна, Яков Лазаревич, мой ленинградский знакомый. Любовь Осиповна и у самой двери Альберт Александрович. На его обязанности лежит доставка экспертных. Во всяком случае, меня он привел на комиссию и проводит в отделение. Обращаю внимание на то, что по фамилии я называл только Лунца. Это особенность порядков данного учреждения. По закону мне были обязаны назвать всех экспертов, и я даже имею право отводить одних и ходатайствовать о включе-

* Академия медицинских наук. — Р е д .

** Проф. Лунц. — Р е д .

*** Ленинградская спецпсихобольница. — Р е д .

нии других. В Ташкенте так и было. Здесь сидят жрецы, которые священнодействуют, и ты, ничтожный, не имеешь даже права знать, кто они. Но возвратимся к комиссии. Разговор начинает председательствующий:

— Ну, как себя чувствуете?

— Не знаю, что Вам ответить. Вероятно так, как чувствовал бы себя подопытный кролик, если бы мог осознать свое положение.

— Нет, я не об этом. Мне хотелось бы знать, есть ли разница в самочувствии по сравнению с экспертизой у нас в 1964 году.

— Есть.

— В чем?

— Видите ли, тогда для меня такой прием следствия, как превращение обвиняемого в сумасшедшего, оказался совершенно неожиданным. Я был буквально потрясен этим открытием и на персонал Института смотрел как на специально подобранных закоренелых преступников. Я считал, что меня привезли сюда для того, чтобы «оформить» заключение в сумасшедший дом до конца дней моих. Поэтому ко всем здешним работникам я относился с ненавистью, в силу чего был предельно возбужден, раздражителен, не хотел считаться ни с какими здешними правилами, много времени уделял политическому просвещению окружающих меня экспертных. Всем этим, я, видимо, производил странное впечатление на окружающих и тем мог дать какой-то повод для признания меня невменяемым.

— Даниил Романович говорил мне, будто в беседе с ним Вы сказали, что происходившее тогда представлялось Вам, как в тумане.

— Да я и сейчас по сути говорю то же самое. Мое открытие меня тогда так потрясло, что я и сейчас

воспринимаю происходившее в то время, как кошмар, ужасный кошмар.

— А теперь?

— Теперь положение иное. Во-первых, психиатрическая экспертиза сейчас для меня — не неожиданность. Во-вторых, после того я узнал много высокопорядочных психиатров и помню, что даже в тех случаях, когда имеешь дело с преступным учреждением, нельзя забывать, что там тоже работают люди, и среди них могут быть очень порядочные, и я решил во всех своих общениях с людьми ориентироваться именно на порядочных. Поэтому сейчас я совершенно спокоен и вижу вокруг не просто врачей, а людей. Надеюсь, что и эксперты постараются увидеть во мне человека (я ему улыбнулся).

— Да, но все, что Вы говорите, связано с событиями самой экспертизы, а ведь были действия, которые заставили и без врачей усомниться в Вашей вменяемости?

— Я таких действий за собой не знаю.

— А вот в протоколе комиссии, определившей возможность прекращения Вашего содержания в ЛСПБ, указано, что Вы признали свои действия ошибочными.

— А я это и сейчас признаю.

— Ну, а как увязать одно с другим?

— Очень просто. Не всякая совершенная человеком ошибка есть результат нарушения его психики. Мои ошибки явились следствием моего неправильного политического развития — слишком грубо прямолинейного, большевистско-ленинского воспитания. Я привык считать, что правильно только, как Ленин учил. Поэтому, когда я столкнулся с расхождением между тем, что написано Лениным, и тем, что делается в жизни, я увидел из этого только один

выход: назад к Ленину. Но это была ошибка. В нашей жизни произошли необратимые изменения, и никто не в силах вернуть жизнь не только что к 1924-му, но даже к 1953-му году. Дальнейшие шаги можно совершать, лишь отталкиваясь от сегодняшнего дня, используя ленинское теоретическое наследие творчески, с учетом всего накопившегося опыта. Этого я тогда не понимал, и в этом была моя главная ошибка. О ней я прежде всего думал, когда признал ошибочность своих действий. Суть своих ошибок я там не раскрывал. Да этого от меня и не требовали. Поэтому оставалось невыясненным тогда и то обстоятельство, что ошибки мои не относятся к числу тех, кои исправляются вмешательством психиатров.

— А чем же объяснить, что после вмешательства психиатров Вы год или полтора вели себя как положено, нормально, а затем снова принялись за старое?

— Психиатры не имеют никакого отношения к моему, так называемому, «нормальному» поведению. Я думаю, Вы под этим подразумеваете то, что я ничего не писал для распространения? (Председатель утвердительно кивает головой.) Но не писал я в 1965 и в 1966 годах по двум, независимым ни от меня, ни от психиатров причинам.

Первая. Не было времени. Я работал, добывая кусок хлеба для себя и своей семьи, грузчиком в двух магазинах. Получал за эту работу в общей сумме 132 рубля, т. е. почти столько, сколько платил подоходного налога с жалования, выплачивавшегося мне в Военной академии. Работа очень тяжелая. Рабочий день 12 часов, и выходных не было. Поэтому я изматывался страшно. Когда приходил домой, то сил хватало только, чтобы добраться до постели.

Исхудал до того, что одежда висела на мне, как на вешалке.

Вторая. В эти первые полтора года я еще надеялся, что удастся добиться восстановления незаконно отобранной у меня, заслуженной пенсии. Если бы это удалось, мы сейчас не разговаривали бы с Вами здесь, т. к. я еще в ЛСПБ наметил, что по освобождении сосредоточусь на написании истории Великой Отечественной войны. У меня, что называется, «душа горела» к этой работе. Но опыт показал, что незаконные репрессии не только не отменяются, но нагромождаются чем дальше, тем больше. Недопущение меня ни к какой работе, с целью поставить в условия полуголодного существования, непрерывная оскорбительная и незаконная слежка продемонстрировали со всей наглядностью, что еще не пришло время для того, чтобы залезать в башню из слоновой кости для занятий «чистой наукой». До тех пор, пока в нашей стране произволу не поставлен надежный заслон, каждый честный человек обязан принять участие в создании такого заслона, чем бы это ему ни грозило. И я встал в ряды борцов против произвола.

Но вы ошибаетесь, когда говорите, что я принялся за старое. То, что мною делалось в последние 2 года, не имеет даже внешнего сходства со старым.

Тут меня прервал ЧБХ, бросив реплику-вопрос:

— В чем же разница? Только тактика другая, а суть одна и та же.

— Нет! И суть другая. Там типично большевистское решение: создание строго законспирированной нелегальной организации и распространение нелегальных листовок. Здесь никакой организации и никаких листовок, а открытые, смелые выступления против актов очевидного произвола, против лжи и

лицемерия, против извращения истины. Там призыв к свержению тогдашнего режима и к возвращению назад — к тому, на чем кончил Ленин. Здесь призыв к ликвидации очевидных язв общества, борьба за строгое соблюдение существующих законов, за осуществление конституционных прав народа. Там призыв к революции. Здесь открытая борьба в рамках дозволенного законом — за демократизацию нашей общественной жизни. Что же здесь общего в тактике и в существе? Конечно, если считать нормальным советским человеком только того, кто покорно склоняет выю перед любым произволом бюрократа, конечно, я «ненормальный». На такую покорность я не способен, как бы и сколько бы меня ни били.

Я говорил и говорю еще раз: в 1963-64 годах я совершил ошибки. Но для их исправления психиатры не требовались. Я начал понимать эти ошибки еще до ареста. В тюрьме много свободного времени, и я, внимательно проанализировав пройденный путь и еще раз перечитав всего Ленина, сам увидел, сколько грубейших ошибок я натворил. Но наличие таковых в моих действиях не может свидетельствовать о моей психической невменяемости. Больше всего ошибок делают именно нормальные люди. Притом особо активные, смелые, ищущие. В своих действиях последних лет я тоже вижу ошибки, но исправлять их опять-таки не психиатрам.

— А в чем Ваши теперешние ошибки?

— Мне кажется, что это — не тема для сегодняшней беседы. Для делового анализа моих ошибок последнего времени нужны единомышленники. Мы с Вами таковыми не являемся. А говорить об этом в форме раскаяния я не могу. Да если бы в чем и раскаивался, то, находясь под топором, каяться не

стал бы. Считаю недостойным человека раскаиваться под угрозой наказания и смерти.

— Ну, спасибо, Петр Григорьевич, мне все ясно. У Вас есть вопросы? — обернулся он к человеку без халата.

Последний в течение всего нашего разговора сидел ко мне боком. При этом очень искусно отвертывал лицо свое в сторону и прикрывал его левой рукой. Меня почему-то очень заинтересовал этот человек, и я, ведя разговор с председателем, все время пытался рассмотреть лицо ЧБХ. Но у меня как-то не получалось. Когда председатель обратился к нему и он заявил, что у него есть несколько вопросов, я обрадовался: «Наконец-то я увижу твое лицо». Но не тут-то было. И задавая вопросы, он сумел скрыть свое лицо. Низко склонившись над столом, он спрашивал, глядя на меня из-под левой руки. Получалось, что ты вроде бы видишь его лицо, но запечатлеть не можешь. Невольно у меня мелькнула мысль: «Да ведь он не ЧБХ, а ЧПЛ (человек, прячущий лицо)». Так я его лица и не рассмотрел, хотя потратил на это все время своего нахождения в комиссии. Увлечшись его лицом, я не заметил и других его примет: ни роста, ни комплекции, ни цвета волос. Только коричневый цвет костюма остался в моей памяти.

— Как Вы представляете свою будущность? — задал свой первый вопрос ЧБХ или, пожалуй, вернее ЧПЛ.

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Сейчас я при всем желании не могу смотреть далее суда.

— А Вам что, обязательно хочется попасть на суд?

— К сожалению, решение этого вопроса зависит не от меня. Я, разумеется, предпочел бы, чтобы дело

было прекращено на стадии предварительного следствия. Но это, повторяю, зависит не от меня.

— Но ведь от суда может избавить и лечение.

— Мне не от чего лечиться. А симулировать, чтобы избавиться от ответственности, я не намерен. За содеянное готов отвечать полной мерой.

— Но если Вас осудят, Вы лишаетесь пенсии.

— Есть хорошая русская пословица: «Снявши голову, по волосам не плачут». Осудят или засадят в тюрьму, именуемую СПБ, я потеряю свободу прежде всего. А ее пенсией не заменишь. Что же мне тужить по ней. А потом, почему непременно осудят? Я себя виновным не считаю и попытаюсь доказать это суду.

— А что же Вы, собираетесь защищаться, не считаясь ни с чем?

— Я не совсем понимаю, что означает Ваше «не считаясь ни с чем». Я не собираюсь лгать и извращиваться. Я буду искренне и честно говорить о своих действиях и мотивировать их. В общем, я буду считаться с истиной в таком виде, в каком она мне представляется. Но даже если мне не удастся доказать свою невиновность, то максимум, что я могу получить по инкриминируемой мне статье, — 3 года. А это значит, что к тому времени, когда приговор войдет в законную силу, мне останется досиживать около двух лет. Так называемое лечение займет не меньше. Но зато эти два года проведу не в крытой тюрьме, а в ИТЛ, трудясь на свежем воздухе и среди нормальных людей. Но мне ведь могут дать и меньше трех лет, а может, даже ссылку, — прецедент имеется, — в этом случае я и пенсии не лишусь. Наконец, не лишена возможность амнистии к 100-летию со дня рождения Ленина. Амнистия может коснуться и меня, если я буду осужденным.

При «лечении» это же исключено. Сумасшедшего же не амнистируешь от его болезни.

На этом и закончилась моя вторая судебно-психиатрическая экспертиза в этом году и вторая встреча с Институтом судебной психиатрии им. Сербского. Я не знаю пока, каково заключение второй экспертизы. Когда узнаю, для меня окончательно прояснится, является ли именно Институт преступной организацией, оставшейся от проклятого прошлого, или и люди там подлые — под белым халатом скрываются опасные для человечества преступники.

Написано в Институте им. Сербского сразу же после экспертизы, в период между 20 и 25 ноября 1969 года.

СРАВНЕНИЕ ДВУХ ЭКСПЕРТИЗ

6 августа мне предъявляется постановление следователя о назначении психиатрической экспертизы. Ни одного допроса, и вдруг: «А не сумасшедший ли ты, братец?» Но не это должно привлечь главное внимание. Сейчас главное, что следователь на данное дело не видит ничего ненормального в моем поведении. Больше того, доказывая, что это постановление принято только потому, что меня в прошлом признавали невменяемым, он зачитал мне статью из УПК УзССР, согласно которой следователь вправе не объявлять такое постановление обвиняемому. И сказал: «Как видите, я лично считаю Вас нормальным, но по закону это должны засвидетельствовать специалисты».

Тут же, в ответ на мою просьбу включить в состав экспертной комиссии еще трех известных мне

психиатров, он сказал, что это нецелесообразно, т. к. перечисленные в его постановлении эксперты являются высококвалифицированными специалистами и вполне объективными людьми, уже изучают материалы, и включение новых поведет лишь к бесполезному затягиванию времени. Из последнего явствует, что подобранные следователем, без моего участия, эксперты к началу заседания (18 августа) имели не менее 10 дней на изучение материалов. Что же это за материалы?

1) Данные моего клинического обследования в Институте им. Сербского в 1964 году, включая психологическое обследование и энцефалограмму;

2) Материалы Ленинградской спецпсихобольницы;

3) Наблюдения психодиспансера Ленинградского района г. Москвы;

4) Наблюдения тюремной администрации и лабораторные анализы, выполненные тюремной клиникой;

5) Материалы моего следственного дела.

По-моему, вполне достаточно для объективного суждения.

Изучив все это, комиссия в составе заслуженного деятеля науки профессора Детенгофа Ф. Ф., главного психиатра Среднеазиатского военного округа полковника м/с* Кагана Е. Б. и двух врачей судебных экспертов Смирновой и Славгородской 18 августа обследовала меня. Длилось это обследование около трех часов. Со мной долго беседовали. Затем осматривали. В беседе очень активно участвовали все четверо. При осмотре каждый из них считал своим долгом лично проверить мои реакции. При этом что-то долго обсуждают, пользуясь латынью, и даже

* Медицинской службы. — Р е д .

спорят. Был случай, когда проф. Детенгоф что-то проконстатировал, осматривая меня. Сейчас же подошел Каган и, проделав то же, что делал и профессор, сказал: «Что Вы, профессор! Ничего похожего». Подошли оба врача-женщины. Тоже проверили. Затем еще раз проверил Детенгоф, и все сходилось, как мне показалось, на мнении Кагана.

Шел я на комиссию с предубеждением, будучи уверен, что моя невменяемость предрешена. Но атмосфера всего обследования была столь деловой, дружелюбной, что я как-то незаметно успокоился и поверил в возможность объективного заключения.

22 августа меня привезли совершенно неожиданно, без предварительного ознакомления с постановлением следователя о назначении повторной экспертизы, в Институт им. Сербского. Бросаются в глаза две резкие несуразности.

1. Можно считать вполне естественным, если защита просит назначить вторую, и даже третью, четвертую экспертизу для своего подзащитного, совершившего тяжкое преступление, за которое грозит смертная казнь или максимальный срок заключения. Но зачем нужна вторая экспертиза следствию, если ему удалось собрать достаточные доказательства преступления, да еще при том условии, что обвиняемому грозит не более трех лет? Очевидно, что она ему нужна только в том случае, если сомнительно наличие состава преступления, а доказательства вообще шиты белыми нитками.

2. На каком основании следователь, не сомневавшийся во вменяемости обвиняемого до того, как он был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу, после того, как последняя признала его полностью вменяемым, настолько усомнился в этом, что даже считает невозможным обосновать свое поста-

новление об экспертизе? Не правильнее ли будет предположить, что следователь делает это, чтобы не получить отвода экспертов, заведомо зная, что у обвиняемого имеются для этого достаточно веские основания? Иными словами, следователь создает все условия, чтобы получить нужное ему заключение о моей психической невменяемости.

Теперь об экспертной комиссии Института им. Сербского. Эта комиссия имела в своем распоряжении, кроме материалов, имевшихся в Ташкентской комиссии, еще одно психологическое обследование и еще одну энцефалограмму. Так ли уж это важно для суждения о вменяемости? Наконец, о заседании этой комиссии. После того, что я наблюдал в Ташкенте, происходившее в Институте им. Сербского можно рассматривать лишь как издевательство над понятием «экспертиза». Никаких осмотров. Простой следовательский разговор, который ведет только один человек. Майя Михайловна строчит в своем блокноте, а два остальных члена комиссии пребывают в полудремотном состоянии. Даниил Романович так далеко витал своими мыслями, что председателю, когда он обращался к нему с вопросом, пришлось повторить этот вопрос. Тот, кто вел беседу, тоже по сути не слушал ответов. Общее впечатление такое: все уже решено, а происходящее есть только официальная часть «приложения руки» к уже готовому.

Таким образом, основной вывод, который можно сделать из сравнения двух экспертиз, сводится к следующему: обе комиссии располагали абсолютно одними и теми же данными; еще одна энцефалограмма, еще одно психологическое обследование и замена наблюдения квалифицированных и объективных надзирателей наблюдением малограмотных,

да к тому же склонных и любящих посплетничать, санитарок вряд ли могли обогатить вторую экспертизу. Следовательно, разница лишь в названии: первая называется лабораторной, вторая — клинической.

Но есть и другая разница — по существу: первая комиссия работала как медицинская и общалась со мной в течение почти трех часов, вторая — как следственная; видели меня члены этой комиссии в течение 20 минут и относились к разговору председателя с полнейшим безразличием.

Как общее заключение, из этого следует: в Ташкенте внимательно изучили материалы, всесторонне обследовали меня и сделали всестороннее, обоснованное, объективное заключение; в Институте им. Сербского вообще обследования не было: принцип «защищать честь мундира» лежал в основе работы этой комиссии. Естественно поэтому, что она просто проштемпелевала свое заключение 1964 года, прикрыв эту штамповку видимостью обследования.

С. Писарев
П И С Ь М А

В Президиум АМН СССР

Уважаемые товарищи!

Вы возглавляете в нашей стране медицинскую науку.

Вдобавок, многие из вас — члены ленинской коммунистической партии, т. е. принципиальные борцы за торжество дела Ленина, за преодоление на своем участке всего, что ему мешает.

Никто, кроме вас, не в состоянии с полным знанием дела разобраться в излагаемом здесь вопросе, вопросе сугубо-медицинском. Более того, в вопросе, неправильное решение которого нанесло бы прямой ущерб нашей стране, подорвало бы репутацию ее медицинской науки.

(Писарев С.)

20 апреля 1970 года

Р. С. Если бы у вас возникла мысль переложить это дело на кого-либо другого, все же *первое* слово за вами. Без другого мнения компетентное решение вопроса исключается. Только ваше суждение может быть исходным при любом или дальнейшем рассмотрении.

См. «Посев», Пятый спец. выпуск, ноябрь 1970 г.

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР

Уважаемые товарищи!

Из десятилетия в десятилетие — всегда — безысходно-частые ошибки и заключения Института психиатрической экспертизы им. Сербского заставляют просить вашего внимания.

Причины ошибок — в том, что это чисто медицинское учреждение фактически, а спецстационары для его «клиентов», используемые, в первую очередь (а в недавнем — преимущественно), для политических заключенных, — даже формально, находятся вне постоянного контроля и руководства органов здравоохранения. И Институт (хотя формально он передан в ведение Минздрава) и спецстационары состоят в системе административно-следственных органов, используются этими организациями в их целях зачастую в полном противоречии с объективными данными медицинской науки.

Многочисленные конкретные примеры объявления Институтom душевнобольными практически вполне здоровых людей — научных работников и общественных деятелей, а затем на этой основе осуждение их на бессрочное принудительное «лечение», за последние годы, к крайнему ущербу для нашего государства и для авторитета его медицинской науки, стали предметом пристального внимания зарубежной общественности, Организации Объединенных Наций и ряда прогрессивных организаций, начиная с Международной ассоциации юристов-демократов.

Эта порочная практика не нова. Еще в 1955-56 годах, располагая сотнями фактов незаконных расправ при помощи грубо-необъективных экспертных

заключений Института как до, так и после периода т. н. культа личности, — я поставил этот вопрос перед ЦК КПСС. При этом я назвал конкретно множество невинно пострадавших, в первую очередь — партийных работников, ученых и деятелей литературы и искусства. Приводил примеры ученых: Лапина, Никольского, Харитонов, Шафрана, выдающегося кинорежиссера коммуниста Петрова-Быкова; известного советского писателя и поэта Воронскова; старейшего чекиста периода Ф. Э. Дзержинского М. И. Клиндера; заслуженного архитектора Василия Шевандрова (отца советской художницы Ирины Шевандровой); писателя — члена ССП ...упова (кстати, в прошлом врача-психиатра) и многих других. Некоторые ученые, с которыми встречался я, не будучи сумасшедшими и не совершив никаких преступлений, сидели с душевнобольными по восемь и больше лет.

Для проверки моей аргументированной докладной записки Центральный комитет образовал авторитетную комиссию во главе с отв. работником ЦК КПСС А. И. Кузнецовым со включением в нее коммунистов — известных профессоров психиатрии и руководителей крупнейших психиатрических учреждений в стране. Комиссия провела очень большую, углубленную работу в Институте им. Сербского, а также выезжала на места нахождения тогда двух спецстационаров в Казань и в Ленинград.

Все представленные мною данные проверкой были полностью подтверждены, Комиссия немного дополнила их фактами, мне лично неизвестными.

Под видом приговоренных к бессрочной изоляции «душевнобольных» Комиссия обнаружила сотни совершенно здоровых людей. Она констатировала систематические неправильности в заключениях, да-

ваемых Институтом, в частности, — по вине Д. Р.* (в то время — доцента) и ряда других лиц. Было документально установлено, что по вине обследованного экспертного института, советские психиатрические больницы в стране — больше всего обе пресловутые спецтюрьмы для политзаключенных в Казани и в Ленинграде — из года в год укомплектовывались, как правило, вменяемыми; к тому времени уже в трех четвертях случаев было признано — *невинно пострадавшими* жертвами противозаконных репрессий. Обе политические тюрьмы («изобретение» соучастника Ежова — Вышинского) действовали под несвойственным им официальным наименованием: «тюремно-психиатрические больницы», хотя никакого лечения (для действительно душевнобольных) там и не думали проводить.

Дело в том, что со специальной целью маскировки, для «оправдания» фальшивого наименования («больницы») они обе были, примерно, наполовину, заполнены *доподлинными умалишенными*, содержащимися там под видом якобы «политических заключенных». Но менее половины контингента этих «политических заключенных» составляли прирожденные душевнобольные, тяжкие хроники (страдающие олигофрениями, тяжелыми наследственными и приобретенными заболеваниями с органическим поражением мозга и помрачением сознания, самые резкие формы эпилепсии и т. д.). Для специалистов совершенно очевидно, что прирожденные идиоты и перечисленные разновидности умалишенных «политическими преступниками» оказаться никак не могли; но, тем не менее, они содержались именно в спец-

* Имеется в виду Даниил Романович Лунц. — Р е д .

изоляторах МВД для политических заключенных, не получая при этом никакого специального лечения.

Комиссия пришла к единодушному выводу о необходимости коренной, радикальной реорганизации дела психиатрической экспертизы и оказания медицинской помощи душевнобольным из числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Экспертный институт и оба в то время стационара — т. н. «тюремно-психиатрические больницы» в Казани и Ленинграде, созданные специально в годы злодеяний Николая Ежова, Комиссия признала необходимым решительно оздоровить, превратить в полноценные медицинские учреждения и, безоговорочно изъяв их из-под специфичного руководства административно-следственных органов, передать полностью в ведение Министерства здравоохранения СССР.

Однако, несмотря на настойчивые усилия Комиссии и поддерживающих ее работников аппарата ЦК КПСС (Лукьянова, Кузнецова и др.) — ее доклад нигде в ЦК: ни в Секретариате, ни в Президиуме, ни в каких-либо иных органах, рассмотрен не был, и поэтому не выносились никаких решений. Лицо, которому Лукьянов и Кузнецов в то время были подчинены и которое до 1953 г. на достаточно высоких постах активно соучаствовало в политике массовых противозаконных репрессий Ежова — Шкирятова — Вышинского (эта политика, как известно, вскоре была осуждена нашей партией на 20-м съезде), — это лицо на всю проделанную Комиссией огромную и высокоценную работу наложило «вето», скрыло ее от руководства ЦК КПСС и, после двухгодичного злоумышленного задержания всех материалов обследования у себя лично, — тихохонько сдало в архив.

Участники и инициаторы всей проведенной для руководства ЦК КПСС исследовательской работы вскоре были — до единого — под разными предлогами из аппарата ЦК удалены. Ненормальное, вредное для дела, дискредитирующее нашу медицину положение с экспертным институтом психиатрии и с обеими «тюремно-психиатрическими больницами» в Казани и в Ленинграде фактически осталось нетронутым.

Нельзя сказать, что не изменилось ничего. Прошло много времени. В обоих стационарах обстановка в значительной степени оздоровилась в том смысле, что политические заключенные (теперь по ст. ст. 70 и 190 УК) составляют уже только часть всего контингента изолируемых; среди заключенных — особенно не по ст. 70 и 190 УК — процент доподлинных психиатрических больных стал значительно выше, чем раньше, до периода обследования; к фактически-больным кое-какие виды специального лечения начали применять; все чаще и чаще стационары (в которых теперь немало молодых новых специалистов) отвергают, в конце концов, некоторые необоснованные экспертные заключения Института. Но несомненным усугублением констатированного Комиссией ЦК КПСС ненормального положения и пугающим свидетельством роста незаконных политических репрессий при содействии Института им. Сербского является, — вместо полной ликвидации обоих спецстационаров вне общей системы психиатрических учреждений Минздрава, — появление в последние годы *еще новых подобных же* в других городах.

Что касается деятельности самого Института, хотя формально и числящегося теперь в ведении Минздрава, — то в ней никаких сдвигов, к прискорбию, не произошло. Соккрытие от руководства стра-

ной результатов полезной работы Комиссии ЦК КПСС помогло основным работникам Института периода культа личности остаться на прежних местах и бережно сохранять в практике своей работы порочные пережитки этого культа. Кстати, ни одно лицо, виновное в установленных Комиссией ЦК КПСС в 1955-56 годах преступлениях, привлечено к законной ответственности не было. Наоборот, все новые кадры в Институте формировались и воспитывались под тлетворным руководством как раз заведомых преступников.

Вот почему и поныне Институт нередко продолжает, под диктовку отдельных заинтересованных лиц помогать незаконной изоляции, под видом якобы «душевно-больных», многих практически совершенно здоровых, трудоспособных людей. Он помогает некоторым работникам административно-следственных органов оставаться безнаказанными и не поправленными в тех случаях, когда открытое судебное разбирательство грозит доказать неосновательность проведенной ими репрессии. И вот, в таких случаях, во вред нашему государству и партии, и дискредитируя советскую медицинскую науку, Институт услужливо использует наукообразные формулировки, как ширму для недобросовестных должностных лиц следственно-прокурорских органов.

Радикальное устранение этих вредных ненормальностей возможно только при условии передачи всех спецстационаров целиком в ведение органов здравоохранения с обеспечением как для них, так, в особенности, для экспертного института, непосредственного, постоянного и исключительно-бдительного контроля и руководства Министерства здравоохранения СССР с участием в этом контроле всей нашей медицинской общественности.

При неизбежном глубоком изучении вами и Министерством здравоохранения ССРС данного вопроса безусловно целесообразно положить в основу вашей работы злонамеренно скрытые от руководства ЦК КПСС материалы и предложения Комиссии ЦК 1955-56 годов, которые, в своей основе, ни в какой мере не устарели.

Два приложения:

1) В качестве примера из недавнего прошлого (после смерти И. Сталина) — справка о «психиатрической репрессии», которой, при содействии Института им. Сербского, подвергся лично я.

2) И в качестве свежего примера сегодняшнего дня — копия аргументированного протеста против повторного экспертного заключения того же Института в 1969 г. о якобы невменяемости б. старого члена КПСС, ученого и б. боевого советского генерала П. Г. Григоренко, после девяти месяцев вторичного незаконного содержания под стражей, больше всего желающего и могущего доказать перед любым открытым советским судом свою полную невиновность в нарушении каких бы то ни было советских законов, а также свою всегдашнюю, кровью в двух войнах подтвержденную преданность нашей родине, нашей КПСС и марксизму в ленинском понимании.

Коммуниста, ученого, генерала Григоренко никогда и никто не считал сумасшедшим. Только за месяц до экспертизы в Институте им. Сербского в Ташкенте ему была проведена авторитетнейшая психиатрическая экспертиза в составе четырех психиатров с участием гл. психиатра Среднеазиатского военного округа, которая признала экспертируемого психически совершенно здоровым.

Первый, — еще в 1964 г., — столь же порочный и

необоснованный, экспертный «диагноз» Института им. Сербского, поставленный П. Г. Григоренко, был, вслед за тем, после девятимесячного безосновательного заключения его под стражей в ленинградской тюремной психиатрической больнице, психиатрами Ленинграда и Москвы отвергнут, и с учета в психоневрологическом диспансере Григоренко был полностью снят.

(Писарев С.)

20 апреля 1970 года

От Писарева Сергея Петровича

Адрес: Москва, К-9, Б. Гнездниковский пер. 10, кв. 632.

Приложение 1

ПРИМЕР ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

(справка о себе)

Я — коммунист с 16-летнего возраста — с 1918 года, был официально принят в члены партии 4 мая 1920 г., но еще в 1919 г. за дело партии репрессировался белыми. На протяжении пяти десятилетий не только уголовных преступлений не совершил, никаких партийных отклонений не проявлял, но и не имею ни одного партийно-дисциплинарного проступка. По профессии — партийный работник, во второй половине жизни — научный работник в области библиографии. Всю Отечественную войну — политработник на фронте, награжден, инвалид Отечественной войны (2-я группа).

В январе 1953 г., сразу же по опубликовании знаменитого «сообщения ТАСС» о девяти профессорах медицины, якобы изобличенных в том, что они от-

равили руководителей партии и правительства, я обратился к генсеку ЦК КПСС с докладом о порочности работы органов МГБ сверху донизу и, в частности, о необходимости проверить обвинения против «отравителей» помимо МГБ. В день смерти генсека я был арестован, после этого около двух лет находился в заключении, из коих сорок девять суток в Институте им. Сербского и почти полтора года — в ленинградской тюремно-психиатрической больнице. Реабилитирован (заочно) Верховным судом РСФСР по персональному протесту генерального прокурора Руденко после того, как секретарю ЦК КПСС Шаталину было предоставлено ознакомиться с копией моего доклада 1953 г. генсеку, — того самого, на основе которого я был репрессирован.

Как обстояло дело с признанием меня душевно-больным? Ни разу в жизни психически я не болел. Ни к психиатрам, а за последние сорок лет — хотя бы к невропатологам ни разу не имел повода обращаться. Владею собой в норме, без каких-либо срывов. Ни разу в жизни не испытывал хотя бы боли в голове. Тем не менее, Институт, после 49-дневного «изучения», проштамповал мне «диагноз»: шизофрения. Вместе с другими «клиентами» Института, — такими же «больными», как я, — мне с этим диагнозом пришлось просидеть четыре месяца в психиатрическом отделении Бутырской тюрьмы и почти полтора года в Ленинграде (1953 и 54 годы).

Три раза за эти полтора года начальник того отделения (№ 10), где я в тюремных условиях содержался, тюремный психиатр Л. А. Калинин докладывал на тюремно-психиатрической комиссии (как я узнал впоследствии) о том, что я здоров и за свои поступки вполне могу отвечать. Но, как оказалось, все три раза комиссия, послушная административно-

следственным органам (и часто даже возглавлявшаяся приезжающим из Москвы чиновником Главного тюремного управления), хотя и не имея, в отличие от Калинина, обо мне никакого представления, с ним «не соглашалась». Все три раза начальник моего отделения записывал в акты свое особое мнение, вопрос обо мне оставался «открытым»; и меня продолжали держать в заключении.

Чтобы не компрометировать Институт им. Сербского, все три раза психиатрическая комиссия предлагала диагноз «шизофрения» заменить диагнозом «паранойяльная психопатия».

С целью опровергнуть и то и другое, мне, вместо того, чтобы выйти на свободу, пришлось, по собственному настоянию, провести в заточении в стационаре Научно-исследовательского института психиатрии РСФСР им. Ганнушкина еще два с четвертью месяца (декабрь 1954 — февраль 1955 годов). Только после этого было, наконец, установлено, что не только шизофрении, но и никакой «паранойяльной психопатии» у меня нет (о чем, если нужно, вы можете непосредственно запросить Институт им. Ганнушкина).

(Писарев С.)

20 апреля 1970 г.

Приложение 2

СВЕЖИЙ ПРИМЕР СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

(Записка на ваше имя З. М. Григоренко с приложенной ею копией ходатайства адвоката С. Б. Кал-

листратовой от 2 февраля 1970 г. в адрес Ташкентского горсуда).*

З а п и с к а З. М. Григоренко

Президиуму Академии медицинских наук СССР

Прочитав письмо С. П. Писарева, я целиком одобряю постановку поднятого вопроса. Трагедию современных психиатрических больниц знаю через горькую судьбу своего мужа П. Г. Григоренко. Как документ прилагаю мотивированное ходатайство по делу мира.**

(З. М. Григоренко)

7 апреля 1970 г.

Мой адрес: Москва Г-21, Комсомольский пр-т 14/1, кв. 96, телефон 246-27-37.

* См. Ходатайство адвоката С. Б. Каллистратовой. Стр. 102.

** См. стр. 433.

А. Есенин-Вольпин

ВЕЧНУЮ РУЧКУ
ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ГРИГОРЕНКО

Глубокоуважаемый Александр Исаевич (Солженицын)!

Я обращаюсь к Вам в ответ на Ваш очерк, озаглавленный «Вот как мы живем».* Я считаю эту свою статью столь же публичной, как и Ваш очерк.

I

Вы правы во всем, но есть у Вас один пункт, о котором я хочу спорить, даже если Вы правы и в нем. Это — Ваша квалификация психиатрического произвола как «духовного убийства», сравнение наших сумасшедших домов с газовыми камерами.

Да, в очень глубоком смысле Вы правы и здесь — точнее, почти правы, так как при буквальном понимании может получиться, что Жорес Медведев, побывав в психушке, стал теперь духовным трупом, чего Вы, конечно, не имели в виду. В очень глубоком смысле мы все должны были бы возмущаться каждым случаем психиатрического произвола не меньше, чем газовыми камерами. Но и в таком деле, как эта форма произвола, приходится различать градации. Ведь бывают случаи, вроде медведевского, когда расправа длится меньше месяца и остав-

* См. стр. 403.

ляет после себя (как я надеюсь) мало следов. Бывают и другие, когда нормального человека, арестовав и не сумев по-настоящему осудить, направляют судом в сумасшедший дом — что не требует тщательного разбирательства и может быть произведено заочно, а в некоторых наших республиках и негласно. В сумасшедшем доме жертву могут затем держать, пока рак на горе не свистнет. Все средства психологического нажима и современной медицины могут быть обращены на попытки полной трансформации личности.

Вот эти тонкости — если здесь применимо это слово — и приходится различать. Приходится задумываться над тем, какие случаи требуют более крепких сравнений. Как прекрасный знаток лагерной судьбы, Вы, наверно, стали бы возражать против того, чтобы ликвидация лагерной системы началась с описанной Вами шарашки. А говоря о судебном и внесудебном произволе наших дней, тоже никому из нас не придет в голову ставить знак равенства между разными случаями. Кто из нас не предпочел бы, чтобы Галансков, Синявский и Марченко отделались таким же покушением на их «духовное убийство», как Жорес Медведев!

Но вот перед нами другой случай — Петр Григорьевич Григоренко. Не стану повторять истории суда над ним, которая уже известна и Вам, и другим моим читателям. Теперь Григоренко, которому 63 года, отбывает принудительное лечение в больнице г. Черняховска. Мне стоило бы рассказать об этой мере подробнее, так как я хорошо знаком с ней, но я не хочу сейчас писать очень длинно. Я ограничусь тем, что приведу один штрих и укажу на другую, более серьезную проблему.

Я знаком с Григоренко и его семьей. Вернувшись

из Черняховска после первого свидания с мужем, его жена Зинаида Михайловна рассказывала, что Петр Григорьевич помещен там в палату, где он находится вдвоем с одним невменяемым убийцей и где пациентам не дают иметь при себе никаких пишущих принадлежностей. И то, и другое заслуживает серьезного внимания, но я сейчас хочу говорить лишь о втором. Обо всем остальном не хуже меня мог бы рассказать сам Григоренко, если бы имел такую возможность — а для этого нужны прежде всего пишущие принадлежности.

Зинаиду Михайловну очень озаботило то, что ее муж лишен даже карандаша, но я счел эту заботу недостаточной. Я прекрасно помню оба случая, когда мне приходилось отбывать принудительное лечение. В первый раз, еще при Сталине, я тоже немало насиделся без карандаша, но через десять лет стало лучше, карандаши у всех были, а мне для научных занятий (фактически и для других целей) без особых хлопот разрешили пользоваться даже вечной ручкой. Правда, это было привилегией — кроме меня, никто из пациентов вечных ручек не имел, а такая вещь, по-моему, должна быть не привилегией, а всеобщим правом. За это право, поскольку оно попирается, я и призываю бороться.

Я начал с того, что послал Петру Григорьевичу вечную ручку со стержнями к ней. Я послал ему при этом также письмо, в котором советовал ему, чтобы не терять времени и сохранить бодрость духа, заниматься научной работой и сообщил о вечной ручке. Я упомянул также о том, что в 1960-м году на Арсенальной (в Ленинграде) мне в аналогичных условиях разрешили пользоваться ручкой. Вскоре я получил от Григоренко ответ (написанный карандашом), из которого я увидел, что вечной ручки ему «пока» не

дают (Петр Григорьевич даже избегал говорить в своем письме о такой скользкой вещи, как авторучка). — «Александр Сергеевич, 1970-й год — это Вам не 1960-й, на который Вы ссылаетесь», — писал Григоренко. Так, по-видимому, он до сих пор и сидит без вечной ручки.

Вот это и есть важный штрих больничных условий, о котором я давно хочу известить всех и каждого. Я знаю, что психиатры легко найдут разные отговорки — от пустых ссылок на больничные порядки и инструкции (как будто они выше всякой критики!) до медицинских премудростей с упоминаниями о том, что карандаш и ручка — это острые предметы, которые нельзя давать в руки некоторым буйным больным. Мол, если даже к Григоренко это не отнóсится, то нельзя забывать о его опасном соседе, так что всё делается для его же блага и он, как и все мы, обязан это терпеть.

...Мне кажется, что если бы язык во рту человека был съемным, то он обычно отбирался бы у пациентов психиатрических больниц, а доводы к этому были бы чисто медицинские и звучали бы бесспорно. К сожалению, природа не наделила нас естественным органом для письма, наши письменные приборы — это своего рода протезы, которые можно отнять, как иногда отбирали у заключенных очки и даже фистулы, без которых некоторые тяжелобольные не могут разговаривать. Это считалось законным — чего уж говорить о ручке...

Но, между прочим, уж если речь идет о лечении душевнобольного человека, то надо создать и элементарные условия для возможности излечения. Поместить на долгое время любого человека в условия, где нельзя даже писать — это скорее способ свести его с ума, чем вылечить от какой угодно душевной

болезни. Пусть психиатры как следует подумают об этом.

Хватит о психиатрах... хотя мне все же придется вспомнить о них. Вы говорите о духовном убийстве. Я пытался возражать Вам, чтобы не допустить такой возможности. Но как же еще назвать случай, когда человека на неопределенный срок сажают туда, где нельзя писать? Нельзя даже посылать ему читать всё, что его интересует, как это следует из письма Григоренко...

...Духовное убийство — это широкое понятие. Я считаю, например, что изъятие книг из свободного обращения в библиотеках тоже является прямым покушением на духовное убийство. Почему мы все время молчим об этом — не потому ли, что покушение оказалось удачным?.. Но, чтобы не отвлекаться на «постороннее», я быстро возвращаюсь к теме этой статьи.

Быть может, в некоторых случаях приходится мириться даже с государственной необходимостью сажания людей в тюрьмы и в сумасшедшие дома. Нисколько не защищая этой идеи, я спрашиваю, можно ли, в каких бы то ни было общественных или медицинских целях, лишать человека хотя бы на день возможности свободно выражать свои мысли на бумаге? Для чего мы мыслим и живем в этом обществе, если оно столь безучастно к нашим мыслям?

...Каждый из нас вправе обращаться со своими мыслями к потомству. Общество, которое хотя бы на миг забывает об этом, теряет право на те надежды, которые возлагали на него его предки. Как же можно предоставить тюремщикам, или хотя бы врачам с их спорной наукой, право вмешиваться в этот обмен мыслями между поколениями?

Вы прекрасно смогли бы продолжить эту мысль, и я не претендую на ее начало. Я просто констатирую тот факт, что по крайней мере одному человеку в нашей стране помешали общаться с листом бумаги. Это я считаю недопустимым, независимо от каких-либо прошлых деяний этого человека.

Правда, Григоренко обвиняли в клевете... Не то, чтобы я соглашался с этими обвинениями, но допустим. Можно ли клеветника лишать возможности просто писать всё, что ему вздумается? По-моему, никак нельзя, если мы хотим, чтобы он когда-нибудь додумался до мысли о недопустимости клеветы и о необходимости опровергнуть свои прошлые измышления.

Ну, а теперь представим себе случай, что Григоренко никакой не клеветник, а сам был кем-либо оклеветан и из-за этого попал в тюрьму. Это может случиться в любой стране. Дали ли ему хотя бы возможность выступить перед судом в свою защиту? Как известно, нет, потому что его сочли невменяемым. Закон, увы, почему-то в этом тонком пункте забывает разницу между невменяемостью и недееспособностью и дает возможность поступать с каждым «невменяемым» так, как можно было бы — да и то не всегда — поступать с недееспособным.* Так вот, Григоренко не имел возможности выступить на суде в свою защиту — хотя перед своим арестом

* Серьезную проблему я вижу и в том, что широкая публика, знающая лишь одно понятие — «сумасшедший», мало знакома с юридической трактовкой этого вопроса. Во всяком случае, она должна знать, что в сумасшедшем доме побывал и Ньютон, а в Приложении я даю свой короткий комментарий к этим трудным понятиям.

он брался защищать других, о чем многие его просили, и, вероятно, он неплохо владеет юридическими доводами. Представим себе на миг, что на суде могла произойти ошибка, представим себе это независимо от того, бывало такое или не бывало. Можно ли согласиться с тем, что его лишают физической возможности громогласно говорить об этом, хотя бы в ущерб собственному психическому здоровью? Как сможет суд исправить свою ошибку, если Григоренко окажется единственным, кто мог бы сообщить этому суду, в чем она состоит?

Как же может закон предоставлять кому бы то ни было право вмешиваться в то, что и сколько хочет писать арестованный, заочно направленный судом в больницу? Закон и не предоставляет никому такого права, это осуществляется помимо закона.

Почему человек, которого — хотя бы из-за его невменяемости — суд не смог считать виновным, помещается в условия, хоть в каком-то отношении худшие тех, на которые по закону могут быть обречены преступники? Те, по крайней мере, могут сколько угодно писать о своем деле в прокуратуру и высшие судебные инстанции — невменяемым же (хотя бы они и оставались дееспособными!) закон такого права не предоставляет. Думает ли кто-нибудь всерьез, что невменяемость подсудимого устраняет возможность тех судебных ошибок, которые встречаются в других случаях?

Но и это — лишь между прочим. Положение невменяемых содержит столько проблем, что всех не перечислишь, замалчивать их мне не хочется, и мне трудно сосредоточиться на важной линии этой статьи. Невменяемым надо предоставить право писать хотя бы для того, чтобы общество лучше знало эти проблемы. И писать не только карандашом,

но и вечной ручкой (стоило бы подумать и о пишущих машинках для любых больничных пациентов), потому что это уже право их читателей — не связываться с карандашными каракулями. К тому же, пациенты действительно имеют право обращаться к потомству, а это требует хорошо сохраняющихся записей.

Я читаю письма приговоренных к лишению свободы, они написаны синими чернилами, и мне ясно, что они пользуются авторучками. Григоренко же написал карандашом. Почему в больницах допускаются худшие условия, чем в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях? Что же касается содержания написанного, то оно, как известно, проходит цензуру, так что не приходится бояться злоупотреблений. Закон не запрещает свободно писать на все темы, о которых я говорю, и цензура не вправе задерживать такие письма — но это уже другая тема. Пока что Григоренко просто не дают в палату письменных принадлежностей, хотя я прислал ему вечную ручку. Он пишет по этому поводу: «1970-й год — это Вам не 1960-й», хотя, казалось бы, к 1970-му году, по сравнению с 1960-м, условия могли бы только улучшиться. Я чувствую — происходит какая-то дрянь... И, чтобы покончить с ней, я говорю:

— вечную ручку

Петру Григорьевичу Григоренко!

Я надеюсь, что мои читатели меня поддержат. Поддержите и Вы, Александр Исаевич, хотя я и не вправе чего-либо от Вас требовать!

Вечную ручку, вечную ручку, и не только Петру Григорьевичу, потому что в этом случае не может быть и речи о каких-либо привилегиях. Вот скоро, увы, судьбу Григоренко разделит Наташа Горба-

невская, которой вечная ручка понадобится не меньше, чем ему, последуют и другие, как многие последовали раньше. Я требую права свободного пользования пишущими принадлежностями для всех арестованных и для всех пациентов, а если среди них встречаются буйно-помешанные, которым нельзя давать в руки острых предметов, то этим нельзя пользоваться как предлогом для того, чтобы лишать столь важного права всех остальных. Конечно, лечение должно производиться в условиях, при которых соседом Григоренко не окажется человек, способный выколоть ему глаза длинным предметом*, — до этого давно уже доросла любая страна и это — дело врачей сортировать пациентов по палатам, а мыслящий человек в любых условиях должен иметь право на бумагу и вечную ручку с чернилами или стержнями к ней в нужном количестве. Из-за этой ерунды стыдно даже ссылаться на 19-ую статью Пакта о гражданских и политических правах человека, подписанного и Советским Союзом. Просто речь идет о негодных больничных порядках, которые быстро должны быть изменены.

За этими порядками скрывается невозможность для общества знать правду о происходящем за стенами больниц, правду о том, не держат ли там здоровых людей, хотя бы и наделенных хитрыми диагнозами (а зачем бы понадобилось обходиться без

* Травмы с потерями глаз встречаются в психиатрических больницах редко — примерно на тысячу пациентов я встретил лишь двоих пострадавших. Не берусь судить о проценте, но если это чаще, чем встречается на воле или в тюрьмах, то берегущим свои глаза я не советую вступать в сложные правовые споры с властями.

диагнозов?). Поэтому цензура, если уж таковая необходима, должна быть подчинена ясному закону.

Еще раз говорю:

— вечную ручку

Петру Григорьевичу Григоренко!

Я пишу о нем, имея в виду также права всех остальных. Но я чувствую, что общество еще не созрело для выступлений в защиту прав невменяемых, хотя отдельные случаи уже становятся доступными его сознанию, и случай Григоренко мне кажется подходящим для того, чтобы послужить началом более широкой борьбы за эти права. Ведь Григоренко защищал нашу страну от смертельного врага, был серьезно ранен и, я думаю, не зря получил множество крупнейших наград — пять орденов (включая орден Ленина и орден Отечественной войны) и шесть медалей. Он был генерал-майором. Осужден он не был. Просто (или непросто) попал в больницу. Заслуживает же этот мужественный, преданный защитник нашей страны права в старости высказывать свои мысли, хотя бы и расходящиеся со взглядами его более молодых судей, и права, попав в любую больницу, записывать их на бумаге, как с согласия, так и без согласия своего лечащего врача. Но дело никак не может быть только в этом, потому что для столь элементарного случая закон не может делать никаких различий между людьми.

II

На этом бы я и кончил. Но откуда я знаю, будет ли у меня другая возможность высказаться в защиту прав Григоренко и других лиц, разделяющих

его судьбу? Вечную ручку, надеюсь, общими стараниями он все же получит, но это ведь не означает, что он фактически сможет преодолеть цензуру, да и не в таких условиях он находится, чтобы можно было возлагать на него бремя писать о них.

Конечно, больница — это всего лишь «шарашка», да еще в смягченном варианте. Никакого принудительного труда, никаких карцеров, сколько ни держи начальству. На то ты и сумасшедший. Все-таки, если врачу очень приспичит, он может распорядиться, чтобы тебя крепко связали, есть и смирительные рубашки с очень длинными рукавами. Попробуй развязать, если руки в рукавах на груди, а узел на спине. Прекрасное средство для буйно-помешанных: не буйствуй ни физически, ни умственно! Бывают еще «нравоучительные уколы» сульфазинном в ягодицу. Это сернистый препарат, вызывающий острую боль, вроде зубной, и повышение температуры градусов до сорока. Врачи гуманны и за такую мелочь, как упорный отказ беседовать с ними, больше двух-трех таких уколов не назначат, да и не потребуются. Цикл лечения сульфазинном никогда не превышает двадцати шприцев, да и то через день. Разве это так уж страшно? Впрочем, не знаю, на себе пока не испытывал. Люди боятся другого. Тут мне придется привести пример из собственного опыта. Я не сведущ в лекарствах, помню только, что в марте 1968 года в больнице им. Кащенко мне хотели прописать какой-то галаперидол. И прописали бы, стали бы давать хоть насильно. В тот раз воздержались, кто-то из врачей пожалел мои умственные способности. А стоило ли? Тогда у меня, как теперь у Жореса Медведева, возник конфликт на почве попытки свободных связей с зарубежными учеными. У меня есть свои теории в ос-

нованиях математики, и американские математики прислали мне приглашение на конференцию. Не спросив согласия наших, я это приглашение принял и начал с того, что попросил у американского правительства разрешения на въезд. Направил об этом письмо через американское посольство в Москве и 11 февраля получил уведомление о вручении, а 14 февраля меня поволокли в больницу. Но никакими доказательствами эта причинная связь не подтвердилась, о письме мало кто знал и все вокруг решило, что это меня за подписи под петициями. Хотя бы и так. У врачей же была совсем другая версия: просто у меня тяжелая душевная болезнь, а я не хочу показываться психиатрам, приходится применять силу. Болезнь была действительно очень тяжелой, отмечен случай бреда во время сыпного тифа, как это объяснили ученые психиатры моим советским коллегам. (Подробностей они не устанавливали, дело было не в них, но у меня действительно был тиф в 1942 году.) Самую же главную тяжесть диагноза объяснили только мне и моей жене — у меня-де был серьезный эмоциональный распад: на вопрос о моих чувствах к матери я был способен ответить лишь логическими остротами о понятии любви и требованиями сообщить мне юридические основания помещения меня в больницу. Это, как объясняли врачи, очень опасный случай эмоционального распада, человек с такой бесчувственной психикой может быть способен на любую жестокость, и его необходимо изолировать. Полное непризнание авторитетов, полное пренебрежение «ситуацией» и к тому же нелепые юридические рассуждения там, где стоит вопрос о чувствах к собственной матери. Можно ли, в ущерб общественной безопасности, заботиться о сохранении таких умственных способно-

стей, не гораздо ли важнее приобщить этого пациента к элементарным требованиям социальной адаптации, что есть первая обязанность всякого лечащего психиатра? Я не знаю, почему врачи тогда решили повременить с галаперидолом, да и плевать я хотел на их медицину. В своей научной деятельности я открыто и последовательно исхожу из принципа: «долой инстинкт самосохранения и чувство меры», и пусть за это делают со мной, что хотят. Мне безразлично, сумасшествие это или нет. Я думаю, что именно так надо искать истину. Пусть идеологи говорят об этом что угодно. (О своей психиатрической репутации я не стал бы заботиться, если бы твердо знал, что меня вновь не потащут за публичное выражение этого антиадаптационного принципа. Понятие адаптации для меня должно быть свято! На всякий случай объясняю, что я не против способностей самосохранения и понимания соразмерности, но предпочитаю, чтобы это было делом свободного разума, а не инстинкта или чувств, на которые всегда можно воздействовать. Но почему бы иной раз, забыв о благоразумии, не выразиться и так, как я это сделал выше?) Сейчас я пишу не о себе, но вынужден, в защиту других, сослаться на свой личный опыт — как видите, пока что вполне благополучный, хотя меня туда сажали пять раз. Но я видел, что мои родственники и друзья тогда серьезно боялись за мою судьбу, и не могу не разделять таких же опасений за Григоренко, Горбаневскую и других. Люди опасаются как раз духовного убийства. Но это между прочим — опасения ведь малообоснованны. Я перехожу к упомянутой серьезной проблеме, где опасность кажется мне куда более реальной.

Конечно, важнее всего остального — вопрос об условиях освобождения оттуда. Вы, Александр Иса-

евич, критикуете в своем воззвании психиатрические представления об адаптации к социальной среде. А теперь представьте себе применение этих представлений к вопросу об освобождении Григоренко.

Юридически, не реже одного раза в шесть месяцев, каждого пациента, находящегося на принудительном лечении, должна переосвидетельствовать врачебная комиссия. Именно эта комиссия фактически решает вопрос об освобождении, хотя, в случае ее положительного заключения, вопрос окончательно решается судом, определения которого приходится ждать еще месяц-другой или чуть подольше. Всё это составляет, по принятым у нас представлениям, не слишком длительный срок заточения, с которым можно было бы даже и смириться, если бы для продолжения принудительного лечения комиссией требовались серьезные основания опасаться со стороны пациента неудержимой преступной склонности. Но дело обстоит не так, и практика этих учреждений мне известна достаточно хорошо.

Комиссия обычно смотрит на пациента глазами его лечащего врача (или заведующего отделением больницы). Этот врач докладывает ей о состоянии пациента, после чего комиссия вызывает его на беседу. При подготовке доклада врач также беседует с пациентом — и если не всегда, то часто врачи исходят в этих беседах именно из тех представлений об адаптации, которые Вы критикуете. Упаси, Господи, пациента неумело высказаться в такой беседе против Его Величества Инстинкта Самосохранения или кого-нибудь из его более ограниченных Наместников по Социальной Адаптации!

От пациента требуется немного. Всего лишь согласиться с правильностью определения суда о направлении его на принудительное лечение и дать

обещание впредь не совершать поступков, которые к этому привели.

Что означало бы такое требование для Григоренко? Ни много, ни мало — не только признание себя невменяемым в те времена, когда он писал свои письма в защиту преследуемых крымских татар, но и признание заведомой ложности того, что в них сказано и за что он боролся. Уже такое признание немыслимо со стороны полноценного, мужественного человека, каким мы знаем Григоренко. Но этого мало. Признание Григоренко фактически означало бы согласие с теми судебными приговорами, против которых он выступал, так как его собственное судебное дело по духу своему совершенно сходно с делами тех татар, которых он собирался защищать. Можно ли допускать вынуждение таких признаний?

Между тем, отказ от них очень легко может оказаться в глазах врача, а затем и комиссии, верным знаком плохой адаптации. Не берусь судить о том, как врачи это назовут, но наиболее вероятным последствием может оказаться продление лечения еще на полгода, а тогда повторится то же самое — и это до тех пор, пока одна из сторон не будет сломлена. Григоренко вынужден будет, силой собственной честности и мужества, сознательно обрекать себя на пожизненное пребывание в этой больнице. Даже истечение максимального срока его уголовных статей (7 лет) ничем не поможет ему, если эта ситуация действительно возникнет.

Вот эту попытку — добиться от человека любой ценой ложного признания — я уже, несколько не колеблясь, называю попыткой духовного убийства. Вот тот случай, для которого я приберег бы этот термин!

Часто можно слышать споры о простительности

«лжи во спасение». Но здесь не эта, здесь другая тема, с ней связанная. Простительно ли вынуждать такую ложь угрозами неопределенно долгого, чуть ли не пожизненного заточения, связанного, к тому же, с многочисленными тяготами, лишениями, унижениями и опасностями? Можно ли считать психически неполноценными тех, кто способен неограниченно долго сопротивляться этому нажиму?

А что касается обещаний изменить свое поведение, данных под такой угрозой, то ни юридически, ни морально они не могут иметь ни малейшей цены. Врачи не могут этого не понимать. Однако согласие дать такое обещание может иметь для честного человека важнейшее значение — значение полного морального краха. Как бы ни относиться к этой проблеме, ясно, что это — еще один способ попытки духовного убийства.

Я говорю: «попытка», потому что знаю Григоренко как человека, которого нельзя довести до такого состояния, когда он будет сломлен пошлыми наставлениями врачей, считающих криводушие непременным признаком нормальной приспособляемости. Но я не говорю, что эти попытки непременно будут иметь место, так как есть границы и этой врачебной пошлости. Врач, проводящий принудительное лечение, не может не знать, что социальная оценка его пациента, по всем признакам близкого к достаточному выздоровлению, выше такой же оценки осужденного преступника, оканчивающего свой срок, но имеющего судимость. Никто не станет ни одного лишнего дня держать этого преступника в заключении из-за того, что он не согласился со справедливостью своего приговора или не дал обещания отказаться от прежнего образа жизни. И во всех случаях — кроме медицинского — заслуживающее до-

верие обещание вести себя в соответствии с законом было бы сочтено достаточным со стороны того, кому предстоит выйти на волю. Некоторые врачи понимают сущность этого положения вещей и не отождествляют психиатрическое понятие адаптации с обывательским представлением о хорошей приспособляемости. Даже с ними — как я хорошо помню по 1960-му году — очень нелегко, хотя и не безнадежно трудно, вести честную беседу (отказ от бесед, безусловно, повлек бы продолжение лечения).

Между тем, выбор лечащего врача от пациента нисколько не зависит, и не в его власти отказаться от услуг того, к которому он попал. Я еще не знаю, каким окажется врач специальной психиатрической больницы г. Черняховска, Михаил Иванович Бобылев, который в настоящее время «лечит» Григоренко. Но фраза Петра Григорьевича «1970-й год — это Вам не 1960-й» глубоко меня настораживает.

Вот где я вижу серьезную угрозу духовного убийства! Я уж не стану распространяться о постоянных более мелких опасностях, вроде внезапного нападения взбесившегося соседа по палате или помешавшегося санитаря. Таких случаев многие очень боятся, хотя они и редки. Сопоставьте всё — отсутствие юридических гарантий, принуждение к обывательским представлениям об адаптации, неопределенность срока, патологическое окружение, страх перед неизвестными лекарствами, грубость обстановки, изоляцию и невозможность заниматься даже тем делом, каким можно было бы позволить заниматься в тех условиях. Представьте себе, что Вас поместили туда же и от Вас требуется только одно — искреннее признание того, что с Вами поступили правильно. Только представив себе всё это, можно начать понимать, что такое принудительное лечение, — и

теперь можно по-разному сравнивать его с шарашкой, а может быть, и с газовой камерой.

Еще раз напоминаю, что я пишу это не только о Григоренко, но и о Горбаневской и о многих других. Но дайте Григоренко вечную ручку, дайте ему ее не только для продолжения научных работ, которыми я советовал ему в своем письме заниматься, и для общения не только с потомством, но и с нами! Дайте Григоренко вечную ручку — и если мои опасения несостоятельны, он их опровергнет!

— Вечную ручку
Петру Григорьевичу Григоренко!

III

Простите, Александр Исаевич, что у меня это всё не уместилось на одной странице.

При распространении этой статьи я позабочусь о том, чтобы она дошла до больниц, в которых осуществляется принудительное лечение, до врачей и пациентов, нуждающихся в вечных ручках, включая Григоренко и Горбаневскую.

Выступая в защиту этих людей, мы должны помнить о том, что наши речи скрываются от них. Это — мучительство, которое должно быть прекращено. Мы должны добиваться получения от них сведений о том, что до них доходят наши выступления.

Сравнивая настоящее с недавним прошлым и заглядывая так в недалекое будущее, можно понять, что все арестованные, как и мы, должны иметь право пользования радиоприемниками, равно как и передатчиками.

— Да здравствует право каждого свободно искать, получать и распространять всякого рода информа-

цию и идеи, любыми средствами и независимо от государственных границ и тюремной или медицинской цензуры!

— Пусть ограничения этого права будут установлены лишь справедливым и ясным законом!

И еще раз:

вечную ручку и все нужное к ней каждому, у кого ее нет!

Москва, 20 июля 1970 г.

Вольпин

П р и л о ж е н и е

Вменяемость — понятие уголовного права; дееспособность — гражданского. Поэтому невменяемость и недееспособность лица устанавливаются судами на основании различных процедур, и лица, признанные невменяемыми, обычно остаются дееспособными. В основе применения обоих понятий у нас лежит один и тот же критерий — неспособность «отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими», вызываемая душевной или иной болезнью или слабоумием. Но невменяемость относится к моментам совершения инкриминируемых деяний, недееспособность же может распространяться и на настоящее и будущее. Невменяемость освобождает от уголовной ответственности, недееспособность же, не лишая человека гражданских прав, означает отсутствие способности самостоятельно (без помощи опекуна или законных представителей) вступать в сделки, вызывающие изменения прав и обязанностей, т. е. попросту способности самостоятельно совершать некоторые действия. Все мы были недееспособными, пока не достигли совершеннолетия.

Право выступать по своему делу в суде должно было бы зависеть только от дееспособности, причем эта процессуальная дееспособность (во многих случаях признаваемая у нас за несовершеннолетними) должна была бы утрачиваться не каждый раз при потере полной гражданской дееспособности. Но здесь в нашем, как и во многих других законодательствах, имеются пробелы. В результате — невменяемые практически лишаются права самостоятельно осуществлять свою защиту.

«Сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, недействительны. На эту норму (ст. 12 ГК РСФСР) можно ссылаться в обоснование юридической недействительности обещаний, о которых я упоминаю во второй части этой статьи (поскольку необходимость следования этим обещаниям ограничивала бы правоспособность, а иногда и дееспособность).

Принудительное лечение — это мера, устанавливаемая уголовным кодексом для лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости. Эта мера применяется лишь по определению суда, в отличие от других случаев насильственного помещения опасных душевнобольных в больницу.

Эти и многие другие подробности многим скучны, но их надо знать. Игнорирование широкой публикой этих юридических различий и делает возможным возрождение во второй половине двадцатого века преследований, сходных с гонениями на колдунов и ведьм в прошлые века.

Вольпин

ЗАЯВЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Заявление, сделанное корреспонденту американской телевизионной компании Коламбиа Бродкастинг Корпорэшен Вильяму Коулу в подмосковном лесу весной 1970 года. Большая часть заявления передавалась телевидением Америки и Европы, и была опубликована в западной печати.

Решение поместить меня в психолечебницу показалось мне сначала странным. Я не мог понять, чем оно вызвано и что ненормального нашли во мне врачи, проводившие экспертизу. Но, познакомившись с другими обитателями этой больницы, я понял, что это обычное решение в таких случаях. Дело в том, что обитатели, то есть «пациенты» этой больницы — это люди, совершившие такие действия, которые с точки зрения власти являются преступлением, а с точки зрения закона им не являются. Чтобы их каким-то образом изолировать и наказать, этих людей признают невменяемыми и, как больных, содержат в тюремной психиатрической больнице. Прошло некоторое время, прежде чем я это понял, познакомившись со своими коллегами по камере.

Теперь я знаю, что это обычная судьба человека, который хочет быть самим собой, хочет говорить, что он думает, действовать в соответствии со своими убеждениями, со своими мыслями. Факты последних лет подтверждают это мое предположение. Десятки и сотни людей признаны невменяемыми и от-

правлены в разные больницы, в основном специального типа, такие как Казань, Ленинград, Черняховск, Сычёвка и др.

Ленинградская специальная психиатрическая больница — это старая тюрьма, которая была тюрьмой до революции и в которой содержится около тысячи людей. Больше половины их — убийцы и люди, совершившие другие тяжёлые преступления в состоянии невменяемости, то есть люди действительно больные. Остальная часть — политические заключённые, инакомыслящие, для которых не находится статьи в уголовном кодексе, которых нет возможности наказать иначе, чем вот таким способом.

Надзор в больнице осуществляется прежде всего, надзирателями, самыми обычными тюремными надзирателями, которые поверх своей формы надевали белые халаты. Тюремный коридор — как в любой тюрьме. Камеры на замке. В камерах разных отделений — разное число людей. В неврозном отделении по 2-3 человека. В других отделениях — по 10-12. Кроме надзирателей есть и санитары. Санитары — это заключённые, уголовные преступники, отбывающие таким образом свое наказание. Это люди, для которых абсолютно всё — всё равно. Они обязаны как-то общаться с больными, а им это неприятно, и они срывают на больных свою злобу, свое раздражение, свое неудовлетворение. Никакого контроля над ними со стороны врачей нет и они безнаказанно могут избивать больных. Заключённые хозобслуги всегда могут сослаться на то, что больной вел себя недопустимо, что был в болезненном состоянии, слишком раздражительный, что у них не было возможности поступить с ним иначе.

Такого объяснения хватает: они не понесут никакого наказания.

Из этого учреждения значительно труднее выйти, чем попасть в него. Прежде всего, чтобы выйти, нужно официально и открыто заявить врачам, что ты признаешь себя больным. Надо признать, что был болен и все, что делал, делал в состоянии невменяемости. Второе, это нужно заявить, что поступал неправильно. Нужно заявить, что отрекаешься от всего, что делал.

Я знаю несколько примеров, когда люди, не желавшие таким образом отречься от своей деятельности, пробыли много лет в этой больнице. Например, Самсонов Николай Николаевич. Ленинградский геофизик, лауреат. Сидел он только потому, что отказывался признать себя больным. Другим моим товарищем по сумасшедшему дому был, например, французский коммунист, по происхождению румын, который прожил более десяти лет в Марселе, а потом приехал в Советский Союз, чтобы посмотреть, что представляет собою коммунизм на практике. Он поступил в Молдавии на обувную фабрику и там долго работал. Ему не понравилось, что рабочие обувной фабрики, да и всей обувной промышленности, получают так мало денег. Он предложил своим коллегам по работе бороться за лучшую зарплату. Они объявили забастовку, и он был арестован и признан невменяемым. В больнице он не мог понять, что с ним произошло. Что означают такие действия коммунистов? Для него коммунизм и борьба рабочих за лучшую жизнь — это примерно одно и то же. Ему это было непонятно. Под конец его пребывания он, как мне кажется, стал сходить с ума по-настоящему, потому что уверял всех, что в советском правительстве действует рука Ватикана.

Другим моим товарищем по заключению был латыш, живший в Австралии в эмиграции, и приехавший в Советский Союз навестить своих родственников и друзей. Его не выпустили из Советского Союза, заявив, что поскольку он — латыш, он — гражданин Советского Союза. Другого правительства Латвии не существует.

У меня там было много друзей, и судьбы их, все их дела доказывали мне, что в общем-то в эти больницы попадают люди с такими делами, по которым их нельзя судить. Не за что судить. И больница — это просто способ избавиться от них и на время убрать их с глаз долой.

Режим этой больницы напоминал тюремный режим. Один час в день прогулки. Запертые камеры. Один раз в месяц — свидание. Одно письмо родственникам в месяц. Одна передача в месяц. Это был абсолютно тюремный режим. Врачи сами понимали, что это не больница, а тюрьма, и говорили об этом открыто. В случае, если больной вел себя недостаточно правильно, он мог быть наказан.

В этой больнице очень легко совершить какую-нибудь провинность. Наказания же весьма суровы. Вот три типа наказаний, применяемых в этой больнице. Первый тип относится к наказаниям медицинскими средствами. Известно, я думаю, везде средство под названием *сульфазин*. Оно применяется в случае, если пациент, т. е. заключенный, совершил небольшой проступок. Допустим, грубо ответил врачу на какой-либо вопрос, или заявил, что врач — палач в белом халате. Сульфазин — болезненное наказание. От него поднимается температура до сорока градусов Цельсия. Человек чувствует лихорадку, он не может встать, не может пошевелиться. Это продолжается день-два. Если же такое «лечение»

повторяется, то такое состояние может продлиться и неделю, и десять дней.

В качестве второго наказания применяется средство под названием *аминазин*. Это психотропное средство, тоже, наверное, известное в других странах. От него пациент чувствует отупение, сонливость, он может спать несколько суток подряд. Если такое средство применяется как система, то пациент может спать в течение всего срока его употребления.

Третьей мерой наказания была, как у нас называлось, *укрутка*. Это — использование влажной парусины, которой обматывался пациент от пяток до головы. Обматывался настолько плотно, что ему было трудно дышать. Когда эта парусина начинала сохнуть, она садилась, сжималась и человек чувствовал себя еще хуже. Но это наказание применялось осторожно, в присутствии медицинского персонала, который следил за тем, чтобы больной не потерял сознания. И если его сердце давало перебои или он терял сознание, то парусина, в которую он был завернут, ослаблялась.

Вообще медицинские средства применялись довольно широко. Достаточно было проявить веселость, или, наоборот, грусть, или слишком большую успокоенность, то есть любое отклонение от обычного состояния, которое могло показаться психиатрам подозрительным, чтобы у них появилось основание заявить, что ты болен и распорядиться, чтобы начали применять эти различные средства.

М. Нарича

ПАЛАТА № 25

Это была трудная ночь, первая ночь в тюремном сумасшедшем доме. Я думал о Пете.* Ясно, что они его выбрали постоянной мишенью, чтобы бить по мне. Ужасно! Тошно будет Люсе!** Эти люди способны на все злодейства, от самых крупных до самых мелких. Они изобретательны, а он слишком доверчив, чтобы понять все это, чтобы быть бдительным в каждой мелочи. Не хватит у него воли противостоять большому разнообразию воздействий. Слишком веселым был он ребенком, теперь ему не будет весело. Они превратят его жизнь в помойную яму. Они уже сделали сексотом девушку, которая ему нравится. Они гнали и будут гонять его с работы, ни в какой институт его не допустят.

Однако мне нужно спать. Это основа всякой победы. Но вместо сна — одна картина за другой. Вспоминается тошнотворный запах и холод здешней бани. Холодно и здесь. Я пытаюсь еще больше скрючиться. Спит ли мой сосед? Сколько он порассказал мне сегодня кошмарных вещей! «Это пыточная тюрьма. Под предлогом, что здесь сумасшедшие, им дано право делать все, что хотят. И бьют, и лекарства дают вредные, и допрашивают с уколами. И мне такой укол делали. Когда я пришел в сознание,

Из очерка «Преступление и наказание». Самиздат, 1970 г.

* Младший сын М. А. Наричи.

** Жена М. А. Наричи.

смотрю — у нее целая страница исписана. И не помню, что спрашивала и что я отвечал». Мне представилось, как меня мокрыми простынями прикручивают к койке. Прикручивают туго. Им ведь все равно, что старый. Они уходят, а у меня мертвеют руки... ноги. Хочется крикнуть: «Гангрена ведь будет, сволочи!» Но самое страшное не это. Очень страшно кричал, как мертвец из могилы, этот высохший парализованный мужчина: «Это вы меня сгубили!.. Это вы виноваты!..» Сосед пояснил: «Неудачно укол сделали. Из спины мозговую жидкость брали...» Я думаю о себе. Как я буду поступать в таком случае? Отбиваться! Отбиваться до последнего вздоха.

Надо спать, а я весь превращаюсь в гнев. Во мне все возмущено. Нет, я еще не знал самого главного издевательства над человеческим достоинством. Оно здесь! Обычная тюрьма... Лагерь... Терзание тела... Казнь... все это менее унижительно. Почему на них белые халаты, а не коричневые рубашки? Это похлеще... белое. Бездарные, грубые люди тупым топором будут пытаться переделать мою душу. Маляр — переделывать живописца на свой лад. Как они посмели присвоить себе это право: убивать душу, оставляя живым тело. Конец ли это? Или я еще сохраняю то, что недодал людям, и сохраняю способность подать это удобоваримо? Спать.

Прежде всего, здесь, на постели, я должен выиграть сражение. Остальное — проще. Зачем заранее переживать, да еще преувеличивать? Это как раз то, что им нужно. Не успели размахнуться, и уже — издох от страха. Замечательно! И перчаток не запачкали. Нет, страхом меня не возьмешь. Но мне кажется, всё, что я говорю себе, всё это очень верно, ясно, но всё это снаружи, а внутри у меня —

страх... Жестокий, беспощадный ужас. Он владеет мной помимо моей воли. Он уничтожает меня. Он все занял, как навозная жижа. Он не оставил мне ничего уютного, за что бы зацепиться. Но я цепляюсь. Мне случалось видеть, как в лагерях бандиты только делали вид, что вот-вот ударят кулаком или ножом. Махали впустую, наслаждаясь страхом, сотворенным ими, считая его более острым, чем сам удар ножа. Нет, пустым маханием меня не возьмешь! Или ваши руки будут в крови, или вы потерпите поражение.

Но мне кажется, что изнутри страх напирает не меньше, а больше. Неужели я сдаю? Выдохся? Устал и не могу больше барахтаться? Нет! Нет! Я ошибся. У меня не только ужас, не только безнадежность. У меня есть и надежда, пусть маленькая. Да и без надежды можно биться, находя удовольствие в самой борьбе. Нужно находить удовольствие в этом, независимо от надежды. И я найду в этом удовольствие. Пусть этот ужас лезет отовсюду, даже из пятен на стене. Страх действительно мало поддается. Может быть даже увеличивается? Нет, все-таки уменьшается. Наконец я уснул, уснул внезапно, как мне казалось.

Я много раз задумывался, буду ли я отвечать, если врачи спросят, откуда я взял сведения для изображения психического заболевания Антона в «Неспетой песне». Из книг? Наблюдений? Или сам все испытал? Куда там! Они об этом и не подумали. Грубая невнимательность и полное непонимание моей психологии поразили меня, хотя я уже так привык и к бессовестности и к лени. Врачи интересовались,

нет ли у меня галлюцинаций, что совершенно невозможно при моем душевном складе. Даже глаза у них засверкали, когда я выразил претензию по поводу излишних шумов ночью. «Мы не можем заткнуть глотку больным, которые кричат». — «Но вы могли бы сказать вертухаям, чтобы они с меньшей силой хлопали дверьми, если вы претендуете на звание лечебного заведения, гуманного, как вы выражались». — «Заккрыть тяжелую дверь, обитую железом, совершенно бесшумно, вероятно, невозможно». — «А точно вы не могли бы узнать, используя для этого научного эксперимента свои собственные руки? Разрешите мне продемонстрировать. Вот так можно закрывать, а закрывают так!» — «Я никогда не слышала таких ударов дверью. У вас галлюцинации!» Похоже, что она и сама верила, когда пыталась создать впечатление у других, что я «слышу» то, чего нет в действительности. Поразительно, как много требуется опыта и сообразительности, когда имеешь дело с представителями советской справедливости, для самой простейшей задачи — не дать солгать.

Врач-эксперт, разговаривала и с моей женой. Им очень важно было добиться ее согласия. Но Люся заявила, не оставляя никакой надежды, что она не считает меня ни больным, ни бездарным. После этого «гуманная» женщина в белом халате заявила представителям суда и следствия, что жена моя тоже больна. В то же время у них еще не было решено, как поступить с моей женой. Следовательно Валдайцев пытался получить разрешение на ее арест, считая, что она на допросах уже наговорила себе на срок, если прибавить к этому то, что она помогала мне печатать на машинке. Кстати сказать,

пишущую машинку забрали у меня при аресте и суд потом вынес постановление о ее конфискации.

Тоскливо и тревожно было думать о том, как примут мое произведение за «железным занавесом». Там тоже не всем оно будет по душе.

Комиссию составляли десятка два врачей, разместившихся вдоль боковых стен комнаты. Была здесь и моя рукопись. Один экземпляр на всех. Присутствовавшие еще при мне заканчивали ее дележ по несколько листов каждому. По несколько слов, надо надеяться, каждый успел прочесть. В конце комнаты восседал старенький профессор Случевский. Вид, как подобает, солидный. Но на меня он произвел жалкое впечатление. Седой клинышек как приклеен к подбородку. Запах нафталина здесь был бы кстати. Слабым голосом он спросил меня: «Как вы смотрите на все, что с вами происходит?» Я ответил: «Я еще не знаю, чем кончится этот спектакль, поэтому ваш вопрос считаю несколько преждевременным». Он продолжал: «Вот вы написали литературное произведение, тогда как на это у вас нет ни достаточной эрудиции, ни достаточного таланта. Вы не за свое дело взялись...» Я воспользовался его заминкой: «Вы мне разрешите задать вам один вопрос?» Он несколько смутился и сказал: «Пожалуйста». — «Из здесь присутствующих кто-нибудь читал мое произведение от начала до конца?» Он еще больше смутился, перемолвился с экспертом и ответил: «Ваше произведение читал врач-эксперт». — «Вы не читали? И тем не менее совесть позволяет вам утверждать, что оно бездарное и глупое, что оно всего-навсего — бред сумасшедшего». — «Мы верим нашему эксперту. У нее достаточный опыт, обширные познания». — «Даже в области искусства?» — вставил я. — «У нас есть рецензии на ваше

произведение специалистов... писателей». — «И вы верите, что в нашем государстве могут быть люди, способные иметь свое мнение, способные высказать его в любом случае?» Я замолчал. Он задавал бесцветные вопросы, не получая на них ответа. Наконец, он спросил, считаю ли я себя больным. «До сих пор был здоров. Не знаю, удастся ли вам сделать меня больным». — «За кого вы нас принимаете?» — «За то, что вы есть на самом деле. Эпиграфом к своему произведению я взял слова Ромена Роллана: «Трижды убийца — убивающий мысль», — эти слова отнесены к Сталину; посмотрим, в какой мере они будут относиться к вам».

Итак, я оформлен сумасшедшим. Вместе со мной признали слабоумными всех моих читателей и издателей. Гуманное государство не наказывает меня, а лечит, потому что в момент совершения преступления я был невменяем. Этот момент был долгим. Первые строки были написаны в 1949 году, последнее — в 1959. Это кроме многолетнего обдумывания. Меня пошлют не в лагерь. Там я уже был. Нужна новизна впечатлений для укрепления здоровья. Такое лечение необходимо не мне, а государству. Суду осталось вынести решение о направлении меня на принудительное лечение. До первого ареста я ничегошеньки не имел против советской власти, но мне лгали, не стесняясь даже такого свидетеля, как я сам, лгали, что я — враг. Когда я действительно убедился, что они мне враги, мне врут, не стесняясь меня самого, что я не враг, а больной. Причина болезни — незаслуженное наказание. Но лечить меня будут не в курортных местах, а в тюремных, как

прежде. Главный метод лечения — устрашение. Главный признак выздоровления — мое раскаяние. Лечить меня можно сколь угодно долго. Всегда можно сказать: «Он еще не выздоровел».

Меня еще не перевели с экспертного отделения, а заботы о моем здоровье становятся более активными. Меня (без всякого повода) перевели в камеру к рослому, крупному мужчине, который пользовался известностью неукротимого драчуна. Я сам несколько раз видел его в таком состоянии, когда он набрасывался с кулаками на кого угодно. Первый вечер мы провели мирно. На другой день он разошелся. Но стучал в кормушку и жаловался не я, а он.

Немного позже я был переведен на седьмое отделение. Начал, конечно, с 25-ой палаты. Таких палат, как 25-я, на каждом отделении две-три. Вновь поступивших суют туда под предлогом необходимости ознакомиться с их поведением. Называются эти палаты наблюдательными. Переводят туда и для того, чтобы наказать провинившихся. Нечто вроде карцера, если сравнивать с другого рода тюрьмами. Побывавший там, обычно становится сговорчивее. В палате было достаточно тесно, так что найти место для прогуливания взад-вперед было трудно. Дюжина живых существ, однако, шевелилась и находила себе занятия. Один из них подкарауливал возможность схватить чьи-нибудь тапочки и выкинуть их в форточку. Первым ко мне подошел тот, кто выполнял обязанности старосты и чувствовал себя хозяином. Задавши мне несколько вопросов, он отрекомендовал свои владения с пренебрежительным жестом: «Тут у нас ни одного нормального — все чумари». У самого у него спинки койки были облеплены бумажками из-под конфет, а на стене красовалась какая-то странная фигура, напоминающая изо-

бражение взлетающей ракеты на детских площадках. Фигура эта составлена была из разноцветных этикеток и вырезанных откуда-то картинок. Другой из подошедших задавал более толковые вопросы, но был достаточно надоедлив, и я просто перестал обращать на него внимание, хотя он еще долго не отходил от меня. Шевелились, правда, здесь не все. Трое сидели неподвижно на своих койках от еды до еды. Позы у них неудобные, напряженные, как будто они постоянно ждут удара. Смотреть на них очень неприятно, потому что трудно постигнуть их терпеливость. Обычно натурщик, даже добросовестный, делает одну-две разминки за сорок пять минут.

Единственным разумным развлечением здесь была еда. Все другое, что существует в мире, было по другую сторону решетки.

Здесь были и очень шумливые, излишне живые существа. Один из них, еще молодой, из военных, очень исхудавший: его еду тайком съедали другие, потому что он сам с трудом отрывался от исполнения своих «служебных обязанностей». Все время он кричал на своих подчиненных, изображал гнев на своем лице, ругался и поучал. Но и у этого поднятая кисть руки поражала своей неподвижностью в течение многих часов. Глядя на него, я думал: «А были ли его слова более разумными и безвредными, когда перед ним были не воображаемые, а живые подчиненные?» Такого крикуна, который кричит непрерывно, еще можно временами не замечать. Вредней был другой, в противоположном углу камеры. Он молча гримасничал, стараясь придать лицу угрожающий вид. Потом неожиданно громко вскрикивал, желая напугать. Делал это он через равные промежутки времени, как часовой механизм, не пе-

реставая, не давая надолго сосредоточиться на какой-либо мысли. Иногда он вскакивал с койки, подбегал к кому-нибудь и осыпал его быстрыми ударами обеих рук, которые не достигали цели. Несколько человек постоянно бродили у чужих коек, изобретая какие-нибудь пакости или стараясь украсть что-нибудь недоеденное. Одному из таких предприимчивых нравилось копаться в чужих волосах. Он разбудил меня, когда я задремал, переутомленный. Но он не возобновлял такие попытки после внушительного предупреждения с демонстрацией силы. Чуть ли не самым надоедливym оказался выполнявший обязанности старосты. Он слишком часто, громко и многословно ругал то одного, то другого за беспорядки и хулиганство, и учил, учил, учил.

Не скрою, мне было бы гораздо легче находиться среди трупов, чем среди таких живых. Я понял, что для улучшения своего настроения нужно поменьше сочувствовать. В конце концов, что общего между мной и этим военным, наслаждающимся унижением других, хоть и нереальным? Люди, на которых я смотрел сейчас, больше причиняют неудобств другим, чем страдают сами. Да об истинных страданиях они даже представления не имеют. Зачем же мне видеть в них разновидность самого себя? Будем же смотреть на них с лупой в руках. Поучимся равнодушию у здешних врачей.

Как много крика и движения! А я уже сильно переутомлен. У меня начинает болеть голова, что со мной очень редко случается. Глаза закрыть можно, но что делать с ушами? (В ту ночь я еще не догадался затыкать уши пробками из хорошо промятого хлеба.) Пора спать. Нужно уснуть. Конечно, меня могут изуродовать сонного. Выбить

глаз... Но какой смысл об этом думать? Ночью меня разбудил один из предприимчивых. Ему пришла идея поплясать.

А утром интересовались моим самочувствием. Изволил со мной побеседовать молодой человек даже не в белом, а в военном. Пришел он во время завтрака, имел возможность видеть, что аппетит у меня остался нормальным. У меня были не умоляющие, переполненные ужасом глаза, а злое и насмешливое лицо.

1970 год

ОБРАЩЕНИЕ ВИКТОРА ФАЙНБЕРГА

Я обращаюсь к вам, организации, призванные защищать права и достоинство человека, из учреждения, в котором, может быть, в наиболее концентрированной форме соединились все пороки, присущие системе произвола и насилия над человеческой личностью, учреждения, в котором соединились все виды издевательства над человеком — от самых грубых до самых утонченных и изощренных, от произвольного ограждения свободы на неопределенный срок — до избиений, пыток и убийств, учреждения, само существование которого незаконно, как с точки зрения права, так и с точки зрения морали.

Я обращаюсь к вам через голову «компетентных» правовых и административных органов моей страны, прежде всего, потому, что все обращения к ним до сих пор оставались, да и не могли не остаться, без ответа.

Я обращаюсь к вам, наконец, потому, что граждан моей страны, апеллирующих к вам по поводу незаконных арестов и других нарушений прав человека, направляют именно сюда, в эти застенки.

В частности, сейчас здесь, в этой больнице, находится, наряду с другими политзаключенными, признанными больными за свои убеждения, Владимир Борисов, вся «вина» которого состояла в обращении к вам по поводу незаконного ареста Григоренко и Габая в Ташкенте: как известно, Григоренко заключен в другую, Черняховскую тюремную психиатрическую больницу, условия которой во много раз хуже, чем в нашей.

Наше правительство еще во времена Сталина изобрело новый способ обезвреживания своих политических противников, до которого не додумались ни корифеи инквизиции, ни каннибалы гитлеровского и сталинского террора. В условиях нашей страны фиговый листок психиатрии служит надежным прикрытием для бессрочного заключения инакомыслящих. Если исключить более или менее случайное совпадение обстоятельств (например, падение Хрущева, после которого были внезапно признаны «здоровыми» политзаключенные, направленные сюда за выступления против тех политических акций последнего, которые были официально осуждены его преемниками), прервать его может только физическая или моральная смерть политзаключенного, то есть отказ от своих убеждений.

(Инженер-полковник Лысак, присужденный к принудительному лечению за «нелояльное» выступление на ведомственном собрании, просидел здесь 9 лет!)

Но система перестраховки и произвола охватывает не только нас. Здесь, на долгие годы оторванные от родных мест и близких людей, влачат жалкое существование сотни действительно больных (в условиях строжайшего тюремного режима), имеющих мизерные шансы на выздоровление, а также люди, давно излечившиеся, которых тем не менее продолжают держать под стражей без всякой надежды на освобождение, «на всякий случай», из страха перед рецидивом.

Прежде всего о предпосылках произвола. Они связаны, в первую очередь, с противоречием между существующим законодательством, касающимся принудительного лечения, и судебной практикой. Сам приговор суда, гласящий обычно: «Дело пре-

кратить. Из под стражи освободить. Направить на принудительное лечение», противоречив, ибо в больницах специального типа больные и политзаключенные содержатся под стражей и подвержены всем, если не большим, ограничениям, установленным для заключенных в открытой тюрьме: питание из расчета тюремного плюс больничное дополнительное питание. Курево, за редким исключением, не выдается (заключенные получают его), прогулка — 1 час в день в течение 9 месяцев и 1 час 45 мин. в день в летнее время (больным заключенным положена 2-х часовая прогулка в течение всего года), одно свидание в месяц в течение часа, притом только с близкими родственниками (для заключенных — 4 часа с любыми лицами), личное свидание запрещено (заключенные имеют на него право), 2 передачи или посылки в месяц весом до 5 кг и с ограничениями, как для заключенных, письма 2 раза в месяц (не более двух писем сразу), причем переписка разрешается только с близкими родственниками (заключенные не ограничены в переписке и могут писать любым, не содержащимся под стражей лицам), обращение в вышестоящие органы, прокуратору по надзору и пр. запрещены, запрещены также любые жалобы, в том числе кассационные, и свидания с адвокатами (согласно закону, письма, адресованные в прокуратуру, не могут быть задержаны или вскрыты).

Указанный приговор также неправомерен, так как по советскому законодательству «принудительное лечение может быть назначено на срок не более 2-х лет», между тем как на деле срок пребывания в спецбольнице в среднем 4-5 лет, многие находятся здесь 7-9 лет, а некоторые и более 10 лет. Выписывают из этой больницы только через суд, который

рассматривает дело после получения решения собирающейся дважды в год врачебно-экспертной комиссии о том, что больной больше не является социально-опасным по своему психическому состоянию. Но суд очень часто отказывает в выписке, совершенно не мотивируя своего решения (что явно противостоит природе, так как члены суда не могут судить о состоянии здоровья больных).

Не имея возможности обжалования (особенно при отсутствии родственников или их малограмотности), узники «больницы» вынуждены ждать следующей комиссии, которая, в свою очередь под влиянием решения суда, обычно отказывает, затем следующей — снова отказ суда и т. д., теоретически до бесконечности, практически годами. Годами излечившиеся, здоровые люди содержатся под стражей в психиатрической лечебнице! Сколько разбитых судеб, семейных трагедий, искалеченных душ стоит за этим! Недаром врачи редко соглашаются санкционировать назначение опекуном больного его жены, отлично зная, что далеко не всякая женщина способна выдержать многолетнюю разлуку.

Что касается комиссии, то и она вряд ли в состоянии принять какое-либо ответственное решение при своей пропускной способности — 15-20 человек в час. Тем не менее, она часто отказывает больным, представленным местными врачами к выписке. Такая лотерея, в которой для многих из нас заранее исключены выигрышные номера, разыгрывается каждые 6 месяцев. Нередко выписка больше зависит от взаимоотношений больного с тем или иным врачом, чем от состояния его здоровья.

Один, склонный к афоризмам, врач 7-го отделения заявил больному: «Мы будем держать тебя до второго коммунизма!»

Нечего говорить о политических! Их выписка, разумеется, обусловлена многими факторами, не зависящими ни от местных врачей, ни от комиссии, ни от суда. Но и эти последние инстанции заинтересованы держать их под замком как можно дольше — в качестве перестраховки.

Политзаключенные, содержащиеся в лагерях, знают хотя бы дату своего освобождения. Здесь же заключение бессрочно, если только человек не купит «право» на выписку ценой отказа от своих взглядов, то есть морального самоубийства. Но и в таком случае его продержат не менее 2-х лет с момента «раскаяния». Только тогда считается, что он «выздоровел».

Как только политзаключенный прибывает в спецбольницу, врачи на первом же свидании ставят перед ним эту альтернативу: либо бессрочное заключение, либо отказ от своих убеждений.

Заведующая 11 отделением заявила мне без обиняков: «Ваша болезнь — инакомыслие». При этом никого не смущает, что за одну и ту же политическую акцию одних людей присуждают к заключению в лагерях, а других (их товарищей по процессу) к принудительному лечению.

«Мы лечим вас стенами» — говорят врачи. Но это еще лучший вариант «лечения». Иногда врачи предупреждают политзаключенного, что если он будет «упорствовать», очередная комиссия может назначить ему «лечение» помимо стен. Таким образом, совершенно здорового психически человека угрожают подвергнуть «лечению» сильно действующими медицинскими препаратами, способными подорвать или даже разрушить психику, то есть подвергнуть его самому утонченному способу пытки, до которого не додумались палачи прошлого.

Положение больных немногим лучше. Человек, знакомый с условиями содержания в спецбольницах, затрудняется определить статус лиц, находящихся в них на принудительном лечении: заключенные они, больные или нечто среднее. Ведь на них распространяются ограничения, наложенные как на тех, так и на других, и вместе с тем они лишены прав, предоставляемых каждой из этих групп. Полная зависимость от персонала, невозможность обжалования и двойственность нашего положения создают питательный бульон для произвола, который выражается здесь в любых мыслимых формах.

Совершенно безнаказанно человеку могут запретить свидание с родственниками, не пропускать письма домой и из дома, даже не ставя об этом в известность корреспондентов. Можно себе представить беспокойство родственников и переживания больных, особенно тяжелых, которым кажется, что близкие от них отказались!

Так называемая «дисциплина» поддерживается намеренно насаждаемой атмосферой запугивания. Нередки случаи избиения больных санитарями, надзирателями и корпусными. Избиения здесь считаются нормальным явлением. Происходит оно, как правило, при молчаливом благословении сестер и явном попустительстве врачей. Вот образчик «наставления» врачей санитарам: «Вы что, не знаете, что бить вообще нельзя, а если не умеете, то тем более!»

Больной Семенчук был избит санитарями и дежурным по лестнице, а затем в камере (в 1967 г.), дежурный врач Татьяна Алексеевна прокомментировала это избиение такой сентенцией, обращенной к больному: «Стену головой не прошибешь!»

22 марта 1962 года санитары зверски избили боль-

ного Алексеева Василия Ивановича (1927 г. р.) на 4-м отделении. У него были явные следы побоев: синяки, кровоподтеки. Когда он по этому поводу обратился к врачу Екатерине Ивановне Кузнецовой, она невозмутимо ответила: «Тебя еще мало били».

Медбрат 7-го отделения Виктор Валерьянович систематически избивает больных, заводя в ванную. Больной Семенчук был избит в присутствии медсестры. По инструкции санитары и надзиратели не имеют права заходить в камеру без сопровождения среднего медицинского персонала. Однако для облегчения экзекуций это правило постоянно нарушается. Летом 1969 года на 3-м отделении 2 санитары вошли в камеру без сестры и дежурного и избили больного Станислава Арбузова. В конце апреля 1970 года на 4-м отделении медсестра Анастасия Алексеевна, производя инъекцию больному Владимиру Алексееву (1945 г. р.) вышла из палаты, чтобы дать возможность санитарам избить его, «умыв» при этом руки. Иногда «для удобства» больного сначала привязывают к койке, а затем бьют. В августе 1970 года на 3-м отделении санитары избили больного Ефимова, предварительно прикантовав его к койке. В «подвигах» такого рода дежурные и корпусные не отстают от санитаров. В июне 1969 года на 1-м отделении больного Владимира Степанова грубо приволокли не в ту кабину, куда он просился (тяжелые больные гуляют здесь в «кабинах», то есть крошечных двориках, собственно, деревянных ящиках без крышки), и больной, сопротивляясь, ударил корпусного Георгия Русского. Последний и санитар избили его, отвели на отделение и там продолжали избивать в камере. Иногда такие избиения заканчиваются трагически. Один больной был заведен в ванную и зверски избит санитарями, надзирателями

и фельдшером. Его бросили на кафельный пол, пинали ногами; результат — перелом берцовой кости и направление в Москву на операцию. «Разбор» дела завершился объяснительной запиской санитаря, которую сочли вполне достаточным документом для прекращения расследования.

В 1965 году больному Никитину Александру Георгиевичу (1932 г. р.) вывихнули руку и повредили ключицу. Он остался калекой на всю жизнь. (Сейчас находится на 11-ом отделении.)

Больного Григорьева Ивана Ивановича (1925 г. р.) зверски избили на 11-ом отделении. В результате он потерял зрение на один глаз.

В 1964 году в коридоре 2-го отделения санитары и надзиратели зверски избили больного Иванова Николая Петровича. Его повалили на пол и пинали ногами, сломав ему два ребра. Иванов так и не смог оправиться после этого избиения и через три месяца скончался, причем известно, что последние 20 дней он непрерывно харкал кровью.

Разумеется, никто не был привлечен к ответственности за эти и другие случаи членовредительства и убийства, не было даже проведено соответствующего расследования, а смерть больных приписали необратимым болезненным процессам.

Если избиение приобретает слишком широкую огласку, реакция врачей сводится к перемещению больного на другое отделение. 13 мая 1969 года три санитаря 11-го отделения зверски избили больного Малышева. На лице его были кровоподтеки, куртка залита кровью. При избиении присутствовала медсестра Наталья Павловна, известная своими садистическими выходками. На следующий день Малышев был переведен на 3-е отделение, а санитары, ободренные таким исходом, удвоили издевательства

над больными, открыто хвастаясь своей безнаказанностью.

Второе место после избиений занимает другой вид физического воздействия — назначение сильнодействующих инъекций за «дисциплинарные проступки», которыми считается, например, замечание или протест против произвола. Зачастую такие назначения не показаны больному по характеру его болезни и поэтому приводят к резкому ухудшению состояния. Так, например, инъекции сульфазина применяют почти исключительно в качестве наказания. При этом температура больного поднимается до 40 градусов Цельсия и в течение трех дней ему больно даже пошевелиться. (Каково же, когда назначают 5-ю инъекцию с интервалом в два дня!)

В тех же целях применяют так называемую «укрутку» или «тепловлажное укутывание», когда больного стягивают мокрыми простынями и не просто привязывают к койке, а что есть силы обматывают жгутами почти виток к витку. Простыни высыхают и как тисками сдавливают все тело (часто бывает, что больной теряет сознание) и на все отделение раздаются вопли истязуемого. Были случаи, когда такую укрутку назначали на 10 дней ежедневно!

В спецбольнице санитары работают заключенные. Считается, что их здесь перевоспитывают. Действительно, в санитарском общежитии и в главном корпусе с ними проводят так называемую «воспитательную работу» и кое-какой, с грехом пополам, инструктаж. Однако настоящее воспитание санитары получают в больничных корпусах. Здесь им внушают исподволь, что лучший способ поддержания дисциплины среди больных — запугивание и избиение наиболее строптивых. Легко представить себе, с каким нравственным багажом этих людей

выпускают на свободу. Таким образом, терроризирование больных удачно сочетается с разложением заключенных-санитаров.

Не менее известно, что рацион больных несколько превышает рацион заключенных-санитаров. Кроме того, санитары больше ограничены в выписке продуктов и получении передач. Это «противоречие» легко разрешается тем, что санитаров (на некоторых отделениях) кормят за счет больных, а чтобы избежать претензий со стороны последних, подливают в молоко и компот спасительную воду.

Вообще, положенный нам рацион быстро тает на всех инстанциях от котла до миски. На отделениях 2-го корпуса воруют и продукты, получаемые больными в передачах и посылках или выписываемые ими за свои деньги в ларьке. Воровством там занимаются некоторые медсестры, делясь своей добычей с санитарями. Когда на 6-м отделении ларёчник больной Кожевников сделал замечание медсестре, обнаружив в ней далеко не платонический интерес к продуктам больных, она запустила руку в один из ящичков и, вытащив горсть конфет, стала совать их Кожевникову. После неоднократных жалоб врачи запретили сестрам открывать шкаф без ведома ларёчника, но толку от этого было мало. То же происходило и на 7-м отделении при ларёчнике больном Чалидзе и политзаключенном Комарове.

Иногда санитары, угрожая побоями, вымогают продукты у тяжелобольных. В частности, за отказ поделиться с санитарями своей посылкой был избит санитарями больной Станислав Арбузов, о котором я упомянул выше.

В спецбольнице существует система двойного подчинения или двойного контроля, при котором две линии надзора: главврач, зав. отделением, ле-

чащий врач, медсестра и дежурный офицер по больнице, корпусной, надзиратель призваны контролировать друг друга. В основании обеих линий подчиненности находится санитар, который подчиняется и тем, и другим, но непосредственный контроль над ним осуществляет надзиратель, то есть лицо, никакого отношения к медицине не имеющее. Такая система не только не предотвращает произвола, но при существующей круговой поруке и весьма устойчивых больничных традициях, способствует ему. Бывают случаи, когда санитары по приказанию надзирателя врываются в палату, связывают и избивают больного без ведома сестры. Существующая система такова, что даже люди, проявляющие гуманное отношение к больным, практически не могут им помочь. Так врач, при всем желании оградить больного от издевательств и избиений со стороны надзирателей и корпусных, не в состоянии этого сделать. Медсестра может только попросить надзирателя воздержаться от грубостей и рукоприкладства.

По обеим линиям процветает система доносов, которые (от кого бы они ни исходили), прежде всего отражаются на больных. Так, надзирателей, позволяющих себе лишнюю минуту поговорить с больным, посидеть, развлечь тяжелобольного по доносу своих коллег или медсестер переводят на другое отделение, в лучшем случае они получают замечание и выговоры.

«Здесь надо быть собакой, тогда будешь хорошим у начальства» — говорил мне один старый надзиратель, дорабатывающий последние недели до пенсии. В июле этого года по доносу медсестры 3-го отделения Надежды Владимировны, молодой надзиратель по имени Ермак был переведен на 4-е отде-

ление за то, что, по ее мнению, слишком долго и недопустимо дружески разговаривал с больными. Характерно, что санитары, сохранившие здоровую нравственную закваску, всеми силами стараются перейти на другую работу. Некоторые санитары, чтобы избежать «больницы», специально совершают провинности, садятся в карцер, после чего попадают в лагерь (иначе, как правило, не отправляют). «Чтобы работать здесь, надо быть извергом» — сказал мне санитар 4-го отделения Роберт Саджайя, узнав от своих товарищей об избиении больного Алексеева. Вскоре после этого ему удалось перейти на другую работу (дворником).

Санитар Корецкий во время избиения Алексеева двумя другими санитарями (Виктором Давыдовым и «Славином»), подставлял свои руки под удары, стараясь защитить больного. Он был настолько потрясен этим избиением, что на следующий день намеревался требовать перевода на другую работу и остался только потому, что срок его заключения истекал через несколько дней. В общежитии заключенных санитары угрожали Саджайе и Корецкому расправой, если они попытаются выступить в качестве свидетелей избиения.

Таким же образом санитары «обработали» больного Винокурова, который также был свидетелем избиения и рассказал мне о нем. С другой стороны, Винокурова подвергли обработке и допросу с пристрастием медсестры и врачи. Таким образом, распоясавшиеся хулиганы, отбывающие заключение, выступили здесь в одной компании с медицинскими работниками, защищая свою шкуру, «честь» отделения и репутацию больницы.

Понятно, что при таких надежных «гарантиях», в условиях круговой поруки сверху донизу, боль-

ные находятся в полной зависимости от характера или настроения той или иной медсестры, надзирателя или корпусного.

И это считается нормой. Когда больные жалуются на придирки или провокации медсестер, врачи оправдывают последних тем, что у каждого человека свой характер и с ним надо считаться. (Заведующая 4-м отделением Мария Николаевна.) Пользуясь этим, некоторые медсестры и корпусные провоцируют больных, вызвавших чем-либо их «неудовольствие».

Так, когда больной 4-го отделения Владимир Алексеев имел несчастье спросить медсестру Анастасию Алексеевну, почему ее отношение к нему резко меняется в зависимости от настроения, она затаила злобу и с тех пор постоянно провоцирует беднягу на вспышку, отлично зная характер его болезни (Алексеев — эпилептик). Когда же ей это, наконец, удалось, она организовала избиение Алексеева.

Старшина Виктор Якимович Пчалин, самая одиозная фигура среди корпусных, «оскорбленный» замечанием больного Велименко, указавшего ему на недопустимость рукоприкладства, дважды устраивал против него провокации и зверски его избивал. В результате второго избиения Велименко в течение месяца не мог встать с постели.

После избиения больного Шнякина (на 8-м отделении), надзиратель заявил ему, что волноваться не стоит: это была «проверка», как он будет реагировать, а так как реакция была бурной, последовал перевод избитого на 1-й корпус.

Разумеется, все жалобы и протесты больных остаются без последствий, если не считать перемещения протестующих на другие отделения. Корпус-

ного Пчалина, завоевавшего лавры чемпиона по избиванию и грубости, после особенно громких подвигов, переводят на другие корпуса, оставляя в той же должности. Так, например, после 2-го избивания Велименко, Пчалина перевели с 1-го корпуса на 2-й, затем после очередной выходки, снова на 1-й, и, наконец, в июле этого года, после того, как он едва не искалечил того же Велименко, — на 3-й корпус. Но это исключение. Чаще переводят не виновников избивания, а тех, кто старается их разоблачать или защищать избиваемых. Когда я написал заявление главврачу по поводу избивания Малышева, меня немедленно перевели на 4-е отделение, а мое заявление было «утеряно» врачами. В конце апреля 1970 года я написал заявление по поводу избивания больного Владимира Алексеева и настоял на встрече с главврачом Леопольдом Николаевичем. После беседы последний и замещающий его врач заявили, что «такой случай в нашей больнице невозможен» (хотя, не говоря уже о свидетелях, на теле Алексеева сохранились кровоподтеки и другие следы побоев), последовало «соломоново решение» — перевести меня на 1-е отделение. Санитары, конечно, наказаны не были, как и в случае с избиванием Малышева, хотя после него главврач уверял меня в обратном. Характерно, что в избивании Алексеева участвовал Дымов, один из санитаров, за год перед этим избивший Малышева.

В 1968 году больной Губарёв был переведен из 7-го отделения на 4-е за то, что защитил больного, которого санитары повалили на пол и избивали ногами.

Когда на глазах у всей палаты санитары зверски избивали лежащего больного под смех стоявшего в дверях надзирателя (7-е отделение), Семенчук

сделал им замечание. На следующий день, когда он рассказал об этом врачу, его перевели на 1-й корпус. В июле этого года Семенчук был переведен из 6-го отделения на 4-е за то, что протестовал против присвоения санитарями продуктов, предназначенных больным.

Обращения к вышестоящим органам также безрезультатны. Если о каком-либо безобразии будет сообщено в письме, можно не сомневаться, что либо оно не дойдет до адресата, либо все «компроментантное» старательно вычеркнут. А те письма, которые удавалось передавать, минуя все рогатки, вышестоящие органы, как правило, отсылали «по назначению», то есть администрации той же больницы. И мы продолжали жить в замкнутом «антимире» со своими «антизаконами». Здесь продвижение по службе надзирателей и корпусных прямо пропорционально количеству и «качеству» совершенных ими мордобойных подвигов. Так «воитель» Пчалин ходит в особом фаворе у начальства. Говорят, у него есть «рука» в администрации больницы. Одна из тех нечистых рук, которые определяют нашу судьбу! Тот же критерий применяется к медсестрам и санитарам. Медсестра Анастасия Алексеевна нередко заменяет фельдшера, хулиган Дымов стал старшим санитаром на 4-м отделении. И всё же мы находимся в лучшем положении, чем больные и политзаключенные в других спецбольницах, так как ленинградский персонал более культурен. После рассказов больных и политзаключенных, побывавших, например, в Черняховске, мы узнали, что ад бывает и более адским.

В связи с вышеизложенным напрашивается вопрос о правомерности и целесообразности самого существования института спецбольниц. С точки зре-

ния права оно противозаконно и бессмысленно, а с точки зрения эффективности лечения и гуманности — судите сами. Ведь психически больной человек не является преступником, наказание к нему применяться не должно. Цель принудительного лечения — выздоровление больного. К чему же этот противоестественный симбиоз тюрьмы и больницы? Может ли проводиться эффективное лечение при тюремном режиме с одночасовой прогулкой (как в тюрьмах обычного типа), с ограничением передач и свиданий, содержанием в тюремных камерах под «охраной» никакого отношения к медицине не имеющих сержантов МВД и санитаров, отбывающих заключение за хулиганство, воровство и другие преступления?

В больнице очень велика смертность после операций, так как послеоперационные больные, как правило, лишены квалифицированного ухода и наблюдения врачей-специалистов. Послеоперационные палаты представляют собой, как и все остальные, обычные камеры тюремного типа. Бесконтрольность врачей поощряет их на эксперименты, которые дорого обходятся больным. Так, на 6-м отделении одного больного инъекцией инсулина ввели в шок и не смогли вывести. Между тем терапевт предупреждал о противопоказанности для него инсулина.

Самое местоположение больницы в окружении заводов, с их шумом и гарью, не может не отражаться на здоровье больных.

Питание здесь гораздо хуже, чем в больницах обычного типа. И в этом отношении с интересами больных считаются меньше всего. Продукты, выпи-сываемые нами в ларьке за свой счет, очень часто не соответствуют своей цене и по количеству, и по сортности. Когда ларёчница уходит в отпуск (на 2

месяца или более, как правило, 2-3 месяца в год), больные лишены возможности выписывать дополнительное питание, которое некоторым из них просто необходимо по состоянию их здоровья. В этом году отпуск ларёчницы совпал с карантином, так что больные лишены и выписки, и передач.

Наконец, ограничение свиданий и писем не только травмирует больных и приводит к распаду семей, но и поощряет произвол, так как родственники больных, как правило, лишены возможности организованно выступить в их защиту. Этому способствует также подбор контингента больных, большинство которых — иногородние, и окружающая больницу обстановка секретности.

Единственным аргументом в пользу существования больниц специального типа служит утверждение, что совершавшие преступления больные представляют опасность для общества. Но разве психические больные, не совершавшие преступлений, не являются социально опасными? Кстати, как известно, за рубежами нашей страны таких учреждений нет, все без исключения психически больные содержатся в больницах обычного типа. Не говоря уже о том, что сажать здоровых людей в сумасшедший дом за их политические убеждения за пределами нашей страны еще никто не додумался.

В последнее время в нашей периодике много пишут о демократизации, расширении прав представительных учреждений и т. д. На газетных страницах появляются уже споры о правах и функциях комиссий Верховного совета СССР. В связи с этим хочется напомнить один эпизод, имевший место в прошлом году в английском парламенте. Когда стало известно о случаях рукоприкладства со стороны персонала и воровства продуктов, принадлежавших

больным в нескольких психиатрических больницах, парламент назначил специальную комиссию, которая, посетив эти больницы и тщательнейшим образом расследовав на месте все случаи злоупотреблений, зачитала весьма обширный доклад перед народными представителями. Этот доклад был опубликован во многих газетах Великобритании, в том числе и в коммунистической «Морнинг стар». По нему были приняты соответствующие решения.

Я не собираюсь отсылать Верховный совет к процедурам, формам и интересам насквозь прогнившего буржуазного парламентаризма. Я привел этот пример только для того, чтобы подчеркнуть, что в нашей стране нет ни одной официальной инстанции, в которую можно было бы обратиться по вопросам, составляющим содержание моего письма.

Я надеюсь, что комиссия по правам человека ООН, руководствуясь высокими принципами Декларации прав человека, под которой наряду с другими стоят подписи и представителей СССР, употребит всё свое влияние, чтобы избавить от страданий тысячи узников специальных тюремных психиатрических больниц. Я надеюсь также, что среди читателей этого письма найдется немало людей, у которых хватит гражданского мужества, чтобы поднять голос протеста против самого существования больниц-тюрем, против позорной практики использования психиатрии для бессрочного заключения и издевательств над инакомыслящими, за немедленное расследование совершенных здесь преступлений и наказания виновных.

Июль 1970

В. Файнберг

Автор этого письма — Виктор Файнберг — в настоящее время находится в спецбольнице г. Ленинграда. Я хотел скрыть его авторство, однако получил от него письмо, в котором он в категорической форме потребовал поставить его подпись. Поэтому я не считаю себя вправе публиковать это письмо анонимно.

В. Буковский

ОТКЛИКИ

.

Скудность информации, поступавшей до середины шестидесятых годов из Советского Союза о конкретных случаях помещения инакомыслящих в спецпсихобольницы, а также упорные и нередко, к сожалению, успешные старания советской власти отвести внимание западной общественности от внутрироссийских проблем и направить его на иные объекты, объясняли сравнительно небольшой резонанс на зверства коммунистической власти в СССР. Ныне как на Западе, так и в среде передовой советской интеллигенции количество высказываний по этому вопросу значительно возросло.

Ниже мы приводим наиболее яркие и характерные отклики. Они расположены в хронологическом порядке. Мы сделали исключение для двух документов: открытого письма А. Солженицына «Вот как мы живем», с которого мы начинаем этот раздел, и анализа Сергея Разумного «Еще об одном преступлении советского режима», который, по нашему мнению, логично завершает книгу.

ВОТ КАК МЫ ЖИВЕМ

Открытое письмо А. Солженицына

Вот как мы живем: безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача. Врачи заявляют, что он — помешанный, майор милиции кричит: «Мы — орган насилия! Встать!», крутят ему руки и везут в сумасшедший дом.

Это может случиться завтра с любым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым — ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души (лично знаю его бескорыстную помощь безвестным погибающим больным). Именно разнообразие его дарований и вменено ему в ненормальность: «раздвоение личности»! Именно отзывчивость его на несправедливость, на глупость и оказалась болезненным отклонением: «плохая адаптация к социальной среде»! Раз думаешь не так, как положено, — значит ты ненормальный! А адаптированные — должны думать все одинаково. И управы нет — даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются, как от стенки горох.

Да если б это первый был случай! Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более — неизвестных. Угодливые психиатры, клятвопреступники, квалифицируют как «душевную болезнь»: и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и

избыточное хладнокровие, и слишком яркие способности, и недостаток их.

А между тем даже простое благоразумие должно было бы удержать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся *никогда*, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно.

И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, где человек переступает в людоеда!

Это — куцый расчет, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести.

15 июня 1970 г.

Бернар Ферон

ПСИХИАТРЫ — СОТРУДНИКИ МИЛИЦИИ

«Теперь, когда политических заключенных больше не существует, оппозиционеров объявляют сумасшедшими. В своем повествовании Тарсис указывает, что «невменяемые» исчисляются тысячами. В таких больницах встречаются также люди, посаженные по просьбе родственников, иногда с целью освободить немного «жизненного пространства» в перенаселенных квартирах. Для этого достаточно располагать связями в Министерстве здравоохранения или в Комитете государственной безопасности.

Уже и раньше было известно, что власти посадили несколько докучливых личностей, не отдав их под суд и не нарушив социалистической законности: медицинское свидетельство освобождает от всяких формальностей. В этом можно усмотреть крайнее и неожиданное применение теорий некоторых советских юристов, утверждающих, что СССР исповедует самую либеральную концепцию права, поскольку он рассматривает правонарушителя скорее как больного, которого следует лечить, чем как преступника, подлежащего наказанию!

Как могут врачи соглашаться на подобную игру? По этому поводу у Тарсиса имеются страшные высказывания. Он утверждает, что большинство психиатров — сотрудники милиции, кстати, на самом деле неспособные работать по своей профессии...»

Из статьи «Воспоминания из сумасшедшего дома». «Ле Монд», 30 марта 1965 г.

А. Марченко

ДУРДОМ

У нас на третьем, кроме терапевтического и хирургического, есть еще и психиатрический корпус — все его называют «дурдом»: «дурацкий дом» что ли, или «дом дураков». Словом, дурдом. О сумасшедших, о психобольницах на воле какие только страсти не рассказывают! Меня разбирало любопытство: хоть и страшно, а так и тянет самому поглядеть на психов вблизи. Тем более, что всякому лестно: посмотришь на дураков и возвышаешься в собственных глазах — они дураки, а я умный. Правда, я слышал, что в сумасшедший дом иногда упекают совершенно здоровых людей, чем-нибудь не угодивших властям. Ну, а все-таки дурдом есть дурдом...

Я пошел в гости к санитарам психокорпуса. Корпус отгорожен от остальных высоким забором. Звоню у калитки, открывают. С опаской вхожу во двор. По двору прохаживаются зэки-больные, мирно беседуют. Может, тихопомешанные, только слегка чокнутые? Я прошелся по всему корпусу, обошел все камеры — везде такая же картина. Читают, играют в шахматы, тихо разговаривают. Санитары смеялись надо мной, что я ищу здесь сумасшедших:

— Ты что, сам чокнулся, что ли? Не знаешь, где психи? В зоне не видел?

Я вспомнил, что действительно и в зоне и во Владимире в общей камере встречал настоящих душев-

А. Марченко. «Мои показания». Изд. «Посев», 1969. Стр. 295-299.

нобольных, даже буйных. Некоторые просто отравляют и без того не сладкую жизнь остальных: шумят ночью, что-нибудь выкрикивают, воют, воруют продукты, скандалят, дерутся; есть даже такие, что ходят под себя, а потом едят свои испражнения. Сколько мы ни жаловались начальству, просили убрать их, изолировать от здоровых, нам отвечали обычно:

— Не ваше дело, не вы здесь распоряжаетесь.

Или в лучшем случае:

— Куда мы их денем? Не домой же к себе брать?

— Неужели же тут все нормальные? Ни одного настоящего психа нет? — спросил я у знакомого санитаря.

Он объяснил мне, что бывают и настоящие, но их здесь долго не держат и отправляют обратно в лагерь. Иногда таких отправляют в Институт Сербского на экспертизу. Там их чаще всего признают нормальными и дают администрации санкцию обращаться с ними, как со здоровыми. Если они подследственные, другое дело — в Институте Сербского могут признать душевнобольным любого человека, с самыми незначительными отклонениями в психике, и даже совсем здорового — если это только потребуется КГБ.

Я потом часто заходил в «дурдом», и наши «дураки», втайне от администрации, гуляли по всей зоне, хотя это строго запрещалось. Санитары не боялись выпускать их: они знали, что от своих больных нечего ждать неприятностей. Среди «дураков» я встретил несколько знакомых. В первый же раз, как я пришел туда, я был поражен, узнав в одном из больных зэка, знакомого еще по десятому — того самого, который сцепился с капитаном Васяевым в памятный мне вечер нашего неудав-

шегося подкопа. Мне рассказывали другие зэки, что он вступал в дискуссии не только с офицерами-воспитателями, но и с приезжими лекторами — и всегда ставил их втупик своими вопросами и доводами. Заключение слушали эти дискуссии с огромным интересом, начальство злилось. Сколько раз его сажали за это в карцер, — а он все не унимался. Мы разговорились с ним, вспомнили тот вечер, общих знакомых, Бурова — он его хорошо знал. Я осторожно спросил его, как он угодил в «дураки». Он посмеялся над моим смущением и сказал, что здесь таких, как он, много: начальству гораздо спокойнее, когда они в дурдоме, а не в зоне.

Здесь же был и Коля Щербаков — без обоих ушей, весь синий от наколох по всему телу и лицу лозунгов и изречений. Встретился мне и один настоящий сумасшедший, прибалт Нурмсаар; я знал его на семерке, одно время жил с ним в одной секции. Держался-то он более или менее спокойно, больше неприятностей причинял себе, чем окружающим. Бывало, не идет на работу, надо к вахте на развод, а он пошел себе в другую сторону. Остановишь его:

— Нурмсаар, куда ты? На работу надо! — а он как не слышит, смотрит мимо.

Несколько раз наш отрядный Алешин выписывал ему по пятнадцать суток карцера за невыход на работу. Теперь вот его привезли в дурдом — правильно, конечно. Можно ли его гонять на работу и спрашивать норму, как со здорового? Я подошел к нему, чтобы порасспросить о своих друзьях с седьмого. Но он, похоже, совсем не понимал меня, а может даже и не узнал. Так, ничего не добив-

шись от него, я отошел. Позднее, уже на воле, я слышал, что Нурмсаар снова в зоне и снова сидит в карцере.

Самое большое впечатление произвела на меня одна встреча. Я пошел, как это полагалось, встречать очередной этап — отбирать и вести больных в хирургический корпус. Смотрю — среди вновь прибывших мой хороший знакомый, Март Никлус. Он дружил с моими друзьями Генкой Кривцовым и Толиком Родыгиным. Их всех троих посадили в БУР за невыполнение нормы, но вся зона знала, что их заперли на камерный за «строптивость», за то, что они отстаивали вслух свои убеждения. Я знал, что срок БУРа у них еще не кончился, и тем более обрадовался Никлусу и тому, что он вырвался из БУРа в больницу (это бывает очень редко, обычно говорят: «Вот отсидишь свой срок, потом будешь лечиться») и тому, что узнаю новости о друзьях. Март передал мне приветы от Генки и тетки, я рассказал ему кратко о жизни на третьем, чтобы помочь ему сразу сориентироваться. Потом спросил, что с ним, как это ему удалось попасть из БУРа в больницу. И хоть я уже ко всему привык, но был просто поражен его ответом:

— Да ведь я теперь сумасшедший, вот — привезли в дурдом.

Эта новость просто не укладывалась у меня в голове. Март объяснил, что он в БУРе объявил голодовку в знак протеста против голодного режима. Ему пригрозили, что если он не снимет голодовку, его запрут в сумасшедший дом; вот и отправили.

— Буду теперь — говорил Никлус — жить среди таких же дураков, как и сам.

Никлус иногда тайком приходил к нам в корпус.

Мы вчетвером — он и два наших санитаря, земляки Никлуса, Карл и Ян — проводили вечера в разговорах. Пробыл он на третьем около месяца, и его снова отправили в БУР — досиживать срок. А когда кончился срок БУРа, всех троих, — и Никлуса, и Родыгина, и Кривцова, — «судили» и отправили на три года во Владимир. Никлуса скоро освободили, совсем выпустили; а Геннадий и Толя и сейчас сидят во Владимирской тюрьме.

Как интересно получается: один и тот же человек оказывается то здоровым, то ненормальным, то снова здоровым — по воле начальства. Никлус, например, считался здоровым, от него требовали выполнения нормы и соблюдения режима; объявил голодовку — стал «сумасшедшим», попал в дурдом; потом снова оказался в БУРе, потом его судил лагерный суд, уже как здорового, — за то же самое, за что он отсидел уже шесть месяцев в БУРе; объявил бы он голодовку во Владимире — может, снова считался бы психом.

А вот другой случай: однажды на третьем надзиратель задержал около библиотеки больного из психокорпуса (им ведь запрещено выходить со своей территории). Этот больной был признан ненормальным в Институте им. Сербского; думаю, что он и на самом деле был чокнутый. Тем не менее, надзиратель потащил его в карцер за нарушение правил. Больной вырвался, побежал, надзиратель догнал его, схватил, зэк стал отбиваться — и в потасовке сорвал с надзирателя погон. Об этом составили акт. Но пока дело касается сумасшедшего, его нельзя судить. И вот нашего психа через несколько дней объявляют здоровым, отправляют в лагерь, а там месяц спустя судят — за сопротивление представителю охраны, за нанесение телесных повреж-

дений, за то, что сорвал погон. Судят больного, и только для того, чтобы устрашить всех, чтобы другим неповадно было. Ему добавили срок до пятнадцати лет; хорошо еще, что не расстрел!

ЗНАЧИТ ТЫ СУМАСШЕДШИЙ

«Ты противишься партии — значит ты сумасшедший. Судя по всем признакам, советские власти снова готовятся запереть протестующего интеллектуала в сумасшедший дом. На сей раз речь идет о московской поэтессе Наталье Горбаневской, которая обвинена в клевете на советское государство и строй: на прошлой неделе поступило сообщение, что перед тем, как ее судить, ее посылают на освидетельствование в психиатрический институт. Горбаневская — член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, недавно обращавшейся в ООН с протестами против нарушения гражданских прав в Советском Союзе. Пресловутый профессор Лунц из Института им. Сербского уже раз объявил Горбаневскую сумасшедшей.

Заключение политических противников в сумасшедшие дома становится обычным явлением в Советском Союзе. Последней жертвой профессора Лунца, в задачи которого входит «диагноз» всех политических случаев, был мужественный генерал Григоренко — защитник крымских татар.

Ирония судьбы: оба письма в ООН, подписанные Горбаневской, протестуют против «особенно бесчеловечной формы преследований: помещения в психиатрические больницы нормальных людей за политические убеждения».

Без сомнения эта практика сокращает число неудобных политических процессов. Без сомнения, сумасшедший дом при Брежневe лучше пули в заты-

«Обсервер», 4 января 1970 г.

лок при Сталине, хотя вырывающиеся на свободу утверждают, что даже концентрационные лагеря лучше этих политических психиатрических больниц. Однако приравнивание критики к сумасшествию остается нетерпимым, ужасающим самообличением режима. Кто же действительно болен в таком обществе?»

СИМПТОМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Заявление Андрея Амальрика

«Противников строя действительно сажают в сумасшедшие дома. Это правда. Я думаю, что это самое отвратительное из того, что делает режим. А вместе с тем, мне кажется, что это яркий пример полной идейной капитуляции режима перед своими противниками, раз режиму не остается ничего другого, как только объявлять их сумасшедшими. Если в ответ на идеи — ибо режиму сейчас угрожают только идеи — режиму не остается ничего другого, как сажать людей в психиатрические больницы, то это — характерный симптом нашего времени.

Я хорошо знаю нескольких людей, которые помещены в психиатрические больницы и признаны сей-

Андрей Амальрик, историк, автор книг: «Нежеланное путешествие в Сибирь». — New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1970, 294 стр. и «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года»? — Амстердам, Фонд им. Герцена, 1969. 71 стр.

А. Амальрик дал корреспонденту американской телевизионной компании Коламбия бродкастинг корпорэшен Уильяму Коулу в Москве весной 1970 года интервью. Печатаемое нами заявление — часть этого интервью, которое передавалось по телевидению в Америке и в Европе. А. Амальрик был арестован 21 мая 1970 года в деревне Акулово, Рязанской области, и отправлен в Свердловск, где состоялся суд (11-12 ноября). Амальрик приговорен к трем годам лагерей строгого режима.

час невменяемыми. Это — генерал Григоренко, это — Иван Яхимович. То же самое грозит Наталье Горбаневской. Все это совершенно нормальные и здоровомыслящие люди, которым уготована ужасная судьба. Они должны находиться среди настоящих сумасшедших, причем совершенно неопределенное время, поскольку срок заключения в тюремные больницы не ограничивается приговором суда.

Между тем я считаю, что никакое насилие не может существовать без тех, кто готов этому насилию подчиниться. И если мы не хотим, чтобы в нашей стране господствовало насилие, то все мы должны бороться с этим, а не просто говорить, что режим плохой, что мы страдаем и т. д.»

О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ

«Лица, совершившие социально-опасные деяния, пользуются (такими-то) процессуальными правами и подвергаются мерам воздействия по приговору суда. Лица, относительно которых есть основания полагать, что они могут совершить социально-опасные деяния, не пользуются никакими процессуальными правами и подвергаются тем же мерам воздействия в административном порядке».

Если бы такой закон был издан в каком-либо государстве, он бы свидетельствовал об оригинальности его правовой системы. А между тем принцип, выраженный в таком законе, не является необычным. Дело в том, что процессуальные права обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе воспринимаются юристами, а подчас и законодателем, не как часть комплекса прав человека, а как права, возникающие у человека в случае уголовного преследования.* Это приводит к тому, что властям гораздо легче наказать человека, не совершившего

Из самиздатовского сборника «Общественные проблемы», издаваемого В. Н. Чалидзе. Выпуск 5. Раздел II. Москва, май-июнь 1970 г.

* Примером служит ст. 127 Конституции СССР, связывающая с неприкосновенностью личности лишь свободу от произвольных арестов; понятие ареста определено в уголовно-процессуальном законодательстве и не составляет единственной формы ограничения «неприкосновенности» личности.

уголовного деликта. (Слава Богу, административные наказания не слишком суровы в последнее время в отличие от санкций Особых совещаний).

Примером служит известный закон о «тунеядцах». Не обсуждая этот закон подробно, скажу лишь, что для москвичей и ленинградцев он предусматривает фактически ссылку на срок до пяти лет только за уклонение от общественно-полезного труда и антиобщественный паразитический образ жизни. (Если некто живет на средства своей матушки и трудится над переводом «Фауста» последовательно на двадцать языков, чтобы затем перевести опять на немецкий и посмотреть, что получится, — суд может признать паразитическим такой образ жизни и, следовательно, по логике суда, антиобщественным.) Чтобы пятилетней ссылке подвергнуть за деяние, нужна длительная процедура, во всяком случае, судебное разбирательство с участием защитника и приговор, и всё это при том, что ссылаемый пользуется процессуальными правами. А за бездействие, уголовно не наказуемое, достаточно постановления суда (ни гласность, ни участие защитника* и иные процессуальные права, даже право на пересмотр де-

* Ст. 111 Конституции СССР гарантирует право на защиту лишь обвиняемому, каковым привлеченный за «тунеядство» не является. Применимость к судебному рассмотрению вопроса о высылке «тунеядцев» первой части ст. 111 («Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрено исключения»), казалось бы, несомненно. Однако законодатель в тексте Указа избегает говорить о разбирательстве *дела* о тунеядстве, сказано лишь о направлении в суд *материалов* на «тунеядцев».

ла по жалобе,* указом не предусмотрены, а гарантии УПК здесь юридически не действуют.)

Принцип, с которого я начал свое обсуждение, реализуется в ситуациях, чреватых более трагическим исходом, чем пять лет ссылки. Речь идет о возможности принудительного помещения в психиатрическую больницу на неопределенный срок.

Представляется несомненным, что психические заболевания могут приводить человека к состояниям, делающим его пребывание в обществе опасным для окружающих; общество вынуждено заботиться о безопасности и спокойствии лиц, окружающих больного, и различного рода предупредительные меры сами по себе не противоречат праву. Заметим, что в рассматриваемом случае предупредительные меры имеют юридическим основанием не просто тезис о том, что лицо, психически больное, неадекватно реагирует на некоторые воздействия и в си-

* В принципе можно оспаривать постановление суда, несмотря на то, что Указ не предусматривает права обжалования. Можно требовать опровержения ложных, порочащих честь сведений, содержащихся в постановлении суда (например, «вел антиобщественный образ жизни»), по ст. 7 ГК РСФСР, т. к. постановление суда не является приговором или решением суда, а потому не освобождает (как по ст. 55 ГПК) ответчика от доказательств. Если иск будет удовлетворен судом, то народный суд, вынесший постановление, должен будет опровергнуть порочащие сведения, — это, конечно, не отменит постановления, но создаст интересную коллизионную ситуацию. Совершенно очевидно, впрочем, что на практике вряд ли кто-нибудь сможет защитить свои права таким способом.

лу этого может совершить деликт. Очень часто психически здоровые люди в неожиданно трудных ситуациях являют пример поведения, неадекватного воздействию. Юридическим основанием превентивных мер служит научное или наукоподобное предсказание возможности делинквентного поведения лица, но предсказание не для данного случая, а для данного типа психических состояний.

Действительно, если в отношении психически здорового человека есть основания полагать, что в ответ на критическое замечание он ударит собеседника, то есть совершит уголовно наказуемое деяние, то это, разумеется, не дает основания ни для каких превентивных мер в отношении него, — этот человек может быть подвергнут ограничению его свободы лишь после того, как совершит деликт, несмотря на то, что деликт был предсказуем.

То же самое следует сказать о психически больном человеке, если предсказание делинквентного поведения относится к данному человеку, а не к тому болезненному психическому состоянию, в котором человек временно или постоянно пребывает. Сказанное иллюстрирует тот факт, что вопрос о юридических основаниях превентивных мер связан с предсказуемостью общественно-опасного поведения для данного вида заболевания; то есть, превентивные меры, если допустимы, то допустимы лишь, когда поставлен определенный диагноз заболевания лица и когда в отношении диагностированного типа заболевания имеются подтвержденные наукой основания прогнозировать, что оно сопровождается социально-опасным поведением.

Это важнейшее требование к юридическому оформлению превентивных мер трудно осуществимо: психиатрическая наука не располагает во всех слу-

чаях не только критериями предсказуемости поведения больного, но и точными критериями диагностики, тем более, что важным здесь является как диагноз заболевания, так и глубина болезненных изменений психики. Тем не менее, в этой области накоплены достаточно большие знания, чтобы при аккуратном подходе находить разумные основания для выводов в отношении каждого казуса, и задачей нормотворчества является построение юридической процедуры, обеспечивающей возможность применения предупредительных мер для охраны общественного спокойствия, такой процедуры, чтобы она учитывала трудности диагностики, предусматривала возможность пересмотра решения и, конечно, не нарушала прав лиц, к которым применяются превентивные меры.

«Основы законодательства о здравоохранении Союза СССР и союзных республик»* предусматривают (ст. 36,-3), что:

«Законодательством Союза СССР и союзных республик могут устанавливаться случаи и порядок принудительного лечения и принудительной госпитализации лиц, страдающих указанными (в частности, психическими. — В. Ч.) заболеваниями».

Именно так, то есть на основании закона, обстоит дело с принудительным лечением по определению суда: лица, совершившие уголовно-наказуемые деяния и признанные экспертизой в содеянном невменяемыми, направляются на принудительное лечение определением суда, вынесенным после судебного разбирательства, включающего установление факта деяния и его общественной опасности и факта невменяемости лица, хотя процедура такого разби-

* «Известия», 19 декабря 1969 года.

рательства (см. гл. 33 УПК РСФСР) существенно упрощена по сравнению с обычной, подсудимый, будучи представлен защитником (и близким родственником), защищен от неправомерного исхода дела рядом процессуальных гарантий. Можно считать эти гарантии недостаточными и помнить, что они могут быть неэффективными, — я знаю, эта проблема остра, — однако процессуальные гарантии есть. В частности, предусмотрено обязательное участие защитника, есть возможность кассационного обжалования, рассмотрение дела в суде гласное (правда, не во всех республиках), предусмотрена (ст. 412 УПК РСФСР) возможность возбуждения близкими родственниками или иными заинтересованными лицами ходатайств об отмене принудительного лечения.

С применением предупредительных мер к психически больным дело обстоит иначе. Мне известны два документа:* инструкция «По неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность», утвержденная Министерством здравоохранения СССР 10 октября 1961 г., № 04-14/32, и совместный приказ министра здравоохранения и министра внутренних дел СССР №345/209 от 15 мая 1969 г. «О мерах по предупреждению общественно-опасных действий психически больных**.

* Тексты этих документов распространены в Самиздате и, полагаю, точны. Я, впрочем, готов принести извинения заинтересованным учреждениям, если окажется, что в цитату вкралась ошибка.

** Приказ не вносит существенных дополнений по сравнению с инструкцией и предписывает «своевременно и неуклонно» применять инструкцию.

Поскольку неизвестен закон, на котором основаны эти нормативные акты, следует полагать, что проблема применения предупредительных мер к психически больным разрешается у нас помимо законодательства, что противоречит цитированной статье Основ законодательства о здравоохранении и позволяет считать любую принудительную госпитализацию по определению суда незаконной. Фактически, однако, указанные нормативные акты действуют и вряд ли на практике кому-нибудь удастся результативно оспаривать их применение ссылкой на указанный пробел в системе законов.

Инструкция по неотложной госпитализации предусматривает срочное (без согласия родственников и опекунов) стационарирование психически больных для предупреждения опасных действий с их стороны (пункт 7 инструкции предусматривает насильственную госпитализацию с помощью милиции «при возражении родственников, опекунов больного»). В течение суток после такой госпитализации больной должен быть освидетельствован специальной комиссией в составе трех врачей-психиатров, которая рассматривает вопрос о правильности стационарирования и определяет необходимость дальнейшего пребывания в стационаре. Не реже одного раза в месяц такая же комиссия производит переосвидетельствование и решает вопрос о необходимости дальнейшего пребывания в больнице или о выписке. Вот и вся процедура. Ничего не сказано о квалификации членов комиссии. Ничего не сказано о возможности требовать пересмотра решения такой «тройки». Нет и речи о процедуре голосования в комиссии, о том, необходимо ли единогласие, возможно ли протоколирование особого мнения и т. д.

Вот что признано инструкцией показаниями для

госпитализации: «Основным показанием для госпитализации является общественная опасность больного, обусловленная следующими особенностями его болезненного состояния:

а) психомоторное возбуждение при склонности к агрессивным действиям;

б) неправильное поведение, обусловленное наличием психического расстройства (галлюцинации, бред, синдром психического автоматизма, синдром расстроенного сознания, патологическая импульсивность), если она сопровождается резко выраженной аффективной напряженностью и стремлением к реализации;

в) систематизированные бредовые симптомы с хронически прогредиентным течением, если они определяют общественно-опасное поведение больного;

г) ипохондрические бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям.

Перечисленные выше болезненные состояния, тающие в себе несомненную общественную опасность, могут сопровождаться внешне правильным поведением и диссимуляцией. В связи с этим необходима сугубая осторожность при оценке состояния таких лиц, чтобы, не расширяя показаний к неотложной госпитализации, вместе с тем своевременным госпитализированием предотвратить возможность общественно-опасных действий со стороны психически больного.

Перечисленные показания к неотложной госпитализации не являются исчерпывающими, а представляют собой лишь перечень наиболее часто встречающихся болезненных состояний, представляющих общественную опасность».

Как видим, тройке психиатров приходится решать не только чисто медицинские вопросы о диагнозе и глубине расстройства психики. Тройка должна брать на себя ответственность решать, что есть общественная опасность лица — трудная обязанность, которая и суду не всегда под силу (если судить по количеству судебных ошибок, хотя бы тех, которые вскрываются при кассационных рассмотрениях). Тройки должны также решать вопросы о правильности отношения к отдельным лицам и организациям. Где гарантия для больных, что врачи, пусть сведущие в психиатрии, будут беспристрастно руководствоваться в оценках «правильности» критериями достаточно серьезными, свободными от предрассудков. Я думаю, что найдется тройка психиатров, которая данную критику инструкции сочтет свидетельствующей о неправильном, «агрессивном» отношении к Министерству здравоохранения — тогда автору вполне достаточно ипохондрического бредового состояния, чтобы быть насильственно госпитализованным (и если мнение автора об этой инструкции не изменится или тройка не изменит своей оценки, никакие переосвидетельствования не реже раза в месяц не приведут к его освобождению).

Сравнение процедуры, предусмотренной инструкцией, с процедурой, описанной в гл. 33 УПК (для больных, которым посчастливилось расширить свои права совершением деликта), производит такое же впечатление, как и принцип, сформулированный в начале этой статьи.

Инструкция фактически исходит из презумпции неправосубъектности психически больных. В советских законах нет формулы, подобной ст. 16 Пакта о гражданских и политических правах

(«каждый, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности»), но было бы необоснованно подозревать советское законодательство в отрицании правосубъектности кого бы то ни было. Правда, психически больные могут быть на время болезни ограничены в правах: посредством судебной процедуры они признаются недееспособными. Но это не означает, что они вообще лишаются прав. И уж во всяком случае у психически больного остаются права потерпевшего в случае незаконного лишения его свободы: не основанная на законе (инструкция — не закон) насильственная госпитализация есть не что иное, как незаконное лишение свободы.*

Как видим, правовое состояние проблемы психиатрических превентивных мер производит удручающее впечатление даже в предположении добросовестности тех, кто применяет эти меры. Следует помнить, однако, о злоупотреблениях: они возможны всегда, но процветают особенно там, где законом не предусмотрена защита от них. Именно такой случай мы и рассматриваем: отсутствие права на защиту и пересмотр решений и забвение гласности приводят к тому, что лица, против которых начато психиатрическое преследование, практически ничем не защищены от злоупотреблений. Можно не сомневаться, что людская корысть будет пользоваться этой возможностью безнаказанно творить зло. Еще опаснее злоупотребление властей. Слишком много в истории известных (а сколько неведомых!) примеров, когда люди бесконтрольно заключались в психиатрическую тюрьму за научные мнения, за со-

* Незаконное лишение свободы наказуемо по ст. 126 УК РСФСР.

циальные идеи, за религиозность или атеизм, за защиту других людей... Слабое утешение, что это бывало и бывает отнюдь не только в нашей стране.*

Следует помнить, что проблема сама по себе весьма сложна и её разумное решение зависит не только от хорошо составленного закона. На практике и при хорошем законе важной остается социальная проблема уважения к правам человека, независимо от того, в сколь болезненном состоянии этот человек находится. Как ни печально, последнее замечание звучит наивно и идеалистически; еще более наивно было бы говорить здесь о принципах врачебной этики и беспристрастности врачей.

Какова бы ни была процедура применения психиатрических превентивных мер и обжалования решений медицинских органов, должна быть предусмотрена практическая возможность эффективной судебной защиты нарушенных прав человека.**

Резюмируя, отмечу, как основное, что порочность нынешней, не основанной на законе, практики психиатрических превентивных мер состоит в отсутствии гласной процедуры защиты и в том, что врачи, подчиненные исполнительной власти, уполномо-

* История психиатрических репрессий в СССР недостаточно освещена; см., однако, С. Писарев «Письмо в Президиум Академии медицинских наук», Самиздат, 1970 г.

** Из практики известен случай домогательства судебного признания незаконности насильственной госпитализации в психиатрическую больницу. (А. Вольпин против главного психиатра Москвы и др.) Москворецкий народный суд счёл, однако, дело неподведомственным судебным органам и Мосгорсуд подтвердил эту точку зрения.

чены решать вопросы ограничения правоспособности человека, что составляет прерогативу власти судебной, которая, по замыслу, формально отделена от исполнительной.

Май-июнь 1970 г.

Виктор Зожя

СУМАСШЕДШИЙ ДОМ ДЛЯ НЕСОГЛАСНЫХ

Это один из случаев, когда мне приходится признаться, что я жестоко ошибался в своей оценке Кремля. Пять лет назад я высказал твердое убеждение, что отправка политических противников в сумасшедшие дома не входила в политику советского правительства. Дело советского генетика Жореса Медведева, чье заключение в психиатрическую больницу вызвало протесты наиболее выдающихся советских ученых, однако, настолько показательны, что никто уже не сможет повторить моей ошибки.

Гражданское же мужество, проявленное его русскими коллегами, которые с большим риском для себя подписали петицию, требующую его освобождения, также указывает путь к эффективной попытке заставить Кремль, под давлением мирового общественного мнения, отказаться от своих средневековых методов.

Лауреаты Нобелевской и Ленинской премий, подписавшие протест, все еще немногочисленны. Среди них фигурирует Петр Капица, известный своим отказом, еще при Сталине, работать в области развития атомной бомбы, а также другие атомные ученые, как Игорь Тамм, награжденный в 1958 году Нобелевской премией, Андрей Сахаров, распространявший в последние годы частным образом много-

Из серии Виктора Зожя «Коммунистический мир». «Гардиан», 8 июня 1970 г.

численные политические трактаты, призывающие к реформе советской системы, и Михаил Леонтович, награжденный в 1963 году Ленинской премией за работу в области теоретической физики. Среди подписавших находятся имена людей, в которых западные ученые легко узнают своих знаменитых коллег, как, например, биохимик Владимир Энгельгардт.

На Западе проживает целый ряд нобелевских и ленинских лауреатов, чьи имена представляют большое значение для Кремля. Если бы они присоединились к протесту своих русских коллег, советским вождям было бы труднее санкционировать заключение Жореса Медведева в сумасшедший дом.

Вероятно наиболее известный из них — доктор Линес Паулинг, американский лауреат Нобелевской премии, чье участие в «Движении за мир», в прошлом, и протесты против войны во Вьетнаме, в недавнее время, столь широко рекламировалось в советской печати. Не будет преувеличением сказать, что он один из западных общественных деятелей, которые выше всех ценятся в Советском Союзе. Сам факт награждения его Ленинской премией мира уже должен заставить Кремль прислушаться к его мнению.

Если такие люди, как Капица и Энгельгардт находят нужным протестовать против заключения своего коллеги в сумасшедший дом, то моральный долг Паулинга присоединиться к их протесту. В Англии в аналогичном положении находится профессор Джон Берналь, ученый с мировым именем и старый коммунист. Во Франции члены семьи Кюри, чьи знаменитые имена столь часто упоминались в советской печати в связи с поддержкой ими коммунизма, также должны были бы исполнить свой долг.

Нет нужды ограничивать этот список одними учеными. Имена Бенджамина Спок в Америке и Ванэсса Редгрей в Англии были раздуты советской прессой до грандиозных размеров в связи с оказываемой ими поддержкой важных для Кремля акций. Много и других людей аналогичного значения и репутации в разных странах. Трудно поверить, чтобы они могли рассматривать заключение Жореса Медведева как факт, требующий их поддержки. Но если они этого не приветствуют, то не входит ли в их моральную обязанность протестовать против подобных явлений, как они это делали во многих других случаях?

Подписавшие протест квалифицируют заключение Медведева как незаконное действие, которое они приписывают его «общественной деятельности», проводившейся, по их мнению, на «строго законных началах». Они уверяют, что его психическое состояние никогда не вызывало никаких сомнений, считая, что знакомство с его работами позволяет прекрасно судить об этом. Они добавляют, что пока будет продолжаться заключение Медведева, «ни один честный и принципиальный ученый не будет уверен в своей безопасности».

Этот умеренный и полный достоинства призыв ничего, однако, не говорит об ужасах метода, все чаще применяемого в последние годы, с тех пор, как советские органы госбезопасности пришли к выводу, что перед растущим политическим протестом былые приемы заключения людей в тюрьмы и лагеря утратили свою эффективность.

Существует добрая дюжина психобольниц, в которых содержатся политические заключенные. Возможно, что их гораздо больше. В тех, которые известны, число политических заключенных дости-

гает нескольких сотен. Быть может, самая отвратительная сторона этой трагедии заключается в том, что политические заключенные содержатся вперемежку с настоящими невменяемыми, в обстановке грязи и произвола, среди бормотания, криков и ужасов, которые могут, в конце концов, превратить здорового человека в сумасшедшего.

Органы политической безопасности как раз надеются запугать всем этим бескомпромиссных противников диктатуры и заставить их отказаться от политической деятельности. Нам неизвестно, в какой мере угроза заключения в психобольницу оказалась эффективной. Но мы знаем, что некоторые люди, как, например, генерал Григоренко, которому неоднократно угрожали заключением, продолжал свою политическую деятельность до тех пор, пока не был признан «невменяемым» в декабре 1969 года.

И все же он признавал безнадежность своего положения. В одном из изданий Самиздата он писал, что в психобольнице у политического заключенного «...вообще нет никаких прав. Врачи могут делать с ним все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие его жалобы или жалобы тех, кто с ним находится, из больницы никуда не уйдут».*

Прав ли генерал Григоренко? Действительно ли никто не заступится или все же честные люди на Западе, чьи голоса так часто использовались Кремлем, ответят на призыв жены Григоренко и встанут на его защиту, на защиту десятков других известных нам людей и сотен неизвестных?

Зинаида Григоренко пишет: «Люди! Петру Гри-

* П. Г. Григоренко «О специальных психиатрических больницах» в книге Натальи Горбаневской «Полдень», изд. «Посев», 1970. Стр. 471. — Р е д.

горьевичу Григоренко грозит смерть! Я обращаюсь ко всем демократическим организациям, защищающим права человека, и ко всем свободолюбивым гражданам мира! Помогите спасти моего мужа! Свобода каждого — это свобода всех!»

ОБРАЩЕНИЕ З. М. ГРИГОРЕНКО

Свободолюбивые граждане мира!

Из-за тюремной решетки, из-под усиленной охраны дошло до меня письмо моего мужа Петра Григорьевича Григоренко. Письмо — хроника. Записи того, что произошло с мужем за 10 месяцев пребывания в подвале ташкентского КГБ и в тюремной камере московского Института судебной психиатрии. Хроника издевательств и произвола. Хроника мужества и убежденности. Хроника страданий.*

Как спасти мужа? 13 января 1970 г. я отправила письмо А. Н. Косыгину. Написала о злодеяниях, чинимых над моим мужем; о дикой расправе, которая обрушилась на П. Г. Григоренко за его демократические убеждения, за критику сталинщины. Я просила премьер-министра способствовать избавлению ни в чем не повинного человека от дальнейших мучений и гибели.

27 февраля 1970 г. в Ташкенте был вынесен судебный приговор по делу П. Г. Григоренко. Виновен по статьям 70 и 190¹ УК РСФСР и по ст. 191⁴ УК УзССР. За деяния свои не отвечает, ибо невменяем. Подлежит принудительному лечению в тюремной психиатрической больнице г. Казани.

Таким образом, суд подтвердил заключение Института им. Сербского о невменяемости П. Г. Григоренко (то есть заключение второй экспертизы, на которую следствие направило мужа после того, как

* См. стр. 300-333.

первая — ташкентская — экспертиза признала его психически здоровым). Приговор обрек П. Г. Григоренко на самое страшное, что может случиться с нормальным человеком...

Все, кто знаком с П. Г. Григоренко, кто читал его произведения (военно-исторические исследования и открытые письма в защиту гражданских прав), все знают, что главная отличительная черта моего мужа — это ясность ума, здравомыслие. Но трезвость мышления у П. Г. Григоренко совмещается с редкой способностью мыслить последовательно и честно, додумывать до конца. Вот за это свойство — за бескомпромиссность разума и совести — муж и объявлен умалишенным. За это и обрекли П. Г. Григоренко на участь, от которой, действительно, можно сойти с ума...

Это уже проделывали с ним раньше, в 1964-65 годах. Заключение о невменяемости. Ленинградская психобольница-тюрьма. Помню свидания в этой больнице. Под конвоем ведут к родственникам группы больных. Вот и муж. Мы рядом, и, кажется, можно на час отрешиться от окружающего кошмара. Вдруг раздается истошный вопль, и один из приведенных с искаженным лицом бросается на родных. «Он убил троих, — говорит мне муж, — во время припадков проявляет большую силу». В одной камере с мужем сидел человек, зарезавший шестилетнюю дочь; он был, как животное. Таково окружение: маньяки, убийцы, дегенераты. А есть кое-что пострашней — методы «лечения»...

Теперь этот ад предстоит мужу снова. Никому не известно, сколько лет. Но мне хорошо известно, что 62-летний инвалид долго этого ада не выдержит.

Следствие добилось своего: суд прошел без под-

судимого. Григоренко был лишен права защищать себя. И отныне он — в качестве безумца — лишен вообще каких бы то ни было человеческих прав. Если бы Григоренко выступил на суде, обнаружись бы, во-первых, все допущенные следствием беззакония (в их числе — избиения Григоренко при искусственном кормлении), а во-вторых, обнаружилась бы несостоятельность обвинения. Муж никогда не лгал и не клеветал (ст. 190¹), никогда не агитировал против советской власти (ст. 70), он лишь открыто и бесстрашно выступал против последствий сталинизма в нашей стране. За это и постигла его кара, ни с чем не сравнимая по бесчеловечности и цинизму.

Люди! Петру Григорьевичу Григоренко грозит смерть!

Я обращаюсь ко всем демократическим организациям, защищающим права человека, и ко всем свободолюбивым гражданам мира!

Помогите спасти моего мужа!

Свобода каждого — это свобода всех!

З. М. Григоренко

3 марта 1970 г.

«ХРОНИКА» О МЕТОДАХ ПСИХОРЕПРЕССИЙ

СУДЬБА ИНАКОМЫСЛЯЩИХ, ОБЪЯВЛЕННЫХ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫМИ

«...В психиатрические больницы специального типа направляются на принудительное лечение лица, совершившие тяжкие уголовные преступления (зверские убийства, изнасилования, бандитизм) в состоянии невменяемости, при наличии психических расстройств, и поэтому не подлежащие суду. Кроме того, случается, что в целях изоляции от общества невменяемыми признают лиц, чью вину в совершении тяжких уголовных преступлений следствие доказать не может, хотя и убеждено в ней. Срок нахождения в больнице не определяется судом и может затянуться на сколь угодно долгое время.

Наряду с фактически больными в эти больницы отправляются совершенно здоровые люди за их убеждения. Тем самым они лишаются права защищать себя судебным порядком и попадают в условия значительно тяжелее, чем в нынешних лагерях и тюрьмах.

Первая «больница» этого типа существовала еще до войны в г. Казани. Там еще с тех пор имеется специальное отделение для политических. После войны в г. Сычевке Смоленской области открылась колония специального типа, куда направляются психохроники и в их числе политические, пред-

«Хроника» № 8 от 30 июня 1969 г.

ставляющие, по мнению руководства специальных больниц и КГБ, наибольшую опасность. Попавшие туда люди доводятся до состояния полной психической неполноценности. В 1952 году открылась больница в Ленинграде — Арсенальная ул. 9, п/я УС-20, ст-5, в 1965 году в гор. Черняховске Калининградской области в здании бывшей немецкой канторжной тюрьмы — п/я 216, ст-2, в 1966 году — в Минске, в 1968 году — в Днепропетровске.

Общим для всех этих заведений является следующее: политические, находясь в здравом рассудке, содержатся в общих камерах с тяжелыми психическими больными; при нежелании отказаться от своих убеждений они под предлогом лечения подвергаются физическим истязаниям, инъекциям больших доз аминазина и сульфазина, вызывающих шок и тяжелые физические расстройства; режим — закрытых тюрем, с одночасовой прогулкой. Иногда вводится внутривенно амитал натрия, сильное снотворное, расслабляющее человека, а после инъекции допрашивают. Персонал состоит из надзирателей войск МВД в белых халатах поверх мундиров, санитаров из числа заключенных уголовников (воров, бандитов-рецидивистов) — тоже в белых халатах, и, наконец, старшего и среднего медицинского персонала — у многих из них под белыми халатами офицерские погоны. Ограждены эти больницы-тюрьмы еще более внушительными кирпичными заборами, чем любые другие тюрьмы.

...Заключенные из лагерей особого и строгого режима, не выдержав тяжелых лагерных условий, иногда пытаются симулировать сумасшествие, и некоторым это удается. Однако, попав в тюремную психиатричку, они сразу понимают, что это куда

хуже, чем самые тяжелые лагеря, и некоторые даже на коленях умоляют врачей «отпустить их обратно».

Люди, выбравшиеся из таких «больниц», получают паспорта особой серии, как после тюрьмы. Тот же, кто упорно не признает себя больным, вообще почти не имеет шансов выбраться на волю».

КАЗАНСКАЯ СПЕЦПСИХОЛЕЧЕБНИЦА

«В больнице 11 отделений, два из них — рабочие. В 3-м отделении больные шьют фартуки, простыни и др. вещи, в 4-м благоустраивают зону. Рабочий день — 3 с половиной часа; месячный заработок — 2 рубля, независимо от производительности труда. 11-е отделение предназначено для туберкулезных больных, но нередко в камеры к ним помещают здоровых людей, особенно вновь прибывших. Доставляют в больницу обычным этапом в столыпинских вагонах и в «воронках».

В больнице широко применяется лечение инъекциями сульфазина, приводящими людей в очень тяжелое состояние: температура по 40°, слабость, ломота в суставах, головные боли, боли в ягодицах — места уколов. Известно, что в обычной практике эти инъекции применяются как крайнее средство при приступах буйства. Более безопасное лечение — внутримышечное введение аминазина — производится таким образом, что введенный аминазин не рассасывается, образуя болезненные узлы, которые потом приходится оперативно удалять.

В случаях провинностей — отказ от приема лекар-

«Хроника» № 10 от 31 октября 1969 г.

ства, препирательство с врачами, драки — больных привязывают к кровати на 3 дня и больше. При этом виде наказания не соблюдаются элементарные санитарные условия: больного не отпускают в туалет, а судно не подается.

Библиотека больницы изобилует макулатурой сталинских времен, но и тех книг не выдают месяцами.

В больницу помещают людей, у которых инакомыслие является «преступлением» и «болезнью». Однако известен случай, когда сюда привезли действительно больного человека, не совершившего никакого преступления. С этим человеком, по имени Владимир (фамилия нам неизвестна) случился эпилептический припадок на улице. Милиция схватила и отправила его в вытрезвитель. Когда он заявил, что болен, а не пьян, его жестоко избили. Его жена, располагая справкой о побоях, хотела возбудить уголовное дело против милиционеров. Однако лечащий врач и адвокат уговорили супругов «не связываться». В течение полутора лет Владимир находился в обычной психобольнице, а затем был доставлен в Казань...

Адрес больницы: Казань УЭ 148/ст. 6».

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

«Ряд фактов свидетельствует о том, что в приемных высших учреждений в Москве существуют либо дежурные машины психиатрической скорой помощи, либо прямая и быстрая связь с нею. Во многих случаях людей, *пришедших с жалобами*, как

«Хроника» № 10 от 31 октября 1969 г.

правило, не политического характера, в приемные ЦК КПСС, Совета Министров, Президиума Верховного совета, ВЦСПС, КГБ и др., не выслушав, насильственно отправляют в московские психиатрические больницы, а затем, поставив психиатрический диагноз, в больницы по месту жительства».

С. Кирсанов

ВРАЧ — ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ

*«Человек-врач равноценен нескольким
людям других занятий».*

Гомер, «Илиада»

Отношение к врачу — человеку, обладающему знаниями, которые позволяют ему облегчать страдания и исцелять болезни других, было всегда, с первых проблесков человеческой культуры, выделяющим его из всех других профессий. Примером тому может служить стих из «Илиады», приведенный выше.

В тот же античный период были сформулированы и этические нормы поведения врача при выполнении своего долга. Эти нормы, — так называемая клятва, или присяга, Гиппократата, — содержат в себе, наряду с преходящими, ряд нестареющих принципов, которыми руководствовались врачи на протяжении двух с половиной тысячелетий. Приведем важнейшие из них:

«Я буду всегда применять знания об основах жизни, приобретенные мною, только на пользу и для излечения больных, но никогда не во вред или во зло для них».

«Я буду мою жизнь и мое искусство сохранять в чистоте и честности».

Статья, помещенная в ж. «Посев» № 6, июнь 1970 г. Печатается с некоторыми сокращениями.

«То, что я узнаю о людях, услышу или увижу во время моей практики, я никогда не сообщу никому дальше, а буду сохранять в тайне».

На этих основах развивалась медицина и врачебная практика и у нас в стране. Достаточно вспомнить высокий морально-этический уровень наших земских врачей. Звание врача всегда означало в первую очередь призвание и морально-этические обязательства и только во вторую очередь служило профессией для заработка.

К сожалению, общественное развитие за последние десятилетия во всем мире идет в направлении упадка ощущения врачом своей деятельности как морально-этического жизненного призвания, при расцвете отношения к ней как к профессии для обеспечения своего жизненного уровня. Происходит коммерциализация медицины.

Параллельно этому происходит и бюрократизация деятельности врача, что связано со введением всеобщего больничного страхования и аналогичными институтами. Особенно сильно эта бюрократизация проявляется в странах социалистического лагеря, где вся медицинская помощь сосредоточивается в руках государства — с исключением как частной врачебной практики, так и (что особенно важно) работы медицинской общественности. Как противовес коммерциализации, социальные мероприятия государства оправданы, необходимы и даже желательны — при условии, однако, что государство не поглощает и не подавляет самостоятельной деятельности врачей и медицинской общественности.

Но в тоталитарных государствах, — таких, как нацистская Германия или коммунистический СССР,

— происходит дальнейшее срастание медицины с госаппаратом, и дело доходит до того, что определенная категория врачей работает в органах террора, идентифицирует себя с органами террора и идет на выполнение любых заданий этих органов, даже с личным «творческим» вкладом в террористическую технику.

Таковыми открыто выступившими в этой роли медиками были «кацетные врачи» или «эсэсовские врачи» в гитлеровской Германии. Они ведали медицинскими учреждениями в нацистских концлагерях, и им были не чужды преступления, творившиеся над заключенными, — такие, например, как умерщвление «научно-обоснованными» способами, вроде инъекции фенола (или бензина) в вены, замораживания в холодильниках, в целях решения «научной» проблемы предельного охлаждения человеческого организма, и т. д. (не говоря уже о газовых камерах, которые были рутиной).

Категория «эсэсовских врачей» — одно из самых страшных и позорных явлений, оставшихся в памяти народов от нацизма. «Эсэсовские врачи» были одними из самых одиозных обвиняемых на судебных процессах над гитлеровскими преступниками. Наиболее сильные художественные произведения обличают их деятельность ярче, чем деятельность чиновников Гестапо.

Известно, чего можно ожидать от Гестапо и «СД» в гитлеровской Германии, от «ССД» в ульбрихтовской ГДР, от ЧК или КГБ в коммунистическом СССР, а также известно, что в любом народе найдутся люди с преступными наклонностями, заполняющие ряды сотрудников таких учреждений: был бы «идейный» режим, а заплечные исполнители найдутся.

Но совершенно другое дело — врачи; к ним предъявляются повышенные морально-этические требования, как это было со времен Гиппократата. А деятельность «эсэсовских врачей» отражена не только в художественной литературе, ей посвящено много научно-исторических исследований на разных языках мира. В частности, польский научный журнал «Пшеглонд лекажски» («Медицинское обозрение»), в Кракове, периодически посвящает специальные выпуски вопросам медицины в нацистских концлагерях, описывая как героическую помощь врачей-узников своим собратям-заключенным, так и преступную деятельность «эсэсовских врачей».

Перейдем теперь к весьма актуальному вопросу о работе врачей в системе органов террора при коммунистическом режиме в СССР.

В период многомиллионных концлагерей сталинской эпохи врачи-заключенные также самоотверженно старались облегчить участь своих товарищей по судьбе. Вывали случаи сотрудничества так называемых вольнонаемных врачей с концлагерной администрацией, но тогда это было исключением; большинство даже из вольнонаемных врачей чувствовали себя в первую очередь врачами, а лишь потом служащими «органов», и отождествления врача с чекистом, как правило, в те времена не было...

В Москве, кроме Института им. Сербского, известен ряд больниц, где содержатся объявленные психически ненормальными люди, посмевающие выступать против власти и ее политики. К таким больни-

цам относятся: «Канатчикова дача» — Психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. Кащенко (Загородное шоссе, 2) «Матросская тишина» — Психиатрическая городская больница № 3 (Матросская тишина, 20), «Столбы» — Психиатрическая городская больница № 5 (станция Столбовая Московской железной дороги, село Троицкое) и Психиатрическая областная больница № 2 (ст. Столбовая М. ж. д., село Мещерское).

Имеются подобные заведения и в ряде других городов. Из материалов Самиздата известны «спецпсихобольницы» в Казани (существовала еще до войны), в г. Сычевка Смоленской области, в Ленинграде (Арсенальная улица, 9), в Черняховске Калининградской области, в Минске, в Днепропетровске, были сведения о «спецсанатории» в Полтавской или Киевской области. Этим, конечно, список таких заведений не исчерпывается.

Созданием этих «медицинских» учреждений Хрущев и его наследники, видимо, сделали попытку разрешить проблему политзаключенных в СССР (Хрущев в свое время заявил, что в СССР политических узников нет). Такой метод еще в двадцатые годы был описан Е. Замятиным в его пророческой утопии «Мы»: всякий голосовавший против вождя «Благодетеля» объявлялся сумасшедшим, а голоса сумасшедших не могут идти в счет.

По той же диалектической логике в ленинско-сталинские времена сначала заявляли, что впредь не будут строить ни церквей, ни тюрем, а потом превращали церкви в тюрьмы (так, еще при Ленине Соловецкий монастырь был превращен в концентрационный лагерь).

В Германии до сих пор отыскивают и судят врачей, сотрудничавших с нацистскими органами террора. Совсем недавно, 18 марта 1970 года, западногерманская пресса сообщила о предстоящем суде над кацетным врачом Шуманом. Доктор Шуман обвиняется в содействии систематическому умерщвлению душевнобольных при гитлеровском режиме (он был руководителем соответствующего специального заведения в нацистском «рейхе»).

Шуман разыскивался следственными органами с 1947 года. В 1950 году он сумел бежать из Германии и в течение десяти лет работал врачом в Египте и Судане. Когда его нащупали там, он бежал в Гану (из-под крыла «прогрессивного» диктатора Насера под крыло другого «прогрессивного» диктатора Нкрумы). Но после свержения Нкрумы в 1966 году он был выдан как уголовный преступник и с тех пор находился в предварительном заключении. Четверть века скитаний не спасли его от суда и наказания.

Могут возразить, что Шуман участвовал в массовых убийствах, а наши «спецпсихиатры» лишь ставят заключенным необъективные диагнозы, нужные органам террора. Но, во-первых, диагноз, отправляющий здорового человека в условия, угрожающие его здоровью и жизни, означает если не соучастие, то содействие убийству; а во-вторых, указание на большее преступление не освобождает от моральной и юридической ответственности за собственные преступления.

Западногерманский ученый Александр Митчерлих присутствовал в качестве наблюдателя от немецкой врачебной корпорации на процессе 23-х эсэсовских врачей, который проходил перед специальным военным судом в Нюрнберге с декабря 1946 года. В

своей книге об этом* он описывает преступные «научно-медицинские опыты» над заключенными, которые большей частью вели к смерти «объекта». Самым потрясающим для Митчерлиха было органическое слияние врача и эсэсовца: отсюда и холодная бесчеловечность в опытах.

Но где граница между «просто службой» в одном из государственных учреждений и сперва сотрудничеством, а затем и полным срастанием с преступной организацией политического террора? И где граница между «только экспертизой», отправляющей здорового, но политически неугодного человека в сумасшедший дом, и «научно-медицинскими опытами» над «расово-неполноценными объектами»?

Не беремся предсказывать, как закончится карьера врачей, пошедших на сотрудничество с террористическими органами КПСС, но и им следовало бы подумать, что однажды, может быть, и им придется держать ответ перед судом, подобно Шуману, или скрываться от правосудия, бегая по земле, как бегал он. Может быть, многим врачам-чекистам и не придется дожить до такого народного суда, где прокурор поставит их лицом к лицу с нынешними жертвами их «экспертиз», но моральную оценку их деятельности они должны почувствовать уже теперь.

И тут главная роль принадлежит широким кругам врачей, работающих во всех республиках, краях и областях нашей многонациональной родины. Ко-

* Alexander Mitscherlich u. Fred Mielke „Das Diktat der Menschenverachtung. Eine Dokumentation.“ — Heidelberg, L. Schneider, (1947). 175 S.

нечно, врачи вообще, как социальная группа, не могут нести ответственности за появление в их среде таких типов, как Лунц. Но, тем не менее, деятельность таких лунцев бросает тень на каждого врача, если он не выразит достаточно ясно своего отношения к подобной деятельности.

Поэтому моральным долгом каждого медицинского работника, — как перед жертвами деятельности врачей-чекистов, так и перед медицинской общественностью, — является четкая позиция в этом вопросе: надо всюду, на работе и в быту, демонстрировать свое презрение к «работе» врачей-чекистов и их нерукопожатность в обществе.

Но одно требование является обязательным: каждый честный медицинский работник должен предавать гласности все ставшие ему известными случаи преступной деятельности врачей-чекистов. Умолчание фактов и имен тут делает его причастным к их преступлениям, возлагает и на него ответственность за то, что такие преступления возможны в нашей стране.

Крупнейший немецкий ученый-хирург Фердинанд Зауэрбрух (как сообщает А. Митчерлих в своей книге) присутствовал и даже участвовал в дискуссиях на конференции в мае 1943 года, посвященной докладам о «научно-медицинских опытах над людьми в концлагерях». В актах следствия по этому поводу имеется заметка прокурора о том, что «о преступных экспериментах знали в ведущих кругах медицинского мира Германии... это были люди, занимавшие такое положение, которое обязывало их предпринять шаги для прекращения подобных действий».

Таких шагов ни профессор Зауэрбрух, ни другие немецкие его коллеги не предприняли. Но ведь

и у нас Г. В. Морозова рекомендовали в члены-корреспонденты АМН не только безличные научно-медицинские учреждения, но и лично — ныне покойный академик Бирюков и ныне здравствующий академик Анохин. И они должны были бы перед рекомендацией поинтересоваться также деятельностью Г. В. Морозова в области экспертиз на предмет «специального лечения» и выразить по поводу этой деятельности свое мнение.

Медицинские работники не должны допускать, чтобы врачи-чекисты своей преступной деятельностью позорили почетное, честное и авторитетное звание врача. Надо предавать гласности каждый случай преступной деятельности врачей-чекистов, — только тогда такая практика не станет массовым явлением, которое окончательно убьет былой престиж российских врачей.

«КЛЯТВА ГИППОКРАТА» И ЛИЦЕМЕРЫ ИЗ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК

«Литературная газета» 26 августа перепечатала из американского журнала статью профессора Иельского университета Г. Калабрези и противопоставила ей материал, подписанный академиком Академии медицинских наук СССР А. Вишневским и доктором медицинских наук В. Портным. Г. Калабрези защищает мысль, что «поиск — право ученого», считает, что медицинские опыты нужны и, как юрист, ставит вопрос о правовых предпосылках, которые позволили бы уменьшить риск неудачных опытов и компенсировать пострадавших. Вишневский и Портной рядятся в тогу глашатаев высоких принципов медицинской этики:

«Советские врачи гордятся тем, что нашей социалистической морали одинаково глубоко чужды и пренебрежительное отношение к «отдельному» человеку, к его здоровью и благополучию, и делаческий подход в вопросе о жизни и смерти десятков и сотен тысяч людей». Социалистические моралисты приводят слова «клятвы» древнегреческого врача Гиппократы: «Я направляю режим больных к их выгоде... воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости». Правильно они пишут: «В плоть и кровь свою медик должен впитать убеждение: здоровье и жизнь всякого пациента для него священны и бесценны. В противном случае этому медику нечего делать в медицине».

Редакционная статья, помещенная в ж. «Посев» № 9, сентябрь 1970 г.

Читая нравоучения американскому профессору, академик Вишневский и доктор Портной забывают, однако, упомянуть о том, что не в одной только гитлеровской Германии находились «медики, которым нечего делать в медицине», не в одних только Освенциме и Дахау «экспериментаторство» таких «медиков» принимало «чудовищно разнузданные формы».

23 августа 1962 года за свою повесть «Сказание о синей мухе» был схвачен и направлен в больницу имени Кащенко писатель Валерий Тарсис. Свое пребывание в особой палате этой больницы Тарсис с документальной точностью описал в своей «Палате № 7». В этой повести он под незначительно измененными фамилиями вывел ряд действительно существующих московских психиатров — («Янушкевич», «Кизяк», «Штейн»), Янушкевич, Кизева, Ротштейн, — которые ставят заведомо ложные диагнозы и по указке кагебистов направляют вполне здоровых в психическом отношении людей в сумасшедшие дома.

Томится в шестиметровой камере специальной «больницы» в Черняховске (б. Инстербурге в Восточной Пруссии) Петр Григорьевич Григоренко. Его сосед по камере — агрессивно настроенный больной, зарезавший жену, находящийся все время в бредовом состоянии. Свободного пространства в камере — 2 шага. Выводят на прогулку на 2 часа в сутки.

В записках генерала Григоренко из ташкентской тюрьмы,* которые в марте этого года сумела передать на Запад его жена, подробно выявлена неприглядная роль заведующего 4-ым отделением москов-

* См. стр. 300.

ского Института им. Сербского профессора Д. Р. Лунца и директора этого института члена-корреспондента Академии медицинских наук Г. В. Морозова.

Во время ареста Жореса Медведева 29 мая этого года в качестве приспешников КГБ выступали главный врач психиатрической больницы в Калуге А. Е. Лившиц и психиатр города Обнинска Кирюшин. Комиссия экспертов в составе врача Института им. Сербского Б. В. Шостоковича и калужских психиатров Г. П. Бондарева, Б. Н. Левченко и того же А. Е. Лившица, хотя и «не нашла у Ж. Медведева явных отклонений от психической нормы» вынесла заключение, удобное кагебистам, задержав его в больнице и поместив в палату с действительно больными людьми. В состав второй комиссии, которая приняла решение окончательно поместить Ж. Медведева в сумасшедший дом (это решение было отменено на правительственном уровне после энергичных протестов Солженицына и ученых) вошли Г. Морозов, В. Морозов, Р. Наджаров. «Хроника текущих событий» № 14, от 30 июня 1970 г. упоминает здесь и врача-психиатра Портнова. Уж не идентичен ли этот Портнов с Портным, выступившим в защиту «клятвы Гиппократата» в «Литературной газете»?

Как выяснилось после освобождения Ж. Медведева, его «заочно обследовал» еще и психиатр Лизненко. Когда Ж. Медведев пришел говорить с председателем Обнинского горсовета о своем устройстве на работу (Ж. Медведева еще в прошлом году без соблюдения законных формальностей уволили из научно-исследовательского института медицинской радиологии и он до сих пор не может добиться

устройства на другую работу), в кабинете председателя горсовета оказался незнакомый Медведеву человек, назвавшийся представителем Калужского отдела народного образования. Он задал Медведеву два вопроса о поведении его сына. Этого было достаточно, чтобы незнакомец — Лизненко — составил заключение о «болезни» Ж. Медведева, которое и послужило основанием для его насильственного препровождения в больницу.

Ленинградский электрик Владимир Борисов в мае прошлого года участвовал в образовании Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР. 12 июня его арестовали переодетые врачами кагебисты. Допрашивали Борисова и вынесли заключение о необходимости направить его в тюрьму — психиатрическую больницу: главный психиатр Ленинграда В. П. Беляев, главный психиатр Ленинградского военного округа генерал-майор Тимофеев и врач 3-ей психиатрической больницы Случевский.

За распространение книг Синявского и Даниэля признали «невменяемым» и отправили в Казанскую психиатрическую тюрьму Виктора Кузнецова эксперты-чекисты Ландау, Печерина и всё тот же полковник государственной безопасности профессор Лунц, Даниил Романович.

Имена врачей-убийц, доведших до самоубийства организатора «Союза независимой молодежи» в городе Владимире Владимира Борисова, направивших бессрочно в тюрьмы-больницы Наталью Горбаневскую, Ивана Яхимовича и сотни других ведомых и неведомых нам бесстрашных и нестигаемых людей, нам пока еще не известны. Но мы их узнаем и не забудем. Их преступления

*«не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и по-смертно» (Солженицын).**

«ДУХОВНОЕ УБИЙСТВО»

Александр Исаевич Солженицын, выступая в защиту Ж. Медведева, писал:

*«захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней».**

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин в статье в защиту П. Г. Григоренко** уточняет, в чем именно состоит духовное убийство, практикуемое номенклатурой КПСС при пособничестве врачей, забывших клятву Гиппократата, врачей-клятвопреступников.

Казалось бы, заключенному, направленному в «дурдом», не так уже трудно добиться освобождения. От заключенного требуется всего лишь, чтобы он

«согласился с правильностью определения суда о направлении его на принудительное лечение и дать обещание впредь не совершать поступков, которые к этому привели».

Есенин-Вольпин на примере П. Г. Григоренко показывает, что бы это, однако, означало. Он должен был бы признать, что был невменяемым, когда выступал за права крымских татар, признать ложным всё, что писал и за что боролся. Вынуждать

* См. стр. 403.

** См. стр. 346-365.

такие признания — это и есть духовное убийство человека, считает Есенин-Вольпин. На языке же чекистов в белых халатах это — «социальная адаптация». Кто не желает пойти на такую адаптацию, в ком не сломлены честь и мужество, тот сознательно обрекает себя на пожизненное пребывание среди маниакальных убийц и других буйных душевнобольных.

«Кто способен неограниченно долго сопротивляться этому нажиму?» — спрашивает Есенин-Вольпин. Считанные единицы, люди исключительной силы воли.

Но «считанных единиц» оказывается не так уж мало. Сам Есенин-Вольпин, испытавший на себе самом методы воздействия и просто-чекистов, и чекистов-врачей; его друг и бывший сосед по дому В. Я. Тарсис; только что вернувшийся из концентрационного лагеря Владимир Буковский.

«Я ЭТОГО НЕ БОЮСЬ»

9 июня этого года Буковского вызвал помощник прокурора города Москвы Ванькович и заявил ему, что его «в любое время» могут вновь привлечь к ответственности, если он не прекратит своей «деятельности». Прокурор объяснил, что он имеет в виду передачу иностранным журналистам сведений о том, что Буковский пережил и что он видел в течение своего двухгодичного пребывания в психиатрической тюрьме в Ленинграде и трехгодичного срока, который он отбывал в концентрационном лагере в Воронежской области. На это Буковский ответил:

«Не надо мне угрожать. Я этого не боюсь. Если вам мало одного суда, одного моего последнего слова, бу-

дет два, а после освобождения у меня будет свежий материал для нового интервью».*

Незадолго до этого В. Буковский дал интервью корреспонденту американской радиовещательной компании Си-Би-Си.** В этом интервью он говорил в частности:

«Суть нашей борьбы заключается в борьбе со страхом, который сковал общество со времени Сталина, страхом, который до сих пор не отпустил людей и из-за которого всё еще существует эта система диктатуры... Именно в борьбе со страхом мы напрягаемся максимально. В этой борьбе большое значение имеет личный пример... Мне кажется, что количество людей, понимающих необходимость открытого, гласного протеста против беззакония растет с каждым днем».

В психиатрические тюрьмы направлены сотни, если не тысячи, противников диктатуры, над которыми, по словам Солженицына совершили «кривую расправу без поиска вины, когда стыдно причину назвать». Некоторые не выдерживая инъекций, пыток обмоткой всего тела мокрой парусиной, которая сохнет, садится и душит связанного заключенного, не выдерживая постоянного пребывания среди настоящих душевнобольных, кончают жизнь самоубийством. Другие продолжают борьбу. Случаев капитуляции, духовной смерти мы не знаем.

Академику Вишневскому и доктору медицинских наук Портному, поднявшим в «Литературной газете» вопрос о том, не устарела ли «клятва Гиппократ-

* «Хроника текущих событий» № 14, от 30 июня 1970 г. См «Посев». Пятый спец. выпуск, 1970. Стр. 10. — Р е д.

** См. стр. 366-370.

та» надо сделать выводы из заверений в верности врачебной этике, которые они сделали от имени всех врачей нашей страны: пора перестать подавать руку врачам-клятвопреступникам, врачам-убийцам. Пора изгнать их из своей среды. Этого вправе ожидать от медицинской общественности страны Наталья Горбаневская, П. Г. Григоренко, Иван Яхимович.

Авраам Брамберг

СУМАСШЕДШИЕ ДОМА ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ В СССР

Дело известного биолога Жореса Медведева и выступления Владимира Буковского пролили яркий свет на один из наиболее гнусных методов борьбы с политическим инакомыслием в Советском Союзе: насильственное заключение в спецпсихобольницы.

Жоресу Медведеву еще «повезло». Под давлением общественного мнения внутри страны и за ее пределами советские власти освободили его из психобольницы, продержав там около трех недель (на основании того, что он проявлял признаки «чрезвычайной нервозности») и поблагодарив посадивших его врачей за исполнение их «гуманитарного долга».

Двадцатисемилетний писатель Владимир Буковский описал свои испытания в советском сумасшедшем доме сперва в интервью, опубликованном в «Вашингтон пост» от 17 мая, а затем, в записанном на пленку интервью с Уильямом Коулом, тогда корреспондентом радиовещательной компании Си-Би-Си в Москве. Буковский пока на свободе, по-видимому потому, что его дело получило широкую огласку, так же как и дело Медведева.

Авраам Брамберг — редактор журнала «Problems of Communism», выходящего в Нью-Йорке. Данная статья была напечатана в газете «Washington Post» 18 октября 1970 г. — Р е д.

Случаи Медведева и Буковского далеко не единичны. Сотни, а может быть, тысячи советских граждан были за последние годы отправлены в психобольницы только потому, что они защищали свои конституционные права — свободу слова, печати и собрания.

Данная статья — краткий отчет их испытаний, основанный на официальных советских источниках, на сообщениях западных корреспондентов в Москве, и на обширном материале Самиздата — статьях, письмах, петициях и книгах, подпольно распространяющихся в Советском Союзе в течение последних лет.

Особенно много материала почерпнуто из «Хроники текущих событий»,* замечательного подпольного бюллетеня, издающегося с поразительной регулярностью каждые два месяца с апреля 1968 года. Подробные сообщения «Хроники» о выступлениях с протестами в Советском Союзе и о мерах их подавления, никогда не опровергались советскими властями и их точность, во многих случаях, подтверждалась фактами.

СТАЛИНСКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Еще при Сталине абсолютно нормальным, но инакомыслящим людям стали затыкать рты, заключая их в психиатрические больницы. Согласно появившемуся в Самиздате письму С. П. Писарева,** члена коммунистической партии с 1918 года, орденос-

* См. «Посев», Первый и след. спец. выпуски, 1969 - 1970. — Р е д.

** См. стр. 334-342. — Р е д.

ного ветерана войны, также прошедшего некоторое время в тюремной психобольнице, ЦК КПСС назначил в 1956 году специальную комиссию для расследования злоупотреблений в «специальных психиатрических больницах» во времена Сталина. В результате этих расследований «сотни здоровых людей» были выпущены на свободу.

Комиссия также предложила перевести эти больницы из ведения КГБ в ведение Министерства здравоохранения. Однако это мероприятие, вместе с другими похвальными начинаниями первых лет послесталинской эры, оказалось чрезвычайно недолговечным.

Предложения были спокойно законсервированы, упомянутые в донесениях виновные остались на своих постах, а участники и инициаторы проведенной работы из аппарата ЦК удалены. Больше того, «спецпсихобольницы» получили новую возможность существования при Хрущеве, который считал, что только психически ненормальные люди могут быть несогласны с «волей коллектива». Процветают они и при его преемниках — Брежнев и Косыгине.

Кто же эти правонарушители, каков характер их «ненормального» поведения и на основании каких критериев заключают их в сумасшедшие дома? Прежде всего, это далеко не только «политические» преступники, даже в том широком смысле, в каком этот термин употребляется в СССР. «Под психиатрическое наблюдение» люди попадали просто за общение с западными туристами; такому же наблюдению подвергались алкоголики и верующие.

Практика помещения в психобольницы различных нарушителей общественного порядка, при помощи которой устраняется необходимость откры-

того суда и невыгодной гласности, получила настолько широкое распространение, что подверглась и официальной критике. Так, например, юридический эксперт А. Кобликов, выступая в апрельском номере «Советского правосудия» за 1967 год, утверждал, что помещать в психобольницы оправданных судом или уже отбывших свое тюремное заключение — «незаконно».

Но чаще всего в сумасшедшие дома заключают именно за «политическую деятельность» — от хранения и распространения материалов Самиздата до участия в демонстрациях протеста...

(Дальше в статье идет разбор шести характерных случаев заключений в спецпсихобольницы. Автор разбирает дела В. Гершуни, В. Новодворской, В. Кузнецова, В. Борисова, И. Яхимовича и В. Файнберга. Мы выпускаем эти разборы, так как даем их в первой и второй частях книги подробнее. — Р е д.)

УСТАНОВЛЕННАЯ СХЕМА

Главные участники каждой из этих отвратительных драм разыгрывают заранее назначенные им роли. Агенты КГБ производят обыск, арест и начальное расследование. Медицинские «эксперты» ставят ложный «диагноз». Наконец, суд подтверждает заключение докторов и тюремщиков и отправляет жертву в спецпсихобольницу, где она томится до «излечения», которое обычно не наступает, пока пациент не соглашается с тем, что у него какая-то форма психического расстройства.

Что касается защитников, то среди них есть и честные и храбрые люди. Однако они не могут сделать главного — разоблачить сами процессы как

политическое издевательство. Вместо этого им приходится прибегать к процессуальным уловкам, оспаривать состав «медицинской комиссии», возражать против формулировок диагноза, или доказывать, что наличие самиздатовского материала не свидетельствует о психической ненормальности.

Порою медицинские освидетельствования, от результата которых зависит судьба пациента, длятся не более 20 минут. Порою — растягиваются на месяцы. Но какова бы ни была их длительность, вся доступная для ознакомления с делом документация ясно показывает, что они не имеют никакого отношения к подлинной психиатрии. Опыт генерала Григоренко, арестованного в 1964 году, а теперь во второй раз находящегося в психобольнице, говорит о приемах, единственной целью которых была попытка принудить пациента отказаться от своих убеждений.

Он рассказывает о случае с московским крановщиком, распространявшим листовки с каррикатурой Хрущева. Как следователь КГБ, так и доктор говорили с ним только об одном — об отказе от его убеждений. При этом доктор оказался хуже следователя и разрисовал картину, как его заживо погребут среди сумасшедших, если он не отречется.

Еще более показателен случай с Владимиром Борисовым,* которому один из докторов сказал после ареста: «Послушайте, Борисов, вы же нормальный парень, неужели вам в сумасшедшем доме хочется быть? Смените свои политические убеждения!» Уже после перевода в больницу врач сказала жене Борисова, что ее муж «нуждается в лечении, потому что

* См. стр. 25. — Р е д.

ведет себя не так, как полагается нормальному человеку» (например, «много читает, делает выписки»).

Когда же жена Борисова возразила, что «это — не проявление болезни, а система взглядов», доктор ответила: «Может быть, но ему не повезло: он состоит на учете. Поэтому то, что для нормального человека — система взглядов, для вашего мужа — проявление заболевания».

В ОДНОЙ КАМЕРЕ С УБИЙЦЕЙ

Но все унижения, которым подвергаются обвиняемые до вынесения приговора, бледнеют по сравнению с тем, что ожидает их в психиатрической больнице. Так, например, 65-летний Григоренко, страдающий от ранений, полученных на войне, помещен в Черняховскую психобольницу, одну из самых ужасных среди учреждений этого рода. Его камера так мала, что в ней невозможно вытянуться, а сидит он в ней с сумасшедшим, убившим свою жену и находящимся постоянно в бредовом состоянии.

Владимир Буковский рассказал в своем интервью, как за резкие ответы или другие незначительные нарушения дисциплины заключенных жестоко избивают и делают им насильственные впрыскивания двух вызывающих боль и ослабляющих организм средств. Он рассказал также об «укрутке» пациента в мокрую парусину, которая сжимается при высыхании.

Подобные зверства — а «Хроника» рассказывает и о многих других — дают законное основание предполагать, что одна из целей заключения психически здоровых, но инакомыслящих людей в сумасшедшие дома, — это желание свести их действительно

с ума. Поэт и математик Александр Есенин-Вольпин в открытом письме Солженицыну от 20 июля 1970 г. касается этой ужасной возможности: «В сумасшедшем доме все средства психологического нажима и современной медицины могут быть обращены на попытки полной трансформации личности».*

Нет сомнения, что мучения, которым подвергаются заключенные под видом «терапии», могут довести их до полного психического изнеможения. В своей работе «О специальных психиатрических больницах» Григоренко говорит:

«Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он начинает понимать, что со временем может превратиться в одного из тех, кого он видит вокруг себя... Возможно, условия профессии, а может железное здоровье, которым наградили меня родители, позволили быстро приучить себя к самоизоляции от всего, что не имеет непосредственного отношения ко мне... И в этом отношении мое пребывание в этой больнице прошло без особого вреда для моей психики. Единственно, чего я не могу забыть, от чего иногда просыпаюсь по ночам, — это дикого ночного крика, смешанного со звоном разбитого стекла. От этого я изолироваться не мог. Во сне, видимо, нервы не защищены от таких воздействий. Но я представляю, что должен переживать человек, который все окружающее воспринимает прямо на открытую нервную систему, у кого не развиты, как у меня, защитные нервные функции».**

* См. стр. 347. — Р е д.

** П. Григоренко «О специальных психиатрических больницах» в книге Натальи Горбаневской «Полдень». Изд. «Посев», 1970. Стр. 467-469. — Р е д.

СУДЬБА ОППОЗИЦИОНЕРА

Не в одном Советском Союзе ко всякому проявлению оппозиции подходят с «клинической» точки зрения, считают всякого восстающего против общества в лучшем случае «полоумным», а в худшем — опасным психопатом. Но ни в одной стране это не приняло таких отвратительных форм, как в Советском Союзе. Один из самых возмутительных примеров — это приведенный в «Хронике»* случай с рижским студентом Ильей Рипсом, попытавшемся 13 апреля 1969 года поджечь себя в знак протеста против вторжения войск в Чехословакию. Его попытка не удалась, — несколько моряков бросились к нему и погасили пламя, а потом избили его.

Даже председатель Совета министров Косыгин, выступая на прессконференции в Соединенных Штатах в июне 1967 года, назвал Светлану Сталину морально шатким и больным человеком, а «Комсомольская правда» от 22 июля того же года отзывалась о ней, как о больной женщине, проявляющей признаки сексуальной неуравновешенности.

Другой, не менее характерный пример приведен генералом Григоренко. В 1964 году «наблюдавшая за ним» женщина-врач спросила его с глубочайшим удивлением, что толкнуло его на его «антигосударственные действия». Не получал ли он, в качестве председателя отдела кибернетики в Военной Академии им. Фрунзе баснословную зарплату, и чего ему еще не хватало?

«Я взглянул на нее — говорит Григоренко — и понял, что любой ответ бесплоден, что для нее че-

* № 8, от 30 июня 1969 г. См. «Посев», Второй спец. выпуск, 1969. Стр. 29. — Р е д.

ловек, идущий на материальные жертвы, неумоляем, какими бы высокими побуждениями он при этом ни руководствовался. Поэтому я ответил кратко: «Вам этого не понять. Мне дышать было нечем». Этот ответ был истолкован докторшей в буквальном смысле слова. У нее радостно блеснули глаза и она занесла ответ в блокнот. Наконец у нее было доказательство, что «перед ней — сумасшедший маньяк». Григоренко отмечает, что к выводу этому она пришла «в силу своей полной политической неграмотности и обывательской психологии».

13-й выпуск «Хроники текущих событий»* сообщает о появлении в Самиздате сборника Г. Шиманова, тридцатитрехлетнего философа, — «Перед смертью». Шиманов описывает свои переживания в сумасшедшем доме, куда его посадили за религиозные убеждения. «Хроника» говорит, что «сборник сопровождается двумя обращениями Г. Шиманова к советской и мировой общественности (датированы 24 февраля 1970 г.), в которых содержится призыв выступить против практики помещения психически здоровых людей в психобольницы за их оппозиционную настроенность».

Данная статья — доказательство наличия такой практики.

* От 30 апреля 1970 г. См. «Посев», Четвертый спец. выпуск, 1970. Стр. 32. — Р е д.

МЕДИЦИНА УБИВАЮЩАЯ

Открытое письмо Т. Великановой и В. Лашковой советским психиатрам

Вот уже год в Бутырской тюрьме находится Наталья Горбаневская, мать двоих маленьких детей, переводчица и поэт, чей талант признан и подтвержден Анной Ахматовой.

Вот уже полгода Наташа содержится в Бутырской тюрьме в камере для душевнобольных. В декабре 1969 года ее арестовали, а в июле 1970 года судили за изготовление и распространение документов якобы клеветнического содержания.

Экспертизой Института им. Сербского было признано что Наташа психически больна, то есть не-вменяема в отношении инкриминируемых ей действий. Несмотря на то, что в акте экспертизы не было указано ни одного конкретного симптома психической болезни, кроме необоснованной ссылки на равнодушие к детям и враждебность к матери, — Московский городской суд на основании этого заключения определил для Наташи принудительное лечение в специальной психиатрической больнице, то есть в больнице-тюрьме.

То, что проделали с Наташей, является по нашему глубокому убеждению, грубой расправой над ней. Мы, ее близкие друзья, давно и хорошо знаем Наташу, образ ее мыслей и действий, ее характер. И мы утверждаем, что заключение экспертизы неверно. Никаких признаков душевного заболевания мы у Наташи не наблюдали, а если бы таковые появи-

лись, мы первые приняли бы все необходимые меры для лечения ее.

Мы знаем, в противоположность утверждению экспертизы, что Наташа с нежной любовью и заботой относилась и относится к своим детям и матери (об этом свидетельствуют ее письма к ним), что литературные переводы, которые она выполняла с различных языков, давали ей возможность прокормить себя и свою семью. (Так, незадолго перед арестом Наташей по договору с издательством «Искусство» был выполнен перевод с польского языка искусствоведческой работы Татаркевича и получен гонорар в тысячу с лишним рублей, который и сейчас является источником существования для ее семьи).

Адвокат Каллистратова, защищавшая Наташу, сумела на суде показать, даже не будучи специалистом по психологии, противоречивость, невразумительность и прямую ошибочность заключения экспертизы. Но суд принял во внимание лишь подписи под медицинским диагнозом, аргументы защиты не опровергались, не разбирались — их просто пропустили мимо ушей. Нас могут упрекнуть в том, что мы не специалисты и поэтому не можем оспаривать диагноз экспертизы. Но ведь известно, что 19 ноября 1969 года, то есть всего за месяц до ареста, квалифицированная комиссия психиатров под председательством главного психиатра г. Москвы признала, что Наташа психическим заболеванием не страдает и в помещении в больницу не нуждается.

К тому же специалист-психиатр не имеет права пренебрегать мнением людей, близких к «больному»; специалист обязан дать аргументированный ответ на серьезные вопросы и возражения по существу диагноза, кто бы эти возражения ни выдвигал, —

слишком велика ответственность в данном случае, слишком рискованно ошибиться.

То, что произошло с Наташей, убеждает нас, к сожалению, не в том, что наши психиатры недостаточно квалифицированные медики, а в том, что они могут *умышленно* поставить неверный диагноз. Ведь подобные случаи уже были: известно, что разоблачая преступления периода культа личности Сталина, разоблачили и практику умышленно ложных психиатрических диагнозов. Известно, что некоторые из изоблаченных в этих преступлениях врачей остались на своих местах, а впоследствии даже были повышены в звании и должности.

Наташа Горбаневская оторвана от своих детей и, возможно, — навсегда. Помещение в больницу-тюрьму может обернуться для нее бессрочным заключением, невыносимым пребыванием в атмосфере *подлинного* безумия, возможно — агрессивного. Наташу могут подвергнуть, на основании лжедиагноза, такому лечению, которое погубит и ее талант и ее личность.

И деятельность врачей-психиатров может стать тогда страшным оружием *антимедицины*, то есть медицины убивающей, а не исцеляющей. Вспомним, что одной из самых главных для врача является заповедь: если не можешь помочь больному — не повреди ему.

Т. Великанова
В. Лашкова

Ноябрь 1970 г.

Наши адреса:

Москва, ул. Красикова, д. 19, кв. 86.

Великанова Т. М.

Москва, ул. Крапоткина, д. 13, кв. 9.

Лашкова В. И.

ОБРАЩЕНИЕ В. БУКОВСКОГО К ПСИХИАТРАМ

В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе и специального типа) людей, которые по мнению их родственников и близких друзей являются психически здоровыми. Это Григоренко, Рипс, Горбаневская, Новодворская, Яхимович, Гершуни, Файнберг, Кузнецов Виктор, Иофе, Борисов В. и др. — люди, известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР.

Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с напугавшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева.

Заключения судебных экспертов-психиатров, положенные в основу судебных решений, по своему содержанию вызывают ряд сомнений. Однако только специалисты-психиатры могут высказать авторитетное мнение о степени обоснованности этих заключений.

Пользуясь тем, что мне удалось получить точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении Кузнецова В., — я направляю вам эти документы, а также некоторые письма и материалы, характеризующие этих людей.

«Посев» № 3, 1971 г.

Буду вам очень благодарен, если вы заинтересуетесь этим вопросом и выскажете свое мнение.

Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания, либо утверждать отсутствие всякого заболевания.

Поэтому я прошу вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно-обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества.

Я буду очень рад, если вы сможете заинтересовать этим вопросом ваших коллег и сочтете возможным поставить его на обсуждение предстоящего Международного конгресса психиатров.

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице.

Я верю, что вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени — так же как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Заранее благодарю вас.

В. Буковский

28 января 1971 г.

Сергей Разумный

ЕЩЕ ОБ ОДНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА*

«... Помещение в психиатрическую больницу специального типа может быть назначено судом в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им общественно опасного деяния особую опасность для общества.

Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими нового общественно опасного деяния». (Уголовный кодекс РСФСР ст. 59 ч. 2.)

Цивилизованному обществу вряд ли известно, что за этими скупыми словами Уголовного кодекса скрывается одно из гнуснейших преступлений советского режима против человечности.

Прежде всего, кого и почему в Советском Союзе признают невменяемыми и душевнобольными?

Ст. 58 того же кодекса утверждает, что принудительное лечение может быть применено к

«...лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаяю-

* Статью эту мы перенимаем из Самиздата. См. также «Посев» № 2, 1971.

щей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими...»

Если это положение в большинстве случаев соблюдается (хотя тоже не всегда) в отношении уголовных преступников, то в отношении политических заключенных дело обстоит совершенно иначе.

Как известно, в Советском Союзе политические преступления отнесены к категории «особо опасных государственных преступлений». Наиболее часто инкриминируемая (вернее было бы сказать, почти всегда инкриминируемая) ст. 70 этого раздела гласит:

«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки».

В переводе на язык юридической практики это означает, что *каждый*, хранящий в своей библиотеке книгу нежелательного для властей содержания («хранение антисоветской литературы») может быть подвергнут заключению в концлагерь до 7 (семи!) лет. Минимальное наказание в 6 месяцев или 1 год

в Советском Союзе по данной статье практически никогда не применялось и существует чисто декларативно, подобно статье Конституции, гарантирующей «свободу слова». Точно такому же наказанию может быть подвергнут любой гражданин, если в частных письмах или в письмах, адресованных в редакции советских газет, он выражал недовольство существующим порядком («распространение антисоветской литературы»).

Точно такому же наказанию может быть подвергнут всякий, кто выражал устно недовольство теми или иными явлениями советской жизни («распространение клеветнических измышлений»).

«Равно как» и всякий, у кого обнаружены «крамольные» (любимое выражение чекистов) записи в дневниках, записных книжках и т. д. («изготовление антисоветской литературы»).

Причем, классификация преступности обнаруженных изданий целиком зависит от органов следствия, а порой просто даже от произвола следователей. Так, например, нам известно, что в одних случаях книга Шпенглера «Закат Европы» объявлялась «антисоветской литературой» и конфисковывалась, в других — ее не трогали.

Безусловно крамольными считаются все изданные за границей книги философского и исторического содержания, большинство произведений художественной литературы, книги религиозного содержания и т. д. Таким образом, путь за решетку широко открыт в СССР для всякого мыслящего человека.

Однако после «разоблачения культа личности» и после того, как широкой общественности стала известна часть (небольшая, впрочем) преступлений, совершенных советской властью в сталинский период, прибегать к старым средствам массового тер-

рора стало невозможно. Невозможно это стало и вследствие общего упадка и прогрессирующей слабости коммунистической диктатуры.

Поэтому, хотя старое террористическое законодательство полностью сохранилось (а стало быть, может в любое время вновь широко применяться) власть уже не рискует (вернее, в данный исторический период не может) применять его широко.

В настоящее время всё большее и большее число политических процессов, тщательно скрываемых советским режимом, становится достоянием широкой гласности и вызывает возмущение мировой общественности, что, в свою очередь, еще более подрывает и так уже очень сильно подорванные моральные позиции коммунистической диктатуры.

Поэтому после смерти Сталина наказанию через суд стали подвергаться лица, в отношении которых находили хотя бы самые незначительные, но формальные основания, могущие лечь в основу их обвинения. Это были члены весьма многочисленных подпольных или полуподпольных молодежных групп, которые, как правило, хотя и не совершали никаких действий, но которым можно было инкриминировать юридическое понятие умысла, или которые, в силу своей неопытности, запутанные следствием, признавали свою вину.

Это были люди, хранившие у себя одну-две, много-много три, книги заграничного издания, посвященные вопросам истории или философии, или воспоминания какого-нибудь деятеля Белого движения. Если эти люди признавали, что давали эти книги кому-либо читать, то налицо было и «хранение», и «распространение», и признание...

Однако у значительного числа лиц, попавших в сферу наблюдения КГБ и арестованных как «опас-

ные преступники», не удавалось добиться признания своей вины, как не было ни доказательств умысла, ни достаточного числа свидетельских показаний.

Например, в отношении А. известно, что он собирает книги. Известно также, что среди его многолетней библиотеки есть две антисоветских книги. После ареста обнаружены некоторые антисоветские записи в дневнике А. Получены также показания «честного советского человека» (штатного агента КГБ, провокатора и книжного спекулянта) об антисоветских настроениях и разговорах А.

Но во время следствия А. категорически отрицает свою вину. Наличие двух якобы антисоветских книг (допустим, «Философии неравенства» Бердяева и «Записок Врангеля») он объясняет не антисоветским умыслом, а тем, что собирает редкие книги. Следствие не может доказать обратного. Следствие не может также доказать, что А. давал кому-либо эти книги для прочтения, А. же, в свою очередь, категорически отрицает это. Свои записи в дневнике А. трактует не как политические, а как эмоциональные, носящие исключительно личный характер. В отношении записей также не доказано, что А. давал их кому-либо читать. Что же касается «честного советского человека», то, напротив, рядом свидетельских показаний доказывается, что он — спекулянт, к тому же обокравший А.

Дело подобного рода является типичным, массовым и характернейшим для следствия КГБ.

Как же в таком случае поступить следствию? Даже для советского суда доказательства, которыми располагает следствие, слишком неубедительны и шатки.

Безусловно, советский суд осудит и на основании

подобного рода «доказательств» (то ли еще было в сталинскую эпоху!), но проведение столь формально-юридически не обоснованного процесса было бы для власти в политическом отношении невыгодно.

Выпустить А. — тоже нельзя. Во-первых, агентурными данными точно установлено, что А. настроен антисоветски и поэтому он должен быть наказан, тем более, что А. в своем кругу человек влиятельный и уже поэтому он опасен. Во-вторых, выпустить А. значило бы скомпрометировать органы. Скомпрометировать как практически («не могут доказать вины, не умеют работать»), так и политически («хватают невинных людей, воскрешают сталинские методы»).

Приведем еще один характернейший и наиболее часто встречающийся в практике КГБ пример.

Некто Б. систематически рассылает в редакции советских газет и журналов письма с просьбой разъяснить то или иное «неразъяснимое». Например, почему Брежнев выступил с подхалимским приветствием «нашему дорогому и любимому Никите Сергеевичу» по поводу его 70-летия, а через несколько месяцев оказался во главе заговора против него. Или почему объявленное «временным» повышение (весьма значительное) цен на мясопродукты и масло до сих пор, спустя несколько лет, всё еще остается «временным».

Б. — рабочий. Агентурными данными выяснено, что он имеет влияние в цеху, критикует начальство, власти, знакомит со своими письмами рабочих.

После ареста Б. категорически отрицает свою вину. Он объявляет себя советским человеком. Его письма носили характер искреннего непонимания тех или иных мероприятий, либо недовольства теми или иными государственными деятелями пер-

сонально. Он решительно не понимает «почему у нас в самой свободной стране мира, можно критиковать секретаря цеховой парторганизации, но нельзя критиковать генерального секретаря КПСС». Он решительно не понимает почему его вообще арестовали «ведь он за советскую власть... он за советскую власть кровь проливал на фронте, он за коммунизм, но... разве коммунизм и Брежнев одно и то же?»

Выяснено, что Б. нигде и никогда не критиковал и не ругал ни советскую власть, ни коммунизм, наоборот, как в своих письмах, так и в разговорах с рабочими, он защищал коммунизм и советскую власть от искажений со стороны некоторых облеченных властью лиц. Но, с другой стороны, хотя не полностью и не во всем, он сочувствовал Мао в его борьбе против перерожденцев...

Осудить Б. по обвинению в «антисоветской деятельности» трудно. Б. открыто обращался в советские газеты, в партийные органы, даже в ЦК. Б. не вел никакой подпольной работы. Б. критиковал лица, но не строй, напротив, он даже всегда подчеркивал это. Критика не была «клеветнической» (т. е., говоря обычным языком, откровенной, самостоятельной), критика была на основе советской же печати. Нельзя же советскую газету только потому, что она вышла в прошлом или позапрошлом году объявить клеветнической!

Выпустить Б. — тоже нельзя, уже хотя бы по тем соображениям, что и А.

Случаи, приведенные здесь, не только типичны и характерны (подобных А. и Б., с теми или иными вариациями, встречается много в практике КГБ, но А., как и Б. реально существующие люди, и в наших последующих статьях мы, может быть, со-

чем возможным сообщить их настоящие фамилии).

Как же поступает КГБ в случаях, подобных А. и Б.?

Предусматривая подобные случаи, и существуют цитируемые выше ст. ст. 58 и 59 УК РСФСР. В кодексах других союзных республик имеются соответствующие статьи. Оговоримся заранее: то, что в качестве больных в эти спецбольницы попадают здоровые или в легкой форме больные люди, отнюдь не означает, что все обитатели этих больниц именно таковы. Наоборот, от 70% до 80% обитателей спецбольниц не только больные, но и глубоко больные люди. Помещение в их среду здоровых или людей со слабо развитым нервным или психическим расстройством — самое гнусное преступление советского режима, так как общение с больными самым губительным образом действует на две последних категории.

В сталинское время подобного рода больница была в РСФСР (на европейской ее части) только одна — в Казани. Сталинский режим не нуждался в юридическом декоруме: в лагерях гнили миллионы без всяких «каких-то там юридических формальностей». Поэтому небольшие или полубольные попадали в Казань только в исключительных случаях, как, например, находился там с 1941 по 1956 г. бывший президент Эстонии Пятс. В 1956 г. его вывезли в Вильянди и поместили там в дом для престарелых. Однако его местопребывание стало известно эстонскому населению и вызвало настоящее паломничество, и он вновь был увезен в неизвестном направлении.

Кроме Пятса в сталинские годы находились в Казани еще два тайных узника, имена которых не

знал даже тюремный персонал. Числились они под номерами и их фамилии были известны лишь начальнику и оперуполномоченному.

В сталинскую эпоху больница в Казани официально называлась «Тюремной больницей НКГБ СССР» и предназначалась исключительно для больных политзаключенных, особо опасных для режима. Условия в этой «больнице» почти ничем не отличались от лагерных. Систематические издевательства; каждодневные избиения; карцер на хлеб и воду; 12-часовая обязательная работа; за отказ от работы — избиение на глазах у всех и карцер, с последующим переводом в закрытое отделение с содержанием в одиночке или в «двухместной» камере. Голод ужасный, каждодневный. Люди умирали ежедневно. Умирали от голода, умирали от избиений.

Во главе «больницы» стоял начальник и его помощник, оперуполномоченный. Главврач не играл почти никакой роли. Раз в год или раз в два года из Москвы приезжала «комиссия» и привозила готовые решения. Минимальный срок пребывания, независимо от состояния здоровья, — три года. Конечно, этот срок не был открыто объявлен, но это был реальный минимальный срок. Средний срок был пять лет, многие, кто выдерживал, сидели по 10, 15, а то и по 20 лет. Перевод в обычную «гражданскую» больницу осуществлялся лишь после того, как больной на протяжении 2-3, а то и 5 лет находился в непрерывном бредовом состоянии. Через 3 года освобождалось самое незначительное число заключенных.

После смерти Сталина положение изменилось. Новая власть слишком слаба морально, да и физически (времена все же не те!), для открытого проведения террора. Она вынуждена прибегать к ка-

кому-то подобию законности. Для расправы же с теми, в отношении кого применить это подобие законности трудно, искать другие, тайные методы расправы.

Одним из таких тайных методов расправы и было учреждение так называемых специальных психиатрических больниц. Этот метод дает ведь еще и возможность унижить, скомпрометировать противника, что особо любо советско-коммунистическим прохвостам, как известно, с первых дней своего пребывания у власти специализировавшихся на клевете и безудержной травле своих политических противников.

Больницы эти, зафиксированные теперь в кодексе, получили широкое развитие после смерти Сталина. В настоящее время они существуют в каждой союзной республике.

Главными такими больницами в европейской части РСФСР в настоящее время стали: расширенная больница в Казани, на Ершовом поле, и в Ленинграде на Арсенальной улице в помещении бывшей женской тюрьмы.

Главный поставщик больных, направляющий их в эти спецбольницы, — Институт судебной психиатрии им. Сербского в Москве, в Кропоткинском переулке. Политзаключенные находятся на 5-ом отделении этого Института, руководит которым проф. Д. Р. Лунц.

Кроме главного поставщика психобольницы в Казани — Института, — больные попадают туда еще из Горького (там при больнице есть отделение для экспертизы), из Свердловска (то же самое) и из самой Казани. Это, так сказать, прикрепленный к Казани район.

В Ленинград, кроме как из Института им. Сербского,

больные поступали из экспертного отделения самой спецбольницы, а сейчас из экспертного отделения 2-й психобольницы.

До 1960 года в спецпсихобольницах Казани и Ленинграда находились исключительно политзаключенные. Уголовных посылали на спецотделения обычных психобольниц. С 1960 года туда стали поступать и уголовные. В настоящее время большинство больных з/к в обеих больницах составляют уголовные.

Структура осталась приблизительно той же, что и при Сталине. Во главе больницы стоит начальник, подчиненный специальному отделу больниц и лечебных учреждений Министерства внутренних дел. Вместо оперуполномоченного — спецотдел. Возросла роль главврача, который обладает частично даже и административной властью. Во главе отделения стоит начальник. До 1967 года врачи были как имеющие воинское звание — аттестованные, так и вольнонаемные, не имеющие воинских званий. Теперь аттестация стала обязательной. Все — от сестер и фельдшеров — имеют звания и числятся на службе МВД. Этим «повышается» роль и ответственность медицинского персонала.

Минимальный срок для политзаключенных от одного года до пяти лет. Средний — три года. 90% поступают из Москвы из Института им. Сербского.

Вот типичный путь «больного».

После того, как принято решение об отправке на экспертизу, больной отвозится на тюремной машине — «воронке» — в Институт. Экспертиза длится месяц или больше (до трех-четырех месяцев). Признание больным или здоровым зависит исключительно от политической целесообразности. Нередки случаи, когда явно больных людей отправляли в ла-

герь и вновь возвращали оттуда спустя полгода или год, но уже в совершенно безнадежном состоянии. Нередко бывало и наоборот. Людей здоровых, или обладающих весьма незначительными психическими отклонениями от нормы признавали душевнобольными. В таких случаях основанием для признания больным может послужить, например, контузия, полученная двадцать лет назад на фронте или истерия, бывшая в молодости у бабушки (каковы генетики товарищи большевики!). Хочу еще раз подчеркнуть, что большинство признанных больными действительно больны, но признание их таковыми тоже дело «целесообразности (работать в лагере не может, а болтать может чёрт знает что! Да и узнают все, что бредовых больных держат в лагере). Если же — а такие случаи нередки — человек явно болен, но у него слишком «большое дело», его признают здоровым и везут на расстрел.

Если после месячного обследования арестованный признан больным, то в акте комиссии Института судебной психиатрии им. Сербского появляется следующая стереотипная фраза:

«...признать больным, из под стражи освободить и направить на излечение в Ленинградскую спецбольницу МВД СССР» (или, соответственно, в Казанскую).

Дальше события происходят следующим образом: через три-семь дней после комиссии арестованного (независимо от того действительно ли он тяжелый бредовый больной или только «признан» больным) на обычном тюремном «воронке» с обычной тюремной охраной увозят... обратно в тюрьму. Для политзаключенных это, обычно, Лефортово. Вернувшегося помещают в одиночку. Спустя некоторое время ему объявляют, что он признан больным и должен

ждать в тюрьме решения суда, ибо по советскому праву экспертиза лишь признает больным, а на принудление посылает суд. Формально суд может не согласиться с заключением комиссии и послать больного на новую экспертизу. Таким образом, «освобожденный из под стражи» сидит в одиночке и ждет решения суда. Решение суда никогда не бывает раньше, чем через месяц. Но для больных было бы величайшей радостью, если бы все ограничивалось одним только месяцем одиночного заключения.

После того, как суд направит на принудление, (скажем, в Ленинград), больной по-прежнему продолжает сидеть в одиночке. После суда проходит месяц, два, три, он всё сидит. Ему и его родным объявляют, что в больнице якобы нет мест. На самом деле места в больнице всегда есть, и это не что иное, как предлог для сознательно рассчитанного мучения людей, официально признанных невменяемыми, т. е. не отвечающими за свои поступки, людей не только не подлежащих наказанию, но формально освобожденных от него!

После неоднократных протестов, как со стороны больного, так и его родственников с воли, к нему в камеру помещают «напарника». Однако отъезд его в больницу не ускоряется от этого и он по-прежнему несет все тяготы тюремного режима. Единственная привилегия, которую он теперь получает, это — право лежать днем, да еще прогулка увеличена с часу до двух.

Ожидание места в больнице никогда не бывает меньше четырех-пяти месяцев. Это — самый минимальный срок тюремного наказания для признанных больными. Обычный же средний срок шесть-

восемь месяцев. Были случаи, что люди ждали и по году.

Наконец этап. Больных сажают в тот же тюремный «воронок» в маленький боксик, где буквально нечем дышать...

В «больницу» «освобожденных из-под стражи» везут в обычном этапном вагоне в обычной клетке-купе, с обычным конвоем и вместе со всеми остальными арестантами. Также «обычно» встречает на запасных путях «воронок» и также «обычно» задыхающихся в боксике везут по городу.

А вот и больница. Мрачные темные корпуса с маленькими зарешеченными окошечками. Это — Ленинградская спецпсихобольница. Вновь прибывших проводят в баню и вместо их одежды выдают тюремную форму — серые куртки и брюки, ватники с номерами на рукаве, серые высокие кепи или ушанки (по сезону).

Сначала — 1-ый корпус. Здесь — те же одиночки или двухместные камеры, как и в Лефортове. Только в Лефортове прогулка для больных — два часа, здесь же, в больнице, — один час. Камеры целые сутки на замке. Свидание — один час в две недели в присутствии тюремного надзора и фельдшера. В коридорах двойная охрана, обычный тюремный надзор и санитарка. Кроме того, в кабинете есть сестра, а по всему корпусу — старший надзиратель — («корпусной»).

Пища несколько лучше, чем в тюрьме. Передачи два раза в месяц. После нескольких месяцев (а иногда и лет) пребывания в 1-ом корпусе, больных для «прохождения службы» переводят во 2-ой корпус. Во 2-м корпусе также сутками закрыты камеры, только в них больше народу — человек 6-10; некоторым разрешено ходить в переплетные или

портняжные мастерские; ну и та же часовая прогулка, — она везде, по всей больнице, на всех отделениях одинакова.

Во втором корпусе есть своя достопримечательность — Виктор Валерьянович или просто Валерьяныч. Валерьяныч — фельдшер по образованию, садист по призванию. Имя его окружено легендами. Когда он приходит на дежурство, стон стоит по всему отделению. Не было случая, чтобы он, проходя мимо больного, не ткнул его ключом под ребра. Но это «так», «ласка». Главная забава Валерьяныча — вызвать двух больных в ванну и заставить одного избивать другого. Вот это потеха! Валерьяныч хохочет, упершись руками в бока. Обычно Валерьяныч делает это каждый день с утра. Не брезгует Валерьяныч и собственноручной расправой. Бьёт в кровь. Бьёт до потери сознания. Бьёт отнюдь не тех, кто «нарушает режим» или противоречит ему, напротив, бьёт слабых и бредовых больных, этих ведь бить безопасно, они не отомстят. О «художествах» Валерьяныча хорошо известно и врачам и главврачу... Что же касается начальника больницы полк. Блинова, то Валерьяныч его протеже, любимец.

Во 2-ом корпусе два отделения: терапевтическое и выздоравливающее. На выздоравливающем «выздоровливают» год, два, а то и три.

Средний срок пребывания для политзаключенных теперь снижен — три года, минимальный — полтора.

Выздоровливающее отделение привилегированное. Там камеры закрываются только на ночь, а по вечерам даже можно смотреть телевизор. В остальном режим тот же. Выздоровливающее отделение — понятие очень относительное, среди выздоравливающих больных есть бредовые больные,

находящиеся в состоянии активного бреда по 5 лет. В то же время на лечебных отделениях находятся люди здоровые, не подвергающиеся никакому лечению и сравнительно скоро освобождаемые, однако они содержатся вместе с бредовыми тяжелыми больными.

Каждый, хоть немного знакомый с современной психиатрией, хорошо знает, что подобный варварский режим отнюдь не вызван мерами безопасности. Современные препараты практически уничтожили «буйные отделения». Тюремный же режим для душевнобольных давно клеймен как пережиток варварства и бесчеловечность.

По закону комиссия приезжает (опять приезжает) из Москвы из Института два раза в год. Фактически же она «опаздывает» и бывает раз в год, хорошо если немного раньше — через 9-10 месяцев.

Таким образом, человек, успевший за это время выздороветь или войти в состояние стойкой ремиссии, должен по-прежнему находиться среди душевнобольных и ни много ни мало около года.

Но и после того, как комиссия признала з/к «достойным» выписки, т. е. либо объявила его выздоровевшим, либо передала на поруки родным, мучения больного не кончены и до воли ему так же далеко, как было далеко до больницы в то время, когда его признали больным.

Сначала все акты идут в Институт. Там они регистрируются, с них снимают копии и т. д. Потом они поступают в Министерство внутренних дел, в соответствующий отдел, потом на утверждение прокурора и уже после этого — в суд, где они лежат на очереди не меньше месяца. Таким образом, вся процедура занимает в среднем пять-шесть месяцев,

самое минимальное два-три месяца, а бывают случаи, когда «выписанные» ждут около года...

Таким образом люди, дважды признанные освобожденными, продолжают сидеть за тюремным замком четыре-пять месяцев. Мало этого! Люди, признанные выздоровевшими, продолжают месяцами, а то и целый год находиться вместе с тяжелобольными людьми. Бывали случаи, когда люди не выдерживали пытки ожиданием и вновь впадали в психоз, что, в свою очередь, приводило к задержке их до новой комиссии, которая продлевала пребывание несчастных на новый срок.

Насколько признание больными и выздоровевшими носит произвольный характер, видно хотя бы из следующих фактов:

Некто Ременцов, арестованный в 1956 году за незаконный переход границы, обвинен в измене родине по ст. 58¹. Экспертизой Института им. Сербского он признан больным и направлен в Ленинградскую спецпсихобольницу. Выписан через три года на поруки и под надзор райпсихиатра. Диагноз — шизофрения (т. е. болезнь, определяемая как процесс). В 1960 году вновь арестован по обвинению в хранении антисоветской рукописи. Вновь признан больным. Диагноз тот же — шизофрения. Однако спустя два года (два года!) после нового пребывания в спецпсихобольнице диагноз изменен на психопатию, Ременцов признан вменяемым и увезен на следствие. Настоящее основание этого дела заключалось в том, что следствию понадобился Ременцов в качестве свидетеля по его связям с арестованными людьми.

Генерал Григоренко обвинен по ст. 70. Признан больным. Отправлен в спецпсихобольницу. Освобожден через полтора года. Однако, несмотря на то,

что он был признан невменяемым, не отвечающим за свои действия человеком, он был разжалован, генеральское звание с него снято, исключен из партии, на работу, несмотря на инженерный диплом, его никуда не принимали и он вынужден был работать на переработке овощей. Затем он был арестован по делу крымских татар, и поскольку ему нечего было вменить в вину судом признан невменяемым (хотя данные двух экспертиз не сходились) и помещен в новую спецбольницу в г. Черняховске (Калининградская область).

Находившемуся в Ленспецбольнице М. А. Нарице было предложено публично осудить свою книгу, после чего ему обещали сразу же признать его здоровым. После отказа Нарицы его продержали в спецпсихобольнице три года.

В. Буковский провел в Ленспецбольнице полтора года по обвинению в хранении книги Джиласа «Новый класс». Выписан он был на поруки матери под надзор райпсихиатра и с инвалидностью 2-ой группы. Это не помешало, когда стало юридически выгодным (руководство открытой демонстрацией в защиту арестованных Галанскова, Добровольского, Гинзбурга), признать его полностью вменяемым (Ещё бы! ведь юридическое обоснование вины налицо! К тому же только что указ соответственный издан!) и осудить на три года концлагеря.

Кроме двух спецпсихобольниц для европейской части РСФСР имеется еще спецколония в г. Сычëвке, Смоленской области. Практически это «вечная койка». Посылают туда после пребывания в Ленинградской или Казанской спецпсихобольницах. Формально решение об отправке в Сычëвку выносит выездная комиссия Института им. Сербского. Фактически участь больного predetermined заранее.

Формально в Сычёвку отправляют хроников, у которых нет родных. Фактически — всех неугодных и особо опасных с точки зрения режима. Отправкой в Сычёвку пугают (и осуществляют свою угрозу иногда) тех, кто не желает отречься от своих взглядов.

Режим в Сычёвке так засекречен, что о нем мало известно даже врачебному персоналу спецпсихобольницы.

Мы обращаемся к общественному мнению цивилизованных стран. Мы надеемся, что оно возвысит свой голос против варварского, преступного обращения с душевнобольными в Советском Союзе, против гнусного, преступного использования понятия вменяемости и невменяемости в политических целях.

Бесчеловечное, преступное насилие над людьми в СССР превосходит всякую меру. Никто не имеет элементарных законных прав на защиту. ЭТО ХУЖЕ, ЧЕМ ФАШИЗМ, ЭТО — КОММУНИЗМ. КОММУНИЗМ В ДЕЙСТВИИ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Приложение 1

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Советское законодательство и организация психиатрической помощи населению обеспечивают широкие возможности для объективной, научно обоснованной судебно-психиатрической экспертизы.

Наше законодательство уделяет большое внимание вопросам экспертизы. Проведение судебно-психиатрической экспертизы регламентировано рядом статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик и инструкциями Министерства здравоохранения СССР.

На практике поводом для назначения экспертизы являются ходатайства родственников обвиняемого, его самого, адвоката, факт обращения в прошлом к врачебной психиатрической помощи, перенесенные в прошлом мозговые заболевания или задержка развития в детстве. При отказе в ходатайстве об экспертизе, что в действительности бывает весьма редко, следователь обязан вынести об этом мотивированное постановление.

Свидетельские показания о странностях в поведении обвиняемого, потерпевшего и других, собственные впечатления следователя и состава суда о поведении этого лица являются основанием для сомнения в его психической полноценности. Наконец, сам характер правонарушения, его кажущаяся

Д. Р. Лунц «Советская судебная психиатрия». — Москва, Изд. «Знание», 1970. Стр. 29-32.

безмотивность или чрезмерная жестокость в ряде случаев являются поводом для экспертизы.

Правда, следует помнить, что все перечисленные обстоятельства являются лишь основанием для сомнения в психической полноценности и назначения экспертизы. Однако они сами по себе отнюдь не являются доказательством психической болезни. Преступления, совершенные с особой жестокостью, могут быть следствием антисоциальных установок преступника (например, злостного рецидивиста).

В некоторых случаях такой жестокости — нанесению множественных ножевых ранений своей жертве, ее обезображиванию — способствует алкогольное опьянение. Вот почему ни жестокость, ни кажущаяся безмотивность преступления, ни «чуждость» совершенного деяния личности в ее обычном трезвом состоянии не могут рассматриваться как признаки психического заболевания, если нет никаких других симптомов психических расстройств.

Судебно-психиатрическая экспертиза назначается как в стадии предварительного расследования и в период судебного рассмотрения дела, так и во время отбывания наказания. Этим обеспечивается выявление психических заболеваний, которые могли возникнуть и после совершения преступления или не были выявлены своевременно, в период предварительного следствия.

Назначая экспертизу, следователи и суды предоставляют в распоряжение психиатров-экспертов необходимые им материалы уголовного дела, медицинские документы, которые служат дополнительными объективными материалами, характеризующими психическое состояние подэкспертного. Эксперты могут поставить вопрос о получении добавочных материалов, например, дополнительных допросов свиде-

лей или более развернутых характеристик, которые более полно обрисовали бы особенности личности подэкспертного и его поведение в тот или иной период времени. Это бывает особенно важно в тех случаях, в которых возникает предположение о временном болезненном расстройстве психической деятельности в момент правонарушения, которое ко времени экспертизы уже не наблюдается. Тогда различные «нюансы» поведения и речи обвиняемого, характер его взаимоотношений с окружающими, которые наблюдались у него при совершении правонарушения, являются опорными пунктами для суждения о психическом состоянии и, следовательно, о вменяемости.

Судебно-психиатрическая экспертиза проводится, как правило, не единолично, а комиссионно и только врачами-психиатрами. Она находится в ведении органов здравоохранения. Проводится она при психиатрических больницах или невропсихиатрических диспансерах, где созданы постоянные судебно-психиатрические комиссии и специальные экспертные отделения. В наиболее трудных и ответственных случаях, а также при расхождении во мнениях между экспертами подэкспертные могут быть направлены следственными органами и судами в Центральный научно-исследовательский институт судебной психиатрии им. В. П. Сербского (Москва).

Судебно-психиатрическая экспертиза осуществляется наиболее часто в ее двух видах — амбулаторной и стационарной. Проводится она также в кабинете следователя и в судебном заседании. Возможно и проведение заочной экспертизы.

Стационарная экспертиза проводится в тех случаях, когда трудно распознать болезнь или определить ее тяжесть. При подозрении на сифилис,

почти всегда необходимо стационарное обследование. Специальные лабораторные исследования спинномозговой жидкости, биоэлектрической активности мозга (электроэнцефалограмма) можно провести только в условиях стационара. Стационарной бывает, как правило, повторная экспертиза.

При всех преимуществах стационарного обследования нельзя недооценивать и амбулаторную экспертизу не только вследствие ее оперативности, но и потому, что ряд подэкспертных не нуждается в стационарной экспертизе. Их судебно-психиатрическая оценка может быть осуществлена при однократном освидетельствовании, особенно в случае хорошо собранных материалов.

В судебное заседание психиатров-экспертов вызывают обычно после проведения амбулаторной или стационарной экспертизы для выяснения тех или иных неясных для суда положений, касающихся психического состояния обвиняемого, при дополнительно возникающих вопросах, а также при расхождении экспертов во мнениях.

Говоря об экспертизе в гражданском процессе, мы упоминали об одном из видов заочной экспертизы — о посмертной. Заочная экспертиза проводится только по материалам дела, что требует очень тщательного их собирания. Большое значение имеет в таких случаях письменная продукция того лица, о котором идет речь — письма, рукописи, дневники.

Результаты экспертизы оформляются в виде акта судебно-психиатрической экспертизы, представляющего экспертное заключение. Оно является одним из видов судебных доказательств и потому подлежит оценке судом, которому и принадлежит право окончательного решения вопросов вменяемости, дееспособности и т. д.

При несогласии с экспертным заключением назначается повторная экспертиза, однако следователь или суд обязаны мотивировать это свое несогласие.

Значительное количество повторных экспертиз возлагается на ЦНИИ судебной психиатрии им. Сербского. Вместе с тем следует сказать, что инстанционности в практике судебно-психиатрической экспертизы нет. Заключения, вынесенные сотрудниками Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии им. Сербского и экспертами психиатрической больницы, с формально-правовой точки зрения равноценны. Экспертные заключения оцениваются в зависимости от их научной убедительности и соответствия фактическим данным уголовного или гражданского дела.

Таким образом, в нашей стране судебно-психиатрическая экспертиза организована на основах строго научного исследования и представляет одну из наиболее сложных и ответственных форм психиатрической практики. Она не является ареной состязаний экспертов, как это имеет место, например, в Англии и США, где эксперты приглашаются сторонами судебного процесса и, следовательно, зависят от них.

Организационные формы советской судебной психиатрии дают реальные гарантии охраны прав психически больных, ограждая их от осуждения, и создают условия для обоснованных заключений о психическом состоянии тех лиц, которые подвергаются освидетельствованию.

Перед советской судебной психиатрией стоит широкий круг задач научно-исследовательского и практического характера. Ее дальнейшее развитие тесно связано с работой органов юстиции по обеспечению социалистического правопорядка, правовых гаран-

тий личности и с деятельностью психиатрической помощи по социальной реадaptации психически больных. И в том и в другом направлении советская судебная психиатрия не только оказывает практическую помощь, но и обогащает своими исследованиями смежные с ней области науки, изучая патологические изменения психической деятельности человека.

Приложение 2

СТАТЬИ ИЗ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР

Статья 58. Применение принудительных мер медицинского характера к душевнобольным

К лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, судом могут быть применены следующие принудительные меры медицинского характера:

- 1) помещение в психиатрическую больницу общего типа;
- 2) помещение в психиатрическую больницу специального типа.

Статья 59. Помещение в психиатрическую больницу

Принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа может быть применено судом в отношении душевнобольного, который по психическому состоянию и характеру совершенного общественно опасного деяния нуждается в больничном содержании и лечении в принудительном порядке.

Помещение в психиатрическую больницу специального типа может быть назначено судом в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им общественно опасного деяния особую опасность для общества.

Лица, помещенные в психиатрическую больницу специального типа, содержатся в условиях усиленного надзора, исключающего возможность совершения ими нового общественно опасного деяния.

Статья 60. Назначение, изменение и прекращение применения к душевнобольным принудительных мер медицинского характера

Суд, признав необходимым назначить принудительную меру медицинского характера, избирает ее вид в зависимости от душевного заболевания лица, характера и степени общественной опасности совершенного им деяния.

Прекращение применения принудительных мер медицинского характера производится судом по заключению лечебного учреждения в случае выздоровления лица или такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер.

Изменение вида принудительной меры медицинского характера также производится судом по заключению лечебного учреждения.

Если суд не сочтет необходимым применение к душевнобольному принудительных мер медицинского характера, а равно в случае прекращения применения таких мер, суд может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении.

*Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда**

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

* Редакция Закона Верховного совета РСФСР от 25 июля 1962 г., опубликованного в «Ведомостях Верховного Совета РСФСР» 1962 г., № 29, стр. 449.

ДОПОЛНЕНИЕ к УК РСФСР

Дополнить главу девятую «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса РСФСР статьями 190¹, 190², 190³ следующего содержания:

Статья 190¹. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Статья 190². Надругательство над Государственным гербом или флагом

Надругательство над Государственным гербом или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики —

наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до пятидесяти рублей.

Из Указа Президиума Верховного совета РСФСР от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР», опубликованного в «Ведомостях Верховного совета РСФСР от 22 сентября 1966 г.

Статья 190³. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок

Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

Приложение 3

**СПИСОК ЛЕКАРСТВ,
ПРИМЕНЯЕМЫХ В СПЕЦПСИХОБОЛЬНИЦАХ**

1. Аминазин — гидрохлорид 2-хлор-10 (3-диметил-аминопропил) — фенотиазина.
2. Трифтазин — 10-[3-(1-метил-4-пиперазинил-4)-пропил]-2-трифторметилфенотиазина-дигидрохлорид.
3. Тизерцин — 3-метокси-10 (2'-метил-3'-диметил-аминопропил) — фенотиазина.
4. Галоперидол — 4'-фтор-4-(1-[4-окси-4-(4'-хлор)-фенил-пиперидино]-бутирофенон.
5. Мелипрамин — гидрохлорид N'-(γ-диметиламинопропил)-иминодибензила.
6. Циклодол — гидрохлорид-1-фенил-1-циклогексил-3-N-пиперидил-пропанола.

В справочниках, инструкциях и руководствах указываются осложнения и побочные явления, возникающие после приема производных фенотиазина и бутирофенона (аминазин, галоперидол и их аналоги): токсические воспаления печени, повышение внутриглазного давления, колебания артериального давления, напряжение и судороги мышц, головные боли, слабость, снижение настроения, сухость во рту.

Сходные явления могут наблюдаться при приеме мелипрамина и других производных иминодибензила.

Циклодол и его аналоги употребляются обычно для ликвидации мышечных нарушений, возникающих после приема аминазина, галоперидола и других лекарств этой группы.

Сульфазин — однопроцентный стерильный раствор очищенной серы в персиковом масле — при внутримышечном введении вызывает резкий подъем температуры, тяжелое лихорадочное состояние. Его применение оправдано лишь в некоторых, тяжелых случаях шизофрении и прогрессивного паралича.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 7

ЖЕРТВЫ

Бополов, Москва	19
В. Борисов, Владимир	20
В. Борисов, Ленинград	24
В. Буковский, Москва	34
Ю. Вишневская, Москва	37
О. Воробьев, Москва	41
Ю. Галансков, Москва	43
В. Гершуни, Москва	45
Н. Горбаневская, Москва	50
П. Григоренко, Москва	80
Н. Данилов, Ленинград	121
А. Добровольский, Москва	122
П. Егидес, Ростов-на-Дону	124
А. Есенин-Вольпин, Москва	127
Ильин, Ленинград	134
О. Иофе, Москва	136
В. Кайдан, Москва	143
Т. Каллас, Таллин	145
В. Карасев, Москва	146
Б. Кузнецов, Пушкино	147
В. Луканин, Рошаль	157
Ю. Мальцев, Ленинград	158

Ж. Медведев, Обнинск	167
М. Нарнца, Ленинград	177
В. Новодворская, Москва	181
В. Овечкин, 1904-1968	184
Царамонов, Таллин	186
Р. Пименов, Ленинград	187
С. Писарев, Москва	188
И. Рипс, Рига	189
В. Севрук, Ленинград	192
В. Тарсис, Москва	193
В. Файнберг, Москва	195
Г. Фейгин, Рига	204
И. Яхимович, Юрмала	206
Pro memoria	224

СВИДЕТЕЛЬСТВА

П. Патрушев. Не могу молчать!	229
Показания В. Я. Тарсиса	234
Наталья Горбаневская. Бесплатная медицинская помощь	250
П. Г. Григоренко. О специальных психиатрических больницах («дурдомах»)	282
Психэкспертиза (Глава из книги Натальи Горбаневской «Полдень»)	295
Записки П. Григоренко. Краткая хроника	300
С. Писарев. Письма	334
А. Есенин-Вольпин. Вечную ручку Петру Григорьевичу Григоренко!	346

Заявление Владимира Буковского корреспонденту американской телевизионной компании Коламбиа Бродкастинг Корпорэшен	366
М. Нариза. Палата № 25	371
Обращение Виктора Файнберга	381

ОТКЛИКИ

Вот как мы живем. Открытое письмо А. Солженицына	403
Бернар Ферон. Психиатры — сотрудники милиции	405
А. Марченко. Дурдом	406
Значит ты сумасшедший (из газеты «Обсервер»)	412
Характерный симптом нашего времени (Заявление Андрея Амальрика)	414
О принудительной госпитализации в психиатрические больницы (из самиздатовского сборника «Общественные проблемы»)	416
Виктор Зоза. Сумасшедший дом для несогласных	428
Обращение З. М. Григоренко	433
«Хроника» о методах психорепрессий	436
С. Кирсанов. Врач — высокое призвание	441
«Клятва Гипократа» и лицемеры из Академии медицинских наук	450
Авраам Брамберг. Сумасшедшие дома для уничтожения инакомыслия в СССР	458
	507

Медицина убивающая. Открытое письмо Т. Великановой и В. Лашковой советским психиатрам	467
Обращение В. Буковского к психиатрам	470
Сергей Разумный. Еще об одном преступлении советского режима	472

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1. Организация и проведение судебно-психиатрической экспертизы</i>	493
<i>Приложение 2. Статьи из Уголовного кодекса РСФСР</i>	498
<i>Приложение 3. Список лекарств, применяемых в спецпсихобольницах</i>	502